

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

АЛЕКСЕЙ ОЛЕЙНИКОВ

Алексей Олейников
Русское военное искусство
Первой мировой

Введение

История военного искусства, являющаяся составной частью военной истории, исследует возникновение и эволюцию форм и способов ведения вооруженной борьбы, обобщает опыт войн, изучает процесс развития военного искусства и вскрывает его закономерности, создавая тем самым основу для развития современной военной теории.

В этой книге исследовано военное искусство на Восточном (Русском) фронте Первой мировой войны 1914–18 гг. на основе совокупности его элементов, в числе которых: тактика, оперативное искусство, стратегия.

Военное искусство русской армии этого периода рассмотрено комплексно – на основе исследования совокупности входящих в него элементов, ранее недостаточно и всесторонне исследованных.

Проанализированы особенности маневренного и позиционного периодов боевых действий, присутствуют показательные примеры из истории Русского фронта Первой мировой войны.

Ранее выходили работы, посвященные отдельным элементам военного искусства в том или ином контексте. Например, это разделы в трудах: История военного искусства. Сборник материалов. М., 1952 г.; История военного искусства. М., 1984 г.; Строков А. А. История военного искусства. С.-Пб., 1994 г. Но элементы военного искусства изучались часто фрагментарно, либо повествование сводилось к хронологическому рассмотрению хода боевых действий.

Структура работы такова, что позволяет проследить эволюцию от высших к более низким элементам военного искусства (от стратегии к оперативному искусству и тактике) и увидеть, как военное искусство русской армии воплощалось в жизнь на практике – в реалиях маневренной и позиционной форм ведения боевых действий Русского фронта Первой мировой войны.

I. Стратегическое искусство русской армии

Стратегическое искусство – важнейший элемент и одновременно высшее проявление военного искусства. Стратегическое искусство занимается вопросами подготовки, планирования и ведения войны, военных кампаний и стратегических операций.

По своей сути стратегия – совокупность способов достижения победы в вооруженном противоборстве путем определения целей войны, реализации военного планирования и систематического внедрения системы мер противодействия противнику в условиях постоянно изменяющейся обстановки.

Стратегия охватывает практическую деятельность высшего военного командования государства по подготовке и осуществлению военных действий. Соответственно, она тесно связана с политикой – т. к. на основе определяемых политикой целей разрабатываются стратегические планы.

Стратегическое искусство включает в себя как искусство планирования боевых действий, так и систему операций вооружённых сил для достижения конечной цели войны. В некоторых государствах различают большую стратегию (стратегию войны в целом) и малую стратегию, предметом которой являются вопросы планирования, подготовки и проведения военных операций (в России малая стратегия именуется оперативным искусством).

Стратегическое искусство русской армии стало предметом исследования ряда военных мыслителей в довоенный период.

Крупнейшим военным теоретиком был Н. П. Михневич – военный историк, участник Русско-турецкой войны 1877—78 гг., в 1904–1907 гг. – начальник Николаевской

академии Генерального штаба; ас 1911 г. – начальник Главного штаба.

Он считал^[1], что военная наука имеет свои основные принципы, на которых базируются формы ведения военных действий – вне зависимости от переживаемого исторического периода они неизменны. Соответственно, принципиальная основа стратегического искусства постоянна – меняется лишь его практическое содержание.

Теоретик выделял следующие важнейшие принципы стратегического искусства. Принцип экономии сил предполагал создание адекватной группировки вооруженных сил в зависимости от важности пунктов, подлежащих оперативному воздействию. Принцип превосходства моральных факторов над материальными означал, что материальные и моральные силы и средства тесно взаимосвязаны, но духовное начало на войне имеет преобладающее значение. Принцип случайности заключался в том, чтобы определить необходимые средства для предупреждения и устранения случайностей на войне. Принцип внезапности выражался в трех формах: внезапность идей, действий и техники.

В начале двадцатого века, как справедливо считал Н. П. Михневич, конечный результат военного противостояния зависит не только от действий вооруженных сил, но и от глубинных социально-экономических факторов, определяющих функционирование государственных организмов противоборствующих сторон. Исход войны должен решаться только после истощения материальных и моральных сил и средств одного из противников.

Верно оценив сущность коалиционных войн, Н. П. Михневич характеризовал их достаточно негативно – он отмечал, что для них характерны зависть, интриги, недоверие со стороны партнеров; затрудняется эксплуатация ресурсов союзных государств во имя общих интересов, а в ведении войны иногда приходится отказаться от слишком смелого шага для достижения общекоалиционного блага. В борьбе против вражеской коалиции, по справедливому заключению теоретика,

следует выявить ее слабые стороны и туда нанести свои удары.

Предвосхитил Н. П. Михневич и появление войн нового поколения – тотальных. Он увидел грядущее появление миллионных армий, состоящих из различных категорий войск – если ранее поражение полевой армии противника предрешало участь всей войны, то теперь за армией первого эшелона враг может организовать вторую армию из резервных войск. Лишь истощение резервов и мобилизационных возможностей могло привести к победе.

Н. П. Михневич отмечал, что неизбежны затяжные войны, т. к. при современном развитии военно-экономического потенциала великих держав маловероятен решительный успех одной из сторон и, соответственно, быстрое окончание войны. Обосновывая неизбежность войн на истощение, он писал, что достижение военной победы зависит и от способности вооруженных сил выдерживать продолжительную борьбу.

Писал Н. П. Михневич и о стратегии обширных театров: при неблагоприятной стратегической расстановке сил Россия всегда может прибегнуть к стратегии затяжной борьбы, избегая решительных столкновений и получая возможность изнурить силы противника, т. к. время лучший союзник ее вооруженных сил. Стратегия России должна предусматривать отказ от решающих боевых столкновений на границе и стремиться к затяжной войне, в то время как стратегия европейских государств будет направлена на то, чтобы сразу навязать решительные действия, которые приведут к полному напряжению своих сил и средств в начале войны – чтобы завершить ее в кратчайшие сроки.

Особое значение Н. П. Михневич придавал функционированию железнодорожного транспорта – быстрота проведения мобилизации, сосредоточения и развертывания армии при его помощи позволяет предупредить действия противника и захватить стратегическую инициативу. Идеал стратегии – успеть сосредоточить к решающему моменту кампании

максимально возможные силы. Но и пренебрегать т. и. второстепенными операциями также не следует – ведь зачастую невозможно определить, на каком участке наступит перелом и будет достигнут стратегический результат.

Главное значение среди форм военных действий Н. П. Михневич придавал стратегическим наступательным действиям, т. к. наступательное сражение есть естественная развязка стратегической наступательной операции. Он писал, что очень часто секрет успеха заключается в применении принципа т. и. частной (локальной) победы – поражение неприятеля в одном важном пункте ведет к победе на всем театре военных действий.

Важнейшим способом стратегических наступательных действий теоретик совершенно справедливо считал стратегический прорыв – прорванный фронт представляет собой серьезную угрозу коммуникациям армии и вынуждает ее к беспорядочному и поспешному отступлению. Стратегический прорыв, по Михневичу, необходимо осуществлять значительными силами, т. к. прорвавшаяся в глубь обороны противника армия может быть охвачена с флангов и даже окружена. После прорыва атакующий должен действовать быстро и энергично – чтобы не дать противнику опомниться и соединить прорванные части своей армии.

Фланговая стратегическая атака вследствие интенсивного развития вооружений и, соответственно, усиления оборонительного потенциала противника, получила наиболее широкое применение. Н. П. Михневич отмечал, что она может быть следствием прорыва – когда прорвавшая фронт противника часть армии осуществляет захождение плечом и повторяет атаку, либо следствием охвата или обхода. В случае успеха фланговая стратегическая атака обещает наиболее крупные последствия, но в то же время требует надлежащей базы и тесной связи взаимодействующих войск.

Особое значение Н. П. Михневич придавал стратегическим резервам (сосредотачиваемым, в т. ч. посредством железнодорожных перевозок).

Генерал структурировал войну как совокупность кампаний и операций, преследующих достижение соответствующих целей, отмечая, что война состоит из одной или нескольких боевых кампаний, а кампания из одной или нескольких операций. Предвосхитил он и образование фронтов как самостоятельных групп армий. В Первой мировой войне именно русская армия первая среди воюющих противников образовала фронтовые объединения.

Другой видный русский военный теоретик предвоенной эпохи – генерал А. Г. Елчанинов, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре стратегии. Он являлся автором ряда работ по русской военной истории (прежде всего о деятельности А. В. Суворова и войне 1812 г.), а также о стратегии и тактике. Главный военно-теоретический труд А. Г. Елчанинова – «Ведение современных войн и боя»^[2].

Сторонник самобытного развития русского военного искусства, А. Г. Елчанинов рассматривал стратегическое искусство как синтез истории и современности. Подготовка к войне должна быть комплексная, с полным напряжением и нравственных и материальных сил государства – к ней необходимо готовиться не только в военном смысле, но и с политико-хозяйственной точки зрения.

Говоря о формах стратегических действий, А. Г. Елчанинов указывал, что т. к. тактический прорыв в связи с резко возросшей огневой мощностью войск (особенно артиллерийского огня) и плотностью все более эшелонируемых в глубину боевых порядков противника стал весьма затруднен, первостепенное значение приобретает стратегический прорыв. Как отмечал теоретик, чем меньше возможностей уничтожить противника обходами и охватами, тем важнее прорыв, а чем менее выполним прорыв, тем эффективнее, в свою

очередь, должны быть обходы и охваты. Основной целью на войне должна оставаться угроза коммуникациям врага и их захват – венцом этих маневров является стратегическое, а в дальнейшем и тактическое окружение. Стратегические обходы, по справедливому замечанию А. Г. Елчанинова, требуют особого отношения к использованию фактора внезапности.

Другой видный русский и советский военный теоретик полковник Генерального штаба, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба А. А. Незнамов^[3] также считал, что в условиях начала XX века стратегический прорыв более труден и опасен, чем прежде.

Таким образом, у русской армии к началу Первой мировой войны имелась комплексная военно-теоретическая база, адаптирующая основы стратегического искусства к современным условиям. Исследуя все стороны этого искусства, русская военная наука призвала действовать активно, применяя стратегический маневр.

Подходить к оценке стратегического искусства русской армии следует с учетом того обстоятельства, что Первая мировая война была войной нового поколения.

Прежде всего, она являлась коалиционной войной.

В свете коалиционной стратегии действия противоборствующих сторон подчиняются несколько иным законам, и, казалось бы, бессмысленные боевые операции и безрезультатные кампании оказываются наиболее эффективными.

В коалиционной войне даже поражение одного из союзников зачастую вызывает победу другого – и тогда поражение может иметь большее значение, чем победа. Но союзники должны помнить друг о друге во время проведения боевых операций и руководствоваться прежде всего не узкоэгоистическими интересами собственного фронта, а пользой коалиции в целом.

Доктрина коалиционной войны сформулировала следующие принципы, на которых основывается любая коалиция, и при соблюдении которых возможна общая победа всего блока: 1) сила коалиции основывается на моральной дисциплине членов коалиции; 2) каждая входящая в состав коалиции нация обязана сражаться в рамках, установленных общим планом совместных действий – отдельные инициативные выступления запрещаются; 3) национальные интересы должны уступать общим интересам^[4].

И в ходе развернувшейся войны германскому блоку не удалось громить своих противников поодиночке: как только врагу удавалось создать перевес на одном из фронтов и начать там наступление, следовало наступление их противника на другом ТВД. Германцы и их союзники так и не смогли добиться решающего успеха ни на Русском, ни на Французском фронтах (а длительная война вела к неминуемому поражению Германии) во многом благодаря усилиям русской армии.

Нахождение России в составе Антанты и необходимость подчинять свои стратегические интересы реалиям коалиционной войны наложили отпечаток на русское довоенное стратегическое планирование.

В соответствии с Франко-Русской военной конвенцией 1892 г. Россия должна была выдвинуть против Германии 800-тысячную армию, облегчив ситуацию для французской армии (численностью 1 млн. 300 тыс. человек). Конвенция предусматривала одновременность мобилизационных усилий и взаимопомощь союзников. Главным противником называлась Германия.

Союзники по Антанте – Коалиционная война. Плакат. Взято из: Нива, 1914.

Французский генеральный штаб стремился добиться от русской армии скорейшего и энергичного наступления именно на германском фронте. Причем союзники рассчитали время, необходимое для того, чтобы действия русской армии могли серьезно повлиять на события на Французском фронте. Так, было определено, что она может вступить в соприкосновение с германской армией на 14-й день боевых действий, полноценное наступление против Германии начнется на 23-й день, а воздействие русских войск отразится на Французском фронте примерно на 35-й день после начала мобилизации (когда русские войска достигнут рубежа Торн – Алленштейн).

На довоенных совещаниях начальников генеральных штабов (1910–1913 гг.) русские и французские представители подтверждали, что главной целью союзных войск является разгром армии Германской империи. На совещании в Красном селе в 1911 г. было предусмотрено, что русские войска на германском фронте должны были начать активные действия после 15-го дня мобилизации. Операционные направления указывались: 1) в направлении на Алленштейн (если противник

сосредоточит свои войска в Восточной Пруссии); или 2) в направлении на Берлин (если германские войска сосредоточатся на рубеже Торн – Познань).

Значительное внимание на франко-русских консультациях уделялось сокращению мобилизационного времени, уточнялись детали, вырабатывались варианты действий России и Франции.

Французы изначально желали, чтобы Россия удержала на своем фронте 5–6 германских корпусов, обещая при направлении германцами главного удара против России, перейти, в свою очередь, в энергичное наступление против Германии. Но в стратегическом планировании союзников присутствовали значительные недостатки. Так, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов писал: «Что касается военной конвенции, то таковая вследствие слишком общего характера ее подвергалась впоследствии неоднократным обсуждениям и уточнениям... Обсуждению подвергались лишь частности конвенции, устанавливавшие размеры помощи, время и направление ее, а также другие данные технического порядка... Вполне очевидно, что конвенция, заключенная еще в мирное время, могла предусматривать вопрос о совместных действиях лишь в первоначальный период войны... Но даже столь важный и существенный вопрос, как вопрос обеспечения единства действий, в течение дальнейшего периода войны никогда в обсуждениях затронут не был, что и должно было привести к той несогласованности этих действий, которая... была причиной весьма многих неудач и создала вообще чрезвычайно благоприятную обстановку для Центральных держав, занимавших в отношении своих противников выгодное, в смысле стратегическом, внутреннее положение»^[5].

И, кроме того, главным политическим противником Российской империи была не Германия, а Австро-Венгрия.

В 1912 г. был принят план стратегического развертывания русской действующей армии в двух модификациях: вариант «А» («Австрия» – главный удар

против Австро-Венгрии) и вариант «Г» («Германия» – основные военные усилия России направлялись против Германии). Решающим фактором было то, куда будет направлена главная часть германской военной машины – против России (тогда вступал в силу вариант «Г») или Франции (в этом случае задействовался вариант «А»). Таким образом русское военно-политическое руководство пыталось согласовать русские стратегические интересы с обязательствами перед Францией.

В соответствии с планом «А» предписывалось решительное наступление против войск Германии и Австро-Венгрии. Если задачей русских армий на германском фронте являлось нанесение поражения группировке противника в Восточной Пруссии и овладение этим ТВД в качестве плацдарма для дальнейших действий, то австрийская армия подлежала полному разгрому. То есть, предусматривалась операция с ограниченными целями в Восточной Пруссии и операция с решительными целями в Галиции (путем нанесения ударов по сходящимся направлениям с севера и юга на Перемышль— Львов с перспективой наступления на Краков).

План «Г» предполагал операцию с решительными целями в Восточной Пруссии, в то время как действия противника на остальных фронтах подлежали сдерживанию. Задача русских войск на австрийском фронте была более скромной чем в первом случае: не допустить противника в тыл русским войскам, действующим против Германии.

Вопреки предвоенным совещаниям начальников штабов России и Франции, русское довоенное стратегическое планирование рассматривало в качестве приоритетного противника не Германию, а Австро-Венгрию – это диктовалось русскими национальными стратегическими интересами.

Россия и Германия – карикатура. Взято из: Военный сборник. 1915. № 9.

Военный историк и участник войны генерал-лейтенант Н. Н. Головин совершенно справедливо считал, что главный удар против Австрии абсолютно не противоречил нормам Франко-Русской конвенции, т. к. являлся непрямым стратегическим воздействием на главного врага – Германию. Ведь угроза уничтожения австро-венгерских войск на более благоприятном для боевых действий ТВД (Галиции) с большей степенью вероятности приведет к переброске германских войск с Французского фронта на помощь своему союзнику, чем вторжение русских войск в

менее маневродоступный ТВД (Восточная Пруссия). Немцы не могли проигнорировать поражение союзника под угрозой неудачи в войне для всего блока.

В долгосрочной перспективе это и произошло – немцам пришлось наращивать свою группировку против России под угрозой военного ослабления Австрии. Но вместе с тем в краткосрочной перспективе именно русское вторжение в Восточную Пруссию вызвало наиболее быструю реакцию противника и в кратчайшие сроки сказалось на стратегическом положении Французского фронта.

Налицо разброс сил (2 армии – до 34 % сил выставлено против Германии и 4 армии, т. е. свыше 52 % – против Австро-Венгрии). Но в сложившейся обстановке он был неизбежен, т. к. Первая мировая война – война коалиционная, и России нельзя было допустить поражения Франции под угрозой собственного поражения. Разгромив англо-французов, Германия перебрасывала свои освободившиеся армии на Восточный фронт и вместе с Австро-Венгрией сминала русские войска. В этот период никакие успехи русских войск в противостоянии с Австрией не смогли бы компенсировать крушение Франции.

Военный специалист профессор А. А. Свечин писал: «Вторжение в Восточную Пруссию (русской армии. – **А.О.**) было не только нашей обязанностью, но и диктовалось нам инстинктом самосохранения. Германия поворачивалась к нам, с началом войны, спиной. Мы должны были напрячь свои силы, чтобы больно её укусить и помнить при этом, что чем больнее был наш укус, тем скорее её руки выпустят схваченную за горло Францию...»^[6].

Но в предвоенный период среди компетентных кругов России присутствовало недовольство стратегическим планированием, и считалось, что план войны «был во многих отношениях невыгоден для России, так как русские силы сосредоточивались против пустого почти пространства на германском фронте, тогда как Австро-

Венгрия в это время направляла против нас главные свои силы»^[7]. Исходя из специфики коалиционной войны, Россия сознательно приносила в жертву возможность нанесения быстрого и решительного поражения одному из своих противников ради интересов всей коалиции.

Кроме того, русское командование и по вполне объективным причинам (прежде всего, вопросы мобилизации и транспортной инфраструктуры) не могло полностью выполнить своего обещания союзникам о сосредоточении на германском фронте 800-тысячной армии и о решительном наступлении на нем после 15-го дня мобилизации. В состав Северо-Западного фронта выделялось (и лишь к 40-му дню мобилизации) не более 450 тыс. штыков и сабель. На 15-й день в составе войск на германском фронте могло быть сосредоточено не более 350-ти тыс. человек (реально же было еще меньше). К этому времени Россия могла развернуть против Германии и Австро-Венгрии лишь 27 пехотных и 20 кавалерийских дивизий, т. е. треть своих сил. Для переброски следующей трети требовалось еще 8 дней, а последние войска прибывали на фронт вплоть до ноября 1914 г.

Военная наука требовала ждать полного сосредоточения войск – иначе наступающие войска оставались без второочередных частей, тяжелой артиллерии и тыловых служб. Но перспектива скорого разгрома союзника обязывала российское военно-политическое руководство жертвовать национальными интересами ради общесоюзных.

Принятый русским военно-политическим руководством план стратегического развертывания теоретически отвечал сразу двум задачам: нанести решительное поражение австро-венгерской армии и оказать быструю и эффективную помощь Франции путем наступления в Восточной Пруссии. Но он наталкивался на непреодолимые трудности, главной из которых была недостаточность сил русской армии на начальном этапе мировой войны. Огромная протяженность фронта, постепенность переброски сосредотачиваемых войск при маневренных боевых действиях – накладывали

значительный отпечаток на первые операции русской армии. Именно недостаточность сил и недоотмобилизованность русских войск привели к неудаче в Восточной Пруссии и к более скромному, чем предполагалось, результату Галицийской битвы.

Так, войска Северо-Западного фронта насчитывали на бумаге 30 дивизий (реально же – на треть меньше), противостоя 16–20 германским дивизиям. Но 16 немецких дивизий, по своей огневой мощи равнявшихся 20–22 русским, и опиравшиеся на сильные оборонительные рубежи Восточной Пруссии, могли легко противостоять наступлению 22–24 русских дивизий.

На главном же (австрийском) фронте против 44–47 австро-германских дивизий противостояло до 42,5 русских дивизий (к тому же и с более поздними сроками готовности).

При такой расстановке сил трудно было ожидать решающего успеха на обоих стратегических направлениях. Но союзнический долг обязывал русскую армию действовать активно. Н. А. Таленский так оценивал «стратегическую раздвоенность» русского довоенного планирования: «Оперативно-стратегическая значимость русского Северо-Западного фронта, с точки зрения собственных интересов России, позволяла уменьшить силы, предназначенные для борьбы с Германией, ведя на этом фронте оборонительные действия, и увеличить силы, направленные против Австро-Венгрии. Однако русский генеральный штаб был связан условиями Франко-Русской конвенции...»^[8].

Очевидно, что уже на первом этапе войны важнейшая роль русской армии заключалась в срыве всего довоенного стратегического планирования держав германского блока. Его шанс выиграть войну на два фронта заключался в том, чтобы, воспользовавшись преимуществами внутренних операционных линий, разбить своих противников по частям, используя разницу в сроках между французской и русской мобилизациями. Аналогичным образом Россия повлияла и на австро-венгерское стратегическое

планирование, в то время как Австро-Венгрия воевать на два фронта была способна еще менее Германии.

Таким образом, в коалиционной Первой мировой войне России пришлось «разрываться» между исполнением союзнического долга и реализацией собственных стратегических задач. Соответственно и главные фронты для России – Юго-Западный и Кавказский (тогда как Северный и Западный фронты выполняли, прежде всего, задачу оковывания германских войск). Во многом именно в этом кроется относительная пассивность Северного и Западного фронтов по сравнению с «ударными» фронтами – Юго-Западным и Кавказским.

В ходе войны Россия проводила боевые операции, предназначенные облегчить положение союзников – эти, зачастую неудачные с оперативно-тактической точки зрения, положительно отразились на положении Антанты (Восточно-Прусская операция 1914 г., операция на Стрыпе в декабре 1915 г., Нарочская операция 1916 г.). Операции же, проводившиеся для реализации российских стратегических задач, приводили к важнейшим результатам и большому успеху (Галицийская битва, Карпатская операция, наступление Юго-Западного фронта 1916 г., Эрзерумская, Трапезундская, Эрзинджанская, Огнотская операции). Но и эти операции способствовали победе всей коалиции, т. к. отвлекалось внимание противника, перемалывались его дивизии, тратились вооружение и боеприпасы, под влиянием побед русского оружия появлялись новые союзники.

Ветеран и новобранец Антанты, 1917. Взято из: Нива, 1917.

Как правило, операции, проводившиеся исключительно в интересах союзников (торопивших со сроками, навязывавших параметры операции) были в военном отношении неудачными и, наоборот, планировавшиеся последовательно русским командованием ради очевидной перспективы Русского фронта, были успешны.

Наличие двух главных ТВД уже исключило для германского блока возможность выиграть войну.

Раздвоение стратегической мысли противника, оперативные метания, переброски войск с одного стратегического ТВД на другой – суровая реальность для стран Четверного союза.

Усилия русской армии в большой степени повлияли на процесс перехода стратегической инициативы.

Так, летом 1914 г. вторжение русских войск в Восточную Пруссию и Галицию сорвало планы А. Шлиффена и Ф. Конрада фон Гетцендорфа, и германский блок столкнулся с реальностью войны на два фронта – воспользоваться разницей в сроках мобилизации и разбить своих противников поодиночке ему не удалось.

Осенние операции 1914 г. в Восточной Пруссии и Польше явились важнейшей предпосылкой проигрыша Германией битвы за Фландрию и привели к окончательной стабилизации Французского фронта. Австро-германцы начали наращивать группировку своих войск на Русском фронте и перенесли центр тяжести боевых операций своего блока против России. Благодаря этому союзники России получали на Французском фронте годовую передышку.

С конца весны 1915 г. германский блок захватил и в течение года удерживал стратегическую инициативу – русская армия приняла на себя главный удар объединенных сил германского блока, но и в этот период серией боевых операций пыталась облегчить положение своих союзников.

В результате наступления Юго-Западного фронта и операции на Сомме 1916 г. стратегической инициативой вновь завладели державы Антанты. Ответ армий держав германского блока заключался в натиске на наиболее слабого члена Антанты – Румынию, которая оказалась разгромленной. Но Румынский фронт был реанимирован действиями русских войск. Именно крупномасштабное наступление русской армии весной – осенью 1916 г. позволило Антанте вновь овладеть стратегической инициативой.

И лишь революция в России изменила стратегическую ситуацию.

Помимо реалий коалиционной войны, учитывая специфику Русского фронта, русская армия была вынуждена применять стратегию обширных театров.

Генерал-лейтенант В. Борисов писал в этой связи: «В 1914 г. мы не руководствовались стратегией для своего, русского, театра: мы развернули армии так, как будто намеревались быстро пройти через Бельгию, хотя германский марш, по пространству был не длиннее самсоновского от Ломжи к Танненбергу. Германцы шли к решительному пункту своего театра, а мы, сделав такой же прыжок как германцы, очутились на дне своей широкой канавы. Каких трудов, каких потерь стоило нам выбраться из польского мешка на наш естественный фронт 1915 г. Мы повторили ту же ошибку, какую сделали в 1812 г.»^[9].

Обширный театр военных действий требует соответствующего размаха операций, широты маневрирования, учета географических особенностей местности – причем эти особенности приобретают стратегический характер. Сама территория перестает быть объектом оперативно-стратегического воздействия – потеря пространства теряет решающее значение. Так, утраченные русской армией в 1915 г. территории, будь это в Европе, несомненно привели бы к капитуляции европейского государства. На Русском же фронте продвижение противника на 300 км фактически ничего не значило.

Обширность фронта позволяет относить стратегическое развертывание в глубину страны и начинать боевые операции лишь тогда, когда будут выявлены оперативно-стратегические намерения противника. Это позволяет осуществлять такие перегруппировки войск, которые очень рискованны для малого театра военных действий.

Он позволяет при обороне удерживать только магистральные операционные направления, допускать продвижение неприятеля вглубь страны вплоть до

истощения им своей наступательной мощи, применять тактику «выжженной земли».

Противнику, даже после победы в сражении, бывает трудно добиться решительного стратегического результата: глубина театра военных действий позволяет побежденному избежать многих кризисных моментов. Прорывы, обходы, охваты имеют лишь локальное значение.

Кроме того, огромные расстояния придают исключительное значение применению подвижных войск.

Стратегическое искусство русской армии в Первую мировую войну осуществлялось посредством деятельности Штаба Верховного главнокомандующего (Ставки).

В кампании 1914 г. внимание русского военного руководства было приковано к двум ТВД – восточно-прусскому и галицийскому. Соответственно, проводились две изолированные фронтовые операции – первая в интересах союзников (Франции), вторая – в российских интересах.

Восточно-Прусская операция 4 августа – 1 сентября 1914 г. имела важнейшие стратегические последствия. Для русских войск стратегической целью операции было воздействие на Французский фронт – т. е. срыв германского стратегического планирования.

В ходе этой операции противники не решили своих оперативно-стратегических задач: русские не смогли занять Восточную Пруссию, немцам не удалось выиграть время, необходимое для завершения кампании во Франции. Но в стратегическом аспекте произошло то, чего стремился избежать А. фон Шлиффен: германцы ослабили ударную группу своих армий на Французском фронте ради интересов второстепенного для них на тот момент ТВД. Ослабив свою ударную группировку на Французском фронте, немцы провалили свое стратегическое планирование и утратили перспективу победы в войне.

Благодаря действиям 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта Гвардейский резервный (из состава 2-й армии), 11-й армейский (из состава 3-й армии) корпуса с 8-й кавалерийской дивизией были переброшены в Восточную Пруссию. 5-й армейский корпус также был оттянут с Французского фронта и также готовился к переброске, и, хотя в Восточную Пруссию не попал, но не принял участия и в решающих схватках во Франции.

Немцам не хватило этих соединений для победы на Марне.

Профессор комдив В. А. Меликов писал: «В августе – сентябре 1914 г. Франция оказалась в тяжелом положении... и если бы не бешеное огульное наступление в Восточную Пруссию царской армии, которая спешила этим ударом отвлечь германские силы на восточный (русский) фронт..., то положение на Марне для французов было бы еще более серьезным... Мольтке-младший приказал снять с главного направления (правый фланг германских армий, двигавшихся к Парижу) два корпуса и перебросить их на восточный фронт. Эта слабость в стратегической целеустремлённости имела свои тяжелые последствия для германских армий, так как этих корпусов, столь нужных в сражении на Марне, – там уже не оказалось...»^[10].

Ю. Н. Данилов объяснил причины снятия соединений именно с ударного фланга германской армии: «Развертывавшиеся у немцев на востоке события не позволяли медлить, и потому к перевозке были предназначены такие части, которые скорее других могли быть посажены на железную дорогу и прибыть к месту нового назначения. В соответствии с таким заданием, были сняты с правого обходившего французов фланга два корпуса (Гвардейский резервный и XI-й) и одна кавалерийская дивизия (8-я)... Принятое германским главнокомандованием решение о переброске части сил на восточный фронт явилось, конечно, для дальнейшего хода событий на западе фактором огромного значения. Кроме численного и притом значительного ослабления уже занесенного удара, это решение, несомненно, отказало

еще свое подтачивающее влияние па духовное равновесие германских вождей, их веру в предстоящее дело, а значит, и волю к победе...»^[11].

Полковник Ф. Храмов писал: «Такое ослабление ударной группировки правого крыла германских армий бесспорно было одной из причин неудачного для германских войск исхода сражения на Марне в сентябре 1914 года... Таким образом, русские, вынудив германское командование перебросить часть сил с французского фронта на восток, оказали Франции серьезную помощь, сыгравшую в дальнейшем ходе войны крупную стратегическую роль»^[12].

Немецкий военный историк О. фон Мозер считал, что обстановка, сложившаяся в Восточной Пруссии, «послужила причиной особенно неудачного и рокового мероприятия, а именно – посылки двух армейских корпусов с правого фланга немецкой армии...»^[13].

Н. Н. Головин считал, что переброска германских корпусов с Французского фронта на Русский в этот период «представляла собой самую грубую стратегическую ошибку, совершенную во время Великой войны какой-либо воюющей стороной»^[14].

Первый Верховный главнокомандующий русской армией в годы Первой мировой войны великий князь Николай Николаевич-младший. Взято из: Великая борьба народов. М., 1915.

Вторым важнейшим стратегическим последствием этой операции стал беспрепятственный выигрыш русскими войсками Галицийской битвы с разгромом главных сил австро-венгерской армии. Командование германской 8-й армии не смогло использовать успешную операцию против 2-й русской армии и довести ее до решительного стратегического успеха на Восточноевропейском ТВД.

Оно, несмотря на просьбы австро-венгерского главного командования, повернуло свои войска на северо-восток – против 1-й русской армии, предоставив русским свободу действий в Галиции.

Русскому Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу хватило стратегической дальновидности: с помощью свежей 9-й армии он переломил оперативно-стратегическую ситуацию в северной Галиции в пользу русского оружия, а затем вернул под русский контроль и часть Восточной Пруссии.

Стабилизация Французского фронта и необходимость спасения своего австрийского союзника явились предпосылкой переноса центра тяжести боевых операций армий держав германского блока на Восток. Прослеживается тенденция усиления германских войск Русского фронта с оформлением их в самостоятельное командование.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в Восточно-прусской операции являлись: 1) ускоренная мобилизация, сосредоточение и развертывание 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта главной задачей ставили помощь союзнику и захватить стратегической инициативы; 2) формой стратегического маневра являлся стратегический охват противника (целью русских было окружить и уничтожить войска 8-й армии).

Планируя операции против Австро-Венгрии, Ставка предполагала концентрическое наступление двух групп армий Юго-Западного фронта (правый фланг – 4-я и 5-я армии, левый фланг – 3-я и 8-я армии) в операции на окружение. Армии Юго-Западного фронта фронтальным движением по сходящимся направлениям должны были выйти на фланги противника, смять их, отрезав главные силы австрийцев от рек Сан и Днестр. Но противник, изменил свой план 1912 г. и отнес развертывание армий на 100 км к западу, вследствие чего теперь австрийские войска охватывали русских на северном фланге. И своим первоначальным успешным действиям на этом фланге сражения австрийцы были обязаны более раннему

занятию рубежей и развертыванию, а также общему превосходству сил и средств над русскими армиями правого фланга Юго-Западного фронта.

В Галицийской битве 5 августа – 13 сентября 1914 г. исход операции определили умелое оперирование стратегическими резервами и своевременность подхода подкреплений. Устроить «котел» для австро-венгерской армии в Галицийской битве не удалось вследствие изменившегося стратегического развертывания австрийских армий. Русское Верховное командование смогло в должной степени распорядиться резервами, сформировав 9-ю армию и введя ее в бой на северном фланге битвы. Сосредотачивая 9-ю армию в районе Варшавы в роли резерва, русское верховное главнокомандование совершило железнодорожный маневр, усилив правый фланг 4-й армии в районе Люблина, что позволило преодолеть негативную обстановку на северном фланге Галицийской битвы.

Стратегической целью операции являлся разгром и уничтожение ядра австро-венгерской армии, что позволяло вывести из войны одну из ключевых держав германского блока. В первой части цель удалось реализовать, но вторую часть в силу объективных причин – нет. Цель данной стратегической операции соответствовала исконно русским интересам, но содействовала союзникам – прежде всего сербам.

Стратегический результат этой операции огромен. Была обескровлена австро-венгерская армия, начавшая терять боеспособность и требовавшая все возрастающей поддержки со стороны германских войск. Вырос удельный вес германских войск на Русском фронте. Кампания 1914 г. заканчивалась в пользу Антанты – операция изменила обстановку не только на юго-западном стратегическом направлении, но и на всем Русском фронте.

Странами германского блока была потеряна важная в стратегическом и экономическом (нефтяные ресурсы)

аспектах территория – Галиция. Русские войска вышли к Карпатам и стояли у границ Венгрии и Чехии.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в данной операции являлись: 1) эффективное использование стратегического резерва (его роль выполнили подходящие войска 2-го эшелона), структурированного в форме 9-й армии; 2) эффективный железнодорожный маневр Верховного главнокомандования.

Стратегически именно Галицийская битва, как центральное сражение кампании, способствовала выигрышу Антантой и кампании 1914 г. а значит, и всей войны.

Первая Августовская операция 12–30 сентября 1914 г. повлияла на стратегическую обстановку на Русском фронте: германцы не смогли перебросить из Восточной Пруссии войска в Польшу, где осуществлялась успешная для России Варшавско-Ивангородская стратегическая операция. Более того, из Германии были оттянуты 2 дивизии – 49-я резервная и 50-я резервная (25-й резервный корпус), не попавшие на Французский фронт, что имело немаловажное значение в период развернувшихся боев на Изере. Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего германским Восточным фронтом М. Гофман писал: «Верховное командование придало этой армии (8-й германской. – *А.О.*) один из вновь сформированных корпусов, именно 25-й, хорошо себя показавший в бою»^[15].

Первая Августовская операция – яркий пример того, как в условиях коалиционной войны оперативно-тактический успех может быть преобразован в стратегический. Операция сказалась на стабилизации Французского фронта – это имело крайне неблагоприятные последствия для германской стратегии, вновь не сумевшей достичь решительного результата.

В период проведения Варшавско-Ивангородской стратегической операции 15 сентября – 26 октября 1914 г. план русского Верховного командования заключался в

переносе центра тяжести действий русских армий на левый берег р. Вислы – планировался удар на Силезию с последующим наступлением к верхнему Одеру и далее на Берлин. Верховный главнокомандующий русскими армиями великий князь Николай Николаевич осуществил (пользуясь польской сетью железных дорог) блестящий железнодорожный маневр, сравнимый лишь с германскими перевозками в рамках шлиффеновского плана.

Три русских армии (4-я, 5-я и 9-я) перебрасывались в район Ивангород – Сандомир и перед ними ставилась активная задача. Предусматривался фронтальный удар (от Ивангорода) и фланговый охват (от Варшавы). Для решения последней задачи назначалась 2-я армия. В Галиции оставались лишь две армии (3-я и 8-я). Перед ними, также и как перед 1-й и 10-й армиями Северо-Западного фронта ставилась задача обеспечения операции.

Варшавско-Ивангородская операция («борьба за Вислу») – одна из крупнейших стратегических операций (по своему смыслу, количеству задействованных войск, осуществленному стратегическому маневру) маневренного периода войны. По форме – это встречное сражение (одна из наиболее сложных форм проведения боевых действий). В операции на 300-км фронте были задействованы главные силы австрийских и германских войск, сосредоточенных на Восточно-европейском ТВД и примерно половина всех русских сил, действовавших против Австро-Венгрии и Германии.

Операция осуществлялась в собственно русских интересах и по своей сути представляла собой ответ активными действиями на германскую реакцию относительно итогов Галицийской битвы. После перегруппировки и в тесной взаимосвязи с австрийским союзником германцы попытались вырвать стратегическую инициативу из русских рук, но это им не удалось.

Варшавско-Ивангородская операция – одна из наиболее удачных стратегических операций русской армии в мировую войну.

Ю. Н. Данилов писал: «Мы одержали над нашими противниками несомненно очень крупную стратегическую победу... Стратегия сделала свое дело столь ярко, что немцы не осмелились принять решительного боя»^[16].

Стратегическим результатом операции стал срыв планов германо-австрийского командования сгладить последствия Галицийской битвы, не удалось ему пока и сорвать готовящееся русское наступление в Силезию. Операция знаменовала начало «метания» стратегической мысли германцев между Восточным и Западным фронтами.

Необходимо отметить отличную организаторскую работу Ставки и Верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Также это касалось координации деятельности двух фронтов.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в этой операции являлись: 1) сочетание двух способов стратегических наступательных действий – стратегического прорыва и стратегического охвата; 2) применение Верховным главнокомандованием эффективного железнодорожного маневра.

При разработке плана новой крупномасштабной операции – Лодзинской 29 октября – 6 декабря – русское командование учитывало крупное поражение германской 9-й армии в Варшавско-Ивангородской операции и выгодную стратегическую диспозицию русских войск в Польше. Планировалось крупными силами вторгнуться в Силезию с последующим ударом на Берлин. Учитывая подход к концу материально-технических ресурсов мирного времени, фактически это была попытка завершить войну до конца 1914 г.

Но русские армии австро-германского фронта, вытянувшись в линию на протяженном фронте, не имели необходимых резервов как для развития успеха, так и для парирования ударов противника. А. Нокс писал: «Операция принимала характер эксцентрического наступления и вызвала контрудар со стороны противника, имевшего все преимущества лучших сообщений.... Как и во время Августовского наступления в Восточной

Пруссии, планы великого князя были продиктованы желанием помочь союзникам на западе...»^[17].

Пытаясь вырвать инициативу из рук русских войск, германское командование организовало удар в правый фланг наступающих русских армий, что привело к срыву планирования Ставки.

Если Восточно-Прусская операция является ярким примером тактической победы и стратегического поражения для немцев, то с Лодзинской операцией дело обстоит наоборот. Тактически это русская победа (русские войска устроили «котел» для 2,5 германских корпусов и почти их уничтожили (в вышедших из окружения полках оставалось по 500 бойцов), но в стратегическом аспекте это неудача – были сорваны крупномасштабные планы русской Ставки и фактически погашена русская оперативно-стратегическая активность на польском ТВД.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в этой операции являлись: 1) удалось осуществить стратегическое окружение крупной группировки германских войск (но эффективные приемы и способы обеспечения ликвидации окруженного противника пока не выработаны); 2) применена такая форма стратегического маневра как стратегическая фланговая атака (войсками 5-й и частично 1-й армий).

Стратегический результат операций в Польше не оправдал надежд обеих сторон – русские не смогли осуществить вторжение в Германию, австро-германцы прорваться к Варшаве. Вместе с тем стабилизация этого фронта объективно была выгодна русской стороне, истощение же противников привело к поискам новых оперативных решений.

Период конца ноября – декабрь 1914 г. характеризовался стабилизацией борьбы. В течение декабря немцы сделали несколько попыток прорваться к Варшаве; это привело к кровопролитным боям на Бзуре и Равке: у Болимова, Боржимова, Воли Шидловской. Прорыв к средней Висле противнику не удался – русские армии удержали свои позиции.

В ходе Сарыкамышской операции 9 декабря 1914— 4 января 1915 г. была разгромлена одна из 3-х турецких армий, бывших у Османской империи к началу войны – т. е. выведена из строя треть ее вооруженных сил.

Маршал Турции, германский уполномоченный при турецком Верховном командовании О. Лиман фон Сандерс писал: «... операция... закончилась уничтожением этой армии (3-й. – Л.О.), которая из турецких оперативных соединений первой вступила в мировую войну»^[18].

Крах турецкого «блицкрига» привел к перелому и захвату стратегической инициативы на Кавказском ТВД уже с начала 1915 г. И эту инициативу Россия удерживала в течение всей войны.

Итоги кампании 1914 г. имеют важнейшее значение для коалиционной войны Антанты. Действия русских войск разрушили стратегическое планирование германского блока, полностью нивелировав немецкие успехи, достигнутые на Западе. Германцы были вынуждены уделять все большее внимание Русскому фронту в ущерб главному для себя – Французскому. Инициатива принадлежала русским войскам. Противник принужден был лишь реагировать (прежде всего, структурными реорганизациями и перебросками войск, что и срывало проводимые им операции) на русские выпады. Территориальный аспект стратегической обстановки также благоприятствовал русским: к концу года была захвачена большая часть Восточной Пруссии (до Мазурских озер) и Галиция с потерей левобережной (применительно к р. Висла) Польши. То есть, глубина «Польского выступа» уменьшилась, что имело положительное значение для планирования будущих операций.

Из четырех крупнейших стратегических операций 1914 г. (Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская) половина выполнялась в интересах союзников: Восточно-Прусская («спасение Франции») и Лодзинская («вторжение в сердце Германии»), но и остальные во многом способствовали

облегчению положения союзников. И это притом, что передовые русские генералы справедливо считали, что «путь к Берлину лежит через Вену».

Знаковым является мнение генерала Э. Фалькенгайна, засвидетельствовавшего тот факт, что германское командование не предвидело необходимости крупных перебросок на Русский фронт, что также явилось чрезвычайно негативным фактором стратегического характера: «Растущая в перспективе необходимость поддержать союзников, попавших в тяжелое положение в Галиции, не могла поколебать этого решения (т. е. переброски немецких войск из Франции в Россию. — Л.О.). Полагали, что, даже в неблагоприятном случае, новые войсковые части, формируемые в тылу, окажутся достаточными, чтобы поддержать положение на восточном фронте, пока суровая зима не прекратит там операций»^[19]. Очевидно, что германское командование не планировало перебросок, и до последнего противилось их осуществлению. По свидетельству Э. Фалькенгайна, ему пришлось отказаться от весьма перспективного плана прорвать Французский фронт в Артуа и Пикардии, но эту мысль он отбросил, т. к.: «Для ее осуществления не хватало сил после того, как все резервы как живой силы, так и снарядов, были потрачены для восточного фронта»^[20].

Восточно-Прусская операция способствовала краху шлиффеновского стратегического планирования и поражению Германии в Марнской битвы. Галицийская битва разрушила австрийский стратегический план и способствовала стабилизации Сербского фронта.

После завершения этих сражений ясно было, что германский блок в перспективе войну проиграл.

Осенние операции русской армии в Восточной Пруссии и Польше (Первая Августовская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская) стали важнейшей предпосылкой проигрыша Германией сражения за Фландрию, способствовали окончательной стабилизации Французского фронта и изменению стратегического

планирования противника – на целый год Русский фронт стал для него ключевым.

Стратегически германский блок к концу 1914 г. проиграл – и, прежде всего, благодаря усилиям русской армии.

В кампании 1915 г. русское Верховное командование также планировало широкомасштабные активные действия. Замышлялись две крупные наступательные операции: в Восточной Пруссии (силами Северо-Западного фронта) и в Карпатах (силами Юго-Западного фронта). Однако данный замысел нельзя признать удачным.

Во-первых, наступления проводились на флангах стратегического построения, да еще и по расходящимся направлениям.

Во-вторых, если для 1914 г. подобное оперативное решение (одновременные удары по Германии и Австро-Венгрии) было оправдано как общими интересами блока (кризис на Французском фронте, так и необходимостью вывести из строя Австро-Венгрию), то в 1915 г. это было неразумно. В любом случае, переход к обороне на германском участке фронта диктовался необходимостью.

Столь рискованное оперативно-стратегическое творчество было обусловлено следующими обстоятельствами. С одной стороны, способностью Ставки Верховного главнокомандующего координировать и направлять действия фронтов. С другой стороны, – чрезвычайно широкими оперативными полномочиями самих руководителей фронтов.

К скорейшему окончанию войны могли привести: а) вывод из строя Австро-Венгрии (сосредоточив максимум усилий на Юго-Западном фронте) с выходом к Германской империи с юга, либо б) разгром Турции путем согласованных действий русской и союзной армий в рамках десантной операции с захватом Стамбула (Константинополя). Все условия для этого – силы, средства, господство на Черном море, понимание и

взаимодействие союзников – имелись. Россия в 1914 г. выполнила важнейшие союзнические обязательства, вытекающие из Франко-Русской военной конвенции, и вполне могла теперь заняться реализацией собственного стратегического планирования.

В-третьих, наметился «кризис снабжения» действующей армии. Он будет преодолен к лишь осени (Германия критическую точку прошла уже к весне) 1915 г. Соответственно, распыление сил и средств на несколько наступательных операций привести к успеху не могло. Противник именовал русское планирование «Гигантским русским наступательным планом».

Январь 1915 г. ознаменовался кровавыми позиционными боями на польском участке Русского фронта – у Боржимова и Воли Шидловской. Эти бои – классический пример отвлечения и изматывания сил противника (в данном случае – русской армии).

Германское командование демонстративным наступлением не только спровоцировало командование Северо-Западного фронта на проведение операции с целью восстановления утраченных позиций – этим отвлекалось внимание от готовящейся крупной наступательной операции в Восточной Пруссии.

Стремясь парализовать русское наступление в ходе зимней кампании 1915 г. противник также осуществил удары по флангам Русского фронта – т. н. «Зимние стратегические Канн».

В Восточной Пруссии в ходе Второй Августовской операции (Зимнего сражения в Мазурии) 25 января—13 февраля было нанесено поражение 10-й армии Северо-Западного фронта. Главной задачей этой армии, как писал ее начальник штаба А. П. Будберг, было удержание стратегического положения. Выполнить стратегическую задачу не удалось, но эта одна из самых неудачных с тактической точки зрения русских операций является одной из важнейших для решения общесоюзных задач.

Германцы, рассчитывая добиться серьезного стратегического результата, тщательно подготовились к операции – в очередной раз ослабив Французский фронт и задействовав обученный резерв внутри Германии: на Русском фронте нашли применение 6 дивизий т. и. молодых корпусов (38-го, 39-го и 40-го резервных), а также 2 дивизии отлично себя зарекомендовавшего 21-го армейского корпуса, переброшенного с Французского фронта.

Стратегический результат операции заключался в срыве широкого наступательного замысла неприятеля на северном участке Восточного фронта.

Вторая Праснышская операция 7 февраля – 17 марта 1915 г. осуществлялась для стабилизации стратегической обстановки на северо-западном направлении. Во многом были устранены последствия тактически неудачного Второго Августовского сражения: успехи германцев над 10-й армией сменились их поражением от 12-й и 1-й армий Северо-Западного фронта. Вторая Августовская операция и Второе Праснышское сражение ликвидировали северную «клешню» «Зимних стратегических Канн» противника.

На южном фланге Русского фронта Карпатская операция (январь – апрель 1915 г.) также имела важнейшее оперативно-стратегическое значение. Русские войска вышли на Венгерскую равнину, что поставило германский блок на грань поражения. Вместе с тем действия германских войск парировали могущие быть еще большими успехи русских войск, не позволили оперативным успехам превратиться в стратегические.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в ходе операций в рамках зимне-весенней кампании являлось сочетание различных форм стратегических действий – это стратегический прорыв (для Карпатской операции), стратегическая оборона (для Второй Августовской операции) и сочетание стратегического наступления и стратегической фланговой атаки (Второе Праснышское сражение).

В ходе Горлицкой стратегической наступательной операции австро-германских войск 19 апреля – 10 июня 1915 г. русские войска за 2 месяца оставили Галицию, потеряли систему крепостей, понесли огромный урон в силах и средствах. Стремясь добиться стратегически ненужной цели («удержания завоеванного пространства») командование Юго-Западного фронта приносило в жертву свои лучшие войска – более того, переброской корпусов и дивизий в Галицию подрывался и потенциал Северо-Западного фронта.

Несмотря на то, что обстановка на русском Северо-Западном фронте была прочной, после Горлицкого прорыва противника необходимым являлось общее отступление, вывод войск из «польского мешка».

С целью пленить русские войска в Польше противник начал реализацию т. и. «Летних стратегических Канн».

Армия М.-К.-В. фон Гальвица должна была наступать с севера через р. Нарев в направлении на Седлец – навстречу армиям А. фон Макензена, которые двигались с юга на север между р. Висла и р. Западный Буг. Этот грандиозный маневр должен был привести к окружению нескольких русских армий.

В ходе Третьего Праснышского сражения 30 июня – 5 июля 1915 г. войсками 1-й и 12-й армий Северо-Западного фронта стратегический план германцев был сорван, русские войска планомерно отошли на рубеж р. Нарев. Столкнувшись с мощной обороной по Нареву, группа фон Гальвица остановила наступление. Оперативно летнее Праснышское сражение – успех немцев, но стратегически оно способствовало русскому замыслу – грамотно эвакуировать Польшу. Тем самым русские войска консолидировали фронт на новых рубежах. Соответственно, стратегический успех остался на стороне русских – они удержались на линии р. Нарев.

Третье Праснышское сражение пресекло развитие северной составляющей «Летних стратегических Канн» противника.

Наступление группировки А. фон Макензена из северо-восточной Галиции также натолкнулось на упорное сопротивление. 22 июня началось русское контрнаступление на люблинском направлении.

Южная «клешня» «Летних стратегических Канн» также была остановлена.

Замысел австро-германцев устроить стратегический «котел» для русских войск в Польше провалился. О. фон Мозер отмечал: «...крупная операция Макензена – Гальвица, рассчитанная на окружение, постепенно превратилась в фронтальное наступление с запада на восток против русских армий, медленно отступавших на линию Ковно – Брест-Литовск – Владимир-Волынский, с одной позиции на другую, и сохранивших сомкнутость фронта»^[21].

В ходе летней кампании 1915 г. русские войска перешли к стратегической обороне.

После вывода русских войск из Польши началась борьба за оптимальное начертание фронта, выгодные позиции и плацдармы.

В ходе сентябрьской Луцкой операции войск Юго-Западного фронта потерпела поражение 4-я австрийская армия. Луцкая операция не позволила противнику осуществить маневр флангового охвата отходящей центральной группы русских армий. Противник переходит к обороне.

Несмотря на отдельные успешные и даже наступательные операции русских войск весны – осени 1915 г. на юго-западном направлении (удачные контрнаступления в рамках Горлицкой операции, Прутская, Луцкая операции, наступление на Серете и др.) стратегической инициативой прочно завладели австрийцы и германцы.

Русское командование, сосредоточив главное внимание на польско-карпатском участке фронта, недооценило прибалтийское стратегическое направление. Силы и

средства на данном ТВД были представлены в основном разрозненными частями слабого состава.

Риго-Шавельский район, через который был возможен обход Русского фронта с севера, приобретал огромную значимость. Русское Верховное командование могло противопоставить широкомасштабным наступательным замыслам противника в Прибалтике прочную оборону с элементами активности.

Операции в Прибалтике летом – осенью 1915 г. (Митаво-Шавельская, Ковенская, Виленская) в стратегическом плане были безрезультатны для германского командования. Суть боевых действий в Прибалтике опять свелась к фронтальному вытеснению русских войск, врагу не удалось осуществить оперативные охваты и обходы в стиле «Канн».

Операции в Прибалтике способствовали стабилизации Русского фронта, а значит, и тому, что замысел противника на вывод России из войны не удался.

Все операции на Кавказе в 1915 г. проходили под знаком активности со стороны русских, в том числе – с целью удерживать в постоянном напряжении 3-ю турецкую армию, и не только не допускать ее ослабления, но и отвлекать на себя новые силы противника из района проливов Босфор и Дарданеллы.

Кампания 1915 г. на Кавказе была замечательна попыткой турецких войск в очередной раз захватить стратегическую инициативу (Алашкертская операция), взаимодействуя с австро-германскими союзниками. Но русские войска прочно удерживали стратегическую инициативу.

Подводя итог стратегической деятельности русской армии в кампании 1915 г. необходимо отметить следующее.

Год начался с активных наступательных операций русских войск (Ласдененская операция 10-й армии, Вторая Праснышская операция 12-й армии, Карпатская операция Юго-Западного фронта), что уже в значительной мере

повлияло на германо-австрийское планирование и баланс сил. Помимо положительных факторов стратегического характера присутствовали и отрицательные, главные среди которых – распыление сил по расходящимся направлениям, людские и материальные потери, затраты, а не накопление столь необходимых ресурсов.

Весенне-летние операции германцев и австрийцев (Горлицкий прорыв, Третье Праснышское сражение, операции в Прибалтике, на Буге и в Галиции) привели к утрате русской армией стратегической инициативы на германо-австрийском фронте. Теперь уже русские войска были вынуждены отбиваться, отвечая на его оперативные решения противника. В период с мая по сентябрь были утрачены важнейшие в стратегическом отношении территории и ресурсы, понесены наиболее тяжелые потери в живой силе и вооружении. Главным в данной ситуации становится вывод войск и эвакуация материальных ценностей из-под ударов противника с наименьшими издержками. Апогеем этой тактики стала грамотная и своевременная эвакуация Польши. Другой главной задачей стала консолидация фронта на новых позициях, борьба за оптимальное начертание линии фронта в расчете на будущие операции.

Исключением являлся Кавказский фронт, стратегическая инициатива на котором удерживалась в течение всей войны, а войска Кавказской армии не только обходились собственными силами, но и выделяли формирования для австро-германского фронта.

Стратегия германо-австрийского командования характеризовалась тремя важнейшими аспектами.

Во-первых, желанием вывести русскую армию из строя, а Россию – из войны. Этому были подчинены все материальные ресурсы противника, и проводилась целая серия активных операций с решительными целями. Во-вторых, для германо-австрийского командования шаблоном для действий на Русском фронте являлась «стратегия котлов». Постоянное желание осуществить большие и малые «Канны» – стратегические операции на

окружение – пронизывало почти все их оперативно-стратегическое планирование 1915 г. Пожалуй, только таранный удар А. фон Макензена под Горлице и некоторые операции второстепенного характера осуществлялись не в этом стиле. Обращают на себя внимание «Зимние стратегические Канн» (операции в Восточной Пруссии и Карпатах) против флангов Русского фронта и «Летние стратегические Канн» (на севере – удар армейской группы М.-К.-В. Гальвица и 8-й армии через Неман, на юге – группы А. Макензена из 11-й и Бугской германских и 4-й австро-венгерской армий на Владимир-Волынский) – под основание польского выступления с целью уничтожения находящихся там русских войск.

Зимние «Канн» были сорваны активными действиями русских войск (Вторая Праснышская операция, Карпатская операция), летние – во многом пассивными действиями с элементами активности (Третья Праснышская операция, Томашевское и Красникское сражения). Практически все подобные операции (за исключением гибели 20-го армейского корпуса в Августовских лесах) закончились для противника безрезультатно. Русское командование научилось реагировать на такие действия врага, ожидая от немцев осуществления «Канн». «Котлов» – стратегических окружений – Русский фронт 1915 г. не знал.

В-третьих, на германском Восточном фронте летом – осенью 1915 г. одновременно реализовывались две оперативных схемы – Верховного командования и командования Восточного фронта. Ревность и конкуренция между Э. Фалькенгайном и П. Гинденбургом сказались на глубине проводимых операций, направлениях главного удара, перебросках войск. Особенно это проявилось в период осуществления «Летних стратегических Канн» и Виленской операции.

В итоге Э. Фалькенгайн отмечал: «Уничтожение врага в целом, конечно, достигнуто не было»^[22]. Э. Людендорф констатировал: «Летняя кампания против России была закончена. Русские были... фронтально отеснены... За

всю войну...нам ни разу не удалось довести до конца крупный стратегический прорыв»^[23].

Стратегическое искусство русской армии в условиях сосредоточения стратегической инициативы в руках противника, обладающего значительным превосходством в силах и средствах, в период летней кампании 1915 г. проявилось в борьбе со стратегическим наступлением австро-германцев, планомерном отходе и борьбе с попытками окружения.

Русскую армию ждала смена Верховного главнокомандующего – им стал Император. С момента появления Николая II в Ставке происходит изменение стратегии русской армии. Наиболее заметным было то, что вместо нанесения ударов в расходящихся направлениях осуществлялась реализация единого стратегического плана. Ставка начала именно управлять действиями фронтов. Координация действий фронтов, сосредоточение максимальных сил на направлении главного удара, энергичное маневрирование – вот суть оперативных указаний нового Верховного Главнокомандующего. Практическое решение задачи осуществлялось Начальником штаба и главнокомандующими армиями фронтов.

Русские стратегические планы кампании 1916 г. во многом обуславливались общесоюзным планом, выработанным в конце 1915 г. на конференции в Шантильи. Впервые имело место применение Антантой основ стратегии коалиционной войны, а главное – проведение соответствующих принципов в жизнь. Конференция признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению в 1916 г. всех союзных армий на трех главных театрах военных действий – французском, русском и итальянском.

Важное значение имело совещание в Ставке 11 февраля 1916 г. На Совещании был принят принципиальный план нанесения главного удара в летней кампании 1916 г. – левым флангом Северного и правым флангом Западного фронтов.

Общие сроки согласованного наступления на Французском и Русском фронтах планировались на конец весны – начало лета, но зимнее германское наступление под Верденом внесло в эти замыслы значительные коррективы – русской армии опять пришлось спасать своего союзника.

Реализация принципов коалиционной войны привела к преждевременному переходу в наступление войск Северного и Западного фронтов.

В основе замысла русского командования лежала идея стратегического прорыва с целью выйти на Вильно, овладеть Ковно, отрезав германские войска у Риги и Двинска, и продвинуться к границе Восточной Пруссии. В случае успеха русские войска отвоевывали у германцев одним ударом сразу почти половину потерянной в 1915 г. территории. Но выполнение замысла упиралось в непреодолимые пока трудности – эшелонированную оборону противника, разрушенные пути сообщения и, главное, великолепные коммуникации немцев. Овладев стратегической сетью прибалтийских железных дорог, они могли беспрепятственно перебрасывать резервы в любых количествах.

Главное значение Нарочской операции 5—17 марта 1916 г. для Русского фронта заключалось в том, что сосредоточение резервов противника в полосе русской активности способствовало успеху летней операции Юго-Западного фронта. Основные резервы германского Восточного фронта с марта по июнь были сосредоточены как раз севернее линии припятских болот, т. е. против войск Северного и Западного фронтов.

Нанесение главного удара в ходе летней кампании 1916 г. на Русском фронте возлагалось на войска Западного фронта в направлении на Вильно, а Северный и Юго-Западный фронты должны были наступать с целью оттянуть на себя резервы противника. Фактически был утвержден план общего наступления трех фронтов – такая ситуация позволяла реализовать свободу маневра в вопросе переноса тяжести главного удара.

Направление главного удара Юго-Западного фронта в направлении на Луцк приводило к наиболее болезненным для австрийцев результатам, но в распоряжении А. А. Брусилова не было достаточного количества войск, чтобы использовать неожиданно крупный успех в стратегическом аспекте. Кроме того, генерал считал важнейшим Ковельское направление, в связи с чем затормозил наступление у Луцка.

Наступление на Ковель, по мысли А. А. Брусилова, отвечало не столько интересам фронта, сколько стратегическим целям всей кампании 1916 г. Оно должно было объединить усилия Юго-Западного (8-я армия) и Западного (3-я армия) фронтов и привести к разгрому значительных сил противника на стратегически важном боевом участке. Но этому замыслу не суждено было сбыться по вине главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А. Е. Эверта. А. Е. Эверт (при бездействии Ставки) не только не начал в указанный ему срок (28–29 мая) наступления, но и откладывал его четыре раза (до 20 июня), после чего вместо главного удара на Виленском направлении нанес удар на Барановичи.

Пользуясь этим обстоятельством, германское командование подтянуло в полосу Брусиловского наступления до 20 дивизий из Франции и Македонии, а также с других участков Русского фронта. Противник желал создать в районе Ковеля ударную группу и вырвать инициативу из рук русских. Австрийцы, в свою очередь, приступили к переброске войск, отправленных на Итальянский фронт для участия в операции в Трентино.

Директива Ставки от 26 июня изменила задачи фронтам, вменив нанесение главного удара в обязанность Юго-Западного фронта. Для последнего указывалось новое направление – Ковельское с перспективой наступления далее на Брест – Пружаны. В распоряжение А. А. Брусилова был передан стратегический резерв – Гвардейский отряд и 4-й Сибирский армейский корпус, а с Северного фронта – 3-й армейский корпус. Но было

поздно. Противник, прежде всего германцы, постепенно локализовал прорыв.

При отсутствии активности Западного и Северного фронтов, немцы получили полную возможность перебрасывать войска против Юго-Западного фронта: «Германцы, обладая несравненно более мощными железными дорогами, сумели гораздо скорее нас подвезти свои корпуса к угрожаемым пунктам на нашем Юго-Западном фронте и к концу июля захватили инициативу в свои руки; уже нам пришлось, не думая о нанесении сильного удара противнику, парировать его удары, которые он начал наносить в различных местах. Войска Юго-Западного фронта, начав наступление с громадным успехом и не поддержанные своевременно, что называется, выдохлись, потеряли порыв впереди постепенно стали окапываться и переходить к занятию новых укрепленных позиций»^[24].

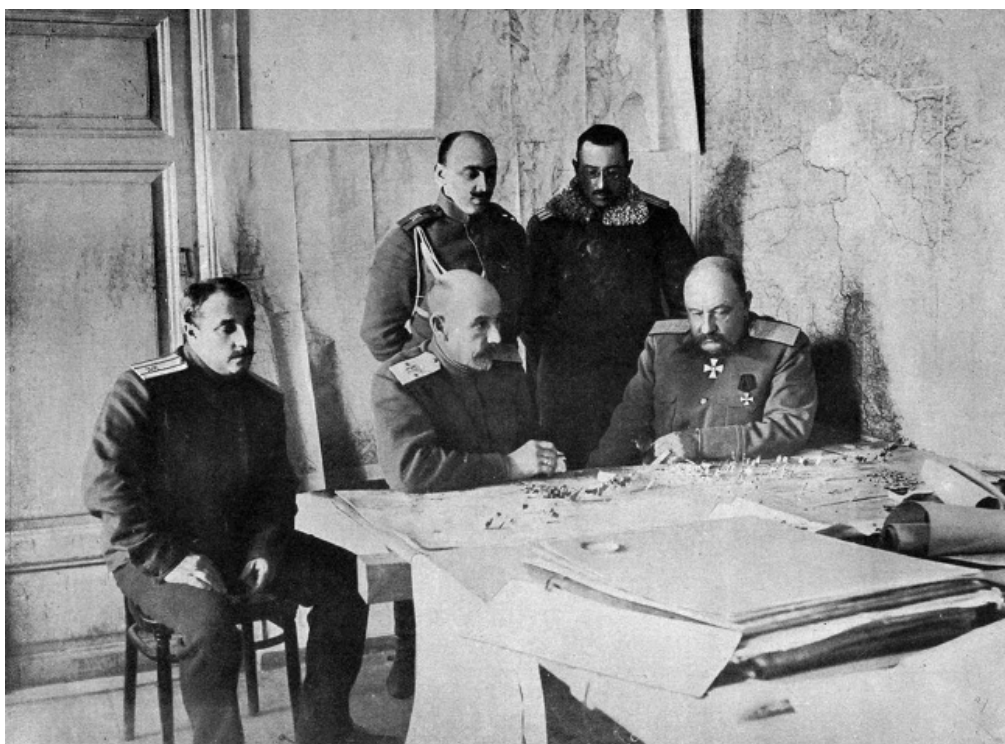
Результаты операции намного превзошли ставившиеся перед ней цель и задачи. Наступление Юго-Западного фронта 1916 г. привело к крупному поражению австро-венгерских и германских войск в Галиции и Буковине, заставило австро-германское командование приостановить наступление в Трентино и облегчило обстановку для англо-французов под Верденом.

В стратегическом плане операция знаменовала переход стратегической инициативы к странам Антанты.

К концу кампании 1916 г. русская Кавказская армия стоящую перед ней задачу выполнила и перевыполнила. Закавказье не только было обеспечено от вторжения турок на фронте огромного протяжения (к концу 1916 г. 2,6 тыс. км), но были решены активные стратегические задачи. Наиболее ярко принципы русского военного искусства воплотились именно в действиях Кавказской армии.

Взятие Эрзерума произвело особенно большое впечатление на союзников России по Антанте. Операции русского Кавказского фронта в отечественной исторической науке недооценивались, театр военных действий считался периферийным.

Но не так считали адепты периферийной стратегии – англичане. Это и неудивительно – в коалиционной войне, когда окруженный противник воспринимается как военный лагерь, любой удар даже в отдаленной точке может повлечь крушение врага. Так и случилось в 1918 г. – успех на Балканах явился началом цепной реакции крушения германского блока.

Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н. Н. Юденич со штабом за работой. Фото из: Картины войны. Вып. 1. М., 1916.

Всегда победоносная русская Кавказская армия решала важнейшие стратегические задачи, питала резервами германо-австрийский фронт, наиболее результативно взаимодействовала с союзниками. Операции армии – эталон мастерства в условиях мировой войны, воплощение суворовских принципов ведения боевых действий, яркий образец коалиционной стратегии.

В кампании 1916 г. увеличивается удельный вес операций, проводимых по просьбе союзников или в их

интересах. Это прежде всего Нарочская операция, ставившая главной задачей облегчение положения союзников у Вердена. Одной из целей Брусиловского наступления стала помощь вооруженным силам Италии, теснимым австрийцами в Трентинской операции. Наступление Юго-Западного фронта благотворно сказалось на проводимой союзниками операции на Сомме.

Серия операций русской армии на Кавказском фронте – также яркая иллюстрация помощи союзникам. Н. Н. Юденич использовал оперативную паузу между прекращением Дарданелльской операции и переброской высвободившихся турецких сил на Кавказ, сработал на опережение. Удар был нанесен по 3-й турецкой армии, последовательно разгромленной в Эрзерумской и Эрзинджанской операциях, а затем и по свежей 2-й турецкой армии, разбитой в Огнотской операции. С одной стороны, русское командование использовало неудачу союзников в Галлиполи, но с другой – разгромило турецкие армии (включая высвободившиеся резервы) по частям, чем в огромной степени помогла британским союзникам. Действия в Персии корпуса Н. Н. Баратова и осуществление боевых контактов и взаимосогласованных мероприятий с англичанами – весьма наглядный пример коалиционных действий, осуществляемых русской армией.

Основной формой стратегического маневра в кампании 1916 г. на австро-германском фронте был стратегический прорыв, что естественно для позиционной войны.

Русский вариант плана кампании 1917 г. предполагал следующее.

Главный удар должен был наносить Юго-Западный фронт в направлении на Львов (11-й и 7-й армиями), вспомогательный удар – в направлении Калуш – Болехов (8-й армией). На Румынском фронте 4-й и 6-й русскими армиям совместно с 1-й и 2-й румынскими армиями предстояло разгромить противника в районе Фокшан и занять Добруджу, а 9-й русской армии – сковать противника в Карпатах. На Северный и Западный фронты

возлагалось нанесение вспомогательных ударов на участках по выбору главнокомандующих.

Разработанный временно исполняющим обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко план предусматривал перенос стратегического решения на Румынский фронт и Балканы. На Северном, Западном и Юго-Западном фронтах Ставка отказывалась от масштабных операций.

Генерал от кавалерии В. И. Гурко (Ромейко-Гурко) – с 14. 08. 1916. командовал Особой армией, 31. 03. – 22. 05. 1917. Главнокомандующий армиями Западного фронта. Фото из: Нива, 1914.

Но из руководителей фронтов с планом Гурко согласился лишь один А. А. Брусилов.

Главкомандующие войсками Северного и Западного фронтов воспротивились балканскому направлению, считая, что «главный враг не Болгария, а Германия». Они не понимали специфику коалиционной войны. В. И. Гурко находился в Ставке временно и не мог настоять на принятии своего плана. В итоге, принятый план был компромиссом.

План кампании 1917 г. – лучший из стратегических планов русского Верховного главнокомандования. Но в полной мере реализовать его в послереволюционных условиях возможности уже не было.

Успешное с тактической точки зрения, летнее наступление 1917 г. ознаменовалось тяжелыми стратегическими последствиями. Огромное влияние на стратегическое искусство русской армии оказало падение боеспособности и боевой упругости русских войск.

Характеризуя стратегическое искусство русской армии в период Первой мировой войны, необходимо отметить следующие обстоятельства.

Специфика коалиционной войны привела к тому, что Верховное главнокомандование русской армии не имело возможности реализовывать единое стратегическое планирование, исходя только из национальных стратегических интересов.

Результатом стало стратегическое наступление по расходящимся направлениям как в кампании 1914 г., так и зимой-весной 1915 г.

В кампании 1914 г. компенсировать стратегическую рассеянность удалось с помощью мощного стратегического резерва (корпуса 2-го эшелона) – который составлял 14 % от всей действующей армии. В кампании 1915 г. такого резерва уже не было.

Если в кампании 1914 г. необходимость такой стратегии диктовалась условиями Франко-Русской военной конвенции, то во втором – вызывалась исключительно оперативной инерцией и возможностью и желанием Ставки координировать действия фронтов. Фактически

зимой – весной 1915 г. главнокомандующие фронтами реализовывали собственные оперативные замыслы, лишь в общих чертах согласованные со Ставкой.

В ходе «Зимних стратегических Канн» австро-германское командование смогло парализовать попытку осуществить стратегическое наступление как на северном (зимнее сражение в Мазурии) так и на южном флангах (контрнаступление в Карпатах) русского стратегического построения. Недостаток ресурсов привел к переходу к стратегической обороне, а дальнейшая ситуация усугубилась после перехода противника к реализации крупномасштабных наступательных планов в рамках весенне – летней кампании 1915 г.

Летом 1915 г. главной стратегической задачей для русского Верховного командования стала борьба за вывод войск из «польского мешка» и занятие оптимальных стратегических рубежей в расчете на будущие операции. В этот период начала реализовываться стратегия обширных театров. Операции русской армии в этот период – Митаво-Шавельская, Виленская, борьба за Двинск и Якобштадт, сражения на Серете, Стрыпе, у Луцка и Чарторийска главной задачей имели борьбу за выгодные стратегические рубежи и плацдармы.

В кампании 1916 г. уже реализуется единая стратегия Ставки. Но и в этот период специфика коалиционной войны накладывает более чем существенный отпечаток на стратегическое планирование и, самое главное, реализацию стратегических планов. Вместо одного мощного наступления весной-летом 1916 г. приходится в марте провести наступление у Нарочи (в результате чего потенциал Северного и Западного фронтов оказался в значительной мере подорван), начало активных действий Юго-Западного фронта также было сдвинуто. В результате, несмотря на общий успех кампании, искомый стратегический результат не наступил.

Именно рассеянность стратегии русской армии в 1914–1916 гг. (что объясняется прежде всего союзническими обязательствами России и спецификой коалиционной

войны) не позволила достигнуть решительного результата в борьбе ни с одним из противников.

Само стратегическое развертывание в 1914 г. страдало важнейшим нарушением основного правила стратегии – необходимости сосредоточения наибольших сил на важнейшем направлении, хотя бы даже ценой оголения второстепенных участков фронта. Именно интересы коалиции в целом вынудили Россию действовать подобным образом.

Вместе с тем оперативно-стратегические усилия русской армии в значительной мере способствовали победе всего блока Антанты в Первой мировой войне.

Одной из упущенных возможностей русской стратегии был босфорский вопрос. Дважды (в 1915 и 1916 гг.) была упущена возможность реализовать периферийную стратегию, осуществив комбинированную операцию по овладению проливами Босфор и Дарданеллы.

Второй Верховный главнокомандующий русской армией в годы Первой мировой войны Император Николай II и начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М. В. Алексеев. Взято из: Нива 1915.

В начале XX века проливы имели для России важнейшее экономическое и стратегическое значение. Лозунг – «ключи от Босфора находятся в Берлине» оказался в корне неверным – итоги Второй мировой войны являются ярким тому доказательством.

К весне 1916 г. операция для овладения Босфором была подготовлена. Считая, что вопрос о проливах будет решен победой над Германией, начальник Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев считал Босфорскую операцию ненужной затеей, способной лишь отвлечь войска от главного театра войны, и тем отсрочить победу. Это при том, что оперативно-стратегическая обстановка в

этот период складывалась для русских войск исключительно благоприятно. К весне 1916 г., вследствие ряда катастроф на Кавказском фронте, постоянных неудач в районе Суэцкого канала и Палестины, а особенно вследствие тяжелых потерь при обороне Дарданелл, боеспособность турецкой армии была в значительной мере подорвана, а материальные ресурсы исчерпаны.

Последний удар боеспособности турецкой армии нанесло германское верховное командование, потребовав, в связи с успехами наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г., отправки на галицийский фронт целого турецкого корпуса. В состав корпуса были включены наиболее боеспособные части из состава группировки, находившейся в районе Проливов и Константинополя.

После переброски в июле 1916 г. этого корпуса в Галицию, в районе проливов осталось всего 3 дивизии. Учитывая слабую пропускную способность железнодорожных путей, германцы при всем желании не смогли бы подвезти в угрожаемый район значительные подкрепления ранее, чем через 2 недели после начала русской десантной операции. В этой обстановке даже небольшой русский десант (2–3 дивизии, т. к. большее число соединений М. В. Алексеев не считал возможным выделить из состава действующей армии) мог сыграть важнейшую стратегическую роль.

В 1916 г. Турция была самым слабым звеном германского блока, и Босфорская экспедиция вместе с Брусиловским наступлением могли вызвать цепную реакцию обрушения вражеской коалиции. На правильность этой стратегической идеи указывает то обстоятельство, что крушение Германии в Первой мировой войне в 1918. началось именно на второстепенном – Солоникском фронте – с капитуляции Болгарии. Историк А. А. Керсновский был абсолютно прав, когда писал: «Ключи от Босфора полагали в Берлине.... Сейчас мы видим, что ключи от Берлина находились на Босфоре»^[25].

Генерал от кавалерии А. А. Брусилов – с 19. 07. 1914. командующий 8-й армией (первоначально Проскуровской группой войск), 17. 03. 1916. – 21. 05. 1917. – Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Фото из: Великая борьба народов. Т. 2. М., 1915.

Первая мировая война окончательно опрокинула стратегические концепции о возможности достижения победы путем разгрома противника в генеральном сражении.

Исход войны определился в длительной, напряженной борьбе.

В начале войны была сделана попытка добиться победы путем ведения решительного стратегического наступления. Однако вследствие мощного развития огневых средств подавления противника и тяжелых потерь все воюющие стороны, израсходовав почти все материальные запасы, были вынуждены перейти к стратегической обороне. Сложилась новая форма ведения войны – длительная борьба на сплошных позиционных фронтах. Достигнуть победы в создавшейся обстановке можно было только путем проведения ряда стратегических наступательных операций, осуществляемых одновременно или последовательно на различных фронтах.

Огромный размах вооруженной борьбы потребовал изменения способов стратегического руководства. Управлять огромными армиями по старой схеме «главнокомандующий – армия» стало невозможно. Поэтому сложилась новая структура управления: Ставка – фронт (группа армий) – армия. Уже с самого начала войны было введено деление действующей армии на два фронта: Северо-Западный и Юго-Западный (в то время как у французов процесс объединения армий начал определяться лишь в сентябре 1914 г., также как и командование над 8-й и 9-й германскими армиями было сосредоточено в руках П. Гинденбурга также в сентябре 1914 г.). Наступление группировки П. Гинденбурга на варшавский плацдарм в сентябре – октябре 1914 г. требовало реакции русского командования – и первоначально почти пустой Передовой театр (Русская Польша) начал с сентября 1914 г. заполняться войсками из обоих фронтов. На первых порах Ставка подчинила эти войска Юго-Западному фронту, но вскоре затем передала Северо-Западному фронту. Но налицо была необходимость нового, срединного фронта.

И в ходе Лодзинской операции в ноябре 1914 г. нечто подобное проявилось в группировке из войск (2-я, 1-я и 5-я армии и отдельные отряды), объединенных под

временным руководством командующего 5-й армией П. А. Плеве. Но эта группировка была подчинена не Ставке непосредственно, а Северо-Западному фронту И лишь в августе 1915 г., расширившегося после Великого отхода Русского фронта, был образован такой срединный фронт – Западный.

После присоединения Румынии к державам Согласия вначале на новом ТВД оперировала румынская армия с входящим в нее русским армейским корпусом, а затем, после разгрома румынской армии А. фон Макензенем, появился Румынский (Русско-румынский) фронт, подчиненный русской Ставке под номинальным командованием румынского короля.

Русская армия в период Первой мировой войны использовала все формы стратегического маневра – стратегический прорыв, стратегическую фланговую атаку, стратегический охват и окружение, грамотно оперировала стратегическими резервами.

Важнейшее оперативно-стратегическое значение имел железнодорожный маневр Верховного командования в Галицийской битве. 9-я армия (1 и 18-й гвардейские корпуса) сосредотачивалась в районе Варшавы в качестве резерва, который, перейдя в наступление по левому берегу р. Вислы, мог помочь армиям Северо-Западного фронта преодолеть барьер германских крепостей на Нижней Висле. Но в момент кризиса Галицийской битвы русское главнокомандование развернуло железнодорожные эшелоны с корпусами армии и направило их на правый фланг 4-й армии (в район Люблина), что позволило переломить ход противостояния в Галиции.

В ходе Варшавско-Ивангородской операции русское Верховное командование осуществило широкий маневр как по грунтовым, так и по железным дорогам, наладив одновременное наступление четырех армий. Благодаря этому маневру русское командование смогло создать перевес в силах над противником на главном участке операции (1,6: 1 в пехоте и 1,5: 1 в артиллерии), что в немалой степени способствовало победе. Как отмечал Г. К.

Корольков: «русским принадлежал конечный стратегический успех, так как генерал Гинденбург был принужден отказаться от продолжения операции, не ожидая тактического успеха... на его стороне были преимущества технического снабжения и неограниченного расходования боевых средств и все-таки он принужден был признать свой стратегический неуспех и начать быстрый отход»^[26].

Следует назвать имена трех выдающихся стратегов русской армии эпохи Великой войны, обладавшими присущим им стилем оперативно-стратегического творчества, деятельность которых отразилась на ходе боевых операций на Русском фронте – великого князя Николая Николаевича, М. В. Алексеева и Н. Н. Юденича.

При всех недостатках, стратегическое искусство русской армии стояло на должном уровне, являясь ключевым фактором в деле победы Антанты над германским блоком в Первой мировой войне.

II. Оперативное искусство русской армии

Оперативное искусство – элемент военного искусства, связующее звено между стратегией и тактикой. Занимается теорией и практикой подготовки и проведения фронтовых и армейских боевых операций. По содержанию оперативное искусство – это наука о проведении операций.

Оперативное искусство формирует способы подготовки и проведения боевых операций (обеспечивая деятельность стратегии) и дает исходные данные для организации подготовки и проведения общевойскового боя в соответствии с целями и задачами операций (обеспечивая этим функционирование тактики).

Крупнейшим исследователем вопросов оперативного искусства в довоенный период был военный теоретик профессор Николаевской академии Генерального штаба А. А. Незнамов^[27]. Он отмечал, что идеалом военного искусства было стремление решить судьбу войны в ходе одного «генерального сражения» – но т. к. в современной войне «дерутся» недели, а «пережидают» месяцы, то война представляет из себя совокупность скачков наступающего и отскоков обороняющегося. Границами таких скачков являются рубежи сопротивления обороняющегося.

Соответственно, А. А. Незнамов под боевой операцией понимал подготовку и ведение военных действий общевойсковой армией (фронтовые объединения до мировой войны были неизвестны), причем эти действия подвержены определенной цикличности. Логическим же концом операции является сражение. Соответственно, искусство подготовки и проведения операции и составляет предмет оперативного искусства.

Как справедливо отмечал теоретик, современная война не может быть решена одним генеральным сражением –

она состоит из совокупности боевых операций, взаимосвязанных между собой основной руководящей идеей – «операционной линией». Сражение одной или нескольких армий также в свою очередь состоит из нескольких боестолкновений, также связанных между собой единой целью.

Исследуя наступательную операцию, А. А. Незнамов выделял следующие формы оперативного маневра: захват сообщений, прорыв, охват вражеского фланга.

Захват сообщений (удар по коммуникациям) заманив по своим результатам и огромному нравственному впечатлению. Достижение такого успеха требует большого искусства на поле боя – в противном случае наступающему «угрожает не просто опасность, а катастрофа».

Прорыв и дальнейшие действия прорвавшейся группы против одной из частей боевого порядка противника возможны «при чрезмерной разброске неприятельской армии».

Из трех форм оперативного маневра, наиболее часто применяемой и естественной для больших войсковых масс, будет являться наступательная операция с охватом одного из флангов противника. Для проведения такой операции наступающий должен сосредоточить превосходящие силы.

Охват флангов энергичного противника осуществить весьма сложно, т. к. для этого требуется очень большое превосходство в силах – в противном случае «наступающий сам рискует прорывом».

Марш-маневр, оперативные перемещения, подход войск к полю сражения и их развертывание теоретик рассматривал с позиции обеспечения возможности сосредоточить в течение одного боевого дня на одном поле сражения максимальные силы и средства, которые вступают в бой с похода («простым движением вперед») и с охватом фланга противника. Достижение такого результата и составляет цель марша-маневра.

А. А. Незнамов выделял следующие основные особенности современного сражения. Главный успех основывается на достижении огневого перевеса над противником – в результате действий в рассыпном строю (стрелковой цепи) пехоты.

Конница не может находиться, как когда-то, на одной линии с пехотой взаимодействуя с последней – она должна пользоваться успехом, достигнутым в огневом бою.

Артиллерия (ее роль значительно выросла), создавая огневой перевес, пролагает пехоте дорогу и по приказу командира переносит центр тяжести своего огневого воздействия на ключевые пункты поля боя.

Вследствие возросших дальноточности и меткости оружия – развертывание войск осуществляется на удалении 10—7 км от поля сражения. Рассредоточение боевых порядков войск на широком фронте, считал А. А. Незнамов, не может привести к решительному успеху при лобовом столкновении противников. Поэтому участь сражения в основном и будет решена на одном из флангов. Соответственно, наибольший оперативный успех может быть достигнут при условии подхода войск к полю сражения одновременно с разных направлений.

А. А. Незнамов выделял «выжидательную» и «встречную» операции.

Выжидательная операция (выжидательное расположение) осуществляется для того, чтобы не дать противнику одержать оперативный успех до того, пока не будут закончены необходимые технические мероприятия со стороны обороняющегося.

Такая операция осуществляется на выгодных оборонительных рубежах. На этих заблаговременно укрепленных позициях выжидающий противник располагает меньшую часть своих сил, в то время как главные силы направляются для решения активной задачи – она наступает, стараясь на избранном направлении достигнуть над противником перевеса.

Встречную операцию, писал А. А. Незнамов, нужно перестать считать случайной. Как и другие операции, она готовится и рассчитывается. Во встречной операции, являющейся следствием одновременного наступления противников, «очень важно сразу же взять почин в свои руки».

Начавшаяся Первая мировая война подвергла многие теоретические постулаты практической проверке.

Реализация оперативного искусства русской армии в годы войны осуществлялась фронтами (оперативно-стратегическими объединениями войск действующей армии) и армиями (оперативными объединениями действующей армии).

Всего в годы войны существовало 6 фронтов: Северо-Западный, Северный, Западный (появились в августе 1915 г. в связи с разделением Северо-Западного фронта), Юго-Западный, Румынский (образован в декабре 1916 г.) и Кавказский и 17 армий (1-13, Особая, Добруджинская, Дунайская, Кавказская).

Осуществлялось оперативное искусство на Русском фронте Первой мировой войны в период проведения кампаний и входящих в их состав боевых операций.

Структурно операции кампании 1914 г. делятся на четыре группы.

Во-первых, это восточно-пруссские походы: Восточно-Прусская операция (в т. ч. Первое сражение у Мазурских озер) и Второй поход в Восточную Пруссию (включая Первую Августовскую операцию). Главная цель этих операций – помощь Французскому фронту и овладение плацдармом для последующих действий против Германии, а также прикрытие правого фланга группировки в Польше.

Как уже отмечалось, наиболее эффективной реализации Россией союзнического долга способствовало максимально быстрое вторжение войск Северо-Западного фронта в Восточную Пруссию. Максимальная быстрота означала огрехи в мобилизации и сосредоточении войск – но русское командование шло на это для спасения страны-

союзницы. В августе 1914 г. единственная германская территория, на которую непосредственно могла воздействовать русская армия – это Восточная Пруссия. В начале кампании именно действия на данном ТВД могли привести к быстрой оперативной реакции высшего германского командования и вызвать отток его войск с Французского фронта.

В то же время Восточная Пруссия, эта естественная крепость Европы, была очень неприятным (в смысле маневрирования наступающих армий) ТВД, не прощавшим тактических и оперативных ошибок оперировавших войск. Восточная Пруссия считалась самым трудным ТВД: она была одной огромной крепостью – до того сильными были естественные и искусственные препятствия, которыми она изобиловала.

Во-вторых, это галицийские операции: Галицийская битва, Ченстохово-Краковская операция, первый этап Карпатской операции. Главная цель этих операций – сокрушение австро-венгерской армии и вывод Австро-Венгрии из войны.

Задаче реализации собственно русских интересов способствовали операции в Галиции. Этот ТВД мог принести гораздо большие стратегические и оперативные результаты. Он был благоприятнее для маневрирования крупных войсковых группировок. Наконец, здесь была сосредоточена основная масса австрийской армии, и заманчивым казалось нанести ей решительное поражение уже в начале войны.

В-третьих, действия русских войск по двум вышеуказанным направлениям привели к интенсивным переброскам германских войск на Русский фронт. Их структурирование и поиск новых оперативных решений привел к образованию еще одного ТВД – Польского (район р. Висла). Здесь были осуществлены одни из крупнейших и знаковых операций кампании – Варшавско-Ивангородская и Лодзинская.

В-четвертых, вступление Турции в войну привело к образованию еще одного фронта. Центральной операцией

на данном ТВД является Сарыкамышское сражение.

Оперативная цель Восточно-Прусской операции 4 августа – 1 сентября 1914 г. для Северо-Западного фронта – захватить кенигсбергский выступ и прикрыть правый фланг русских войск в Польше, а также окружить и уничтожить войска германской 8-й армии в Восточной Пруссии.

1-я армия, наступая севернее Мазурских озер, должна была охватить левый фланг противника, а 2-я армия, обходя Мазурские озера с запада, должна была разгромить немецкие корпуса между р. Висла и Мазурскими озерами, воспрепятствовав отходу противника за Вислу. Таким образом, оперативная цель заключалась в охвате флангов противника посредством концентрического наступления – с дальнейшим окружением и уничтожением главных сил 8-й армии.

Но вследствие ряда объективных (например, наличие Мазурских озер, разрывавших фронт русских армий), так и субъективных (отсутствие согласованности в действиях командующих армиями, а также вследствие ненадлежащего руководства операцией со стороны командования фронтом) фактически осуществлялась не фронтовая, а две изолированные армейские операции.

Операция в принципе могла быть русскими войсками выиграна с большим трудом и при условии тесного взаимодействия штабов всех уровней, бесперебойной работе связи и качественной разведке.

Не закончив сосредоточение, в связи с настойчивой просьбой французов о помощи, 1-я и 2-я армии перешли в наступление – слишком критическим было положение англичан и французов в приграничном сражении.

Структура операций армий фронта была следующей.

Фронт 1-й армии.

4 августа – сражение под Сталлупененом. По оперативной форме это встречный бой между германским 1-м армейским корпусом и русским 3-м армейским

корпусом при поддержке других подходящих войск. Частям русской 27-й пехотной дивизии противостояли германские 1-я и 2-я пехотные дивизии.

Начавшись неблагоприятно для русских (заминка и временный отход 105-го пехотного полка 27-й пехотной дивизии), бой закончился поражением немцев, отошедших к Гумбиннену. Военный историк комбриг Н. Евсеев отмечал: «В итоге дня 17 августа (по новому стилю. – А.О.) 1-й германский корпус потерпел поражение. 1-я пехотная дивизия была серьезно потрепана, потеряв часть артиллерии; 2-я пехотная дивизия, действовавшая на широком фронте, была отброшена превосходными силами русских»^[28].

7 августа – Гумбинненское сражение. По оперативной форме – встречный бой с попыткой германского охвата русского 20-го армейского корпуса. Соотношение сил: 74,4 тыс. штыков немцев при 224 пулеметах против 63,8 тыс. штыков русских при 252 пулеметах; 408 русских орудий против 408 легких и 44 тяжелых германских орудий.

Это было первое серьезное поражение немцев в войне. И. И. Вацетис констатировал: «8 германская армия в бою под Гумбинненом потерпела крупную неудачу, которая при продолжении боя могла бы обратиться в катастрофу. Генералу фон Притвицу оставался единственный выход из критического положения – отступить на р. Ангерап»^[29].

Ф. Храмов отмечал: «Сражение под Гумбинненом выиграно русскими войсками. Они нанесли крупное поражение четырем германским дивизиям, имея со своей стороны значительно потрепанной только одну (28-ю) дивизию»^[30].

Главным итогом сражения стали смена командования 8-й германской армии и начало ее отступления на Вислу и то, что немцы приняли решение перебросить на восток с Французского фронта 6 корпусов (3 из них начали движение) и кавалерийскую дивизию. Официальная французская история войны напрямую увязывала «катастрофу» 17-го армейского корпуса А. фон Макензена

под Гумбинненом с принятием решения о переброске дополнительных германских войск в Восточную Пруссию с Французского фронта^[31].

В дальнейшем 1 – я армия увлеклась осадой Кенигсберга, ее левый фланг в лице 1-й кавалерийской дивизии должен был наладить контакт со 2-й армией, но безуспешно.

Фронт 2-й армии.

10—11 августа бой 15-го армейского корпуса с германским 20-м армейским корпусом у Орлау – Франкенау окончился поражением немцев. Разгром германского заслона (группа генерала О. фон Шольца – 3,5 пехотных дивизии, костяк которых и составлял 20-й армейский корпус) на юге Восточной Пруссии создал предпосылки для успешного наступления армии А. В. Самсонова. По форме сражение у Орлау – Франкенау – оперативный прорыв. Этот бой стал вторым крупным успехом русских армий в Восточной Пруссии после Гумбиннена. Отбросив войска 20-го корпуса к северу, 2-я армия открыла себе путь вперед. К сожалению, дальнейшие ошибки и неумение ее командования объективно оценить оперативную обстановку не позволили развить достигнутый успех.

Штаб 2-й армии, находясь в мест. Остроленка, к 11 августа оторвался от войск на 5 переходов, что чрезвычайно осложнило управление войсками (особенно при нехватке технических средств связи). К тому же остановка 1-й армии наряду с уклонением 2-й армии на 60–70 км западнее для более глубокого охвата противника привели к тому, что 2-я армия, наступая на фронт Алленштейн – Остероде, оказалась в трех оперативных группировках, растянутых на 100-км фронте.

На обоих флангах оперативного объединения были созданы обеспечивающие группы (на правом фланге в составе 6-го армейского корпуса и 4-й кавалерийской дивизии, оторванных от других корпусов на 50 км; на левом фланге – 1-й армейский корпус, превращенный в заслон у г. Сольдау, и 15-я и 6-я кавалерийские дивизии).

В центре армии наступала ударная группа из 13-го и 15-го армейских корпусов и 2-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса.

Фактически около половины сил 2-й армии было задействовано на обеспечение операции, действуя пассивно. Массированного, таранного удара по противнику организовать не удалось.

Начиная с 13 августа (после перегруппировки), осуществлялась реализация замысла генерал-лейтенанта Э. фон Людендорфа – нового начальника штаба германской 8-й армии. Оставив заслон против остановившейся 1-й армии, немцы (пользуясь развитой ж/д сетью и оперативной подвижностью) все силы сосредоточили против 2-й, решив поймать в «мешок» ее центральные корпуса. Фланговые корпуса (1-й и 6-й армейские) в боях 13–16 августа были сбиты со своих позиций и отошли, что дало возможность противнику окружить центральные корпуса 2-й армии.

В итоге, германцы смогли спокойно приступить к окружению центральной группировки самсоновской армии – и с 15 августа около 13 германских дивизий действовали против 5 русских, личный состав которых к тому же был утомленным и голодным.

Следует отметить огромное значение (особенно при осуществлении операции на окружение) знания немцами из перехваченных радиোগрам оперативных документов штаба русской армии с диспозицией ее войск и постановкой им боевых задач.

Несмотря на неблагоприятные оперативно-тактические факторы, в ряде боев русские войска центральной группы нанесли поражение немцам (Ваплиц – Мюлей) и заняли 14 августа г. Алленштейн (вновь потерпел поражение германский 20-й армейский корпус и была почти уничтожена его 41-я пехотная дивизия; кроме того, потерпела поражение ландверная дивизия Гольца).

Но ударная группа сама все глубже входила в «котел». Слишком поздно поступившее распоряжение на отход

привело к плачевным результатам. 16–18 августа – попытки пробиться из окружения и гибель русских 13-го и 15-го армейских корпусов.

Не было принято мер ни по организации единого руководства окруженными войсками для организации прорыва, ни действенной помощи извне.

2-я армия была немцами нейтрализована, и они переключили внимание на войска 1 – й. Немцы развернули против нее более сильную по численности группировку (6 армейских корпусов против 4,5), превосходившую русских в артиллерии (1146 орудий против 724). Германцы решили, обойдя левый фланг русских с юга и отбрасывая их к нижнему течению Немана, разгромить 1-ю армию. Пользуясь тем, что русская 10-я армия доформировалась, а 2-я приводила себя в порядок после самсоновской катастрофы, командующий германской 8-й армией П. Гинденбург 25–31 августа провел Первое сражение у Мазурских озер. Для русской 1-й армии сражение носило оборонительный характер.

Нерешительные действия обходящей группы немцев особых результатов не принесли. Ф. Храмов отмечал: «Одной дивизией (1-й) атаковал русских... в районе Аряс; со значительными потерями лишь к исходу дня 8 сентября (нового стиля. – *А.О.*) немцы овладели этим пунктом... 17-й армейский корпус, завершив в этот день подход к русской позиции, безрезультатно провел в районе Круглянкен (южнее Куттен) несколько атак, которые были все отбиты частями доблестной 43-й пехотной дивизии, несмотря на четверное превосходство сил германцев»^[32].

Германский 17-й армейский корпус встретил упорное сопротивление русских частей и с большими потерями овладел русскими позициями у Круглянкена, в то время как 20-й армейский корпус пассивно топтался на месте (его робкая попытка продвинуться была отбита огнем русской артиллерии), а Гвардейский резервный корпус, также встретив сильное сопротивление русской артиллерии, понес серьезные потери и приостановил наступление.

Теперь оперативно-стратегическая обстановка на Русском фронте требовала от войск Северо-Западного фронта сковать германские силы в Восточной Пруссии, лишив их возможности оказать влияние на ход событий в Галиции.

Бои, шедшие с переменным успехом (так, 29 августа русский 20-й армейский корпус вновь занял г. Гольдап) привели к вытеснению армии П.-Г. К. Ренненкампа из Восточной Пруссии.

В итоге, к началу сентября 1914 г. противоборствующие стороны возвратились в первоначальное положение.

Оперативно Восточно-Прусская операция была русскими войсками проиграна. Они не смогли занять Восточную Пруссию, уничтожить 8-ю армию. Германцы смогли сохранить Восточно-Прусский плацдарм как базу последующих операций. Но стратегически это одна из самых успешных коалиционных операций Антанты.

Оценивая оперативное искусство русской армии в этой операции необходимо отметить, что хотя немцы потерпели ряд поражений в отдельных боях, но выиграли операцию в целом. Тактические успехи русских войск, к сожалению, не были преобразованы в оперативную победу. И в этом повинны армейские и фронтовое командования.

В этой операции «На полях Восточной Пруссии в кровопролитных боях проверялись военная доктрина и боевая выучка двух наиболее сильных противников. Русские войска по уровню своей тактической подготовки ни в какой степени не уступали германцам... нанесли германцам ряд тяжелых поражений. 19 августа (здесь и далее в цитате нового стиля. – *А.О.*) 25 и 29-я пехотные дивизии русских разгромили левый фланг 1-го германского корпуса <...>; 20 августа под Гумбинненом были разбиты 1-й и 17-й армейские корпуса; в период августовского сражения армии Самсонова русские разбили 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Гросс-Бессау и Мюлена, ландверную дивизию Гольца и 3-ю резервную дивизию у Гогенштейна, 41-ю пехотную дивизию у Ваплица, 37-ю пехотную дивизию у Лана, Орлау, Франкенау; наконец,

они нанесли поражение 2-й пехотной дивизии под Уздау... Только по вине русского высшего командования, с одной стороны, слепо шедшего на поводу у французского генерального штаба, а с другой, – не сумевшего организовать согласованные действия двух армий, операция завершилась частным поражением 2-й и отходом 1-й русских армий»^[33].

Русское командование не смогло реализовать ряд благоприятных оперативных возможностей. Например, если после поражения 8-й германской армии под Гумбинненом русская 1-я армия продолжала преследование, а не топталась на месте, исход операции был бы совершенно иной.

Вместе с тем, следует отметить, что с оперативной точки зрения операция на охват, а тем более на окружение германской 8-й армии со стороны 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта не могла иметь успех как в силу особенностей ТВД, так и вследствие несогласованности действий русских армий. Напротив, немцы славились своим умением проводить операции подобного типа как раз вследствие образцово налаженного взаимодействия сил и средств.

Главные причины оперативного поражения русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 г. сводились к следующему.

1. Отсутствие должного управления со стороны командования фронтом. Я- Г. Жилинский не владел обстановкой, его деятельность выразилась исключительно в издании директив (понукающего характера для 2-й армии). Н. Н. Головин так его охарактеризовал: «Генерал Я. Г. Жилинский представлял собою тип высшего военно-бюрократического деятеля, ставившего форму выше существа и исполнение желаний начальства выше пользы дела»^[34]. Солидарен с ним и Ф. Храмов, отмечая, что «Командование Северо-Западного фронта и армий в этой операции проявило свою слабую оперативную подготовленность и недостаточное умение управлять крупными войсковыми массами на театре войны. Эти

слабые стороны командования еще более усугублялись неподготовленностью театра военных действий и большими трудностями материального обеспечения войск»^[35].

Справедливости ради стоит отметить, что многие «грехи» высшего командования были свойственны и нашим союзникам по Антанте.

А. В. Самсонов фактически реализовывал не замысел фронтового командования, а собственную модификацию общего плана. У исполнительного же П.-Г. К- Ренненкампа было туго с инициативой – важнейшим достоинством военачальника на войне.

Вместе с тем к смягчающим обстоятельствам относится то, что действовать пришлось в тяжелых условиях начала небывалой войны. А. А. Свечин писал: «Громадное искусство требовалось от вождей нашего северного фронта, которые шли на 3 германских корпуса, могущих внезапно обратиться в 14 корпусов (возможная переброска войск противника из Франции после разгрома последней. – *А.О.*). Наше исполнение задачи в Восточной Пруссии стояло совершенно не на высоте поставленной задачи, но русский генеральный штаб вне упрека... – он не забывал о главном театре, он не забывал о своем союзническом долге, он не увлекался эгоистическими целями»^[36].

2. Не было налажено взаимодействие между 1-й и 2-й армиями. В этом вина как командармов, не наладивших «локтевое взаимодействие», так и командующего фронтом, не сумевшего увязать разрозненные действия своих армий по времени и замыслу в единую фронтовую операцию. Следует также отметить, что взаимодействие должно было иметь место с момента планирования и начала операции, а не в момент начала «Танненберга».

Уже с момента переброски главных сил противника против войск А. В. Самсонова помощь последнему со стороны армии П.-Г. К. Ренненкампа сводилась к минимуму. Э. фон Людендорф позже писал о критическом моменте своей операции против 2-й армии, что когда

армия Ренненкампа висела, как грозная туча на северо-востоке, ему «стоило только двинуться и мы были бы разбиты...».

Но для того, чтобы помешать планам германского командования, 1-й армии следовало не просто двинуться, а пройти около 60 км по прямой только для того чтобы просто войти в связь с правым флангом 2-й армии (при условии, что этот фланг будет оставаться на месте). Главным же силам 1-й армии предстоял бы переход около 100–110 км (минимум 2 дня форсированного марша при точном целеуказании).

Двухдневная задержка движения армии П.-Г. К-Ренненкампа (7–9 августа), о чем немцы узнали из переданной открытым текстом радиограммы, имела большее значение для исхода операции, чем, если бы 1-я армия двинулась впоследствии на помощь 2-й. Время было упущено. Да и медлительность наступления 1-й армии с 10 августа переходами не более 15 км в сутки, дала возможность противнику перегруппироваться против 2-й армии. Командование же 2-й армии исходило из ложной оценки диспозиции противника – считалось, что главная масса войск германской 8-й армии спешно отходит к Висле, а против 2-й армии действует лишь заслон, прикрывающий отход. А отсюда делался вывод – быстрым наступлением войск 2-й армии сбить заслон противника и перехватить пути его отхода.

3. Слабость сил и средств, выделенных для решения задачи. Теоретически исходная группировка давала русским полуторное превосходство при условии совместных действий 1-й и 2-й армий. Но т. к. это условие отсутствовало в течение всей операции, немцы имели возможность, используя прекрасную сеть железных дорог, сосредотачивать в нужном пункте превосходящие силы и наносить поражение русским армиям по отдельности. Противник был недооценен, а свои силы переоценены.

4. Следует отметить и неудовлетворительные действия русской конницы (исключение составляла лишь 1-я кавалерийская дивизия В. И. Гурко), которая не смогла ни

наладить преследование противника после многих успешных боев, ни должное взаимодействие с пехотой, ни осуществлять стратегическую разведку, не говоря уже об оперативных действиях.

5. Нарушение режима секретности (главная причина – недостаточное количество криптографов в действующей армии и некачественные шифры).

Германцы перехватывали и читали русские армейские шифры. Прочитали они и директиву главнокомандующего фронтом командующему 1-й армией о приостановке наступления (ведь 2-я армия должна была успеть замкнуть клещи, а немцы перед фронтом 1-й армии отходили слишком быстро). В результате этого командование германской 8-й армии решилось на рокировку войск против армии А. В. Самсонова. Получили немцы и текст директивы фронта штабу 2-й армии.

Германские связисты регулярно докладывали своему командованию содержание перехваченных радиোগрам, в которых имелась чрезвычайно важная оперативная информация.

Э. Людендорф писал: «По дороге из Мариенбурга в Танненберг нам была вручена перехваченная неприятельская радиотелеграмма, которая дала нам ясную картину неприятельских мероприятий на ближайшие дни»^[37].

Генерал-квартирмейстер 8-й армии М. Гофман свидетельствовал: «Русская радиостанция передала приказ в нешифрованном виде, и мы перехватили его. Это был первый из ряда бесчисленных других приказов, передававшихся у русских в первое время с невероятным легкомыслием, сначала без шифра, потом шифрованно. Такое легкомыслие очень облегчало нам ведение войны на востоке»^[38].

Но вследствие частой путаницы в шифре русские штабы часто вообще пренебрегали шифрованием, штаб германской 8-й армии получал важнейшие сведения быстрее, чем командиры русских соединений, которым

они предназначались. В итоге германское командование знало не только действия, но и намерения русского командования, в то время как последнее во многом действовало вслепую. В такой обстановке со стороны командования противника не требовалось проявления особого оперативного творчества.

При всем этом: «Располагая многочисленными преимуществами, а особенно русскими радиотелеграммами, немцы... упустили многие представлявшиеся им возможности. Причиной этого явились оперативные промахи (порой неряшливость) некоторых германских военачальников и весьма неудачные в тактическом отношении боевые действия германских войск, терпевших в ряде боев жестокие поражения»^[39].

Даже в сражении у Мазурских озер при явном численном и огневом превосходстве действия германского командования оставляли желать лучшего (немцы в буквальном смысле «вытеснили» армию П.-Г. К-Ренненкампа из Восточной Пруссии).

6. Нерешительные действия фланговых 1 – го и 6-го корпусов 2-й армии (отойдя, они позволили противнику окружить центральные корпуса).

Даже после постигшей их неудачи они «совместно с конницей решительным наступлением на фланговые группировки германцев могли сковать их и выиграть время для отхода 13 и 15-го армейских корпусов. Нужно было категорически потребовать от командиров 6 и 1-го армейских корпусов энергичных и решительных действий. Этого не было сделано, ибо командование 2-й армии не знало обстановки на фронте армии...»^[40].

Командир 1-го армейского корпуса сформировал сводный отряд для помощи окруженным войскам (выдвинувшись из Млавы вечером 16-го августа, ночью он достиг г. Нейденбурга, а утром следующего дня овладел городом), но, отбросив противника на 10 км севернее Нейденбурга, части этого отряда вследствие утомленности ночным 35 километровым маршем, развить успеха не

смогли. Тем не менее, командир германского 1-го армейского корпуса для отражения этого удара был вынужден значительно ослабить кольцо окружения остатков 13-го и 15-го русских армейских корпусов, повернув фронт ряда частей своего соединения с северного направления на юго-запад. И если бы существовало единое управление окруженными русскими войсками со стороны командарма А. В. Самсонова или кого-либо из командиров корпусов, был шанс разгромить германскую 2-ю пехотную дивизию, и прорваться из окружения на Мушакен и Нейденбург.

7. Ненадлежащее руководство войсками 2-й армии со стороны командарма генерала А. В. Самсонова, покинувшего командный пункт армии и тем оставившего ее без всякого руководства в кризисный момент сражения.

Выпустив рычаги управления из своих рук, он не нашел ничего лучшего, как перестать руководить армией, выехав в передовые части. А. В. Самсонов нарушил одно из элементарных правил военного искусства, которое требует от командующего армией выбора для своей штаб-квартиры такого пункта, в который может без задержки стекаться оперативная информация и откуда ему легко держать связь с подчиненными войсками.

И это при том, что при отличных войсках русская армия в целом уступала германской в качестве управления войсками, в уровне работы штабов. Тактические достоинства русских войск не использовались оперативным руководством в должной мере, в то время как тактические достоинства германских войск использовались с оперативной выгодой – и хотя русские войска выиграли почти все бои, но оперативно потерпели поражение.

8. Измотанность русских войск в маршах (особенно частей 2-й армии) еще до начала серьезных боев, не налаженная инфраструктура и материальное обеспечение, оторванность от баз снабжения (что во многом объяснялось спешкой с целью помочь союзной Франции). Н. Евсеев отмечал: «Дело не в форме, по которой были

разбиты 5 русских дивизий, а в том, что сами по себе «Канны» явились последним, случайным и... не главным этапом армейской операции 8-й германской армии. Дело в том, что половина 13-го корпуса была разбита в заслонах (Алленштейн, Даретен, Грислинен, Гогенштейн), заслонах очень важных в оперативно-тактическом отношении. 15-й армейский корпус в боях 23–29 (нового стиля. – Л.О.) августа потерял большую половину своего состава, полки этого корпуса и приданные ему части (5-й и 6-й пехотные и Кексгольмский полки) представляли только батальоны. Во фронтальных боях русские полки растаяли и были доведены до крайней степени истощения, когда подошел «девятый вал» боевых испытаний. Если бы окруженные в Коммузинских лесах русские полки представляли хотя бы хорошие батальоны, сыто накормленные, с полными патронташами и с мужественными генералами, то они могли бы уйти в любом направлении...»^[41]. Н. А. Ключев вспоминал: «...непролазные пески истомили людей и лошадей. Сухарей было кое-где на один день, но во многих частях их совсем не было, так же как и овса и соли»^[42].

При таком материальном обеспечении войск рассчитывать на успех операции было трудно. Здесь стоит отметить, что некоторые исследователи считают – только стремительность (пусть и неотмобилизованных русских войск) могла дать победу и эффективно помочь Франции. Учитывая особенности ТВД, отработку германцами особенностей сражения именно такого типа еще до войны, доля истины в этом есть – шанс на успех возрастал по сравнению с ситуацией, когда планомерное наступление подготовленных войск столкнется с сильными германскими резервами из Франции. Сторонником данной точки зрения являлся и В. И. Гурко, в частности отмечавший: «Германцы предпочли нанести главный удар по Франции как по противнику, который раньше сможет подготовиться к решительным действиям. Однако едва ли можно сомневаться в том, что Германия... была осведомлена о важнейших чертах русского плана стратегического развертывания. Такое положение дел

облегчало действия Германии и обеспечивало ей большую свободу в решении направить основную массу своих войск против Франции, оставив на границах Восточной Пруссии только относительно незначительные силы и почти совершенно пренебрегая защитой своих границ к западу от Вислы...Германия рассчитывала на медлительность нашей мобилизации, а потому побуждала Австрию возможно быстрее начать наступление в Подолии и Волыни, а также по правому берегу Вислы для захвата Варшавы... Вполне возможно, что этот план удалось бы полностью реализовать, если бы наше наступление, начавшееся раньше, чем могли ожидать германцы, не воспрепятствовало его выполнению... В Восточной Пруссии наше наступление было обеспечено прорывом, который генерал Ренненкампф осуществил, используя все имевшиеся в его распоряжении средства, вопреки связывавшим его инструкциям, которые ему непрерывно посылал генерал Жилинский»^[43].

Возможно, только такое «огульное» и стремительное наступление русских войск в Восточной Пруссии и могло разрушить германские расчеты и вынудить противника к дополнительным войсковым переброскам на Восток.

Стиль руководства и русских, и германских военачальников был идентичен, но немцев отличала большая динамичность при реагировании на изменяющуюся обстановку, постоянный контроль при благоприятном стечении обстоятельств и информированности. Ю. Н. Данилов отмечал, что военное искусство германцев заключалось прежде всего в умении использовать каждый промах противника, в то время как их действия, отличаясь крайней смелостью и настойчивостью, приводили к тому, что они сильно рисковали и не раз балансировали между поражением и победой.

Восточно-Прусская операция в тактическом плане представляла собой ничью, в оперативном была немецкой победой (прусская балка «висела» на фланге русской Польши, и активные операции русских были впоследствии

чрезвычайно затруднены этим обстоятельством), в стратегическом – немецким поражением.

Оперативный рисунок Восточно-Прусской операции представлял собой попытку армий Северо-Западного фронта добиться оперативного и стратегического окружения главных сил германской 8-й армии.

Основные формы оперативного маневра – прорыв и охват фланга. В Первом сражении у Мазурских озер 1-я армия перешла к обороне.

Оперативный результат Восточно-Прусского сражения был прямо противоположен задуманному – оперативному окружению подверглась ударная группа 2-й армии Северо-Западного фронта. Германская 8-я армия, эффективно перемещаясь и маневрируя, смогла временно нейтрализовать русские армии, нанеся им поочередно тактические поражения.

В Галицийской битве 5 августа – 13 сентября 1914 г. главный удар Юго-Западного фронта наносили 3-я и 8-я армии из Волыни и Подолии на Львов, в то время как 4-я и 5-я армии наступали от Люблина и Холма в направлении на Перемышль и Львов.

Оперативный замысел операции – охват флангов австрийской группировки в Галиции и разгром ее в междуречье рек Сан и Днестр. Австрийское оперативно-стратегическое планирование предполагало разгром армий правого крыла Юго-Западного фронта (на данном участке противник создал значительное превосходство в силах), в т. ч. также посредством операции на окружение. На юге австрийцы рассчитывали продержаться, пока их главные силы не разобьют правое (северное) крыло Юго-Западного фронта.

Структурно Галицийская битва включает в себя взаимосвязанные операции армий и групп армий Юго-Западного фронта.

В ходе Люблин-Холмского сражения русская 4-я армия в боях 10–13 августа с частями австрийской 1-й армии потерпела тактическое поражение и отошла к Люблину,

где закрепились и 14–20 августа отразила натиск противника. Русская 5-я армия в Томашевском сражении попала в более тяжелую ситуацию, ряд ее соединений также потерпел поражение.

Но армиям удалось избежать оперативного окружения. Так, 5-я армия под прикрытием артиллерийского огня арьергарда и конницы (1-я и 5-я Донские казачьи дивизии) отбросила обходящую австрийскую группировку к Замостью, оторвалась от противника и отошла на север, перегруппировав свои корпуса. Отрыв от противника вернул армии свободу маневра. Эти события дали русскому командованию выигрыш во времени, что имело важнейшее оперативное значение, т. к. Галицийская битва представляла собой своеобразный маятник, в котором главным было то, когда наступит успех – вследствие действий австрийцев (1-я и 4-я армии) на северном фланге битвы или русских (3-я и 8-я армии) на южном.

5-я русская армия избежала разгрома и стала приводить себя в порядок. 4-я русская армия стойко оборонялась под Люблином, на ее фланг прибыли свежие войска, и перевес на этом участке фронта постепенно перешел к русским. Переброшенные резервы структурируются в новую 9-ю армию.

Галич-Львовская операция 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта окончилась убедительной победой русских войск, фактически уничтожив значение тактического успеха австрийцев на севере. 13–15 августа на р. Золотая Липа русская 3-я армия нанесла поражение австрийской 3-й армии – впервые в ходе Галицийской битвы австро-венгры были разбиты и отступали, понеся большие потери. Русская 8-я армия силами 8-го и 12-го армейских корпусов нанесла поражение армейской группе Кевесса фон Кевессгаза у Подгайцев, и на р. Гнилой Липе атаковала во фланг противника, противостоящего 3-й армии. В этом сражении 16–17 августа австрийцы вновь потерпели поражение и начали отступать.

Были разгромлены войска двух армий противника и сорваны их попытки сковать русские армии и прикрыть правое крыло своей ударной группировки.

По оперативной конфигурации Городокское сражение (2-й этап Галицийской битвы) – встречная операция. Прервав наступательную операцию на севере – между Вислой и Бугом – и сосредоточив на своем правом фланге для нанесения главного удара более 2/3 сил своего галицийского фронта, австрийское командование поставило себе целью разгромить 3-ю и 8-ю русские армии и овладеть районом Львова. Но этот маневр, после 6 дней тяжелых боев, под давлением неблагоприятной стратегической обстановки на левом фланге австрийской 4-й армии, окончился неудачей, несмотря на тактические успехи на фронте австрийских 3-й и 2-й армий.

Встречные столкновения приводили к прорывам и обходам. Противник наносил удар в стык между 3-й и 8-й армиями, по корпусам внутренних флангов. Положение на львовском направлении становилось для русских очень тяжелым. 8-я армия контратаковала, используя последние резервы, но охват ее левого фланга удалось остановить.

Австрийцы, перенеся центр тяжести своих усилий в полосу русской 8-й армии, опоздали – 26–27 августа был осуществлен эффективный оперативный маневр командующим русской 5-й армии П. А. Плева. Во-первых, сформированный им кавалерийский корпус был брошен в тыл австрийской 4-й армии – для разгрома группы эрцгерцога Фердинанда в интересах 3-й армии. Во-вторых, вклинившись между группой эрцгерцога и австрийской 4-й армией, П. А. Плева направил 2 группы своих корпусов по расходящимся направлениям. Таким образом, 5-я армия выполняла задачи в разных направлениях: правой группой (25-й и 19-й армейские корпуса) содействовала 4-й армии, левой группой (5-й, 17-й армейские и конный корпуса) – 3-й армии.

Угроза тылу противника, действовавшего против русских 4-й и 9-й армий, благоприятно отразилась на положении левого фланга русской 4-й армии.

Первоначально лобовые атаки войск русских 4-й и 9-й армий на укрепленные позиции противника успеха не имели – это вынуждало их выждать развитие обходного маневра 25-го и 19-го армейских корпусов 5-й армии.

Оперативный прорыв на фронте русских 9-й и 4-й армий у Люблина – Холма был удачен. Большое значение имело то обстоятельство, что 3 свежих корпуса (18-й армейский, Гвардейский и 3-й Кавказский армейский) были направлены русским Верховным главнокомандованием в данный район. Все это позволило этим армиям перейти в наступление, что привело к крупному успеху в боях 20-го августа у Суходолов и 22 августа у Лопенники.

27 августа русские войска овладели Томашевом, а 28 августа 5-й армейский корпус армии П. А. Плева нанес поражение группе Иосифа Фердинанда, прикрывавшей тыл 4-й армии М. Ауффенберга. Выход соединений 5-й армии в обход правого фланга и в тыл австрийской 1-й армии, привел к тому, что командование противника приняло решение об отходе за р. Сан.

С 30-го августа противник отходил под угрозой флангового удара со стороны русских 9-й, 4-й и 5-й армий.

Результатом второго наступления русских армий 21—30-го августа стал разгром австрийских 1-й армии и группы Иосифа Фердинанда и отступление 4-й, 3-й и 2-й армий. Маневр П. А. Плева разорвал связность австрийского боевого порядка – 5-я армия помогла всем остальным армиям фронта, применяя маневр глубокого охвата и двигаясь в эксцентрических направлениях. Парировать действия 5-й армии, уже записанной командованием противника в разряд разгромленных, было нечем, что во многом и предрешило успех сражения в пользу русских.

С оперативной точки зрения Галицийская победа – одна из ярчайших побед русского оружия за всю его историю. И хотя устроить «котел» для австрийской армии не удалось, прежде всего, в силу изменившегося стратегического

развертывания австрийских армий, результат сражения впечатлял.

Н. Н. Головин, сравнивая применительно к Галицийской битве оперативную работу русского командования Юго-Западного фронта (прежде всего в лице начальника штаба фронта М. В. Алексеева) с аналогичной деятельностью командования французской и германской армий, отмечал, что имеется полное основание поставить его в один ряд с лучшими представителями и французского и германского генерального штабов.

Оперативный рисунок Галицийской битвы представлял собой попытку 3-й, 4-й, 5-й и 8-й армий Юго-Западного фронта добиться оперативного и стратегического окружения главных сил австро-венгерской армии на Восточном фронте. Формы оперативного маневра – прорыв, действия на коммуникациях и фланговый охват.

Оперативный результат выразился в нанесении серьезного поражения главным силам противника – но оперативного окружения его сил добиться не удалось. Операция интересна маневром 5-й русской армии, эффективно применявшей действия на коммуникациях и фланговый охват сил противника, противостоявших другим армиям Юго-Западного фронта.

Первая Августовская операция проводилась 12–30 сентября 1914 г. войсками Северо-Западного фронта. Оперативная цель для русских – улучшить позиции на восточно-прусском ТВД, а также сковать противника в период осуществления Варшавско-Ивангородской стратегической операции.

Ведя тяжелые бои в августовских лесах, командование русской 10-й армии силами двух корпусов осуществило обходной маневр (3-й Сибирский армейский корпус занял г. Августов и вышел немцам в тыл) против главных сил германской 8-й армии.

И с тактической и с оперативной точек зрения августовские бои были русской победой. Результатом 2-недельной сентябрьской операции 10-й армии стали:

деблокада Осовца; захват г. Августов и нанесение противнику поражения в Августовских лесах; очищение от немецких войск почти всей русской территории к западу от среднего течения р. Неман; вторжение войск 10-й армии в Восточную Пруссию с захватом г. Лык и г. Вяла; лишение противника инициативы и возможности действовать в тыл русских армий действующих на средней Висле, а также усиливать за счет оставленных в Восточной Пруссии войск свои войска в Польше.

Операция интересна эффективным фланговым маневром со стороны командования русской 10-й армии.

Варшавско-Ивангородской операцией 15 сентября – 26 октября 1914 г. принято называть серию оборонительных и наступательных сражений русских и германо-австрийских войск в средневислинском районе.

На первом этапе сражения (германское наступление) противник продвинулся до р. Вислы у г. Опатов и г. Сандомир, левым флангом нанося удар на Варшаву с заслоном на Ивангородском направлении.

В ходе операции важнейшее значение имела борьба за плацдармы (особое значение имел Козеницкий плацдарм) и переправы на р. Висла. Германцы делали попытки опрокинуть части русских войск в Вислу, но, несмотря на большие потери, русские не только удержали плацдарм, но и перебросили на левый берег Вислы 3-й Кавказский и 17-й армейские корпуса. Эти соединения сковали значительные силы противника, и создали предпосылку для успешного наступления русских армий.

На втором этапе операции русская 2-я армия (1-й и 2-й Сибирские, 1-й и 4-й армейские корпуса) 29 сентября нанесла сильный встречный контрудар. Противник также осуществил серию контратак.

На третьем этапе операции русское наступление (прежде всего силами совершивших марш-маневр 9-й и 5-й армий) приводит к поражению 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий.

Для армий Северо-Западного фронта общее наступление началось 5–7 октября, Юго-Западного – 8–10 октября.

Под угрозой окружения и полного разгрома П. Гинденбург отдал приказ об отходе группы А. фон Макензена на три перехода, рассчитывая войсками прикрытия (три корпуса) ударом во фланг остановить наступавшие от Варшавы русские соединения. В р-не Скерневицы – Гловно немцы были разбиты. 1-я австро-венгерская армия разгромлена в Келецком сражении. Как писал Э. Людендорф: «положение было исключительно критическое. Наше октябрьское наступление дало нам возможность выиграть некоторое время, но оно закончилось неудачей» Людендорф Э. Указ. соч. С. 94.. Германо-австрийцы отступали на широком фронте, осуществлялась порча коммуникаций и выведение из строя железнодорожного полотна.

В Варшавско-Ивангородской операции было нанесено крупное поражение германским и австрийским войскам, это вторая большая русская победа после Галицийской битвы.

Генерал от инфантерии (ст. 14. 02. 1915; за отличие) П. А. Лечицкий – с 09. 08. 1914. по 07. 05. 1917. командующий 9-й армией. Летопись войны 1914 – 17 гг. № 125.

Особенностью операции является повышенное маневрирование противников, применение всех форм оперативного маневра. Операция протекала в обстановке встречных боев, охватов и маневров, и русские, и немцы провели несколько наступлений. Активность противников чередовалась с переходом к обороне. Немцы были вынуждены увязывать действия с австрийским союзником, русские – координировать действия двух фронтов в рамках единой операции. К чести русской армии, она умела выигрывать встречные сражения (в т. ч. Галицийскую битву), характеризующиеся высоким динамизмом и необходимостью быстро реагировать на изменяющуюся обстановку. Особый колорит сражению придавала борьба за плацдармы.

В качестве отрицательного примера в деле оперативного руководства русскими войсками следует назвать

главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Н. В. Рузского. Его пассивное поведение привело на начальном этапе операции к тяжелой оперативной обстановке, в то время как 1-я и 10-я армии Северо-Западного фронта, имея перед собой более слабого противника, могли содействовать с севера варшавско-ивангородской группировке русской армии. Получив в управление также 2-ю и 5-ю армии, Н. В. Рузский слабо координировал их действия.

Лучший из командармов – это командующий 9-й армией П. А. Лечицкий, разгромивший 1-ю армию В. Данкля (взято 15 тыс. пленных), умело применявший фронтальные и фланговые удары. Следует отметить также командующего 5-й армией П. А. Плеве, отличившегося грамотным руководством армии в бою, употреблявшего «героические усилия» для обеспечения своих войск.

Оперативная задача русских войск в Лодзинской операции 29 октября – 6 декабря 1914 г. – нанести решительное поражение ядру германских сил в Польше – 9-й армии – в целях обеспечения перспективных боевых действий на территории Германии.

Активная группировка русских к началу операции – 3 армии Северо-Западного фронта. Соотношение сил – русские 1-я, 2-я и 5-я армии (12 армейских корпусов, 9 кавалерийских дивизий: 367 тыс. человек, 1,3 тыс. орудий) противостояли германской 9-й (5,5 корпусов, 5 кавалерийских дивизий: 155 тыс. человек, 960 орудий) армии, группировке германских вспомогательных корпусов (4 корпуса: 124 тыс. человек, 480 орудий), Силезскому ландверному корпусу Р. Войрша и австро-венгерской 1-й армии (всего свыше 100 тыс. человек, 550 орудий). Таким образом, соотношение сил было не в пользу русских войск (367 тыс. человек против 380 тыс. и 1,3 тыс. орудий против почти 2 тыс.). Ситуацию обостряло обстоятельство стратегического характера: противник читал русские радиogramмы.

Неприятель опередил русские армии в нанесении удара, и 29–30 октября немцы в ходе тяжелых боев отбросили

(левый фланг 1-й армии – бой у Влоцлавска) 5-й Сибирский армейский корпус. Русские части под натиском превосходящих сил врага (20-й и 25-й армейские, 1-й резервный корпуса) отошли на вторые позиции, но не позволили противнику окружить себя или прорвать боевой порядок.

Но оперативная обстановка резко осложнилась, т. к. связь между русскими 1-й и 2-й армиями была разорвана, открыты фланг и тыл последней. В этой ситуации немцы приступили к окружению 2-й армии.

Атаковали на своих боевых участках и германские вспомогательные корпуса, сковывая противостоящие им русские войска. Уже 4-го ноября П. Гинденбург планировал сомкнуть кольцо окружения в районе Лодзи.

В это время войска русской 5-й армии начали продвигаться на север, и командование Северо-Западного фронта начало перегруппировку сил.

5 ноября 5-я армия, развернувшись на фронте Пабиянице – Ласк, своим левым флангом энергично перешла в наступление, остановив продвижение германских 3-го кавалерийского корпуса и корпуса «Познань», нанеся им большие потери.

В итоге, к вечеру 6 ноября на левом фланге и в центре 2-й армии обстановка была благоприятной, в то время как на ее правом фланге все глубже продвигалась обходящая его ударная группа германской 9-й армии генерала пехоты Р. фон Шеффера-Бояделя (25-й резервный корпус, 3-я гвардейская дивизия, 1-й кавалерийский корпус – 3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии). Германцы захватили г. Кутно и продвигались на г. Лович – коммуникационный узел 1-й и 2-й русских армий.

Русские начали перебрасывать к Ловичу наспех собранные части (формируется Ловичский отряд). Противник уже полуокружил 2-ю армию, захватив 6 ноября мест. Брезины (немецкая конница дошла до Колюшек) – и армия загнула фронт полукольцом.

8 ноября наблюдались признаки оперативного кризиса у Лодзи – противник оказался на южной окраине города.

Но дальнейшие успехи германцев были остановлены частями 5-й армии. Правый фланг германской 9-й армии, корпус «Познань» и 3-й кавалерийский корпус, которым поручалось замкнуть кольцо окружения, наступать уже не могли, т. к. сами с трудом отбивали атаки частей левого фланга 5-й армии – 19-го и 1-го Сибирского армейских корпусов. Таким образом была нейтрализована южная «клешня» германского наступления.

Командующий группой из 2-й и 5-й армий П. А. Плеве 8 ноября приказал своим армиям наступать по всему фронту, не позволяя германским флангам сомкнуться к югу от Лодзи.

В этот день развернулось ожесточенное сражение на левом фланге 5-й армии. Бригада корпуса «Бреславль», корпус «Познань» и 3-й кавалерийский корпус немцев, а также австрийская 7-я кавалерийская дивизия обрушились на 19-й армейский корпус и 2-ю Сибирскую стрелковую дивизию 1-го Сибирского армейского корпуса, пытаясь обойти левый фланг 19-го корпуса. Но последний при поддержке 7-й пехотной дивизии не только остановил атаку, но и сам начал теснить немцев. Результативной контратакой 1-й Сибирский и 19-й армейские корпуса вынудили противника к беспорядочному отступлению с большими потерями.

К 9 ноября группа Р. фон Шеффер-Бояделя попала в окружение. Этот день – день перелома Лодзинского сражения. Ловичский отряд, продвигаясь навстречу наступающим частям 5-й и 2-й армий, восстановил связь с группой армий П. А. Плеве. Получился «слоеный пирог» – группировка Р. фон Шеффер-Бояделя, взявшая в полукольцо 2-ю армию, сама попала в окружение. Но в ночном бою 11 ноября ей удалось прорваться и соединиться с главными силами 9-й армии.

По своей конфигурации Лодзинская операция – одна из наиболее сложных операций Первой мировой войны. В операции участвовало с обеих сторон свыше 700 тыс.

человек. Она изобиловала таким количеством глубоких обходов и окружений, чего до этого не наблюдалось.

Главная оперативная цель русских – разгром 9-й германской армии – достигнута не была. Вместе с тем, как писал Ю. Н. Данилов, операция: «закончилась общим отступлением 9-й германской армии... Мы не дали развиться этой операции до намеченного нашим противником конца, и, в этом смысле, вырисовался наш успех. Мы имели также право констатировать тот факт, что, притянув с

Западного фронта на себя... четыре германских корпуса и несколько кавалерийских дивизий, мы оказали этим вторично серьезную помощь нашим союзникам – французам, а на сей раз и англичанам, отняв у немцев возможность продолжать наступательные действия и принудив их на Западном фронте надолго зарыться в окопы. Кому известно, насколько опасались в Англии занятия немцами Дюнкирха, который мог стать базой для неприятельских подводных лодок, и дальнейшего продвижения немцев к Кале, тот по достоинству должен оценить значение этой нашей помощи»^[44].

Операция интересна применением полного комплекса оперативных маневров, имевшихся в арсенале войск в данный период – наиболее эффективными были охват фланга и прорыв. «Именинником» операции вновь оказалась отлично себя зарекомендовавшая в Галицийской битве русская 5-я армия. Действия во фланг германской 9-й армии, эффективное применение маневра привели к тому, что уже 7 ноября противник был остановлен. Войска армейской группы П. А. Плеве сочетали фланговый маневр, контратаки и огневой бой.

В Лодзинской операции удалось достигнуть окружения крупной (5 дивизий) группировки противника, и вместо окружения русских под Лодзью немцам пришлось думать о спасении своих окруженных корпусов. Попытка противника повторить «Танненберг» провалилась.

Очевидно, что отступление полуокруженных русских войск превратилось бы в катастрофу, и спасти ситуацию

могли лишь активные действия войск и выдержка командования – что и было выполнено.

Причем необходимо отметить, что германское командование вследствие систематического перехвата русских радиотелеграмм и, соответственно, точного знания ежедневной группировки и оперативных планов русского командования находилось в исключительно благоприятных тактических и оперативных условиях.

Вместе с тем действия германцев сорвали крупномасштабное наступление русских армий, показав что любые операции русской группировки в Польше проблематичны при наличии германской Восточной Пруссии.

На Кавказском фронте русским войскам под командованием генерал-лейтенанта Н. Н. Юденича удалось разгромить турецкую 3-ю армию, стремившуюся к окружению главных сил русской Кавказской армии, сосредоточенных у Сарыкамыша.

Проводимая в исключительно трудных условиях, Сарыкамышская операция 9 декабря 1914 – 4 января 1915 г. привела к тяжелому поражению противника. 10-й и 9-й корпуса 3-й армии были почти полностью уничтожены (турки потеряли до 90 тыс. человек, в т. ч. 3,5 тыс. пленными). В плену оказались командир 9-го армейского корпуса, начальники 17-й, 28-й и 29-й дивизий и много офицеров. Только в окрестностях собственно Сарыкамыша весной 1915 г. было похоронено 28 тыс. турок. Русские потери – более 20 тыс. убитых, раненых, больных и свыше 6 тыс. обмороженных.

Исследователь операции и участник войны Н. Г. Корсун подчеркивал: «Сарыкамышская операция представляет пример довольно редкого образца борьбы против окружения – борьбы, которая началась в обстановке обороны русских и закончилась в условиях встречного столкновения, с разжатием кольца окружения изнутри и преследованием остатков обходного крыла турок»^[45].

Рисунок операций 1914 г. на Русском фронте вызывает особый интерес.

Начавшись крупными наступательными операциями на обоих флангах русского стратегического построения (Восточно-Прусская и Галицийская операции), в связи с крупными перебросками германцев на Русский фронт осень ознаменовалась встречными сражениями в Польше и стабилизацией фронта.

В кампании 1914 г. русская армия применяла все формы оперативного маневра, добилась окружения крупной группировки противника. Были выработаны эффективные приемы борьбы в условиях оперативного полуокружения – и в Лодзинской, и в Сарыкамышской операциях отступление полуокруженных русских войск превратилось бы в катастрофу – только активные действия против флангов группировки противника вкупе с жесткой обороной и принесли желаемый результат.

Структурно операции на Русском фронте в кампании 1915 г. делятся на пять групп.

Во-первых, операции в рамках зимне-весенней кампании 1915 г.

Наступления осуществлялись в Восточной Пруссии (усилиями Северо-Западного фронта) и в Карпатах (усилиями Юго-Западного фронта) – на крайних флангах Русского фронта.

Главная цель этих операций – постепенное выдавливание германских войск из Восточной Пруссии (10-я армия осуществляла вытеснение противника из ТВД позиционными методами) и форсирование Карпат войсками Юго-Западного фронта для выхода на венгерскую равнину. Если первая из этих операций носила оперативно-тактический характер и должна была улучшить положение русских войск на восточно-прусском ТВД, то вторая имела стратегический характер, и в случае полного успеха могла привести к выводу из войны Австро-Венгрии.

С целью парировать действия русских армий, австро-германское командование нанесло упреждающий удар в Восточной Пруссии (силами 8-й армий и 10-й армий, значительно превосходивших своего русского оппонента). Во Второй Августовской операции (Зимнем сражении в Мазурии) 10-я русская армия потерпела тактическое поражение, противник отбросил ее, окружив один из корпусов. Но ситуация была стабилизирована благодаря действиям русских 1-й и особенно 12-й армии, во Втором Праснышском сражении нанеших поражение германским 8-й и 12-й армиям.

В Карпатах австрийские войска были значительно усилены германскими контингентами, перейдя к активным действиям, и в ходе серии встречных сражений в значительной мере погасив наступательный потенциал Юго-Западного фронта. Карпаты были форсированы, но вследствие полного истощения русские галицийские армии перешли к обороне.

Во-вторых, оборонительные операции в Галиции и Польше в ходе широкомасштабного наступления австро-германских армий в рамках летней кампании 1915 г. Осуществив Горлицкий прорыв, противник пытался его развить целой серией операций – русские войска отходят, ведя тяжелые оборонительные бои и контратакуя. К операциям в Галиции относятся Горлицкая, Томашевская, Львовская, Красноставская операции, к операциям в Польше – Грубешовская и Наревская операции.

Замыслив окружить русские войска, находящиеся в Польше, противник нанес удары на севере и на юге «польского балкона». Это привело к Третьему Праснышскому и Люблин-Холмскому сражениям. Русские войска вышли из-под удара, консолидировав фронт на новых позициях.

В-третьих, операции летом – осенью 1915 г., осуществляемые в целях стабилизации Русского фронта. К операциям этой серии (многие из которых были успешны для русских войск) относятся Митаво-Шавельская, Ковенская, Двинская, Виленская операции в Прибалтике и

Луцкая, Чарторийская операции, сражения на Стрыпе и Серете на галицийском ТВД.

В-четвертых, операции на Пруте и Днестре – Заднестровская, Прутская и Журавненская операции. Это одни из самых успешных сражений русской армии в кампании 1915 г.

В-пятых, операции на Кавказском ТВД. Боевые действия здесь всегда характеризовались повышенной активностью и были традиционно успешны для русского оружия.

Если рассмотреть узловые из указанных операций с точки зрения оперативного искусства, то можно отметить следующее.

В период Второй Августовской операции 25 января – 13 февраля 1915 г. охватывающий маневр германской 10-й армии развивался с большим трудом. Тем не менее, три германских корпуса отбросили правофланговый корпус 10-й русской армии (3-й армейский корпус), выйдя ей во фланг и в тыл. Отсутствие армейского резерва у русской 10-й армии имело самые негативные последствия для результатов этой операции.

Оценивая действия командования во Второй Августовской операции, следует отметить начальника штаба 10-й русской армии генерал-майора А. П. Будберга, разгадавшего схему германского охвата армии и требовавшего перегруппировки войск и оставления скверных позиций. Командарм генерал от инфантерии Ф. В. Сивере может быть обозначен как пример негативного рода (потеря управления корпусами армии, неумение в течение недели проложить коридор к окруженному 20-му армейскому корпусу).

Главную цель, которую могло преследовать командование 10-й русской армии (т. к. командование Северо-Западного фронта фактически устранилось от участия в операции) было удержание позиций до сосредоточения свежей 12-й армии.

А. П. Будберг писал: «...я полагал...необходимым бросить тот случайный фронт, до которого мы докатились в конце октябрь-ноябрьского наступления (1914 г. – А.О.) ... отказаться от нашего непомерно растянутого и извилистого расположения, оттянуть назад некоторые участки и занять... возможно более короткий строго оборонительный и прочно укрепленный фронт с сильными резервами в корпусах и с двумя группами армейского резерва на флангах... наше настоящее положение было одинаково негодно и для обороны и для наступления... и в силу этого обладавшей многими очень слабыми и уязвимыми местами, требовало огромного наряда войск для занятия и охранения и лишало нас возможности держать резервы надлежащей силы и в надлежащих местах»^[46].

Косное командование армии не поддержало это и другие дельные соображения начальника штаба со всеми вытекающими последствиями. В противном случае германцы нанесли бы удар в пустоту, а в дальнейшем втянулись бы в маневренные боестолкновения. Живая сила армии и ее маневроспособность были бы сохранены.

Факт игнорирования своих оперативных предложений А. П. Будберг объяснял прежде всего тем, что его «проект исключал... продолжение ведения Летценской операции, что шло в разрез с директивами Главнокомандования и не согласовалось со взглядами командовавшего армией. Сверх того он находился в самом резком противоречии с нашим излюбленным и столь дорого нам стоившим изречением, что русские войска никогда не оставляли без боя того, что было взято их кровью и полито их потом. Этот принцип считался у нас столь священным и ненарушимым, что в наших армиях было очень мало начальников, которые рискнули бы на него посягнуть»^[47].

Кроме того, по свидетельству И. А. Хольмсена, «опасения генерала Сиверса о возможности охвата противником фланга 10-й армии были оставлены без внимания Штабом фронта на том основании, что, как выразился генерал-Квартирмейстер Штаба фронта...»^[48].

Оперативные просчеты (построение и маневрирование войск, маршруты отступления, бездействие конницы, потеря времени), помноженные на безынициативность командующего армией, привели к тактическому поражению русской 10-й армии.

Но наступление германских 10-й и 8-й армий было остановлено, они были изрядно потрепаны. 20-й армейский корпус 10-й армии Северо-Западного фронта поглотил энергию удара группировки Г. фон Эйхгорна.

Ни один из пунктов германского плана не был выполнен. План же включал в себя: 1) поражение, а при возможности окружение и уничтожение 10-й русской армии; 2) атаку фронта Осовец – Гродно и овладение переправами через р. Бобр с дальнейшим ударом на Белосток.

В итоге, по свидетельству Э. Фалькенгайна: «немецкие силы дошли до пределов боеспособности...они не могли уже сломить сопротивление скоро и искусно брошенных навстречу резервов»^[49].

Задачей русской 12-й армии в ходе Второго Праснышского сражения 7 февраля – 17 марта 1915 г. являлось наступление в Восточную Пруссию – на Ортельсбург, Вилленберг, Нейденбург, Сольдау и далее на север, т. к. «вторжение в пределы Пруссии в этом направлении несомненно болезненно отзовется в Германии и... может вызвать оттяжку германских сил с левого берега Вислы и может быть из района 10 армии»^[50].

Русское командование, убедившись в течение кампании 1914 г. в уязвимости «польского балкона» при наличии удерживаемой немцами Восточной Пруссии, ставило свои армиям активную задачу: вторжение в последнюю войсками 1-й и 12-й армий Северо-Западного фронта. Необходимо было и нормализовать оперативную обстановку после поражения 10-й армии.

В ходе второго этапа операции 1-й и 2-й Сибирские армейские корпуса 12-й армии сильным фланговым

ударом нанесли поражение германской ударной группировке и 14 февраля выбили ее из г. Прасныш.

Попытавшись контратаковать в конце февраля, 1 марта фланговым ударом 23-го армейского корпуса со стороны Единорожца группировка противника вновь была опрокинута и отброшена на территорию Восточной Пруссии.

Участник войны генерал от инфантерии А. М. Зайончковский отмечал, что «...в действиях западной группы русских войск можно отметить... положительный факт – это все большее и большее вкоренение в привычку частных начальников отвечать на удар контрударом. Праснышская операция является в этом отношении положительным образцом»^[51].

Германское командование в лице Э. фон Людендорфа отмечало «энергичные контратаки» русских и свои «значительные потери»; у Единорожца немцы «получили от русских урок». М. Гофман зафиксировал факт охвата с фланга и обхода немцев со стороны русских под Праснышем. Э. Фалькенгайн засвидетельствовал, что наступление армейской группы фон Гальвица «так же мало продвинулось вперед, как малы были и все дальнейшие успехи на севере. Наоборот, русские своими контратаками в некоторых пунктах достигли перевеса»^[52].

Третья Праснышская операция 30 июня – 5 июля 1915 г. по оперативной сущности – оборонительное сражение русских войск Северо-Западного фронта. Обстановка на Русском фронте в стратегическом плане в результате Горлицкой операции 19 апреля – 10 июня изменилась в худшую сторону. Русские войска перешли к обороне, а германское командование на северо-западе вновь запланировало охват русских в польском выступе.

Третья Праснышская операция явилась одним из важных звеньев германского плана 1915 г. по выведению из строя русской армии. Оперативно сражение – успех немцев, но стратегически оно способствовало русскому замыслу грамотно эвакуировать Польшу.

За шесть дней сражения германская 12-я армия, обладавшая подавляющим превосходством в артиллерии и живой силе, ценой тяжелых потерь смогла продвинуться лишь на 25–30 км. Русские войска не были разбиты, а лишь сдвинуты со своих позиций и оттеснены к р. Нарев. Там они консолидировали фронт на новых рубежах.

Русское командование организовало умелое ведение оборонительных боевых действий. Войска последовательно отступали с одного рубежа на другой. Отрываясь от противника, они выходили из-под его ударов, а подходившие подкрепления вливались в боевую линию, что позволяло не ослаблять боевого напряжения.

Оценивая борьбу на Северо-Западном фронте в первой половине 1915 г., следует отметить, что оперативно из трех крупнейших операций в Восточной Пруссии и Северной Польше Россией и Германией выиграно по одной (Праснышские), Вторая Августовская операция не дала перевеса ни одной из сторон.

Карпатская операция (январь – апрель 1915 г.) имела важнейшее оперативное и стратегическое значение. Эта операция – еще одно доказательство умения русской армии выигрывать встречные сражения, но в данном случае – в тяжелых климатических условиях при начавшемся кризисе снабжения и вооружения. Русские вышли на Венгерскую равнину, что поставило германский блок на грань поражения.

Вместе с тем операция была не завершена. А. Борисов писал: «Карпатская операция, задуманная командованием русского Юго-Западного фронта... была проведена без надлежащей подготовки и без соответствующего обеспечения силами и средствами. Она явилась мертворожденной операцией русских, ослабившей лишь весь русский фронт и не приведшей к какому-либо оперативному успеху... Карпатская операция явилась последней активной операцией русских в 1915 г., после чего русские армии перешли к стратегической обороне и отходу на восток»^[53].

Преобладающей формой действий русских войск был оперативный прорыв.

Горлицкая операция 19 апреля – 10 июня 1915 г. имела важнейшее оперативно-стратегическое значение. В ходе этой операции 3-я армия Юго-Западного фронта противостояла многократно превосходящим силам германской 11-й и австро-венгерской 4-й армий. С точки зрения оперативного искусства она представляет повышенный интерес.

Несмотря на подавляющее превосходство в силах и средствах, уже на второй день наступления, 20 апреля, командующий 11-й армией А. фон Макензен был вынужден ввести в действие резервы, а развить прорыв на стыке русских 9 и 10 армейских корпусов германцам и австрийцам так и не удалось. В результате боев с 19 по 21 апреля германцы и австрийцы продвинулись лишь на 4–8 км.

Но неравномерное напряжение боевой деятельности русских корпусов и отсутствие взаимодействия между ними привели к тому, что 22 апреля в стыке между русскими 3-м Кавказским армейским и 24-м армейским корпусами образовался разрыв, в который и устремился противник.

Важнейшей ошибкой командования 3-й русской армии было неумение оперировать резервами – они не концентрировались против фланга наступающего (это могло бы парировать развитие прорыва), а вводились в дело пачками, что не приводило к видимому результату. Действия командования фронта свелись, по сути, «к латанию дыр».

Русские отходили, не пытаясь маневром на фланги наступающего противника остановить его, что было вполне осуществимо.

Другим важным упущением были неумелые действия русского командования на стыках армейских соединений.

Пользуясь ничтожными темпами германского наступления, русские войска имели возможность избегать

охвата противника, в т. ч. совершая ночные марши.

3 дня, которые потратили германцы на преодоление русских оборонительных рубежей, дали возможность подтянуть резервы с расстояния до 100 км. За это время к участку прорыва подошли 3-й Кавказский армейский корпус и снятый с левого фланга 3-й армии 24-й армейский корпус. Покончив с обороной 10-го армейского корпуса, германской 11-й армии пришлось иметь дело с контрударами этих корпусов. Они завязали упорные бои с противником за р. Вислока, и далее 11-я армия постоянно наталкивалась на их сопротивление.

Русский фронт медленно отходил, но оберегал себя от прорыва.

Действия 12-го армейского корпуса 3-й русской армии были образцом активной обороны: он не только отбивал атаки 10-го армейского корпуса и 119-й пехотной дивизии противника, но и сам в ночь на 27 апреля перешел в контратаку и отбросил 26-ю австрийскую дивизию. Своими активными действиями корпус сковал значительные силы врага, способствуя успеху контратаки 21-го армейского корпуса.

Командование 3-й русской армии возлагало на контрнаступление 21-го армейского корпуса особые надежды. Утром 27 апреля корпус начал выдвижение для нанесения флангового удара наступающей германской 11-й армии. Его удар привел к образованию прорыва между 11-й баварской и 119-й пехотной дивизиями противника, но они закрыли его выдвижением дивизии второго эшелона. В итоге, контрудар 21-го армейского корпуса изменений в обстановке на фронте не принес, и к исходу 27 апреля корпус был вынужден начать отход.

28 апреля 3-я армия, прикрываясь арьергардами, отходила, стремясь задержать продвижение противника и дать возможность тылам и главным силам корпусов отойти к р. Сан, а резервам фронтового командования выдвинуться в район боев. К этому времени германо-австрийские войска, в результате больших потерь и отрыва от баз снабжения, были уже не в силах сломить

сопротивление русских арьергардов. Поэтому они, не дойдя до р. Сан, остановились.

Таким образом, в результате ответных энергичных действий русских намеченный план действий германцев и австрийцев на р. Сан был сорван.

Борьба за естественные рубежи в рамках летней кампании 1915 г. приобрела особое значение.

Э. Людендорф отмечал: «Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как бы ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны. Они с боями отходили настолько, насколько тыловые сообщения позволяли нам продвигаться. Русские еще не сражались на своей собственной земле и до нее могли еще уступить значительные территории. К тому же при этих фронтальных боях наши потери были немалыми»^[54].

Стратег был вынужден констатировать: «Операции союзных армий (германо-австрийских. – *А.О.*) в Польше восточнее Вислы привели, как я и ожидал, к фронтальному следованию за русскими с непрерывными боями... делались попытки охватить русских, но они оставались тщетными. Хотя русской армии не позволили задержаться, но ей удалось уйти»^[55].

Э. Фалькенгайн отмечал: «Русские давно постигли опасность оперативного охвата...и научились принимать свои контрмеры»^[56].

В конце апреля – мае 1915 г. войска Юго-Западного фронта провели Заднепровское сражение и Прутскую операцию, а 27 мая – 2 июня войсками 11-й русской армии было нанесено поражение Южной германской армии у Журавино.

14 августа австро-венгерская 1-я армия начала наступление от Луцка в обход правого фланга войск 8-й армии, а австро-венгерская 2-я армия нанесла удар от Зборова. Противник был остановлен, и 31 августа 8-я русская армия контратаковала, нанеся поражение австро-венгерским 1-й и 2-й армиям при Дубно и Вишневце.

Крупный успех имела и 11-я русская армия, 17 августа контратаковавшая у Збаража наступавшего противника. Южная германская армия была остановлена.

25 августа русская 11-я армия перешла в наступление на Серете, нанеся поражение Южной германской армии и взяв в ходе 5-дневных боев около 36 тысяч пленных. Всего же с 17 по 30 августа было захвачено свыше 40 тысяч пленных, 70 орудий и 165 пулеметов.

10 сентября войска 8-й армии временно взяли г. Луцк. В ходе Луцкой операции только 4-я «Железная» стрелковая дивизия взяла в плен до 10 тысяч солдат и офицеров противника.

В течение осени войска 8-й армии вели бои местного значения в Полесье, на Волини и в Галиции, взяв 5 октября г. Чарторыйск. Одним из результатов операции у Чарторыйска стал разгром 1-й пехотной дивизии немцев (захвачено много пленных – 8,5 тысяч человек, не считая раненых, в том числе почти целиком полк кронпринца германского и гаубичная батарея), захват 30 орудий и большого количества пулеметов. Германцы были вынуждены перебросить к 16 сентября в полосу 8-й армии до 3 германских пехотных дивизий, 5 кавалерийских дивизий и 3 бригады польских легионеров.

Австро-венгерская 4-я армия, двигавшаяся из района Луцка на линию Дубно – Ровно, была опрокинута русским контрударом – и во многом, именно Луцкая операция не позволила противнику осуществить маневр флангового охвата отходящей центральной группы русских армий.

Операции в августе – октябре 1915 г. в Галиции – на Серете, у Луцка и Чарторыйска имели важнейшее оперативно-стратегическое значение для всего Русского фронта. Они привели к стабилизации фронта на важнейшем – галицийском – ТВД.

Особое место занимали операции в Прибалтике.

В Митаво-Шавельском сражении германцы планировали окружить центральные дивизии русской 5-й армии, замкнув кольцо восточнее г. Шадов. Но командарм

П. А. Плеве вовремя вывел свои войска из намечающегося котла – приказ был отдан 8 июля, в то время как 7-го июля южная ударная группа противника, действуя в стык между русскими 5-й и 10-й армиями, форсировала р. Дубиссу, овладев 8 июля Шавлями, 12 – Поневежем, и обошла левое крыло 5-й армии.

В ходе этой операции русское командование маневрировало имеющимися силами и средствами, наносило контрудары, но перевес противника решил дело в пользу немцев. Операция показательна очередной попыткой противника путем двойного охвата обойти и уничтожить русскую 5-ю армию.

В оборонительном Виленском сражении 9 августа – 19 сентября особое значение приобрели действия на стыках русских армий Северного и Западного фронтов.

10-я германская армия (17,5 пехотных и 4 кавалерийских дивизии) должна была наступать на гг. Вильно и Гродно. Севернее 10-й германской армии атаковала конная группа. Этому наступлению содействовала 12-я (9 пехотных дивизий) и 8-я армии. Всего армии П. Гинденбурга имели 41,5 пехотных дивизий и 6 кавалерийских дивизий. Русские противопоставили группировке П. Гинденбурга 65 пехотных дивизий и 13,5 кавалерийских дивизий, но очень слабого состава.

27 августа германские войска нанесли удар в стык между 5-й армией Северного фронта и 10-й армией Западного фронтов. Нахождение на армейском стыке лишь русской конной завесы значительно облегчало немцам оперативную задачу.

10-я русская армия в период боев 1–3 сентября показала достаточную устойчивость, в особенности Гвардейский и 3-й Сибирский армейский корпуса, лобовые атаки против которых со стороны превосходящих сил немцев успеха не имели. Эти корпуса, удерживая северный участок фронта армии, оттягивали на себя добрую половину дивизий ударных групп 10-й германской армии.

Э. Людендорф писал: «10-я армия была очень сильно атакована со стороны Вильно... Наступили исключительно напряженные дни»^[57].

Но 28 августа 10-я германская армия прорвала русский фронт у Новосвенцяи – между г.г. Вильно и Двинск. Образовался 50-километровый разрыв между левым флангом 5-й и правым флангом 10-й русских армий.

Германская 10-я армия двинулась на Вильно – Сморгонь, Неманская армия наступала на Двинск с целью отбросить русские войска на Западную Двину и прикрыть 10-ю армию с севера. Кавалерия армий под общим командованием генерала кавалерии О. фон Гарнье должна была прорваться в промежуток между русскими 5-й и 10-й армиями, и ударить им в тыл с целью перерыва железных дорог Полоцк – Молодечно и Орша – Минск.

Германская конная группа (5 кавалерийских дивизий), прорвав русские боевые порядки, осуществила Свенцяиский прорыв.

Но энергичными действиями русского командования (осуществившего, в свою очередь, контрманевр маневренной группой) прорыв был локализован. Э. Людендорф следующим образом оценивал контрманевр русского командования: «19 сентября (по нов. ст. – *А.О.*), несмотря на упорную оборону, 1-я кавалерийская дивизия была выбита из Сморгони противником, подошедшим со стороны Вильно. Русские заметили угрожавшую им опасность и перебросили по железной дороге подкрепления в район восточнее Двинска; эти силы очень скоро почувствовались в районе южнее Двинска.... Как и приходилось опасаться, русским удалось своевременно принять контрмеры»^[58].

На Кавказском фронте 26 июня 1915 г. ударная группировка 3-й турецкой армии под командованием Абдулкерима-паши нанесла удар на Мелязгертском направлении, стремясь прорвать оборону 4-го Кавказского армейского корпуса русской Кавказской армии. Русские части, понеся значительные потери, были вынуждены 13 июля начать отход.

Отряд генерала Н. Н. Баратова, нанеший контрудар во фланг и тыл группировке Абдулкерим-паши при фронтальной атаке войск 4-го Кавказского армейского корпуса выправили положение. Разгромленный противник отошел к р. Евфрат. 21 июля операция была завершена.

Главным итогом Алашкертской операции стало сокращение фронта главных сил Кавказской армии больше чем на 100 км, что позволило создать сильный армейский резерв.

Кампания 1915 г., также как и кампания 1914 г., начавшись наступательными операциями на обоих флангах русского стратегического построения (Ласдененская операция 10-й армии и Карпатская операция), в связи с переходом противника к широкомасштабным наступательным действиям весной – летом, ознаменовалась тяжелыми оборонительными сражениями русских войск в Галиции, Польше и Прибалтике.

Заканчивалась кампания опять-таки активными действиями русских войск на флангах Русского фронта (контрнаступления в рамках Виленской и Двинской операций, сражения на Серете, Стрыпе и у Луцка). Успешная активность русских войск и истощение сил противника привели к стабилизации Русского фронта.

В кампании 1915 г. русская армия также применяла все формы оперативного маневра, но в этот период (особенно в период с мая по сентябрь) главной задачей русских войск стала борьба с активными действиями противника. Особое значение приобрели действия на стыках, флангах, а также борьба с постоянными попытками австро-германских войск осуществлять операции на охват и окружение. В последнем случае наиболее действенными мерами противодействия являлись контрудары.

Маневренная война значительно сказалась на специфике оперативного искусства. Так, в ряде случаев на сражения как ключевого элемента операции приходилось 40–50 % от ее общей продолжительности. Отчетливо выявилась необходимость взаимодействия между армиями

и фронтами, в ходе кампании 1914 г. достаточно отчетливо оформилась фронтовая операция. Маневренный период войны показал, что глубина операции или ряда последовательных, непрерывно развивающихся операций значительно возросла – например для Галицийской битвы до 250 км, от русско-австрийской границы до р. Сан. Средний темп наступления составлял до 10 км в сутки. Операции характеризовались широкими маневренными действиями в целях охвата или обхода флангов группировок противника и их уничтожения – но создаваемое в начале операции на направлении главного удара превосходство в силах и средствах в последующем не поддерживалось, а сила удара не наращивалась. При таком способе ведения операций противник обычно не уничтожался, а оттеснялся. В итоге наступательные операции, как правило, не достигали поставленной цели.

Опыт операций этого периода показал, что наиболее эффективным методом противодействия оперативному обходу является охват обходящей группы противника.

Значительно возросли количество и размах встречных сражений, которые были присущи главным образом наступательным операциям маневренного периода, особенно в приграничной зоне. Этому во многом способствовали возросшие боевые возможности войск. Встречные сражения велись обычно с марша армейскими объединениями на фронте 40–90 км. В ходе их каждая из сторон стремилась максимально использовать внезапность, упредить противника в нанесении удара, проявить быстроту и решительность в борьбе за захват и удержание инициативы.

Операции кампании 1916 г. развивались в условиях позиционной войны. В ходе нее для воюющих основной целью стало длительное удержание занимаемых войсками рубежей. Она характеризовалась наличием сплошных фронтов, развитой на большую глубину и оборудованной в инженерном отношении системой полос (позиций), сосредоточением большей части сил и средств в первом эшелоне, малой активностью войск.

В связи с реализацией германской Верденской операции 11 февраля 1916 г. в Ставке Верховного главнокомандующего состоялось совещание, на котором был разработан план операции Северного и Западного фронтов в районе Двинск – оз. Нарочь – оз. Вишневское.

Намечалось проведение двух наступательных операций, объединенных общей целью – отсечь виленскую группировку противника от Ковно и переправ через р. Неман. На Северном фронте наступление должно было развиваться от Якобштадта на Поневеж, а на Западном – от Сморгони на Вильно. Противостояли русским войскам 2-й и 5-й армий соединения германских 8-й, 10-й армий и армейской группы Ф. фон Шольца, занимавшие глубоко эшелонированные и устоявшиеся позиции. Район наступления (лесисто-болотистая и озерная местность), а также ограниченные силы русских, выделяемые для удара, не предполагали достижения какого-либо крупного оперативного результата. Важнейшей задачей была помощь французам.

Тяжелые позиционные бои характеризовались тем, что значимый успех был достигнут лишь в левофланговой ударной группе (генерала от инфантерии П. С. Балугева) – но успех локальный (захвачено м. Поставы).

Пристрелка, осуществлявшаяся 3 дня, выдала противнику направление главного удара. Искусству позиционной войны (в отличие от войны маневренной) русским войскам еще надо было учиться. Как правило, неудовлетворительным было и руководство войсками.

Оперативно бои у Двинска и Нарочи были безрезультатны, но закладывавшийся в них изначально результат, тем не менее, был достигнут.

В частности, в течение недели (5-17 марта) нарочского наступления прекратились немецкие атаки на Верден. Германские армии в полосе русских Западного и Северного фронтов не смогли выделить на Французский фронт в данный период (важнейший этап Верденской операции) ни одного соединения.

М. Гофман так охарактеризовал русское наступление: «Участок для наступления был хорошо выбран: главный удар последовал, с одной стороны, между озерами Вишнев и Нарочь, с другой стороны, у Постав. Двойной напор должен был охватить и опрокинуть 21-й германский корпус и таким путем осуществить широкий прорыв на Вильно – Ковно. Подсобные атаки имели место южнее Двинска, под Видзами, под самим Двинском и у Якобштадта. Атака открыта была 15 марта (здесь и далее в цитате – по и. ст. – *А.О.*) ураганным огнем невиданной на нашем фронте силы. С 18 по 21 марта и затем еще раз 26-го длились пехотные атаки, веденные, как всегда, смело и настойчиво, несмотря на тяжелые потери»^[59].

Особое значение для оперативного искусства русской армии имело наступление Юго-Западного фронта 1916 г.

Возглавлявший его генерал от кавалерии А. А. Брусилов передал в руки командармов инициативу – возможность самостоятельно принять решение о направлении удара своих войск. Таким образом, прорыв должен был реализовываться на 4 различных направлениях, что, тем не менее, отвечало задачам, поставленным перед фронтом – демонстрация активных действий в помощь Западному фронту.

Более того, это кажущееся распыление сил и средств и явилось новым словом в теории и практике военного искусства.

Исходя из опыта позиционной войны, считалось необходимым прорывать фронт противника на одном направлении, сосредоточив там максимальное количество пехоты и артиллерии. Это давало возможность и оптимально оперировать имеющимися резервами и боеприпасами. Но вся трагедия т. и. «мясорубок» позиционного этапа Первой мировой войны заключалась в том, что противник по району артиллерийской подготовки, сосредоточению резервных пехотных частей и артиллерийских средств усиления догадывался о месте прорыва и соответственно подтягивал к нему свои резервы. Эффект внезапности утрачивался.

Но, пробив брешь в обороне врага, атакующий должен был подтягивать свои резервы, боепитание и продолжать движение в условиях «лунного ландшафта» изрытой и опустошенной артиллерией местности, что резко снижало темп его продвижения – тем более при отсутствии механизации армии. И напротив, обороняющийся из глубины своей обороны, в условиях неповрежденной инфраструктуры более оперативно перебрасывал силы и средства, и в итоге закрывал «горловину» прорыва. Таким образом, шла безнадежная гонка: наступающий пытался протолкнуть свои резервы через «окно» зоны прорыва, в то время как обороняющийся подтягивал свои резервы к участку боев по нетронутым железным и шоссейным дорогам. Естественно, вскоре силы сторон уравнивались, и наступление затухало.

Новизна плана А. А. Брусилова как раз и заключалась в том, что прорыв предусматривался на четырех направлениях сразу – главном и вспомогательных, – чтобы рассредоточить внимание, силы и средства противника и лишить его возможности маневрировать резервами. Артиллерийская подготовка в нескольких местах не позволяла последнему ответить на ключевой вопрос: а где же направление главного удара?

Более того, в рамках каждой армии существовало несколько корпусных ударных участков. В итоге, на первом этапе наступления брусиловские армии наносили 4 главных и 7 вспомогательных ударов. Треть сил фронта сосредоточилась в правофланговой 8-й армии. Второй по значению и имеющимся силам была 9-я армия на левом фланге. А 11-я и 7-я армии в центре были небольшими, и от них требовалось прежде сковать врага. Мощность и длительность артподготовки рассчитывались для армий «индивидуально».

На первом этапе наступления армии фронта провели Луцкую, Язловецкую, Доброноуцкую, Сопановскую операции. Каждая отличалась уникальным оперативным рисунком и спецификой применяемого оперативного маневра.

С 3 июня войска 8-й и 11-й армий отражали контрудар противника. Противник стремился концентрическим наступлением вырвать инициативу действий у русского командования и попытаться разгромить ковельскую группировку русских. 9-я армия к десятым числам июня успешно форсировала р. Прут, овладела столицей Северной Буковины – Черновицами, продолжив успешное преследование противника. 6 июня ее корпуса вышли к р. Серет.

Наступление 8-й армии до 2-го июня развивалось по двум операционным направлениям: на Львов (действия против которого 11-й и 7-й армий не привели к успеху), и на Ковель (для взаимодействия с Западным фронтом, наступление которого откладывалось).

11 июня в состав Юго-Западного фронта была передана 3-я армия, и командующий фронтом поставил 3-й и 8-й армиям задачу овладеть районом Городок – Маневичи, в то время как двум левофланговым армиям, 7-й и 9-й, продолжать наступление на Галич и Stanisлав, а центральной, 11-й армии – удерживать позиции.

Противник также вновь осуществил перегруппировку. Контрудары германцев против русских 8-й и 9-й армий осуществлялись 17–20 июня. С 17-го по 21-е июня германский 10-й армейский корпус безрезультатно атаковал 44 раза. На левом фланге был отбит германский 22-й корпус Э. Фалькенгайна, причем большая его часть фланговым ударом 5-го армейского корпуса русских (последний переброшен на автомобилях, как в знаменитом эпизоде Марнской битвы 1914 г.) была уничтожена. И хотя, в результате, русское наступление было приостановлено, в боях 22–26 июня 8-я и 3-я армии нанесли ряд поражений германским войскам.

22 июня началось второе решительное наступление Юго-Западного фронта. Наибольший успех, как и раньше, наметился на правом фланге фронта. В результате трехдневных боев войска 3-й и 8-й армий прорвали оборону противника и нанесли ему поражение. 24 июня

командующий фронтом потребовал от 3-й и 8-й армий совместными усилиями овладеть Ковелем.

Возобновление наступления сильно осложнило положение противника. Австро-германское командование находилось в большой тревоге. «Русская атака в излучине Стыри, восточнее Луцка, имела полный успех. Австро-венгерские войска были прорваны в нескольких местах, германские части, которые шли на помощь, также оказались в тяжелом положении, и 7 июля (по и. ст. – *А.О.*) генерал фон Линзинген был принужден отвести свое левое крыло за Стоход. Туда же пришлось отвести с участка южнее Припяти правое крыло армии генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, где была расположена часть армейской группы Гронау. Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте»^[60], – писал Э. Людендорф.

Третий этап Брусиловского наступления начался после директивы Ставки от 26 июня, изменившей задачи фронтам. Теперь нанесение главного удара вменялось в обязанность Юго-Западному фронту и указывалось его новое направление – Ковельское с перспективой наступления на Брест – Пружаны. В распоряжение А. А. Брусилова был передан стратегический резерв Ставки.

Остальные армии фронта начали наступление 15 июля. На 8-ю армию дополнительно возлагалось овладение Владимиром-Волынским, на 7-ю и 9-ю армии – овладение рубежом Галич – Станислав, а на 11-ю – наступление на Броды и Львов.

Но на главном направлении успехи были незначительны. Хотя русские войска сбили противника в р-нах Селец и Трыстень, захватив там свыше 8 тыс. пленных и 40 орудий, дойти до Ковеля они не смогли. Противник сосредоточил на их пути крупные резервы и оказывал ожесточенное сопротивление. 15 июля русскими был взят г. Броды.

На 23 июля было назначено новое наступление 7-й, 9-й и 11-й армий, а на 25 июля – второй удар на Ковель. 7-я

армия 31 июля ударом по Южной армии Ф. фон Ботмера начала победное сражение под Збаражем.

Но на ковельском направлении ситуация сложилась неудачно, и 30 июля действовавшие там 3-я и Особая армии были переданы Западному фронту Тем не менее, М. Гофман писал: «В некоторых пунктах положение стало угрожающим»^[61].

Новое наступление было назначено на 16 августа: 8-я армия должна была наступать на Владимир-Волинский, 11-я – на Бржезаны, 9-я – двигаться по расходящимся направлениям на Галич и Мармарош – Сигет, а 7-я – оказывать поддержку соседям. После перегруппировки, приведшей к задержке, 18 августа армии фронта перешли в наступление.

Августовская операция при больших потерях не принесла желаемых результатов. Тем не менее, 18 августа 9-я армия, сбив Карпатский корпус немцев, преодолела лесистые Карпаты, а 7-я армия нанесла поражение германской Южной армии на р. р. Золотая и Гнилая Липы. С переменным успехом бои велись на р. Стоход. М. Гофман писал в своем дневнике: «У Стохода идут тяжелые бои в одном месте. В течение двух дней я был... озабочен... Мы только и делаем, что стараемся наскребать какие-нибудь полки, создавать новые резервы, так как совершенно нельзя знать, что понадобится в ближайший час»^[62].

Некоторый успех русские войска имели в центре и на левом фланге фронта, где освободили города Броды, Галич, Stanislaw. Август и сентябрь были характерны постепенно затухающей активностью русских войск на северном и южном фасах русского наступления. Ковельские бои не принесли успехов, зато 7-я армия опрокинула Южную германскую и форсировала Гнилую липу.

К середине сентября фронт стабилизировался по линии р. Стоход – Киселин – Золочев – Галич – Stanislaw – Делятин – Ворохта.

Хотя Ставка и перенесла в полосу Юго-Западного фронта главный удар в ходе операции, но момент был утерян, и фронт ввязался в затяжные кровопролитные бои, которые вел до глубокой осени 1916 г.

Наступление Юго-Западного фронта 1916 г. стало крупнейшим достижением русского военного искусства: оно открыло новую форму прорыва позиционного фронта, наиболее успешную для своего времени, указывало пути выхода оперативного искусства из позиционного тупика.

Оригинальность операции Юго-Западного фронта заключается в том, что в ней были впервые применены новые формы оперативного искусства по прорыву позиционной обороны – был организован и осуществлен прорыв на широком фронте одновременно 4 армиями, наносившими фронтальные удары на нескольких операционных направлениях, слившихся впоследствии в общий прорыв австро-германского фронта между р. Припять и румынской границей. Впервые была проведена фронтовая наступательная операция, осуществляемая вначале четырьмя, потом пятью, а впоследствии шестью армиями и завершившаяся взломом обороны на всю тактическую и оперативную глубину.

Это наступление является примером прорыва на широком фронте с чередованием активных и пассивных боевых участков. Метод Брусилова (кстати говоря, последовательно примененный только им – что во многом говорит о необходимости высокой оперативной квалификации исполнителей) был назван «стратегией параллельных ударов»: схема предполагала необходимость иметь несколько участков прорыва, разделенных не атакованными боевыми участками, но образующих единую систему (реальная ширина фронта прорыва может заметно превышать сумму длин активных участков). Эта оперативная схема требовала применения практически ювелирных приемов и методов военного искусства, т. к. обеспечить взаимодействие активных участков, разделенных позиционным фронтом, на практике было почти невозможно.

По технологии прорыв осуществлялся всеми армиями Юго-Западного фронта – на узких боевых участках, с последующим развитием по флангам и в глубину. На участках прорыва достигалось превосходство над противником: в пехоте в 2–2,5 раза, в артиллерии в 1,5–1,7 раза (и это при не очень заметном превосходстве русских войск в операции в целом), что обеспечивало быстрые темпы развития тактического прорыва в оперативный. «Я не гнался за городом или крепостью – мне нужна была широта операции»^[63], – говорил А. А. Брусилов.

Полководец считал, что лишь настойчивая атака всеми силами и на возможно более широком фронте способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы с одного участка фронта на другой. При таком способе прорыва позиционного фронта противник не может своевременно определить, где ему будет наноситься главный удар. Даже если он бы и обнаружил подготовку к наступлению, то все равно он не смог бы определить направление главного удара и сосредоточенными ударами бить прорвавшиеся войска и, наоборот, вынуждался бы разбрасывать свои резервы по различным направлениям. Прорыв сразу в нескольких местах приводил к одновременному взлому всей оборонительной системы противника, давал наступающему возможность применения широкого маневра на охват флангов и окружение группировки противника и, наоборот, ограничивал свободу его маневра. Но этот способ действий имел свою обратную сторону, заключавшуюся в том, как писал А. А. Брусилов, что на месте главного удара он не мог сосредоточить такого количества войск и артиллерии, которое там могло быть, если вместо многочисленных ударных групп была бы только одна. Избранная им форма прорыва более соответствовала сложившейся обстановке: она обеспечивала скрытность подготовки, сокращала сроки перегруппировки и позволяла осуществить принцип внезапности.

Германские и австрийские позиции на Западе и на Востоке укреплялись по единым требованиям. Но как

разительно отличаются брусиловские результаты от англо-французских! Из французской и немецкой практик прорыва на узком участке фронта генерал сделал вывод о необходимости нанесения одновременных ударов всеми фронтами на нескольких стратегических направлениях, а в масштабе фронта – всеми армиями на нескольких операционных направлениях с сосредоточением основных усилий и средств на направлении главного удара. Он считал, что союзники не воздействовали на врага сразу всеми фронтами, чтобы лишить его возможности пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям. Немецкое же командование, используя ошибки союзной стратегии и развитую сеть железных дорог, стремилось действиями по внутренним операционным линиям бить своих противников поочередно. «Мы же с союзниками, – пишет Брусилов, – действуя по внешним операционным линиям, должны были навалиться на врага сразу со всех сторон, чтобы не дать возможности германцам уничтожать противников поочередно и перебрасывать свои войска по собственному усмотрению – в то или иное место. В результате всего оказывалось, что на участке, который атакуется, немцы в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественно отношении»^[64].

Брусилова можно не только назвать «русским Макензеном», но и поставить гораздо выше последнего. Британцы отмечали: «в руках русского полководца не было таких ресурсов как у немцев, и он не мог решить проблему прорыва фронта врага по методу Макензена – сконцентрировав огромное количество орудий на одном участке для проламывания обороны противника, проложить этим артиллерийским кулаком дорогу своей пехоте на широком фронте... Русская артиллерия не заменяла пехотную атаку, а способствовала ей и упрощала... Прорыв в нескольких участках фронта одновременно был полной противоположностью немецкой схемы... Но методика Брусилова обязана своим успехом полной координации действий всех армий и тщательно спланированному взаимодействию всех служб»^[64].

23—29-го декабря 1916 г. силами 12-й армии Северного фронта была проведена локальная операция (т. н. операция по выравниванию фронта) в целях овладения вдающимся в русское расположение участком германской позиции в районе оз. Баббите (правый берег р. Аа) и перерезания ж/д Олайской ветки (ответственна за боевое питание германской 10-й армии) и ж/д Митава — Крейцбург. В отдаленной перспективе не исключалась возможность овладения г. Митава. Операция примечательна тем, что «энергия и боевой инстинкт командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева, не могущего примириться с тем, что мы не могли прорвать по существу слабый фронт противника, провели эту операцию с широкой инициативой в смысле комбинирования способов действий и маневра»^[65].

В. И. Гурко дал следующую оценку Митавской операции: «Это наступление, явившееся для германцев полной неожиданностью, поначалу дало хорошие результаты. Были захвачены вражеские позиции, пленные, пулеметы и целые батареи легкой и тяжелой артиллерии. Тактическая оборона Рижского участка усилилась благодаря захвату ближайшего к Риге выступа германских оборонительных линий, который глубоко вклинивался в наши позиции к югу от озера Вабите на левом берегу реки Аа. Однако через несколько дней наши успехи закончились, а в нескольких местах наши части оставили ранее захваченную третью линию германских позиций»^[66].

Операция интересна технологией проведения — был применен новый способ прорыва оборонительных позиций противника.

Ярко проявилось оперативное искусство русской армии и на Кавказском фронте.

Намечая проведение Эрзерумской операции (28. 12. 1915—03. 02. 1916 гг.), Н. Н. Юденич, по сути, предвосхитил стратегическую идею А. А. Брусилова — чтобы турки не увидели направления главного удара и не смогли произвести каких-либо перебросок с остальных

участков обширного фронта, было намечено: одновременно с переходом в наступление 2-го Туркестанского (демонстрация) и 1-го Кавказского (наносил главный удар – силами 4-й кавказской стрелковой дивизии, Сибирской казачьей бригады и 1-го кавказского мортирного дивизиона) армейских корпусов проявить большую активность и на фронтах Приморского отряда (Батумское направление), 4-го Кавказского армейского корпуса (Эриванское направление), Ван-Азербайджанского отряда (на Ванском и Урмийском направлениях) и экспедиционного корпуса в Персии (на Керманшахском направлении). Каждый командир корпуса считал, что решает главную задачу.

Эрзерумская операция – один из немногих примеров законченной операции Первой мировой войны. Она была тщательно продумана, спланирована и реализована. Авторы британской официальной истории войны, фиксируя тяжелейшие условия проведения операции, отмечали, что «единственной армией, которая наилучшим образом могла бы справиться с тяжелыми условиями и победить – была русская армия... Мощь этой армии, помимо стратегических и организаторских способностей генерала Юденича, явилась важнейшим фактором успешной реализации боевой задачи»^[67].

Взятие считавшихся неприступными позиций Деве-Бойну явилось «подвигом, даже союзниками России воспринятым с удивлением, и произведшим тягостное впечатление в Берлине, к тому же операция была проведена в один из худших зимних месяцев, в условиях снега, льда и с учетом... прочих трудностей»^[68]. Турецкое командование лишилось крупнейшей базы проведения операций. Но «главная ценность захвата Эрзерума, помимо морального и политического эффекта, заключалась в использовании города в качестве новой базы на стыке всех наиболее важных дорог, результатом чего было разрушение связности и монолитности всего турецкого фронта...»^[69].

Действия войск Приморского отряда при поддержке Черноморского флота в рамках Трапезундской операции (23 января – 5 апреля 1916 г.) советская историческая наука считала образцом комбинированной десантной операции сухопутных войск при поддержке флота.

В июле – августе 1916 г. русские войска, несмотря на превосходство противника, нанесли поражение также и турецкой 2-й армии, заняв г. Муш (Огнотская операция 24 июля – 29 августа).

В кампании 1916 г. русская армия применила новый способ прорыва позиционного фронта противника, осуществляла активные, энергичные действия, применяя широкий маневр силами и средствами. Было найдено успешное решение задач прорыва именно в области оперативного искусства, во фронтовой операции – путем применения такой формы оперативного маневра, как одновременный удар на нескольких участках фронта с целью его взлома на большом протяжении. Особое значение имели умение оперировать с резервами и осуществлять перегруппировки.

В кампании 1917 г. центральное место занимало летнее наступление Северного, Западного, Юго-Западного фронтов.

Основной удар наносил последний. Наступление вели его четыре армии (с севера на юг): Особая, 11-я, 7-я и 8-я.

Главный удар осуществляли 11-я и 7-я армии: 11-я – на Львов, а 7-я – на Бобрки через Бржезаны, осуществляя двусторонний охват войск австро-венгерской 2-й и германской Южной армий. 8-й армии ставилась боевая задача продвигаться вдоль Карпатского хребта на Калуги – Болахув, отбрасывая австро-венгерскую 3-ю армию за р. Стрый. Особой армии предстояло сковать Группу армий генерал-полковника А. фон Линзингена.

Подготовка была самой тщательной: на фронте протяженностью в 100 верст удалось сосредоточить 52 пехотные и 8 кавалерийских дивизий при поддержке 1114-ти орудий. Массирование сил и средств – до 2–2,5 дивизий

и 30–35 орудий на одну версту фронта. Русская артиллерия являлась грозной силой как в количественном, так и в качественном отношении. Управление артиллерийскими средствами было полностью централизовано, а при подготовке к наступлению применялись новейшие методы разведки.

На участках прорыва русские войска превосходили противника по людям в 3 раза, в артиллерии – в 2 раза.

Структурно операция включала в себя следующие этапы: 1) Тарнопольский прорыв 16–30 июня; 2) контрнаступление австрийцев и германцев – 1 – 15 июля.

В зоне действительного огня противника наступление велось в основном ударными частями, в то время как остальная пехота неохотно следовала за ними.

Благодаря отличным результатам артиллерийского огня и действиям отборных частей в первые 2 дня наступления был достигнут тактический успех и захвачены 2–3 линии окопов противника.

Но вскоре продвижение замедлилось: войска стали обсуждать приказы и митинговать. Ушедшие вперед ударные части, оказавшись без поддержки главной массы войск, в основном погибли.

Но неожиданно для командования успех пришел в полосе наступления 8-й армии. 23 июня 16-й армейский корпус южнее г. Станислава овладел передовыми позициями противника, а на следующий день удачно отразил контратаки.

25 июня правофланговый 12-й армейский корпус, наносивший главный удар, севернее г. Станислава успешно прорвал оборону противника, разгромил австро-венгерский 26-й армейский корпус и захватил 131 офицера, 7 тыс. солдат и 48 орудий.

27 июня соединения 8-й армии овладели г. Галич, а на следующий день – г. Калуги. Но, не имея резервов для наращивания успеха и достаточного количества

боеприпасов, части 8-й армии были вынуждены приостановить наступление.

Противник организовал контрудар. 6 июля Злочевский отряд (12 дивизий) перешел в контрнаступление, нанося удар вдоль железной дороги Львов – Тарнополь. Отряд на 20-км фронте прорвал восточнее Злочева оборону 11-й армии, войска которой, не проявив нужной стойкости, начали отступление. Противник устремился в образовавшийся прорыв, развивая наступление в юго-восточном направлении.

К вечеру 8 июля 11-я армия отошла к р. Серет, что вынудило и 7-ю армию начать отход на восток.

9 июля против войск 7-й, 8-й и 11-й армий Юго-Западного фронта перешла в наступление группа войск Э. Бём-Ермолли. 8-й армией были оставлены без боя гг. Галич и г. Калуш, а 10 июля на левом фланге 11-й армии противник форсировал р. Серет. 11 июля завязались бои за Тарнополь.

К 14 июля русские отошли на государственную границу (р. Збруч). Как отмечали очевидцы, противника сдерживали лишь кавалерия и отдельные, еще не потерявшие боеспособности пехотные части, в то время как остальные обсуждали на митингах и в комитетах приказы, а чаще всего просто устремлялись в тыл.

Русские наносили контрудары (19-го июля у Гусятина 34-м, 41-м и 22-м армейскими корпусами были опрокинуты и отброшены за р. Збруч германский Бескидский и австро-венгерский 25-й армейский корпус, а 23 июля 3-й Кавказский армейский корпус 8-й армии опрокинул германский 27-й), но общей картины это уже не меняло.

Удары русских войск в рамках Летнего наступления на других фронтах – 5-й армии на Северном фронте и 10-й на Западном фронте – успеха не имели, но также не по военным причинам.

В рамках Рижской операции (19–24 августа 1917 г.) в первый день германского наступления 2-я гвардейская

пехотная дивизия противника переправилась на восточный берег Западной Двины у Икслюя и вклинилась в первую позицию русских войск, но ее дальнейшее продвижение встретило сопротивление частей русской 186-й пехотной дивизии 12-й армии. Попытка 14-й баварской дивизии форсировать реку на боевом участке 21-го армейского корпуса провалилась.

Провести контрудар одновременно всеми намеченными для этого силами (части 33-й, 136-й пехотных дивизий, 2-й Латышской стрелковой бригады и бригады 116-й пехотной дивизии) не удалось.

20 августа противник возобновил наступление.

14-я баварская дивизия прорвалась на правом фланге 21-го армейского корпуса. Части 185-й пехотной дивизии были отброшены, но стойкость 2-й Латышской стрелковой бригады (остановившей наступавшую на Роденпойс германскую 2-ю гвардейскую дивизию), предотвратила окружение в районе Риги главных сил 12-й армии.

Фактически не исчерпав всех возможностей обороны, командование 12-й армии в ночь на 21 августа приказало оставить позиции на р. М. Егель и отходить, что явилось первым шагом к сдаче Риги и началу отступления армии на север.

На оперативное искусство русской армии в кампании 1917 г. сильный отпечаток наложило морально-политическое состояние русских войск, стремительно терявших свои боевые качества в послереволюционный период. Все наступательные операции русских войск в революционный 1917 г. шли по одной схеме – «революционный порыв» в наступлении и неизбежный вражеский контрудар, использование противником снижения боевой устойчивости деморализованных русских войск, сводящей на нет все успехи наступления. По такой схеме развивались события на Юго-Западном (июнь – русское наступление, июль – неприятельский контрудар) и Румынском (соответственно июль – август) фронтах. Оборонительные операции характеризовались быстрым фиаско оборонявшихся русских войск с

преждевременным оставлением сильных позиций. В этой ситуации основным средством оперативного реагирования в руках русского командования стал контрудар.

С установлением позиционного фронта оперативное искусство столкнулось с новыми, совершенно неизученными формами борьбы. Маневр по форме как будто бы упростился. В большинстве случаев это был прямолинейный удар, иногда по сходящимся направлениям (если позволяло начертание фронта). Но во всей остроте встала одна из основных проблем военного искусства в позиционной борьбе – проблема прорыва позиционного фронта. Обозначилась и другая ключевая проблема – оперативного развития успеха. Темп преодоления тактической полосы обороны был настолько медленным, что свободные оперативные резервы обороняющегося без затруднений воспроизводили новую систему обороны и таким образом перед наступающим возникала задача вновь и вновь прорывать оборонительные рубежи противника. Увеличение фронта прорыва успеха не дало. Тем более что в распоряжении командования наступающего не было средства, которое сковало бы маневр оперативных резервов в тылу. Сковать резервы можно было активными действиями на ряде других участков фронта – и наиболее удачное решение оперативного прорыва фронта было найдено на русском Юго-Западном фронте в 1916 г. Одновременный удар на многих участках широкого фронта привел к тому, что этот фронт рухнул и противник был отброшен.

Зародилась новая форма прорыва фронта – форма множественных прорывов фронта, форма дробящих фронт ударов. Эта форма требовала наличия крупных сил, но в то же время она заставляла противника разбрасывать оперативные резервы – фронт разваливался сразу на большом протяжении, и воссоздать оборону в тылу на широком фронте было трудно. Идея эта не получила законченного развития в Первой мировой войне, но она являлась наиболее соответствующей условиям последнего периода войны. Форма множественных прорывов фронта с применением в последующем со стороны прорвавшихся

групп охватов и обходов приближала наступающего к решению проблемы уничтожения противника вместо его оттеснения (типичного для операций позиционного периода войны). В конце войны стал применяться переход в наступление и без артиллерийской подготовки (Митавская операция) – путем нанесения внезапного мощного первоначального удара при наращивании усилий из глубины и организации тесного взаимодействия всех родов войск.

Вторая ключевая проблема – развитие тактического прорыва в оперативный – так и не была решена в ходе операций мировой войны. Отсутствие необходимых мобильных резервов было главным препятствием для этого.

На эволюцию оперативного искусства в годы мировой войны наложили свой отпечаток объективные реалии боевого противостояния. Война показала, сколько проблем и недочетов в армиях воюющих государств имелось в сфере деятельности войск и управления этой деятельностью.

К началу войны оперативное искусство воспринималось как цепь боевых усилий, сплошных по фронту, единых по глубине и объединенных общим замыслом разгрома противника или противодействия ему. Оперативное искусство было призвано объединить тактические усилия войск (в пространстве и времени) в единую систему усилий армии или фронта. И квалифицирующим признаком оперативного искусства стал оперативный маневр.

«Генеральное сражение» XIX века исчезло.

Операция распалась на ряд крупных и мелких боев, разбросанных на широком пространстве, разрослась по фронту и в глубину. Изменились способы ведения боевых действий, в операциях участвует огромное количество войск – обе стороны операции вводят в дело все новые дивизии, численность которых иногда даже превосходит силы, которые операцию начали.

Операция длится не часами (как раньше), а днями и неделями. Например, в ходе Галицийской битвы Люблин-Холмская операция 4-й и 5-й русских армий с левофланговыми австрийскими армиями шла непрерывно с 10 по 17 августа – т. е. неделю; Лодзинское сражение продолжалось 6 недель и т. д.

Значительно выросли плотности применяемых войсками технических средств – например, в Галицийской битве они составили 6–7 орудий, а в период Брусиловского прорыва (в 8-й армии) – 20 орудий на километр фронта.

Вместе с тем оперативная подвижность войск была невысокой – средний темп суточного продвижения во время Первой мировой войны ни в одной операции не превышал

18 км. Так, 11-я армия А. фон Макензена, эксплуатируя результаты Горлицкого прорыва, 100-км расстояние от Горлицы до р. Сан преодолевала две недели, т. е. по 7–8 км в сутки. После этого противнику понадобилась двухнедельная пауза для подтягивания тылов и восстановления дорог.

Фактор времени приобрел важнейшее оперативное значение. «Упущенный момент не вернется вовеки» – отмечал Наполеон Бонапарт. А Петр Великий говорил, что потеря времени «смерти безвозвратной подобна».

Учет временного фактора приносил полководцу победу, а его игнорирование – поражение.

Так, к вечеру 7 августа 1914 г. оперативная обстановка под Гумбинненом сложилась для 1-й русской армии на ее правом фланге весьма неблагоприятно, и начальник штаба и генерал-квартирмейстер убеждали командующего армией отдать приказ об отходе, т. к. промедление может погубить армию. Но П.-Г. К- Ренненкампф, несмотря на свои недостатки, имевший довольно большой боевой опыт, ответил: «теперь все дело в том, кто кого перетерпит; я Притвицу (М. Притвиц – командующий германской 8-й армией. – А.О.) не уступлю». И он

оказался прав – с наступлением ночи командующий 8-й армией отдал своим войскам приказ об отходе за Вислу.

А 10 ноября 1914 г. в период Лодзинской операции, двигавшийся на выручку окруженной германцами русской 2-й армии сводный корпус 1-й русской армии вошел в соприкосновение с частями русского 1-го армейского корпуса. И 5 германских дивизий оказались в окружении, будучи отрезаны частями Сводного корпуса и 6-й сибирской стрелковой дивизии. Германцы решили в ночь на 11 ноября пробиваться из окружения через позиции 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Целый день шел упорный бой на линии ж/д Лодзь – Колюшки. Штаб Сводного корпуса рассылал распоряжения в свои 43-ю и 63-ю пехотные дивизии, настаивая на оказании поддержки изнемогающему соседу слева – сибирякам. Командование пехотных дивизий отнеслось к фактору времени очень халатно – командир 43-й пехотной дивизии отправился в Лодзь, где ужинал в этот вечер в ресторане (его соединение не сдвинулось с места), а 63-я пехотная дивизия вместо немедленного удара по противнику всеми силами отложила атаку до пяти часов утра (немцы успели проскочить к Брезинам, и удар пришелся по пустому месту). Германцы, разгромив брошенную соседями 6-ю сибирскую стрелковую дивизию, благополучно и с трофеями вышли из кольца – благодаря отсутствию у соседей чувства взаимной выручки и упущенному оперативному времени.

В период Второй Августовской операции 20-й армейский корпус русской 10-й армии за 7 дней прошел свыше 100 км, но в силу того, что командование корпуса потеряло ночь с 27-го на 28 января и весь день 28 января, 1-е, 3-е и 4-е февраля, в итоге оказался в «котле» и погиб.

Большое значение для оперативного искусства имели меры по обеспечению скрытности и связанные с ними демонстрационные меры – образцовыми являются мероприятия при организации в Одессе 7-й армии в октябре 1915 г. и перед майским прорывом Юго-Западного фронта в 1916 г.

В октябре 1915 г. 2-й и 16-й армейские, 5-й Кавказский армейский корпуса и 3-я Туркестанская стрелковая бригада были переброшены с фронта в Одесский военный округ для укомплектования личным и конским составом и получения интендантского, артиллерийского и инженерного имущества перед перспективной десантной операцией.

Такую крупную операцию невозможно было скрыть – и все мероприятия командования сводились к тому, чтобы действительные намерения сделались известными возможно позже, для того чтобы у противника не оставалось достаточно времени для противодействия. Меры были следующими:

1. Подробных маршрутов с указанием пунктов высадок войскам, отправлявшимся с фронта в Одесский округ, не выдавалось; коменданты станций и кондуктора имели расписания лишь от станции отправления до ближайших узловых станций; пункт высадки становился известным лишь в Киеве.

2. Цель сосредоточения корпусов была сообщена лишь корпусным командирам уже после высадки с железной дороги. До обсуждения деталей операции с командирами корпусов с них было взято обещание хранить все решения в тайне, как можно дольше не посвящая в них даже начальников корпусных штабов.

3. Когда пришлось приступить к пробным посадкам на транспорты, цель этих посадок носила учебный характер, публика не допускалась в районы погрузки.

4. Когда корпуса начали перевозиться на Юго-Западный фронт, в войсковых частях распускался слух, что морской десант заменен переброской по железным дорогам через Румынию. Каждому начальнику воинского эшелона выдавался запечатанный конверт с надписью вскрыть его по прибытии на ближайшую узловую станцию, а после вскрытия конверта в нем оказывался второй конверт с такой же надписью – и т. д. Наконец, в период отправления частей из Одессы на фронт было прекращено

пассажирское движение из пределов округа внутрь России.

Демонстрации заключались в том, что погрузка на транспорты продолжалась чуть ли не до последнего дня переброски войск по железной дороге, а войскам были выданы погрузочные разнарядки.

Перед операцией 1916 г. были предусмотрены следующие меры обеспечения скрытности:

1) Командующие армиями были предупреждены о операции лишь за 7 дней до ее начала (считая 3–4 дня на перегруппировку);

2) План операции, разработанный командованием Юго-Западного фронта, хранился в абсолютной тайне – даже начальник снабжений фронта не был посвящен в дело (вследствие излишней болтливости некоторых лиц из состава его управления).

3) На армейские перегруппировки отводилось лишь 3 дня.

4) Войска, выдвигавшиеся на усиление, не выводились на передовую, оставаясь в глубоких резервах, – для ознакомления с местностью к линии фронта отправлялись только командиры и разведчики.

5) Солдатские и офицерские отпуска были прекращены лишь за неделю до начала наступления.

Демонстрации заключались в следующем.

1) Главнокомандующий армиями фронта, решив атаковать всем фронтом в один день, указал в директиве, что каждая армия ведет самостоятельную атаку и никакого подразделения на главную и вспомогательные атаки не намечалось.

2) Подготовительные инженерные работы предписывалось вести не только перед районами атаки, но и по всему фронту каждой армии. Таким же образом должны были осуществляться пехотная и воздушная разведки.

3) Для контроля тактической и инженерной подготовки к атаке на фронт одной армии был командирован начальник инженеров, на фронт другой – генерал-квартирмейстер, а на фронт двух остальных – начальник штаба фронта. Сам главнокомандующий пожелал также лично объехать одну армию: разумеется, его особенно интересовало положение дел в 8-й армии, наносящей главный удар, но он туда не поехал, чтобы этим выбором не намекнуть противнику на важнейший участок наступления – в 8-ю армию был командирован начальник штаба, в то время как А. А. Брусилов поехал в 9-ю армию.

Важнейшее оперативное значение во время мировой войны на Русском фронте приобрел климатический фактор. Две боевых операции, начатые в зимнюю стужу, были во многом сорваны именно вследствие погодных условий. Это – наступление турок в декабре 1914 г. на Сарыкамыш и наступление русской 12-й армии в декабре 1916 г. – январе 1917 г. на Митаву. В качестве примеров успешного действия войск в данной обстановке, можно назвать наступление германских войск во время Второй Августовской операции 1915 г. и наступление русских войск в Карпатской операции 1915 г. и Эрзерумской операции 1916 г.

Оттепель, особенно после морозов, также может значительно повлиять на изменение оперативной обстановки – так, в феврале 1915 г. замерзшая долина р. Бобр, обычно непроходимая, в период Второй Августовской операции вызвала опасения в Ставке за операционное направление между крепостями Осовец и Гродно. Кд. Соколки 4–6 февраля были спешно переброшены части 2-го армейского корпуса. Корпус мог оказать поддержку войскам преследуемой германцами русской 10-й армии. Но внезапно наступившая оттепель вернула Бобру его обычные свойства – и корпус начал выдвигаться более длинным маршрутом. В итоге утром 8 февраля 20-й армейский корпус 10-й армии (будучи окружен), был разгромлен превосходящими силами германцев – поддержки извне он не получил.

В период проведения Нарочской операции 1916 г. климатический фактор (начало периода весенней распутицы в болотистой полосе наступления русского Западного фронта) послужил одною из причин крушения задуманного оперативного плана.

На Северном фронте в конце апреля 1916 г. под Якобштадтом, вследствие сильных дождей и подъема воды в р. Пикстери, пришлось отменить атаку 60-й пехотной дивизии.

И можно продолжать.

Во время проведения соответствующих кампаний происходило совершенствование оперативного искусства.

Осуществление операций в начале кампании 1914 г. свелось к формированию и нацеливанию войсковых группировок. Армии с самого начала получили свои ориентиры и устремились к ним по определенным еще до войны направлениям.

Армейские соединения оказались прикованными к определенным направлениям и были нацелены на соответствующие ориентиры без учета той возможной обстановки, которая, возникнув в период боевых действий, может потребовать совершенно иного оперативного решения.

Такое оперативное искусство породило т. и. стратегию дальнего прицела, основным признаком которой стало полное пренебрежение сведениями фактической оперативной обстановки. То есть наблюдалась как бы «запрограммированность» войск – вне зависимости от исхода сражения, даже вне зависимости от того, где оно предстоит, – армии устремлялись по заранее определенным направлениям. Оперативное искусство устранилось от реального руководства ходом боевых событий, предоставив их собственному течению на заданном направлении.

Таким образом, оперативное искусство менее всего задавалось вопросом – где и как бить противника. Оно заменило его другим вопросом – куда и когда выйти.

Операция стала неуправляемой – в этом заключалось крупнейшее противоречие оперативного искусства в 1914 г. В итоге целый ряд благоприятнейших оперативных возможностей, присутствовавших буквально во всех сражениях кампании 1914 г. на Русском фронте, был безвозвратно упущен.

Наступающий стал всем своим фронтом просто отбрасывать от себя того противника, которого надо было схватить, чтобы сокрушить и уничтожить. Наступательная операция превратилась в операцию отталкивания. Разумеется, разгром живой силы противника стал в этих условиях невозможным. Именно этими обстоятельствами объясняются нерешительные результаты крупных сражений – причем в условиях маневренных действий, осуществляемых кадровыми войсками с полным комплексом боевого оснащения.

Ситуация усугубилась пренебрежением к резервам. Еще А. Шлиффен учил, что в вооруженной борьбе победит тот, у кого фронт будет длиннее и фланг сильнее. Но в условиях войны нового поколения побеждал тот, у кого фронт глубже. Оперативный резерв по своему значению превращался в оперативный эшелон. Эшелонирование боевого порядка в глубину (в т. ч. посредством эшелонирования резервов) значительно способствует маневрированию, приобретая вследствие этого первостепенное значение. В условиях мировой войны потребность в мощных общих и частных резервах для замены и усиления израсходованных сил значительно возросла. Во многих операциях величина резерва составляла до 40–50 % первоначальной численности участвующей в операции группировки. Ценность резерва существенно зависит от его подвижности. Чем менее ясна обстановка для командующего – тем более сильным должен быть резерв. Кроме того, резерв должен применяться по целевому назначению, – а не быть «затычкой» в руках незадачливого военачальника.

Невозможность сокрушить противника привела к затягиванию операций, внедрению позиционных методов ведения боевых действий.

Выходом из этой ситуации виделось применение оперативного маневра, особенно флангового. А. Шлиффен писал, что современная война более, чем в прошлые эпохи истории, становится борьбой за фланги. Соответственно, по Шлиффену, в этой борьбе побеждает тот, чей последний резерв находится на крайнем крыле армии.

Практически все операции кампании 1914 г. стали примером применения флангового маневра. Важнейшее значение он имел в Галицийской битве (его активно применяли все русские армии – особенно 5-я и 8-я, сыгравшие ключевую роль в битве), Варшавско-Ивангородской и Лодзинской (особое значение имел фланговый маневр 1-й и особенно 5-й армий) операциях.

Фланговая рокировка 4-й и 5-й русских армии перед началом Варшавско-Ивангородской операции имела особенно знаковое значение. 9-й германской армии, собиравшейся внезапным скачком наброситься на правый фланг Юго-Западного фронта, русские противопоставили комбинацию двойного удара с фронта (Ивангород) и с фланга (Варшава).

На основе этого сложного плана было приказано: 1-й и 10-й армиям демонстративным наступлением сковать немцев в Восточной Пруссии, 2-й армии атаковать 9-ю германскую армию во фланг и тыл со стороны Варшавы, 4-й и 5-й армиям выйти из боевой линии Юго-Западного фронта (под прикрытием 3-й и 9-й армий) и совершить рокировку на правый фланг Юго-Западного фронта – в район Ивангорода, чтобы в дальнейшем развивать наступление от Ивангорода на запад. 9-я русская армия должна была по-прежнему наступать из района Сандомир, а 3-я и 8-я армии должны были прикрывать р. Сан, продолжая блокаду Перемышля и обеспечивая всю операцию со стороны Венгрии. Успех всего замысла, зависел прежде всего от рокировки двух русских армий – 4 и 5-й – к правому флангу фронта.

Прежде всего была произведена рокировка 4-й армии из района Красника в район Ивангорода. Чтобы вывести целиком всю 4-ю армию из боя, фронту пришлось

остановить наступление всех остальных своих армий и прекратить преследование разбитых австрийцев. Участок 4-й армии был распределен между войсками 9-й и 5-й армий. Из состава 4-й армии был оставлен на месте Гвардейский корпус, прикрывавший выход армии из боя, а вместо него в 4-ю армию был передан из 9-й армии 16-й армейский корпус. Рокировка 4-й армии (3-й Кавказский армейский и Гренадерский корпуса), начатая 30 сентября, происходила по железной дороге, а 16-й армейский корпус направлялся в район Ивангорода походным порядком. Полное сосредоточение 4-й армии в районе Ивангород было закончено к 5 октября, чем была создана важнейшая предпосылка успешного противостояния с германскими войсками.

Вслед за 4-й армией в составе трех корпусов (17, 19 и 5-й армейские была выведена и 5-я армия), которая должна была походным порядком сначала перейти в район Люблин – Красник, а потом по железной дороге быть переброшенной в район Ивангорода, откуда она должна была наступать в стыке между 2-й и 4-й русскими армиями.

Для перевозки 5-й армии были выделены две железнодорожные рокады: Люблин – Ивангород – Гарволин и Люблин – Любартов – Луков. По первой рокаде перебрасывались 17-й и 5-й, а по второй – 19-й корпуса.

Мощность потока перевозки была установлена по 20 эшелонов в сутки по каждой из рокад. Для ускорения процесса штаб фронта указал, что перевозке подлежит пехота без артиллерии и без дивизионных и корпусных транспортов, которые должны были следовать походным порядком.

Рокировка 5-й армии по железной дороге началась 8-го и закончилась 14 октября.

Стратегическая операция, связанная с рокировкой двух армий к Ивангороду и с подходом в Варшавский район 2-й русской армии, кардинально изменила оперативную обстановку на стыке двух русских фронтов. Русский

маневр отличался глубоким размахом и был для немцев очень опасен. Особенно опасным для них было направление русского охватывающего маневра со стороны Варшавы. Обстановка для 9-й германской армии, ввязавшейся в бой между Иван-городом и Варшавой, настолько ухудшилась, что немцам, вместо развития своего наступления, пришлось быстро отходить на запад.

Основными слагаемыми всякой операции являются армейские сражения. Каждое из этих сражений – не цель операции, а один из ее этапов. Однако иногда сражение заполняет собой почти все содержание операции. Большинство оперативных прорывов в ходе войны носило признаки подобного подмена.

Восточно-Прусская операция 1914 г. является типичной формой операции, имевшей целью не только разгром русских армий (это являлось средством), но и ликвидацию русского наступления в пределы германской провинции.

Борьба в Галиции в 1914 г. представляла собой ряд армейских сражений, связанных между собой одной общей целью. Эти сражения происходили на нескольких направлениях одновременно и, так как оперативные результаты их были неодинаковы по своему значению, то и ход Галицийской битвы носит сложный комплексный характер.

Лодзинский маневр германцев представлял собой операцию-сражение. Конечная цель его сводилась к нанесению русским такого удара, который, смяв их армии в Польше, скомпрометировал бы (окончательно или надолго) все наступательные попытки западнее р. Вислы. Практически же это свелось к тому, что 9-я германская армия, совершив железнодорожный маневр, охватила своими ударными соединениями правый фланг русского «тарана», действовавшего западнее Вислы, но не смогла его окружить – напротив, сама подверглась окружению.

Именно Лодзинская операция – свидетель удавшейся операции на окружение со стороны русских войск – кольцо окружения было замкнуто ударом ловичской группы, вышедшей в тыл ударной группе германцев.

В летней кампании 1915 г. противник применил следующую оперативную схему – осуществлялся комплекс операций, заключавшийся в нанесении ряда последовательных ударов по русской армии на разных направлениях (участках) фронта. Данный способ предусматривал последовательное развертывание свободных сил и средств наступающего соответственно то против одного, то против другого участка фронта обороняющегося.

Русская армия, к апрелю 1915 г. истощив свои ресурсы, смогла противопоставить усилиям противника оперативный маневр и планомерный отход.

Оперативный маневр мог способствовать занятию своими войсками наиболее выгодной диспозиции, и одновременно вовлечь противника в самое невыгодное и опасное для него положение.

Кампания 1915 г. носила комплексный и высокоманевренный характер, русская армия применяла все формы оперативного маневра: оперативный прорыв (яркими примерами являются Карпатская операция и Наступление на Серете), фланговую атаку (примеры удачной реализации этого маневра – Алашкертское и Второе Праснышское сражения, а неудачной – Горлицкая операция), контрудар (особенно активно применялся в Горлицкой, Луцкой, Шавельской операциях, боях у Збаража).

Вместе с тем русские войска умело противодействовали оперативному маневру противника – в Луцкой операции пресекли фланговую атаку врага, успешно ликвидировали Свенцянский прорыв и т. д.

Недостаток боеприпасов и технических средств заставил русское командование в 1915 г. применить планомерный отход, осуществлявшийся в течение пяти месяцев – лишь шаг за шагом уступая врагу свои позиции. Этот Великий отход был сопряжен с утратой значительной территории (около 240 тыс. кв. верст), сопровождался большими потерями в людях и материальной части. Но выигрыш времени был несомненен – в среднем на период

отхода приходится около 2–3 верст в сутки (считая глубину отхода до 300–450 верст в течение 150 дней). Соответственно, Великий отход можно признать одной из форм оперативного (и даже стратегического) маневра.

Знаковыми аспектами оперативного искусства в кампании 1915 г. на Русском фронте стала борьба за фланги, действия на стыках и сражения за плацдармы.

Под стыком следует понимать место соприкосновения внутренних флангов соседних частей и соединений на их разграничительной линии. Непосредственно на стыке, с точки зрения управления войсками, принцип единоначалия отсутствует, и имеет место двоевластие.

Связность, согласованность и единство действий достигаются на стыках с большим трудом – как вследствие двоевластия, так и трудности обеспечения связи между фланговыми частями двух различных соединений. Именно поэтому войсковые стыки наиболее опасны для обороняющегося, а действия на стыках наиболее перспективны для наступающего.

Наиболее яркие примеры операций, в которых осуществлялись действия на стыках – Горлицкая операция, Шавельское и Виленское сражения.

Активные действия на стыках имели место уже осенью 1914 г. – в период Лодзинской операции. Так, находившийся на стыке русских 1-й и 2-й армий 5-й Сибирский армейский корпус, занимал позицию к северу, западу и юго-западу от г. Влоцлавска (общее протяжение свыше 27-ми км). Позиция корпуса была укреплена слабо, дивизионных резервов не было, в корпусном резерве был один полк, а левый фланг корпуса прикрывался 1-м Астраханским казачьим полком. Армейский резерв (6-й Сибирский армейский корпус) пока не мог начать переправу на левый берег Вислы. То есть русское командование 1 и 2-й армий, не учитывая оперативных свойств стыков, организовало стык своих армий на важнейшем для германцев операционном направлении.

Фронтное командование, зная стремление германцев наносить главные удары в стык, не предприняло никаких шагов к их обеспечению путем размещения своих фронтных резервов или хотя бы отдаче соответствующего распоряжения армейским инстанциям о том, на ком лежит ответственность за целостность стыка и кто должен организовать его обеспечение.

Командармы проявили некоторую инициативу, но она была в форме заботы о непосредственном обеспечении своих собственных флангов. Командующий 1-й армией стремится создать прочный щит из войск 5-го Сибирского армейского корпуса и под его прикрытием выдвинуть 6-й Сибирский армейский корпус своего армейского резерва. А командующий 2-й армией, делая серьезную попытку добиться взаимодействия на стыке армий, направляет свой 2-й армейский корпус к северу для удара по противнику, угрожающему левому флангу 1-й армии. Но вместо флангового удара маневр 2-го армейского корпуса привел к фронтальному встречному столкновению с частями германского 20-го армейского корпуса и не дал никакого тактического эффекта. Созданный 2-м армейским корпусом барьер мог только отсрочить вторжение германцев в стык между армиями, но не парировать его. Соответственно, неудачи постигли и 5-й Сибирский и 2-й армейские корпуса. Именно это и позволило противнику начать окружение 2-й армии.

Боевой опыт привел к тому, что в кампании 1915 г. многие действия на стыках были для русской армии удачны. Ярким примером таких действий является парирование прорыва на стыке 4-й и 3-й армий резервом 25-го армейского корпуса в июне 1915 г. Для обеспечения стыка на случай его прорыва противником был назначен особый начальник с подчинением ему сильного отряда из трех родов войск (два полка пехоты, дивизион легкой артиллерии и казачья дивизия). Отряд был расположен в таком районе (за флангом корпуса), который по тактическим условиям являлся выгодной позицией для удара во фланг прорвавшегося противника. Действия 25-го

армейского корпуса привели к значительному тактическому и оперативному успеху.

Оборона – основная оперативная форма действий русской армии в кампании 1915 г. Но только активная оборона приносит осязаемые результаты. Опыт боев показал, что контратака противника, ворвавшегося в оборонительную полосу, должна быть подготовлена заранее, причем должна осуществляться ударной группой из глубины обороны – в нескольких, 5–7 километрах от района прорыва.

Ярким примером успешной активной обороны являются действия русских войск в Шавельском и Грубешовском сражениях.

В мае 1915 г. 25-й армейский корпус 2-дивизионного состава, занимая растянутый фронт около 30 км и имея против себя количественно равные и технически превосходящие его силы австро-германцев, своей умелой активной обороной не только сорвал атаку противника, но встречным ударом разбил неприятельскую дивизию и спас соседний 31-й армейский корпус.

В качестве не совсем удачного примера активной обороны русской армии в кампании 1915 г. следует назвать действия в Галиции в период Горлицкого прорыва. Для ликвидации прорыва войск А. Макензена было решено направить на помощь русской 3-й армии до 6 пехотных и 3–4 кавалерийских дивизий. Фронт наступления противника в начале операции (19 апреля) не превосходил 35 км. При одновременном введении в дело свежих сил их хватило бы для ликвидации прорыва. Но части прибывали в район операции разновременно. Из первых двух дивизий, к 23 апреля прибыли: от одной (13-й Сибирской стрелковой) – 6 батальонов, а от второй (сводной) – только 2 батальона. 24 апреля было решено направить в район операции еще три корпуса. Но сосредоточение всех этих сил шло таким медленным темпом, что прибывавшие войска оказывались втянутыми в боевые действия пачками и остановить наступление противника не смогли. Вместе с тем, прибытие новых войск вынудило А. Макензена

двигаться более осторожно и замедлило темп развития операции.

Кампания 1914 г. знала как случай успешного окружения крупной группировки противника (Лодзь), так и пример удавшейся операции на окружение русских войск со стороны германцев (Восточно-Прусская операция). Томашевское сражение, Лодзинская и Сарыкамышская операции – пример успешного противодействия русских войск операции на охват и окружение со стороны противника.

В то же время кампания 1915 г. знала лишь один случай окружения крупного соединения русских войск (20-й армейский корпус во Второй Августовской операции), но в более мелком масштабе, чем в кампании 1914 г. Это тем более показательно, что в 1915 г. командование противника систематически пыталось проводить операции на окружение крупных группировок русских войск – но русское командование научилось таким попыткам противодействовать (Вторая Августовская операция, Шавельское сражение, Виленская операция и др.).

Ярко проявилось оперативное искусство русской армии в кампании 1916 г. В условиях позиционной войны главной формой оперативного маневра стал оперативный прорыв. Но отработана была только его первая фаза – прорыв фронта, развитие же операции зачастую упускалось из вида. Ярким примером являются Нарочская, Митавская операции, некоторые сражения в период наступления Юго-Западного фронта. Кампания показала, что русская армия не утратила способность к маневрированию, а сущность оперативного маневра накладывала все больший отпечаток на деятельность войск.

Именно в годы мировой войны определилось понятие операции как цепи боевых усилий, сплошных по фронту, единых по глубине и объединенных общим замыслом разгрома противника или противодействия ему.

Особое значение для оперативного искусства русских войск имела деятельность полководца – руководителя

армии и фронта. Условия современной войны предъявляли к такому лицу повышенные требования.

Военачальник, руководящий операцией, должен был обладать умением четко рассчитать, правильно организовать и твердо направить действия вверенных ему войск. Он должен остро и мгновенно воспринимать оперативную обстановку во всем ее многообразии и мгновенно принимать смелое и в то же время взвешенное решение. Главное искусство командующего-оператора – правильно почувствовать предел в форсировании людских и материальных ресурсов, за которым может произойти надлом в войсках, который повлечет не победу, а поражение. Фронтной и армейский руководитель должен выбрать направление и форму удара, правильно организовать тот инструмент (т. е. те соединения и средства усиления), при помощи которых он будет добиваться решения оперативной задачи. В годы Великой войны выдвинулись выдающиеся командармы (В. Е. Флуг, П. А. Плеве, П. С. Балув, П. А. Лечицкий, Д. Г. ГЦербачев, А. А. Брусилов, В. И. Гурко, Н. Н. Юденич, Л. В. Леш, Р. Д. Радко-Дмитриев и др.) и руководители фронтов (П. А. Плеве, П. С. Балув, Д. Г. Щербачев, А. А. Брусилов, В. И. Гурко, Н. Н. Юденич, В. В. Сахаров, А. И. Деникин), в полной мере отвечающие этим требованиям.

В годы Первой мировой войны русская армия дала военной науке трех блестящих тактиков, выработавших свои методы прорыва на различных фронтах и ТВД: Н. Н. Юденича, А. А. Брусилова, В. И. Гурко.

В годы Первой мировой войны оперативное искусство не обеспечило перерастания тактических усилий по взлому фронта в полный оперативный разгром противника. Объединение тактических усилий войск по фронту – этот основной признак ведения операции – осталось неразрешенным. Тем не менее, оперативное искусство как искусство управления войсками приобретало черты организационного искусства. Оперативное искусство русской армии, отвечая всем современным требованиям, явилось основой для

последующего развития военного искусства нашего государства.

III. Тактика русской армии

Тактика – это также элемент военного искусства, включающий в себя как теорию, так и практику подготовки и ведения боя подразделениями, частями и соединениями всех родов войск. Тактика играет подчиненную роль по отношению к стратегии и оперативному искусству – она действует в их интересах для достижения целей, которые они ей определяют. Тактика исследует сущность боя и его закономерности, способы организации и ведения боя в различных условиях, боевые свойства и возможности подразделений, частей и соединений. Существует общая тактика и тактика родов войск и специальных войск.

Большое влияние на тактику русской армии к началу Первой мировой войны оказали военные реформы 1905–1912 гг. В этот период были введены новые программы для военных училищ и приняты новые уставы (1909–1912 гг.), учитывающие как опыт зарубежных армий, так и, особенно, итоги Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В предвоенный период офицерский состав проводил занятия по тактике, готовились доклады по военной тематике, осуществлялись военные игры. Важнейшим изъясном была квалификация высшего командного состава (в общем характерная для всех европейских армий), но в России усугублявшаяся существованием устаревшей цензовой системы. Наиболее слабой стороной русской армии было отсутствие единства взглядов высшего командного состава на боевую подготовку войск в мирное время и осознания общности цели действий в военное время. В то время как офицерский корпус вышел на мировую войну тактически грамотным, у высшего командного состава русской армии (за редким исключением) отсутствовали определенные тактические взгляды, зачастую встречались и устаревшие воззрения.

В ходе Первой мировой войны – вооруженного конфликта нового поколения – элементы общей тактики и

тактики родов войск развивались и совершенствовались.

Стрелковый бой

Стрелковый бой в условиях боевых действий XX века (носящих, прежде всего, огневой характер) имел ключевое значение для всех родов войск. До войны в деле обучения пехоты особый упор делался на огневую подготовку частей, подразделений и отдельных военнослужащих (например, командующий Петербургским военным округом и войсками гвардии великий князь Николай Николаевич отрешал от должности командира полка, не получившего «отлично» по результатам стрельб его части). Это привело к тому, что русская пехота мирного времени великолепно стреляла (иллюстрацией служат бои 1914 г.). В разработке теории стрельбы много сделали преподаватели Офицерской стрелковой школы, сформировавшие собственную концепцию стрельбы из винтовок и пулеметов.

В 1914 г. появилось Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. Оно было основано на том, что: 1) поражение неприятеля в бою достигается сочетанием ружейного и пулеметного огня и 2) огонь должен быть действительным, т. е. наносить противнику в кратчайший срок возможно большие потери. Действительность огня достигалась: а) умелым управлением стрельбой части со стороны командиров; б) искусным и толковым огнем стрелков; в) умелым использованием местности; г) наблюдением за полем боя и результатами стрельб; д) дисциплиной огня.

Особое внимание в Наставлении уделялось самостоятельным действиям стрелка – при «одиночной самостоятельной стрельбе каждый стрелок сам определяет расстояние до цели, ставит прицел и избирает точку прицеливания; в зависимости от обстановки боя выбирает удобный момент для начала стрельбы и открывает огонь, если это не было воспрещено начальником»^[70]. Стрелок должен стрелять «метко и быстро», а скорость огня «в случае самостоятельного обстреливания цели, рядовой

должен соотноситься с данной ему задачей с общими условиями боя. Огонь должен достигать наибольшей скорости, доступной каждому бойцу: а) при наступлении – перед ударом в штыки, б) при обороне – когда противник движется в штыки, или перед переходом от обороны к наступлению, в) при встрече атаки конницы и г) при всех случаях внезапного близкого столкновения с противником»^[71].

Солдат обучали стрельбе на все дистанции – до 1,4 тыс. шагов включительно. Это было оправдано тем, что: «Остроконечная пуля, при попадании с прямого полета, обладает таким пробивным действием, что на предельных расстояниях (около 5000 шагов) может наносить смертельные ранения»^[72].

Рассматривая вопрос обучения стрельбе в составе воинской части, Наставление отмечает, что общее руководство ведением огня в бою принадлежит командиру роты (эскадрона, сотни), но влияние на этот процесс может оказывать командир батальона или начальник боевого участка. Непосредственно управляет огнем бойцов в бою командир взвода. Рядовой «должен вести огонь толково и искусно, соблюдая при этом дисциплину огня»^[73].

Наилучшее поражение неприятеля «достигается сочетанием фронтального огня по каждой обстреливаемой цели с фланговым или, по крайней мере, с косым огнем, чтобы взять цель в перекрестный огонь»^[74].

Различались следующие виды огня: самостоятельный и в составе части (под управлением начальника); одиночный (редкий и частый) и залпами.

Уделялось внимание стрельбе по скрытым и движущимся целям, с закрытых позиций, ночью. Особое место отводилось преследованию огнем и обстреливанию летательных аппаратов (как самолетов, так и дирижаблей).

В любое время года проводились учебные стрельбы, причем систематически устраивались стрелковые состязания и смотры с выдачей призов и знаков отличий за

отличные результаты – как отдельным стрелкам, так и воинским частям. Все было подчинено главной цели – чтобы огонь стрелка был как можно более губителен: «действительность огня в бою измеряется количеством потерь, нанесенных противнику. Поэтому действительною стрельбою будет такая стрельба, при которой в кратчайшее время выведено из строя противника наибольшее число людей»^[75].

В итоге, кадровый русский солдат одним – двумя выстрелами мог поразить любую цель на расстоянии до шестисот шагов. Все это дало практические результаты. Участники Галицийской битвы отмечали, например, высокую плотность огня и меткость стрельбы кадровой русской пехоты. По словам очевидцев, удельный вес офицеров среди сдавшихся австрийцев был низок – «все они были выбиты нашими стрелками»^[76]. Фронтовик позднее вспоминал о боях в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г.: «Каждый... выцеливал с увлечением, благодаря чему огонь был весьма действителен... Вдруг кто-то закричал: «Немцы поднялись»... все инстинктивно схватились за винтовки... Мы преследовали их частым огнем, невзирая на рвущуюся шрапнель»^[77].

С учетом реалий войны в 1916 г. Наставление было доработано. Например, были удалены и. и. 70–72 (о точках прицеливания дальше и ближе 600 шагов), изменены и. 76 (установлено правило о том, что при стрельбе до 800 шагов точка прицеливания избирается самим стрелком), пи. 112 и 114 (о стрельбе по приближающейся и удаляющейся цели, о преследовании огнем), и. и. 156–157 (о точности огня), скорректированы нормы об обучении стрельбе, прицеливании и т. д.

Особое место в современном огневом бою принадлежало такому могучему и новейшему огневому средству как пулемет. Ценность этого оружия заключалась в том, что пулемет на сравнительно узком фронте в наикратчайшее время мог развить сильнейший сосредоточенный и меткий огонь, оказывая моральное воздействие на противника и нанося его живой силе

значительные потери. Строевой устав пулеметных команд пехоты совершенно справедливо отмечал: «Благодаря своей подвижности и силе огня, пулеметы являются весьма ценным средством для изменения хода огневого боя как на фронте, так и в особенности на флангах, достигающим при умелом пользовании решительных результатов. Моральное впечатление от действия пулеметного огня, вследствие наносимых им в короткое время массовых потерь, весьма сильно и еще более возрастает в случаях внезапного открытия огня»^[78].

В 1914 г. русский пехотный полк имел пулеметную команду, оснащенную 8-ю станковыми пулеметами, что соответствовало общеевропейской тенденции. Русский станковый пулемет системы Максима имел большую скорострельность (около 600 выстрелов в минуту) и пробивную способность (его пуля выводит из строя двух стоящих в затылок людей на дистанции 3200 шагов, а на дистанции 4500 шагов – наносит смертельное ранение и пробивает однодюймовую доску).

В 1912 г. появилось (а в 1916 г. было доработано) Наставление для обучения стрельбе из пулемета, также являвшееся для своего времени передовым. Этот документ совершенно справедливо называл пулеметный огонь «могущественным боевым средством»^[79], эффективным как в наступлении, так и в обороне. Для наибольшей эффективности пулеметного огня требовалось: 1) чтобы выбор целей и применение огня отвечали боевой обстановке и 2) пулеметный огонь должен быть действительным – т. е. наносить цели в кратчайший срок наибольшее поражение.

Надлежащее управление пулеметным огнем в бою – залог тактического успеха. Наставление знало различные виды пулеметного огня (огонь на пристрелку и стрельбу на поражение; стрельбу с рассеиванием и без рассеивания; стрельбу по открытым и закрытым целям). Наблюдение за результативностью пулеметного огня гарантировало его эффективность.

Особое внимание уделялось тактике действий пулеметных подразделений – с открытых и закрытых позиций, по площадям и на поражение, ночью, с различных дистанций, с маневрированием. Большое значение имело массирование пулеметного огня.

Проводились состязания пулеметчиков, отличные пулеметчики (наводчики, глазомергчики) награждались и всячески поощрялись. Пулеметные команды (особенно сохранившие кадровый состав) – элита русской пехоты в годы Первой мировой войны.

В наступлении пулеметы применялись преимущественно на средних и близких дистанциях. Их задача – содействие атакующей пехоте и коннице, особенно в те моменты, когда необходимо быстро и мощно нарастить огневое воздействие по противнику. В том числе «для обстреливания продольным или косым огнем и перед ударом в штыки». Пулеметы, находящиеся в боевых порядках наступающих войск, сосредотачивают свой огонь на атакуемом участке позиции противника и, действуя с малых дистанций (желательно фланговым огнем) сметают как подходящие резервы, так и защитников вражеской позиции, способствуя быстрому достижению тактического успеха.

Особое значение пулеметам отводится при удержании достигнутых рубежей и опорных пунктов противника – они служат фундаментом для устойчивости частей и подразделений при отражении контратак отброшенного противника и закрепления захваченных позиций. Участник войны позднее вспоминал: «Картофель хорошо маскировал пулеметы от взоров противника... Одним броском из балки выбежала длинная голубая цепь людей и начала подвигаться в мою сторону... Дальномерщик неотступно следил дальномером за их движениями и вполголоса, как бы сознавая всю важность своего поста, передавал мне прицелы... Пулеметные унтер-офицеры, согласно уставу, держали руку поднятой, давая этим знать, что пулеметы готовы... из балки, вслед за первой, появилась вторая цепь австрийцев. Насколько мне тогда показалось, я спокойным голосом скомандовал – «огонь».

Словно ожидавшие этого пулеметы разом дружно затакали, посылая сотни пуль в ничего не ожидавшего врага. Эффект получился поразительный. Рикошеты от пуль легли в расположении самой цепи и минуту спустя обе цепи, оставив многочисленных убитых и раненых, исчезли обратно в балке, из которой они недавно появились, преследуемые непрерывным огнем пулеметов»^[80].

При неудачной атаке пулеметы огнем прикрывали отход пехотинцев, не давая противнику перейти в контратаку или вести преследование. Арьергардный огонь с близких дистанций – лучшее средство «охлаждения» пыла наступающего врага.

В обороне пулеметы являются средством обеспечения устойчивости боевых порядков. Они, прежде всего, придаются частям, боевая задача которых требует особой устойчивости, и располагаются на таких позициях, откуда можно обстреливать ближайшие подступы перед опорными пунктами и искусственные препятствия фланговым или перекрестным огнем.

Именно в обороне пулеметы, чрезвычайно усиливая сопротивление фронта обороняющегося, особенно незаменимы. Они могут парализовать действия даже значительно превосходящего противника. Уставы и наставления рекомендовали прикрывать пулеметным огнем мосты, железнодорожные сооружения, узлы дорог и пр., усиливая ими, прежде всего, батальонные боевые участки.

Тактически наиболее предпочтительным являлось совмещение фронтального и флангового или перекрестного огня. Пулеметы, остающиеся в резерве – мощное огневое и маневренное средство в руках командира части. Т. к. пулеметные точки и опорные пункты привлекали сосредоточенный огонь артиллерии противника, предписывалось «располагать пулеметы не в самих опорных пунктах, а где-либо в такой близости от них, чтобы они своим фланговым или перекрестным

огнем, с ближних дистанций, могли обстреливать подступы к опорным пунктам»^[81].

Учитывая особую «любовь» артиллерии противника к русским пулеметным точкам, важное внимание уделялось наличию запасных пулеметных позиций и рассредоточению пулеметов. Фронтовик вспоминал: «Не успели мы прекратить стрельбу, как несколько неприятельских шрапнелей разорвались над моими пулеметами. По-видимому, местопребывание пулеметов было открыто и, во избежание излишних потерь, я приказал передвинуться немного вправо»^[82].

Когда атака противника отбита и обороняющийся готовится перейти в контратаку, «часть пулеметов сопровождает перешедшие в наступление части и своим огнем сбивает задерживающегося противника, не давая ему устроиться»^[83]. Но другая часть пулеметов обязательно остается на позиции – для прикрытия своих войск огнем и для парирования тактических неожиданностей.

Наиболее эффективным был перекрестный пулеметный огонь. Наилучшие результаты от действий пулеметов достигались при стрельбе на расстояние до километра. Участник боев в Восточной Пруссии в 1914 г. подполковник Ю. Ф. Бучинский писал: «Видно было, как по открытии нашими пулеметами огня, немецкие цепи и колонны редели и ложились, а пулеметчикам 6-го пехотного Либавского полка удалось отбить атаки немецкой кавалерии на наш правый фланг»^[84].

Несмотря на то обстоятельство, что армии противников России в ходе войны (в силу различных причин) обогнали русскую армию по количеству пулеметов, имеющих в боевых частях – именно пулеметный огонь русской пехоты (особенно вследствие выявившейся в 1915 г. нехватки артиллерийских боеприпасов) явился мощнейшим фактором успешной борьбы с врагом и причиной высоких потерь противника даже в тактически успешных для него боях. Это во многом определялось качеством боевой подготовки русских пулеметчиков и применением

современных тактических взглядов на использование этого боевого средства.

Например, в бою у дер. Пясечно 27 августа 1914 г. 2 пулемета 3-го Сибирского стрелкового полка отбили 9 (!) атак пехоты противника, нанеся ему большие потери. А в бою у фольв. Забродье Рымашевский в августе 1915 г. также 2 пулемета не только прикрыли отход частей 20-го пехотного Галицкого полка, но и отвлекли огонь противника на себя. Об эффективности пулеметного огня говорит и следующее высказывание участника Галицийской битвы: «При взятии ее (высоты 235) особенно отличился пулеметный взвод старшего унтер-офицера Юдина, уничтоживший своим огнем одну неприятельскую роту, выдвинутую из резерва в контратаку (на месте ее наступления было насчитано 123 убитых и раненых)»^[85].

И даже единственный пулемет мог решить участь боя любого уровня. Яркой иллюстрацией этому является бой лейб-гвардии Финляндского полка 20 июля 1915 г. уд. Кулик. Батальоны финляндцев занимали оборону у леса и деревни – 2-й, 3-й и 4-й находились на позициях, а 1-й был в полковом резерве.

Когда после мощной артиллерийской подготовки в 14 часов началась атака германской пехоты, понесший большие потери от артиллерийского огня противника правый фланг 2-го батальона был вынужден отойти, потеряв господствующую высоту – ключ позиции полка. Но 1-й батальон перешел в контратаку, выбил противника с высоты и прочно удерживал позиции на правом фланге полка вплоть до окончания боя. 3-й батальон также был вынужден покинуть окопы, разрушенные артиллерийским огнем противника – понеся большие потери, он отошел на другую опушку леса, где и закрепился.

Германская пехота прорвала позиции 4-го батальона и, преодолевая русские окопы, устремилась вперед.

Комбат штабс-капитан А. Ф. Моллер так передавал накал боя: «Пулемет, пулемет!.. Где пулемет?! – кричал я... «Стрелять из пулемета!.. Понял?!»... побежал вдоль

окопа и велел вытаскивать пулемет. Солдаты 13-й (роты. – А. О.) уже палили по густым цепям немцев, шедших, бежавших и валивших на фланге леса и окопы 15-й. Подпрапорщик Великопольский с пулеметчиками 13-й роты спешно вытаскивали пулемет на траверс окопа, и он уже застрочил, через головы правофлангового окопа 13-й, по окопам 15-й...«Где другой, другой пулемет?» – кричал я, надрываясь... Оказалось, он не действует, так как был завален. Но отлегалось от сердца, т. к. взятые обстрелом вдоль, окопы 15-й роты стали очищаться выскакивающими и бросающимися целыми группами назад немцами, и по ним вдруг, правда с задержками и перебоями, заработал и второй пулемет 13-й роты»^[86].

Раненный, но не ушедший с позиций А. Ф. Моллер лично руководил действиями пулеметчиков – он приказал вытащить единственный уцелевший пулемет и, установив его внутри окопа, – открыть огонь по обходящим фланг батальона германцам. Один из солдат команды связи бросился передать приказ, но сразу же был убит, а следующий за ним – ранен. Тогда старший унтер-офицер 13-й роты Солдатов в одиночку (хотя боевое обслуживание пулемета Максим предполагало наличие 3-х человек) вытащил пулемет и открыл губительный фланговый огонь по германцам – они не выдержали пулеметного огня и залегли, а потом целыми группами бросились назад.

Но через 2–3 минуты стакан шрапнели попал герою в живот – но и лежа на земле, с вывалившимися внутренностями, весь залитый кровью, Солдатов все еще пытался стрелять из пулемета. Комбат так вспоминал о последних минутах жизни героя-пулеметчика: «...у него зияла рана, с продранной одеждой, перемешавшейся с кишечником и кровью и куском еще торчащего, большого осколка гранаты... ему расстегивали ворот, и он делал с усилием какие-то полуконвульсивные жесты правой рукой, видимо желая перекреститься. Я не мог, увидев, что он пытается что-то сказать, нагнуться /из-за боли в груди/ и потому присел к нему, старался скорее угадать, чем расслышать, его слова. Кто-то из наклонившихся над ним

помог его руке, и он потянулся ею за колодкой с Георгиевскими Крестами /у него их было уже два и несколько Георгиевских медалей/ и стал ее снимать, что ему сейчас же помогли сделать. Превозмогая боль и стараясь улыбнуться, он протянул их мне и, сильно напрягшись, вдруг ясно сказал: «Ваше высокородие! Родителями передайте... Скажите – честно умираю...». Он что-то еще сказал, уже полусшепотом, но ни я, ни подпрапорщик Великопольский... слов не разобрали. Видя слезы на глазах бравого старика Великопольского и чувствуя, что они и у меня выступают, я поспешил его перекрестить, поцеловать в лоб и встать, в момент, когда у него уже закидывалась голова, поддерживаемая бережно его плачущими другом старшим унтер-офицером Андреем Салодовниковым»^[87].

Контратака бойцов 4-го батальона решила участь боя: 4-й батальон не только восстановил свое положение, но и овладел частью окопов 3-го батальона. Огонь пулемета старшего унтер-офицера Солдатова явился ключевым фактором, позволившим отразить натиск противника, уже вклинившего в расположение финляндцев.

Боевых примеров успешного применения русских пулеметов – не перечесть. Но самое ценное признание их эффективности исходит от противника – упоминания об этом присутствуют в трудах большинства очевидцев и участников войны на Русском фронте. Например: «Почти во всех корпусах пехота была остановлена возобновившимися огонь после переноса артогня русскими пулеметами... Встречаемые мощным пулеметным огнем с удобных позиций... части повсюду несли большие потери...»^[88]. Причем, это сказано о Горлицком прорыве, во время которого германские войска, превосходя русских в тяжелой артиллерии в 40 раз, практически сровняли русские стрелковые позиции с землей.

Учитывая тактически удачный опыт применения пулеметов, в конце войны формируются крупные пулеметные части.

Штыковой бой

В 1907 г. появилось (ив 1916 г. было переиздано) наставление под названием «Обучение штыковому бою». В соответствии с этим документом искусство штыкового боя заключается: а) в умении поразить штыком противника прежде, чем он сам нанесет удар; б) в нанесении ударов, выводящих противника из строя; в) в умении защитить себя^[89]. Наставление пристальное внимание уделило техническим аспектам штыкового боя – боевой стойке, ударам, поворотам и другим движениям. Упор делался на нанесение сильных и метких ударов. Более того, «Наставление для действий пехоты в бою» определяло, что: «Движение для нанесения удара в штыки называется атакой»^[90]. То есть атака в ее непосредственном понимании – это бросок для нанесения штыкового удара противнику в ближнем бою. Удар в штыки должен производиться стремительно – с расстояния около 50 шагов и осуществляется стрелковой цепью, по возможности усиленной резервом.

Мощный и эффективный штыковой удар – «визитная карточка» русской пехоты, практикуемый в любых боевых условиях вплоть до окончания участия России в мировой войне и решивший участь многих боев.

Так, 26 августа 1914 г. лейб-гвардии Московский полк, прорвав штыковым ударом фронт противника у Тарнавки, захватил большую часть артиллерии германского Силезского ландверного корпуса (42 орудия) и несколько десятков пулеметов. В ходе исключительно упорного боя расчеты захваченных орудий и пулеметов защищались до последнего и были переколоты. Прорыв гвардейцами и гренадерами австро-германского фронта у Тарнавки имел стратегические последствия.

Очевидец так видел поле боя под Брезинами (Лодзинская битва 1914 г.): «Сцены смерти и истребления сопровождали такие подвиги, о которых уже никому не расскажут навеки сомкнувшиеся уста. Десятки мертвецов

из рвов и окопов, точно до сих пор, цепляясь за мерзлую землю, пытаются выползти на дорогу. Сотни их, опрокинутые навзничь, опущенные инеем, валяются по всему этому простору. Здесь защищались немцы, и защищались до последнего человека. Уйти или не хотели, или не могли. Штыковой бой был беспощаден. Кругом сломанные наши и согнутые немецкие штыки, отлетевшие от ударов приклады, раздробленные ружья»^[91].

Военный журналист так писал о лесных боях в ходе Первой Августовской операции 1914 г. в Восточной Пруссии: «Обычный штыковой бой длится несколько минут, четверть часа. Эта эпическая схватка достойных друг друга витязей продолжалась два часа, – беспощадная, стойкая и беспримерная по неодолимой мощи напора. Люди заваливали трупами рвы и ямы. Товарищи проходили по их телам, стремясь скорее нащупать штыками отважных врагов. Ломались штыки»^[92].

Фронтовик так вспоминал о лесном штыковом бое в ходе Галицийской битвы: «В результате среди леса произошла ожесточенная штыковая схватка. Шесть рот тамбовцев (122-го полка) стремительной атакой опрокинули австрийцев и преследовали их до южной опушки леса. Было захвачено много пленных, в том числе раненый командир 2-го венгерского полка. В свою очередь, 122-й пехотный полк потерял убитыми и ранеными 215 человек и без вести пропавшими 53 человека»^[93].

Офицер-артиллерист передавал свои впечатления от увиденного штыкового боя на р. Буг летом 1915 г.: «2-й полк несет крупные потери, но стойко держится. Свежие толпы озверелых германцев проносятся через залегших, поднимают их и, все вместе, врываются в наши окопы. Наши резервы опоздали... С искаженными лицами, опьяненные льющейся кровью, затуманив ею рассудок, люди режут друг друга, трещат черепа под ударами ружейных прикладов.

В старом дубовом лесу идет штыковой бой 2-й полк, под напором потока германцев, отходит назад, заливая

кровью своей и чужой торчащие корни дубов и, покрытую старыми сухими листьями, землю... Подоспевшие свежие резервы изменили положение: германцы отступают. На штыках выносит их из леса наша пехота... Здесь, у самой дороги, противник уже успел окопаться... Штыковой бой прекратился. Старые дубы тихо шелестят своими листьями, грустно внимая стону живых еще человеческих тел, истекающих кровью. Помочь этим людям никто не может: недобитые, они умирают в страшных мучениях, без капли воды с запекшимися, окрашенными кровью, губами». [\[94\]](#)

Русская конница блестяще владела пикой и шашкой – в бою холодным оружием равных ей не было в течение всей мировой войны.

Гранатный бой

В 1916 г. появилась «Инструкция для метания ручных бомб и гранат». Документ подробно рассматривал типы гранат, применявшихся русской армией, и детально регламентировал процесс подготовки гранаты к бою и использования ее в боевой обстановке.

Наставление отмечало, что: «Ловкий метальщик может бросить гранату шагов на 50–60. Район ее действия по живым целям, расположенным на открытой местности, имеет радиус около 5 шагов, но отдельные поражения получают на расстоянии около 30 шагов от места взрыва. Сильный заряд гранаты, бросаемый в окоп противника, при взрыве иногда подымает с земли камни и другие предметы и отбрасывает их на значительное расстояние. Ввиду этого при бросании гранат подлежит прикрываться от действия их взрыва, пользуясь окопами и складками местности или же бросая гранаты непосредственно в неприятельские закрытия (окопы)»^[95].

Русские войска, прежде всего пехота, эффективно применяли гранаты в целом ряде боевых столкновений, особенно во 2-й половине войны. Например, германец-участник сражения у Барановичей 1916 г. так писал об атаке русского Гренадерского корпуса под Столовичами: «При словах «они идут» подпоручик Гоос с людьми покинул блиндажи и встретил атакующего убийственным огнем. Однако русские остановились только в десяти шагах от рвов. Началась ожесточенная схватка ручными гранатами.»^[96].

А в бою батальона «смерти» 38-й пехотной дивизии 11 июля 1917 г. во многом благодаря применению против окопов противника ручных гранат атака ударников имела положительный тактический результат. Батальон «смерти» нанес большие потери двум германским батальонам, захватив 38 пленных^[97].

Штыковой бой и бой гранатами – элементы ближнего боя, наносившего сторонам большие потери и отличавшегося крайним ожесточением. Например, 29 августа 1914 г. в ходе Галицийской битвы во время штыковой атаки были ранены командиры 2-й, 3-й, 4-й и 12-й рот 59-го пехотного Люблинского полка, выбыло из строя около 300 солдат.

Очевидец так увидел поле ближнего боя в 1915 г.: «Наполовину засыпанные окопы свидетельствуют об ужасах штыковых боев и о разрушительном действии ручных гранат. Они до краев наполнены павшими бойцами, русскими и немцами. Их тела страшно изуродованы. По всему полю валяются разбитые деревья с торчащими в небо голыми ветвями. Резкий трупный запах наполняет воздух. Это – следы боя, склоняющегося то в ту, то в другую сторону на подступах к мосту южнее Остроленки»^[98].

А германский источник следующим образом отразил специфику боев с переменным успехом за выс. Звинин в Карпатах: «...С одной стороны Звинина задыхающиеся бойцы с крайним напряжением безуспешно бьются за обладание высотой: они ведут бой грудь с грудью, действуя холодным оружием»^[99].

В ближнем бою русский солдат был особенно опасен для своих противников.

Формы боя

Наступление

Несмотря на все преимущества обороны, во все времена военное искусство признавало наступление главным видом боя. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. было обращено внимание на то обстоятельство, что русская армия, несмотря на заветы А. В. Суворова о превосходстве наступления перед «подлой обороной», – вести эффективные наступательные действия фактически не умела.

Поэтому сразу же после войны главное внимание было уделено «внедрению наступательного духа» в армии путем издания ряда инструкций, наставлений, научных трудов. В учебниках тактики, в противоположность прежним изданиям, стала проводиться мысль о примате наступления перед обороной. Более того, термин «оборона» некоторыми специалистами был заменен на термин «выжидание».

В результате, опыт войны, преломленный военной мыслью, нашел свое выражение в новом полевом уставе русской армии.

Главное место в Уставе полевой службы 1912 г. (переиздан в 1915 г.) занимал наступательный бой – он являлся «Самым действительным средством для поражения неприятеля». Более того «стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем... Решение разбить неприятеля должно быть бесповоротно и доведено до конца. Стремление к победе должно быть в голове и сердце каждого начальника; они должны внушить эту решимость всем своим подчиненным»^[100].

Именно то обстоятельство, что наступление подчиняет себе волю противника и ломает его оперативные замыслы – было ключевым в деле признания наступательного боя

приоритетным тактическим приемом русской армии. Документ отмечал, что: «Наступая, следует стремиться к тому, чтобы лишить неприятеля свободы действий, подорвать его нравственные силы и способность к сопротивлению. Это достигается энергией в развитии дальнейших действий в соответствии с поставленной задачей и обстановкой, которая будет слагаться во время наступления, и нанесением противнику возможно больших потерь»^[101].

Следовало учитывать, что неприятеля нельзя считать неподвижным – он будет реагировать на активность русских войск. Соответственно, командование должно быть готовым к парированию любых неожиданностей. Предшествовать наступлению должна тщательная разведка.

Основная форма наступательного боя – наступление на противника, находящегося на оборонительной позиции.

Наступательный бой состоит из следующих периодов: сближение, наступление, атака и преследование.

Учитывая возросшую мощь полевой артиллерии, войска, подошедшие на расстояние 5–3 км к передовой позиции противника, вступают в период сближения. На этом этапе вырабатывается план наступления, определяются объекты атаки, отдается приказ о наступлении, а соединения, части и подразделения развертываются в боевой порядок. Дальнейшее сближение происходит в рассредоточенном боевом порядке, причем от командира требуется умение продвигать свое подразделение самостоятельно и скрытно.

Артиллерию Устав рекомендовал выдвигать вперед (зачастую в авангарде) – для того, чтобы она могла наиболее эффективно вести борьбу с огневыми средствами противника.

Авангард решительными действиями должен обеспечить выгодные исходные позиции для наступления главных сил, захватить опорные пункты, облегчающие их развертывание и дальнейшие действия.

Период наступления начинался с того момента, когда пехота занимала первую стрелковую позицию. С этого времени она должна наступать не только под прикрытием огня артиллерии, но и под прикрытием стрелкового огня.

Наилучшей формой наступления Устав считал движение стрелковой цепью с интервалами в два – десять шагов между бойцами. Документ устанавливал: «Наступление пехоты состоит из сочетания движения к неприятелю с огнем со стрелковых позиций. Чем скрытнее и быстрее будет переход от одной позиции к другой, тем меньше она понесет потерь и добьется лучших результатов своим огнем, благодаря внезапности открытия его с новых позиций. Достигается это в зависимости от удаления до неприятеля и силы его огня, перебежками взводами, отделениями, звеньями и поодиночке, если нужно с короткими остановками между стрелковыми позициями, чтобы цели для противника были не велики и появлялись ему лишь на короткое время; в ближайшем расстоянии от неприятеля придется даже передвигаться ползком»^[102].

Перед последним броском к переднему краю вражеской обороны наступающей пехоте предписывалось занять последний стрелковый рубеж, пополниться людьми за счет ротных и батальонных резервов и подготовить атаку винтовочным огнем. Атака должна начинаться тогда, когда противник наиболее подавлен огнем наступающей пехоты, и должна вестись стремительно и энергично.

Наступление против фронта противника необходимо совмещать с охватом его флангов, а если силы и обстановка позволяют, то и с обходом.

После того как противник сбит с занимаемой позиции, атакующие должны перейти к его преследованию.

Совершенно справедливо отмечалось, успех в бою будет на стороне того, кто ясно представляет себе цель действий, лучше ориентирован в положении своих и неприятельских войск, действует решительнее, смелее и искуснее. А усилия всех частей войск должны быть направлены к достижению одной общей цели.

Решительный удар и использование всех имеющихся сил и средств – залог успеха.

Устав полевой службы являлся лучшим уставом в Европе накануне мировой войны. В нем наиболее полно рассматривались как формы боя, так и действия войск в бою. Особое значение уделялось маневрированию частей и соединений в различных видах боя.

В то же время Полевой устав германской армии не имел раздела о ведении боя, а германский Строевой устав пехоты требовал от пехоты непрерывного наступления – без применения к местности, в рост, без самоокапывания. Французский устав, также как и германский, требовал наступать без применения к местности и без самоокапывания.

Опыт Великой войны скорректировал тактику наступательного боя, особенно для пехоты. Прежде всего это касалось движения под огнем противника. Так, наставления и рекомендации, выработанные во время войны, указывали, что «При обстреливании редким но метким огнем тяжелой артиллерии следует, заслышав звук приближающейся очереди снарядов, мгновенно залечь, а после разрыва, – быстро вскочив, продолжать движение вперед»^[103]. Иная тактика рекомендовалась для движения под шрапнельным огнем: в этом случае залегать нецелесообразно, так как для шрапнельного огня «человек в лежачем положении, особенно на дальних дистанциях стрельбы, представляет большую цель, чемдвигающийся...»^[104]. Для сокращения числа случаев тяжелых и смертельных ранений в голову рекомендовалось прикрывать голову саперной лопаткой, расположенной «в несколько наклонном положении». При неожиданном пулеметном огне предписывалось мгновенно залечь лицом к пулеметам, плотно прижимаясь к земле и применив лопату для защиты головы. Солдат должен был воспользоваться паузой в стрельбе пулемета для того, чтобы продолжить перебежки.

Бойцам рекомендовалось атаковать налегке, сняв ненужное снаряжение. Движение в атаке должно было

отличаться стремительностью, во время бега корпусу тела солдата придавалось наклонное положение вперед. При атаке позиций, оснащенных проволочными заграждениями, выделялись группы для проделывания проходов в заграждениях.

Русские войска успешно вели наступательные бои любой сложности. Например, в октябре 1915 г. 34-я пехотная дивизия, технически относительно слабо оснащенная, овладела сильной позицией противника протяжением до 5 км, обороняемой более многочисленным неприятелем с приблизительно равноценным техническим оснащением. Успех был достигнут ценой сравнительно небольших потерь (немногим более 1,5 тыс. человек), в то время как трофеями соединения стали 5692 пленных, 4 миномета, 17 пулеметов и прожектор. Причинами тактического успеха послужили: внезапность и относительная мощь артиллерийской подготовки; предварительное сближение пехоты с окопами противника на расстояние до 300 шагов, а также стремительность удара.

В условиях позиционной войны единственным видом активных действий пехоты стал прорыв. В конце 1915—начале 1916 гг. сильные проволочные заграждения и огонь оборонявшихся приводили к неудачам пехотных атак. Применение ножниц для резки проволоки влекло за собой лишь гибель людей, ее резавших. Доски, маты и пр. вспомогательное оборудование, применявшееся для преодоления заграждений, не оправдали возлагавшихся на них надежд. В этот период русская артиллерия, вследствие ее малочисленности, не могла оказать пехоте существенной помощи.

Новым словом в тактике наступления были действия русских войск в ходе наступления Юго-Западного фронта 1916 г. Их отличала тщательная координация всех родов войск в наступательном бою. Чтобы дезориентировать противника, русское командование организовало прорыв австро-германских позиций не на одном участке фронта, а одновременно на нескольких направлениях на широком фронте. Противник был лишен возможности правильно

использовать свои резервы и не смог снимать войска с одного участка фронта и перебрасывать на другой. Артиллеристы так умело вели огонь, что противник долго не мог разгадать, когда пехота начнет атаку. После пристрелки был открыт огонь на поражение по австрийским окопам первой линии. Затем, когда противник укрылся в подземных убежищах («лисыих норах»), артиллерия перенесла огонь в глубину обороны. Австрийская пехота, думая, что сейчас начнется русская атака, вторично заняла места на позициях для ее отражения. Но русские артиллеристы опять сосредоточили огонь по первой линии окопов, заставив пехоту противника в третий раз укрыться в убежищах. Русская артиллерия до тех пор повторяла свой маневр с переносом огня, пока в последний, в пятый раз австрийцы не покинули во время переноса огня своих убежищ. Тогда русская пехота бросилась в атаку и без выстрела ворвалась в первую линию окопов, истребив и взяв в плен ошеломленного противника.

Таким образом, необходимо отметить, что тактика наступления претерпела исключительно большие изменения в ходе войны. Общевоинской бой по предвоенным уставам слагался из взаимодействия пехоты и артиллерии, причем подчеркивалось преобладающее значение пехоты и второстепенная роль артиллерии. Вся тяжесть наступательного боя ложилась на плечи пехоты, вооруженной винтовками и небольшим количеством станковых пулеметов. Артиллерия обычно проводила лишь короткую артподготовку, но не поддерживала пехоту в ходе атаки и не сопровождала ее в глубине.

Но опыт уже первых боев показал резкое возрастание значения огня. Особенно ярко выявилось значение пулеметного огня в обороне – преодоление огня обороны даже слабо укрепившейся пехоты оказалось чрезвычайно трудной задачей. Основной причиной этого явился недостаток артиллерии, особенно гаубичной и тяжелой, и весьма слабое взаимодействие пехоты и артиллерии. Боевой участок представлял собой густую стрелковую цепь, за которой во взводных и ротных колоннах

следовали многочисленные поддержки (ротные) и резервы (батальонные, полковые, бригадные и дивизионные). Основой боевого порядка служила стрелковая цепь. Опыт же боевых действий сразу же показал несостоятельность линейных боевых порядков, ярким выразителем которых была стрелковая цепь. Ударная сила ее оказалась недостаточной, маневрировать ей было исключительно трудно. Цепь оказалась уязвимой от огня противника, пулеметный огонь буквально выкашивал ее. Отсутствие глубокого построения боевого порядка лишало возможности питать наступление из глубины, оно часто выдыхалось. Линейный боевой порядок был весьма чувствителен к контратакам противника. Отсутствие глубины боевого порядка болезненно сказывалось и в обороне.

Наступление обычно начиналось с не оборудованного в инженерном отношении рубежа, находящегося на удалении 1–1,5 км от противника, и велось в виде прямолинейного и равномерного продвижения войск. Основным способом ведения наступательного боя считалось сочетание фронтального удара с охватом (обходом) одного или обоих флангов противника (полоса наступления русской пехотной дивизии в 1914 г. составляла 6–9 км). Опыт первых боев показал, что подобный способ решения задач и построения боевого порядка приводили к тяжелым потерям от огня противника, не обеспечивали достаточной силы первоначального удара и преодоления даже неглубокой обороны противника, поскольку резервы использовались не для наращивания усилий из глубины, а для восполнения потерь цепи.

Позже для огневого подавления усилившейся обороны противника и подготовки атаки стала проводиться длительная артподготовка, полоса наступления дивизии сузилась, а интервалы между солдатами в цепи увеличились.

С установлением позиционных форм борьбы характер боя резко изменился. Сила войск обороны, зарывшихся в окопы и прикрывших себя проволочными заграждениями,

возросла еще больше. Общебойской бой по-прежнему основывался на взаимодействии пехоты и артиллерии, но значение артиллерии возросло. На нее возлагалась задача подготовки пехотной атаки, разрушения оборонительных сооружений противника и проделывания проходов в заграждениях. Плотность артиллерийских группировок также возросла. От пехоты требовалась стремительность наступления, чтобы одним броском преодолеть оборонительную систему противника. Но это не удавалось – методы стрельбы были еще слабо разработаны, продвижение артиллерии вперед представляло огромные трудности, и лишенная поддержки артиллерии, прорвавшаяся в глубь обороны пехота уничтожалась противником.

Глубина боевых порядков резко возросла. На смену цепям пришли глубоко эшелонированные волны цепей. Боевой порядок приобрел черты глубокой фаланги, громоздкой, трудно управляемой, ограниченной в своем маневре, способной только на прямолинейное движение вперед. Оборона в течение первого года позиционной борьбы развивалась в глубину. Возрастало значение ближнего боя пехоты в лабиринте окопов и убежищ. На вооружение пехоты поступали ручные гранаты. Появляется траншейная артиллерия. В боевом порядке появились такие новые элементы, как штурмовые группы и артиллерия сопровождения. Боевые порядки частей и соединений стали эшелонироваться. Полоса наступления дивизии еще сократилась (до 2 км), а наступление осуществлялось с заранее подготовленных исходных позиций после тщательно продуманной артиллерийской подготовки, в ходе которой иногда применялись и химические снаряды.

Большое влияние на развитие тактики наступательного боя оказало развитие средств вооруженной борьбы.

Преодоление прочной и глубоко эшелонированной обороны потребовало лучшей организации взаимодействия родов войск на поле боя. Если в начале войны оно организовывалось между пехотой и артиллерией, то в ходе войны возникла необходимость в

организации более тесного взаимодействия не только с артиллерией, но и с авиацией. Бой все более стал приобретать характер общевойскового, а успех в нем стал достигаться только в результате совместных усилий всех участвующих в нем родов войск.

Оборона

В разделе об оборонительном бое новая форма обороны, возникшая в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (в виде сплошных линий непрерывных окопов), не предусматривалась. Уставные документы придавали обороне подчиненный и временный характер. Так, Устав полевой службы не отрицал значения обороны и признавал необходимым переход к ней, но лишь «когда поставленная цель не может быть достигнута наступлением»^[105].

Устав требовал, чтобы оборона носила активный характер и заканчивалась переходом в наступление: «обороняясь, должно не только отбиваться, но действовать так, чтобы, расстроив неприятеля, нанести ему решительный удар энергичным переходом в наступление и атакою всеми силами. Обороняясь, надо стремиться всеми способами и средствами расстроить неприятеля огнём и, подорвав его нравственные силы, перейти в наступление и разбить его»^[106].

Оборона подразделялась на пассивную и активную. В последнем случае обороняющийся, приняв частью своих сил бой на оборонительной позиции, сковывая противника на укрепленном фронте, другой, активной, частью (резервом) должен был перейти в наступление, завершив бой решительным ударом.

Оборону рекомендовалось организовывать в виде опорных пунктов, находящихся в огневой связи между собой. Следовало создавать не сплошную оборонительную позицию, а использовать наиболее выгодные тактически участки местности – опорные пункты (высоты, рощи и т. д.), обороняемые ротами, и группы опорных пунктов (узлы сопротивления), защищаемые батальонами. Сочетание таких узлов обороны формировало полковые оборонительные участки.

Воспоминания участника Галицийской битвы так характеризуют русские оборонительные позиции в начале

войны: «В самой роще был ад. Пули насквозь ее пронизывали, тяжелые снаряды рвались всюду. Окопы не представляли собой сплошной линии, но были отрыты в виде отдельных лунок, сильно изрытых снарядами; в них кое-как укрывались люди. Ходя вдоль линии окопов, начальник дивизии ободрял солдат»^[107].

Находясь на боевых участках, войска передовой линии вели огневую борьбу с противником. Соответственно, структура боевых участков пехоты состояла из стрелковой цепи с рядом частных поддержек и резервов, эшелонированных в глубину. Задача последних заключалась: 1) в поддержке стрелковой цепи; 2) в контратаках против прорвавшегося противника; 3) в противодействии неприятельскому охвату. Протяженность по фронту боевых участков для роты определялось приблизительно в 200–300 шагов.

Оборона должна была осуществляться на одной сильной стационарной позиции с широким сектором обстрела.

Артиллерия должна была находиться за позициями пехоты. Так как в начале войны войска располагали небольшим количеством пулеметов, то оборона в этот период основывалась, прежде всего, на винтовочном и артиллерийском огне. Начальник боевого участка решал – выставлять ли пулеметы на огневую позицию сразу или держать их в резерве.

Кроме главной оборонительной позиции, обороняющиеся войска могли занимать передовые позиции и отдельные опорные пункты. Передовые опорные пункты должны были располагаться в пределах дальности огня с главной позиции. Так как такие позиции могли привести к локальным поражениям (этот взгляд основывался на отрицательном опыте Русско-японской войны), Полевой устав тактической ценности за ними не признавал. В этом он был солидарен с германским и английским уставами, в то время как французы придавали передовым позициям большое значение.

Идея глубокой обороны, вследствие сравнительной слабости огневых средств пехоты (2 пулемета и 2–3 орудия на 4-ротный батальон) в начале войны в должной мере не была осознана. Для достижения огневого перевеса над наступающим, в боевую линию выдвигались все силы. Именно поэтому наступающему удавалось мощным ударом сокрушить оборонительную линию – зачастую этим решался исход обороны.

Чтобы иметь возможность нанести прорвавшемуся противнику ответный удар, необходимо было иметь свободные (резервные) части, которые могли бы нанести контрудар наступающему. Как раз для создания таких свободных сил рекомендовалось создавать не сплошную линию окопов, а отдельные узлы сопротивления. Это позволяло организовать перекрестный обстрел перед фронтом оборонительной позиции, а также промежутков между узлами сопротивления. В глубине такой позиции должны были находиться сильные резервы – на направлении вероятного наступления противника.

Получался замкнутый круг – идея активной обороны требовала достаточного количества резервов вследствие слабости огневых средств пехоты. Это вынуждало сосредотачивать на огневой линии все что только возможно – чтобы восполнить недостаток в качестве этих средств их количеством. А сосредоточение этих сил и средств в боевой линии лишало командование резервов и приводило к тому, что противник одним мощным ударом мог прорвать оборонительную линию – парировать его было нечем. Во многом именно этим обстоятельством объясняется факт не всегда достаточно устойчивой обороны русских войск в первый период войны.

При организации обороны начальникам боевых участков предписывалось подробно изучить свойства местности, грамотно распределить вверенные войска, сосредоточить артиллерию и резервы, наладить связь и наблюдение за ходом боя. Окопы и опорные пункты должны были быть замаскированы и иметь хорошие сектора обстрела.

Развертывание на оборонительной позиции должно было производиться незаметно для противника. Особо регламентировалось ведение огня со стороны обороняющихся частей. Так, указывалось, что пехота не должна увлекаться огнем на дальние дистанции (прежде всего, чтобы не обнаружить свои позиции), артиллерия должна вести огонь, если «представятся выгодные цели для поражения». Артиллерийский и стрелковый огонь обороняющегося должен сосредотачиваться на наиболее успешно атакующих частях противника – на острие главного удара врага. Важной задачей артиллерии было ведение контрбатарейной борьбы.

Важным достоинством оборонительной концепции русской армии было стремление к активной обороне, особенно в период маневренной войны. Обороняющиеся части должны были пользоваться каждым благоприятным случаем для перехода в контрнаступление. Умелое оперирование резервами, сочетание огня и штыкового удара – залог успешной обороны.

Так, в приказе по войскам 4-й армии от 18 апреля 1915 г. было отмечено: «При обороне все еще замечается стремление к сплошной линии окопов. Даже в тех случаях, когда приходилось занимать заранее подготовленные в инженерном отношении позиции, из ряда опорных пунктов, находившихся в самой тесной огневой связи, войска сейчас же, как бы боясь промежутков, начинали соединять опорные пункты длинными окопами, и опять получалась сплошная линия. Между тем такие сплошные линии укреплений в полевой войне... не усиливают, а ослабляют обороноспособность позиции, так как окопы поглощают много войск, получается тонкая линия и слабые резервы. В случае прорыва в одном месте легко сдает и вся линия. Из сплошной линии окопов почти невозможно встретить удар противника решительной контратакой, так как приходится выбегать из окопов только по устроенным выходам. Совсем иначе, когда позиция состоит не из сплошных окопов, а из ряда опорных пунктов, находящихся в тесной огневой связи. Сосредоточив всю работу на укреплении опорных

пунктов, их действительно можно сделать неодолимыми. Занятие опорных пунктов потребует значительно меньше войск, поэтому остаются сильные резервы. При надлежащем расположении фланговых окопов и опорных пунктов уступами назад, при устройстве заграждений в промежутках и при надежной огневой связи перекрестным огнем ни охват опорного пункта, ни прорыв между двумя соседними опорными пунктами немыслим. Сила этих позиций – в сильном резерве и гибкости обороны... выдвигание резервов в промежутках между опорными пунктами естественно приводит к удару во фланг тех частей противника, которые, изнывая под перекрестным огнем, пытаются прорвать наше расположение или охватить опорные пункты с флангов... приказываю козырьки устраивать с промежутками для быстрого перехода в наступление, а в обратной отлогости рва через каждые 10 шагов делать ступеньки, дабы иметь возможность расстреливать противника на проволочных заграждениях, а если он таковые преодолел, то успеть выскочить из окопа и встретить его в штыки. Позади первой линии укреплений на важнейших участках должны возводиться опорные узлы»^[108].

В приказе командира 25-го армейского корпуса по войскам своего соединения имеются следующие строки: «Оборону вести активно, для чего на позиции иметь не сплошную линию окопов, а узлы сопротивления, основывая всю оборону на активности резервов, которые выделить в возможно большем количестве»^[109].

Главное в активной обороне – огневая связь между оборонительными участками и активное реагирование (прежде всего посредством контратак) на изменение тактической обстановки. Различали контратаки частями боевого участка и из глубины обороны. Первые осуществлялись ротными и батальонными поддержками, вторые – батальонными резервами, при поддержке артиллерии.

Уставы и наставления предусматривали, что необходимо «отстаивать каждый шаг внутреннего пространства

позиции», причем «фланговый и косой огонь пулеметов и артиллерии и атаки из засад частей пехоты и конницы» могут не только задержать и остановить натиск неприятеля, но и склонить успех боя на сторону обороняющегося.

В случае необходимости допускалась возможность отхода, но лишь для того, чтобы занять новую позицию и на ней дать отпор неприятелю, впоследствии перейдя в наступление.

Опыт боевых действий и постоянно изменяющихся условий боевого противоборства вносили коррективы в тактику оборонительного боя.

В конце 1914 г. русские войска, переходившие к обороне, обычно создавали две позиции – главную и тыловую. Главная позиция состояла из двух не сплошных линий окопов с опорными пунктами в расчете на взвод или роту. Линии окопов располагались на удалении 100–150 м одна от другой. Это делалось для того, чтобы артиллерийский огонь противника не мог сразу накрыть всю линию обороны. Кроме того, бойцы второй линии могли поддержать своим огнем товарищей. Важное значение вторая линия окопов приобретала и для накапливания резервов перед контратакой.

Перед первой линией окопов создавались заграждения из колючей проволоки. Опорными пунктами служили приспособленные к обороне населенные пункты, высоты и др. объекты.

Передовые опорные пункты приобретали все большее значение.

Стремление противника овладеть передовыми пунктами заставляло его разворачиваться в боевой порядок, замедлять темп наступления. Атака передовых позиций изматывала силы противника и обеспечивала обороняющемуся возможность подготовиться к отражению атаки на главной позиции.

На наиболее важных направлениях в 2–4 км от главной позиции создавалась вторая – тыловая позиция. Она также

состояла из одной или двух линий окопов. Общая глубина русской тактической обороны достигала 3–5 км, а ширина оборонительной полосы достигала 10–12 км.

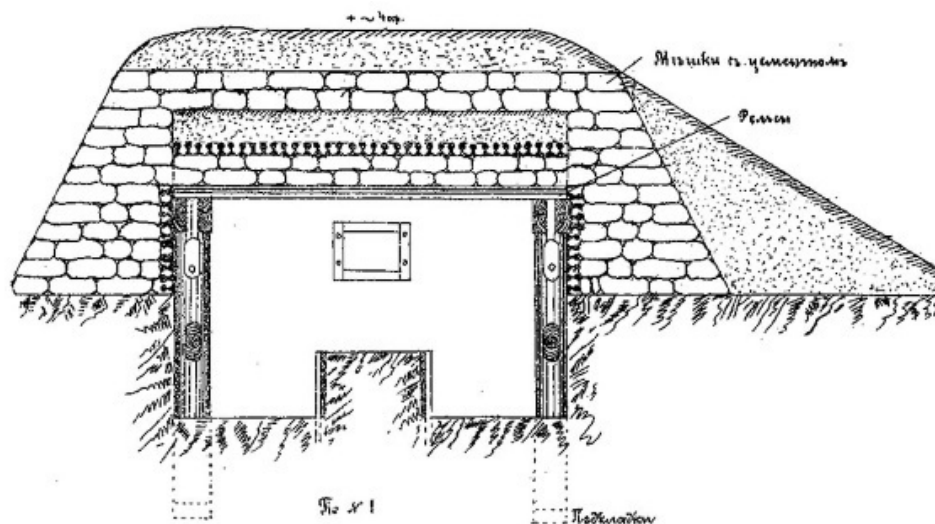

Схема устройства убежища. Указания по укреплению позиций. Изд. 2. Штаб Верховного главнокомандующего. – /7 г.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1916.

Возросшая глубина русской обороны вызвала у противника необходимость изменить тактику наступательного боя. Если в начале войны немцы и австрийцы наступали густыми цепями, а иногда даже колоннами, что вело к чрезвычайно большим потерям и истощению сил наступающего, то к концу 1914 г. они стали применять расчлененные боевые порядки. Противник начал наращивать глубину боевого порядка своей пехоты – с начала 1915 г. это несколько линий стрелковых цепей, следовавших одна за другой волнами.

Таким образом, оборона русской армии в начале войны носила очаговый характер. Основу ее составляли отдельные опорные пункты, сочетание огня артиллерии и стрелкового оружия. Оборона имела небольшую глубину и являлась противопехотной.

Главную оборонительную позицию защищали, как правило, полки первого эшелона дивизии. На тыловой позиции находился общий резерв, а между позициями –

артиллерия. Вклинившиеся в оборонительную позицию вражеские части уничтожались или отбрасывались контратаками.

Командир лейб-гвардии Волынского полка генерал-майор А. Е. Кушакевич так писал о боях у Заборце: «...2-го июля на рассвете... увидели в тумане цепь немецких разведчиков... Около 10 часов утра уже было получено донесение... о появлении густых цепей немцев, а вскоре началась артиллерийская подготовка атаки с их стороны. Наши окопы временами буквально засыпались снарядами немцев, после чего немецкие цепи переходили в атаку, но отбивались ружейным и пулеметным огнем... Были моменты, когда немцы приближались к самым окопам, но и тут выдержка офицеров и унтер-офицеров, выскакивавших на гребни окопов с ручными гранатами, обращали в бегство немцев, готовых уже вскочить в наши окопы. И так длилось все три дня»^[110].

Е. А. Летучий вспоминал об этих оборонительных боях: «артиллерия противника стала буквально засыпать своими снарядами участок моей роты. Не было возможности различить звук отдельных залпов, это был сплошной гул: все слилось в невероятный треск и шум... То, что я увидел... не поддается никакому описанию. Окопов наших не существовало, люди были перемешаны с землей. В некоторых местах окопы были совершенно сровнены с поверхностью земли. Во многих местах приходилось выскакивать на поверхность, чтобы перебежать засыпанный участок... На счастье моей роты, пулеметы еще были в действии, на участке моей роты их было два. Укрывшись в одном из пулеметных блиндажей, я начал наблюдать за противником, который уже подходил к проволочным заграждениям. Когда же он приступил к резке проволоки, то я собрал горсть уцелевших солдат; с ручными гранатами в руках мы бросились вперед и забросали ими подошедшего противника, который, по-видимому, и не предполагал, что после такого ожесточенного артиллерийского обстрела кто-нибудь еще может оставаться в окопах. Противник в беспорядке, оставив значительное количество убитых и раненых,

отхлынул назад. После этого артиллерия противника с еще большим упорством возобновила свою работу... корректирование стрельбы велось при помощи наблюдений с аэростата, что приводило... к поразительной меткости. Наша же артиллерия, по отсутствию снарядов, соблюдала полное молчание, когда только наши соседи... Кавказские Гренадеры...открывали на несколько минут ураганный огонь по противнику, и на душе у нас становилось веселее.

... Я просил прислать мне подкрепление, так как от моей роты осталась только горсть людей... Крикнул: «взвод за мной», и все, как один, бросились на наступающего противника, перескакивая и падая в сплошные ямы от снарядов. Опять дружно брошенные бомбы и ружейная стрельба заставили противника в еще большем беспорядке откатиться назад. И снова ураган снарядов был выброшен по нашему участку...Помню, как сейчас, эту ужасную картину. Наблюдая за занятием окопов 1-го взвода, я видел, как уже все посланные солдаты спустились в окопы; последним вскочил подпоручик Бовбельский. И в этот момент целая очередь снарядов, выпущенная противником, попадает с поразительной точностью в этот окоп... немцы пробовали еще раза два нас атаковать, но без успеха...»^[111].

С переходом обеих воюющих сторон осенью 1915 г. к позиционной войне, особое развитие получают вопросы инженерного оборудования оборонительных позиций. Хотя в пехотных дивизиях также создавались 2 оборонительные позиции, но каждая из них включала уже 2–3 траншеи полного профиля, оснащенные пулеметными гнездами и оборудованные ходами сообщения. Последние позволяли скрытно производить маневр силами и средствами в ходе боя. Для укрытия от артиллерийского огня противника живой силы широкое распространение получили блиндажи и убежища с прочным дерево-земляным перекрытием. Наставления и рекомендации, увидевшие свет в середине войны, подробно регламентировали устройство траверсов и изгибов в окопах, сооружение переходов (применялись для

контратак), козырьков (для защиты от шрапнельного огня) и бойниц.

Перед передним краем обороны, как правило, устанавливались сплошные проволочные заграждения. Расстояние между траншеями составляло в основном 100–150 м, а между позициями – до 4 км. Тыловая позиция также являлась исходным рубежом для контратак резервов. Ширина полосы обороны дивизии и построение боевого порядка не изменились.

Офицер 1-го Сумского гусарского полка В. Литтауэр так охарактеризовал русские оборонительные позиции под г. Двинск, когда осенью 1915 г. в составе кавалерийского подразделения он пришел сменить отводимую на отдых пехоту: «Траншеи... были глубокими, с большими блиндажами. В траншеях были установлены артиллерийские орудия. Непосредственно за нами располагалось тридцать два полевых орудия, а дальше тяжелая артиллерия. Полевые орудия должны были открыть огонь сразу после телефонного звонка командира нашего полка с просьбой о помощи. Если бы этого оказалось недостаточно, то в ход пошла бы тяжелая артиллерия. До этого у нас никогда не было столь мощной поддержки»^[112].

Важное значение в этот период стали придавать противохимической защите войск – в частности, создавались специальные убежища и укрытия.

С развитием новых форм наступления развивалась и оборона. В кампаниях 1916–1917 гг. тактическая оборона получила свое дальнейшее развитие. Она стала глубже, получила способность противостоять массированным ударам неприятеля, наносимым им на узких участках фронта. В данный период войны тактическая оборона русской армии состояла уже из 2-х полос (позиций): первой (войсковой) и второй (тыловой). Позиции находились на расстоянии 15–30 км друг от друга.

Войсковая позиция состояла из 2-х полос обороны на удалении 5–8 км одна от другой. Глубина каждой полосы достигала полутора километров. Полоса состояла из 3-х

линий окопов. Первую линию окопов обороняли роты первого эшелона. В 70—100 м перед первой линией окопов создавалась полоса искусственных препятствий. Вторая линия окопов отстояла от первой на 200—300 м и была занята батальонными резервами. Расстояние до третьей линии окопов значительно увеличилось и достигало 500—1000 м. В третьей линии окопов располагались полковые резервы, за ними размещалась артиллерия.

Аналогично организовывалась и тыловая позиция.

Рота в обороне занимала боевой участок протяжением 300—500 шагов, батальон — 1 км, полк — 2—3 км и дивизия — 8—12 км.

Значительно увеличилось насыщение обороны пулеметами.

Количественный и качественный рост артиллерии противника заставил русское командование не только увеличить между позициями расстояние, но и усилить их качественно. Каждая из позиций, кроме траншей полного профиля, располагала системой ходов сообщения и опорных пунктов («центры сопротивления»), приспособленных к круговой обороне. Они имели убежища, групповые окопы и блиндажи. Для укрытия пехоты от возросшей мощи артиллерийского огня стали сооружаться убежища с прочным верхним перекрытием. Применение более мощных средств прорыва повлекло увеличение прочности оборонительных сооружений — появились даже бетонные укрытия. В окопах начали устраивать траверсы против флангового обстрела.

Если в начале войны оборона в основном оборудовалась как противопехотная, то теперь она стала противоартиллерийской, противохимической и противовоздушной.

Войска также все более эшелонируются в глубину.

От равномерного распределения пехоты в обороне в первой линии окопов с выделением во вторую и третью линии батальонных и полковых резервов перешли к

созданию т. и. внутритраншейной обороны – организации сильных опорных пунктов (центров сопротивления), приспособленных к круговой обороне со значительными промежутками между ними (огневыми мешками), находящимися под сильным огнем с соседних опорных пунктов (фланговым и тыловым).

Так как оборонительный бой имел своей целью удержание определенного рубежа или фронта, то в условиях глу-бокоэшелонированной обороны уже через 1–2 суток боя он превращался в позиционное противостояние.

Соответственно, если в начале войны оборона основывалась на опорных пунктах, находившихся в огневой связи между собой, то с установлением позиционной войны появились сплошные окопы (размещенные в них люди находились в «локтевой» связи). Резервы размещались в перекрытых сверху окопах, большей частью не приспособленных к стрельбе.

В конце войны тактические плотности русской армии в обороне возросли. В 1916–1917 гг. они составляли до 2-х пехотных батальонов, 10–15 пулеметов и 5–8 орудий на километр фронта.

Большое значение в обороне играли укрепленные районы. Особенно отличились крепости Ивангород и Осовец. Опыт создания Осовецкого укрепленного района в 1914–1915 гг. позднее был использован во французской армии при обороне крепости Верден в 1916 г.

В начале войны выделялся т. н. **выжидательный бой**. По своей тактической сути это разновидность оборонительного боя. Но цель выжидательного боя – удержание рубежа или фронта в течение лишь определенного времени, после чего следует либо перейти к наступательному бою, либо осуществить выход из боя (тогда бой превращается в арьергардный). Выжидательный бой отличается от оборонительного меньшей степенью применения технических средств, а по группировке сил приближается к наступательному.

Встречный бой

Если наступательный бой имеет целью разбить неприятеля, перешедшего к обороне, то встречный бой должен привести к разгрому врага, который находится в полевых условиях и действует активно, наступательно.

Во многом именно поэтому встречный бой является одной из наиболее сложных форм ведения боевых действий. Он характеризуется: 1) неопределенностью тактической обстановки и обилием случайностей; 2) высоким динамизмом развития ситуации (это требует особой квалификации командного состава всех уровней, умеющего ориентироваться в быстро меняющейся обстановке); 3) чрезвычайной важностью такого фактора как время – необходимо выиграть время для того, чтобы упредить врага в развертывании, наступлении и захвате намеченного рубежа; 4) борьбой за захват тактической инициативы.

Уставные нормы указывали, что для того, чтобы иметь во встречном бою успех, необходимо: 1) начальнику части, соединения или отряда быстро принять определенное решение и немедленно согласовать действия подчиненных коротким, но определенным и ясным приказанием, а также очень быстро ориентироваться в обстановке; 2) положить в основу всех действий решительность и быстроту; 3) упредить врага в развертывании авангарда и главных сил; 4) раньше противника ввести в бой превосходящие силы (прежде всего артиллерию), упрощая тактические и технические приемы, применяемые при других видах боя; 5) активно действовать на флангах и даже в тылу противника.

Важнейшими факторами успеха во встречном бою являются: 1. Упреждение противника в развертывании. Способствовать развертыванию главных сил должны энергичные действия конницы на фланги и в тыл противника, а также захват и удержание авангардом передовых позиций и наблюдательных пунктов. 2. Эффективные действия командного состава. Требуется не

только грамотно принимать соответствующие решения, но и делать это максимально быстро. Из всех видов современного боя, встречный бой требовал наиболее подготовленных и самостоятельных младших командиров. От старших начальников он также требовал большего таланта, чем другие виды боя.

Уставные документы отмечали, что наступление пехоты во встречном бою ведется по общим основаниям до дистанции действительного винтовочного огня – наступающая пехота окапывается и принимает исходное положение для атаки.

Артиллерия группируется (предпочтительно) на закрытых позициях, способствующих ведению перекрестного огня. Причем допускается создание огневых групп – объединение артиллерийских средств в руках одного начальника, а также выдвижение орудий на позиции ночью.

При сближении с противником во встречном бою особое значение имеет продольный и перекрестный огонь всех огневых средств.

К чести русской армии, она выигрывала встречные бои и сражения любой степени сложности.

Так, 4 августа 1914 г. произошло сражение под Сталлупененом – встречный бой между германским 1-м армейским и русским 3-м армейским корпусами. Начавшись неблагоприятно для русских (заминка и временный отход 105-го пехотного Оренбургского полка 27-й пехотной дивизии), бой закончился поражением немцев, отошедших к Гумбиннену. Войска русского 20-го армейского корпуса разгромили разрозненные части германцев у Бильдервейчен, захватив 6 орудий, а части русской 40-й пехотной дивизии опрокинули восемь батальонов германской 2-й пехотной дивизии и 10-й конно-егерский полк. В конце дня германский 1-й армейский корпус отошел к западу.

7 августа 1914 г. развернулось Гумбинненское сражение – также встречный бой с попыткой германского охвата

русского 20-го армейского корпуса. Главный удар наносили германские 1-й и 17-й армейские корпуса. Русский 20-й армейский корпус, несмотря на тяжелую тактическую обстановку, выдержал удар противника и перешел в контратаку. Контрудар русских частей вызвал панику в германском 1-м армейском корпусе – правый фланг корпуса в беспорядке стал откатываться назад, и только к 15-ти часам командованию удалось взять управление деморализованными частями в свои руки. К этому времени был разбит и германский 17-й армейский корпус: русский 3-й армейский корпус поймал его в огневой мешок. Вражеский корпус, под огнем русских понеся огромные потери, местами в панике отступил с поля боя. В германском официальном описании войны говорилось: «Сцепление несчастных обстоятельств привело к тому, что великолепно обученные войска, позднее всюду достойно себя проявившие, при первом столкновении с противником потеряли свою выдержку. Корпус тяжело пострадал. В одной пехоте потери достигли в круглых цифрах 8000 человек – треть всех наличных сил, причем 200 офицеров было убито и ранено»^[113]. Как отмечал русский участник боя: «...на наш средний армейский корпус, 3-й генерала Епанчина, наступал 17-й германский корпус знаменитого генерала Макензена, едва ли не лучший во всей германской армии; так как, по справедливости, первый германский корпус из Кенигсберга и 17-й из Данцига считались лучшими в германской армии по своему героическому боевому духу и по своей боевой подготовке, притом оба корпуса имели выдающихся начальников. В центре русские оборонялись, будучи в полтора раза слабее наступавших немцев. Пехота Макензена, поддержанная сильнейшим огнем сразу развернувшейся артиллерии, перешла в решительное наступление и атаковала русский центр, проявив в этом встречном бою выдающийся наступательный порыв. Однако с утра разгоревшийся бой не принес боевого счастья генералу Макензену и его храбрым полкам... немцы попали в устроенный здесь русским военным искусством огневой мешок, который наша артиллерия простреливала насквозь. Эта огневая ловушка их

погубила. Жестоко расстреливаемые метким и сосредоточенным огнем нашей артиллерии, немцы к четырем часам дня дрогнули и неудержимой волной хлынули назад всей боевой линией, причем казалось, что паника одолела самую прочную немецкую дисциплину»^[114]. Германские 35-я и 36-я пехотные дивизии, потеряв моральную устойчивость и сея панику в тылу, отошли за р. Ангерап.

13 августа 1914 г. в ходе Галицийской битвы между русской 5-й пехотной и австрийской 22-й пехотной дивизиями произошел встречный бой на Золочевских высотах. Успех русским войскам принесли быстрое и решительное развертывание и введение в бой всех средств артиллерийской борьбы, быстрый захват инициативы, энергичные действия пехоты и оперирование на флангах противника. Особо следует отметить энергичные действия командования русской 5-й пехотной дивизии. В итоге, уже через час после начала боя был скован авангард противника, через три часа главные силы австрийцев перешли к обороне, а через шесть часов бой закончился русской победой. Важнейшее значение имел фактор времени – это касалось как развертывания сил, так и введения в бой огневых средств. Артиллерия австрийского авангарда открыла огонь на 40 минут позже русской артиллерии – в то время как пехота авангарда была уже прижата к земле губительным огнем с близкой дистанции (1200 шагов). Артиллерия главных сил противника открыла огонь еще позже.

Ночной бой. Илл. из: Великая война в образах и картинах. Вып. 12. Изд. Маковского Д. Я. – М., 1916.

Бои в Августовских лесах 1914 г. – это встречные бои, осложненные условиями местности. Неожиданные столкновения противников, взаимные охваты и обходы приводили к тяжелым потерям. Так, один батальон 12-го Финляндского стрелкового полка, шедший с пулеметной командой на Сувалки, обнаружил, неосторожно, без охранения, идущую по шоссе со стороны Сувалок большую пехотную колонну немцев. Начальник пулеметной команды, скрытно расположив пулеметы по обе стороны шоссе Августово – Сувалки и подпустив колонну на прямой выстрел косоприметным огнем из всех 8 пулеметов, уничтожил ее за одну минуту. Офицеры штаба корпуса, бывшие на этом месте 20 сентября, подтвердили, что на полотне шоссе так и лежала целая колонна мертвецов в несколько сотен человек.

Русская армия выигрывала и сложные стратегические операции, состоявшие из серии встречных сражений. Особенно яркими примерами являются Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Карпатская битвы.

Бои в специальных условиях

Ночной бой

Главное достоинство ночного боя в том, что: «Действия ночью способствуют нечаянному нападению и подходу к неприятелю без потерь от огня; лишают противника возможности судить о наших силах»^[115]. Ночной бой способствует скрытности действий, но и требует более высокого уровня организации со стороны командного состава и наличия особых навыков у нижних чинов.

Ведь «ночью войска крайне впечатлительны, руководить боем и ориентироваться трудно, маневрирование невозможно и содействие артиллерии атаке допустимо лишь в особых случаях и притом весьма ограничено»^[116]. Совершенно справедливо отмечалось, что «план ночного боя должен быть простой и исполнение его тщательно подготовлено»^[117].

Ночью уменьшаются потери от огня обороняющегося, темнота обеспечивает внезапность и не дает противнику возможности легко определить направление главного удара, облегчает маскировку войск, усиливает моральное потрясение противника атакой, в некоторых случаях уравнивает соотношение сил и позволяет выйти из тяжелого положения.

Местность, на которой предстоит действовать, должна быть изучена не только в дневных, но и в ночных условиях. Рекомендации и наставления советовали вести ночной бой небольшими силами, но если силы значительны, то в темноте необходимо сблизиться с противником, а атаковать – на рассвете. Особое внимание уделялось использованию прожекторов – прежде всего в оборонительном ночном бою. Но прожектор может быть полезен и в наступательном бою (высвечивая цель атаки), а также применяться для сигнализации. Прожекторы неприятеля рекомендовалось уничтожать артиллерийским огнем.

Главная роль в ночном бою принадлежит пехоте, конницу и артиллерию рекомендовано применять преимущественно на рассвете. Причем кавалерийские части смогут эффективно действовать на фланги и тыл противника.

При развертывании в боевой порядок и при движении войсками соблюдается полная тишина, сигналы не применяются, команды отдаются вполголоса, запрещено курить и зажигать огни. Если войска попадают под луч прожектора, предписывалось немедленно ложиться.

Боевой порядок пехоты в ночном бою – строй поротно на сближенных интервалах и дистанциях. Роты движутся в строе повзводно, во взводных колоннах или в развернутом строе.

Особое значение придавалось связности боевого порядка, резервам, охранению и службе дозоров. Причем, в состав застав и дозоров предписывалось включать людей, обладающих острым зрением и хорошим слухом.

В ночном бою признавалась желательной атака без стрельбы, – выдвинувшись к противнику на возможно близкое расстояние.

Ночное время налагало ограничения на преследование противника после успешного боя – преследовать предписывалось при исключительно благоприятных условиях и только на короткое расстояние.

Самым главным для войск, успешно проводивших ночной наступательный бой, было закрепиться на захваченных позициях. Контратака противника в ночном бою представляла повышенную опасность.

В обороне предписывалось резервы иметь на более близких дистанциях, чем в дневном бою, а на флангах сосредоточить войсковые группы («уступы») для защиты от охвата противником. Артиллерия в ночном оборонительном бою должна эффективно простреливать вероятные подступы к позиции, а конница располагается на флангах и в тылу.

Также особое значение придавалось секретам, заставам, полевым караулам и дозорам.

Огонь из орудий и пулеметов предписывалось открывать по данным дневной наводки, а винтовочный огонь – в упор. Ночные действия артиллерии выражаются в ночном занятии и оборудовании позиций или их смене под прикрытием темноты, а также в ночных стрельбах с заблаговременно засветло занятых и пристрелянных позиций. Ночной артиллерийский огонь применим в позиционной войне как со стороны обороняющегося, так наступающего, а в маневренной – со стороны обороняющегося. Огонь ведется преимущественно с целью образования огневой завесы на определенном участке позиции – ночной заградительный огонь должен прикрыть окопы своей пехоты от атаки противника и противодействовать пехоте противника приблизиться к своей позиции, а при контратаке – перенести огонь в тыл, чтобы задержать резервы противника.

Ночная атака обычно готовилась и осуществлялась в следующей последовательности.

Приказ об атаке отдавался за несколько часов до темноты, производилась разведка путей наступления, назначались сборные пункты для движения и исходные рубежи для атаки. Все лишнее оставлялось в тылу, особенно лошади и повозки. Если без лошадей нельзя было обойтись, принимались меры, чтобы они не фыркали и не ржали. Копыта и колеса телег обвязывались соломой и тряпками. Назначались условные слова (пропуск) и надевались белые повязки, иногда пропитанные фосфором (видимость до 30 шагов). Запас ручных гранат на бойцах увеличивался. Винтовки разряжались. Брались ножницы для резки проволоки, осветительные и сигнальные ракеты. Устанавливались сигналы ракетами и звуковые (крик птиц, животных и т. д.). Запрещалось говорить, курить, зажигать огонь, стучать. Назначаются проводники, а места остановок обозначаются условными знаками. Атака производилась без «ура», без выстрела.

Русские войска умели эффективно действовать в ночном бою. Ночь – надежный союзник русских войск.

Так, в ходе ночного боя 8 декабря 1914 г. уд. д. Клишов – Рембов части 3-й гренадерской дивизии восстановили положение на фронте, захватив важные опорные пункты. Потеряв 70 человек убитыми и 363 ранеными, гренадеры 3-й дивизии уничтожили 950 солдат и офицеров противника, захватили 1361 пленного, трофеями стали 24 пулемета и 4 орудия.

Документ, сообщавший о действиях русских войск в ходе Варшавско-Ивангородской операции 1914 г., свидетельствовал: ««войска корпуса сегодня уже пятые сутки непрерывно ведут крайне упорный ожесточенный бой с превосходным противником, отбивая каждую пядь земли. Первые три ночи применял ночные атаки, несмотря на упорство противника, ранее занявшего выгодные места и укрепившего их, крайнюю стесненность плацдарма, единственный прочный мост, который сегодня... с утра испорчен и еще не починен, большие жертвы: в 12-м полку выбыли почти все офицеры, в ротах осталось не более 100 человек нижних чинов, крайнюю усталость, войска дерутся настойчиво и с большим подъемом»^[118].

В ходе январских боев 1915 г. на р. Бзуре целью русских было прорвать немецкие позиции, для чего предпринят ряд ночных атак. В ночь на 22 января в наступлении приняли участие 5 рот 199-го пехотного полка и 2 батальона 313-го пехотного полка. Наступление было неожиданное – артиллерийской подготовки не производилось. Ночь была очень темная, местами русские бойцы шли по колено в воде (оттепель).

5 рот 199-го полка перешли Бзуру, и, не открывая огня штыковым ударом овладели д. М. Камион и окопались южнее ее. Проволока (1–2 ряда), окружавшая германские позиции, была перерезана ножницами. Наступление велось в колонне по отделениям, а для атаки частично выстраивали развернутый строй, частично же были в полуротных колоннах.

23-го была начата артиллерийская подготовка, но она велась уже в темноте и результатов не дала. В 20 часов пехота пошла в атаку. Батальон 199-го полка поротно двинулся на д. Б. Камион, без открытия огня выбил противника и овладел деревней. 313-й полк продвинулся лишь до д. М. Камион.

24 января 199-й полк, несмотря на огонь немцев с 3-х сторон, продержался на занятых позициях до темноты. Подошли резервы – 13-й гренадерский полк и 2 роты 199-го полка. Атаку костела должны были осуществлять лейб-гренадеры при поддержке 199-го полка (одна рота последнего наступала на рощу южнее костела, другая – уступом левее, еще две в резерве). Атака была начата в 3 часа 40 минут – части шли в развернутых строях без выстрела – в полной тишине. Немцы открыли сильнейший огонь, а затем бросились в контратаку, завязав упорный рукопашный бой. С севера в костел ворвались гренадеры и около 4 часов 20 минут немцы (в количестве 600 человек) сдались. Потери гренадер и пехотинцев 199-го полка – свыше 2000 человек.

Перед ночной атакой высоты 384 у Бобулинце в ходе декабрьской операции на Стрыпе 1915 г. русское командование тщательно готовилось к атаке. Так, весь командный состав, проводивший атаку 3-й Туркестанской стрелковой бригады, начиная с командиров рот, лично произвел разведку из передовых окопов, и каждому офицеру была объяснена его задача. Для того, чтобы при атаке высоты части не сбились с нужного направления, через головы атакующих прожектор освещал главный пункт атаки.

Проходы в проволочных заграждениях были заблаговременно пробиты артиллерией. Тяжелая артиллерия в течение суток, предшествующих атаке, должна была редким огнем разрушить проволоку на фронте, примерно в 300 саженей. Данный тактический прием представляет особый интерес, – маскируясь под беспокоящий огонь (чтобы не привлекать внимание австрийцев), артиллерия постепенно и точно должна была нейтрализовать огневые точки противника и

проложить проходы в проволочных заграждениях. Вся артиллерия была заранее пристреляна к неприятельским окопам и огневым точкам на тот случай, если противник успеет открыть огонь в момент атаки. Причем, артиллерия была пристреляна и к целям на второй линии обороны и на соседних боевых участках. С помощью цветных ракет между пехотой и артиллерией было налажено взаимодействие.

В течение ночи перед атакой разведчики и саперы должны были сделать еще до 30 проходов в проволочных заграждениях – и проходы были расчищены ножницами и подрывными средствами. Для поддержки атаки, на флангах исходного положения 3-й Туркестанской стрелковой бригады заранее были установлены и пристреляны пулеметы стрелковой бригады и 43-й пехотной дивизии. В качестве целей выступали разведанные огневые точки противника.

Эшелонирование бригады в наступлении также было немаловажным фактором достижения успеха – полки первой волны должны были захватить позицию австрийцев, продвинувшись до артиллерийских позиций противника, захватить орудия и закрепиться, а полки второй волны должны были зайти плечом и обеспечить фланги первой линии от атак с флангов.

Но вследствие недостатка артиллерийских боеприпасов артиллерийская подготовка была сведена к минимуму. Во многом это обстоятельство объясняет другой тактический прием командования бригады – исходя из того, что артиллерия не в силах подготовить атаку стрелков, было решено атаковать без непосредственной артиллерийской подготовки, на рассвете, рассчитывая на фактор внезапности.

Готовя атаку бригады, тяжелая артиллерия выпустила 900 снарядов – крайне малое по всем нормативам количество.

На участке атаки противник обладал серьезными оборонительными позициями. Главная полоса обороны противника имела проволочное заграждение глубиной от 8

до 10 кольев, 2-я передовая полоса 4–5 кольев – фестонами (не сплошная) (где помещается сторожевое охранение). На передовой полосе висели пустые банки от консервов и ручные гранаты, у заграждений были вырыты ямы.

25 декабря около 5-ти часов утра бригада приготовилась к ночной атаке, заняв исходное положение в 1 версте от высоты 384. Прожектор у Доброполе должен был высвечивать цель атаки. Два полка бригады развернулись в первой линии на фронте в 2–3 км, в затылок им встали 2 полка второй линии на дистанции 500 м от полков первого эшелона. Каждый полк первого эшелона на своем километровом фронте имел два батальона в первой линии и два во второй. Полки второго эшелона также эшелонировали батальоны в глубину. Роты образовали три штурмовых волны: первая волна атаки, вторая волна чистильщиков окопов, третья волна поддержек.

За два часа до рассвета стрелки поднялись и пошли в атаку, но у проволочных заграждений были остановлены огнем австрийцев. Показательно, что только к 7-ми часам, когда туркестанцы подошли к проволочным заграждениям, противник заметил наступление и открыл огонь. Согласно более поздним показаниям пленных, австрийцы атаки не ожидали – эффект тактической внезапности был достигнут.

Русская артиллерия и пулеметы открыли огонь по заранее пристрелянным окопам и огневым точкам, заставив противника замолчать. Проволочные заграждения были основательно разрушены во время подготовки атаки, и стрелкам осталось расчистить и расширить проходы. Эта задача была успешно выполнена, причем еще в темноте. После 20-минутного огня атака снова возобновилась.

К 8-ми часам 30 минутам туркестанские стрелки преодолели все три оборонительные полосы противника, после чего сопротивление австрийцев прекратилось, и они начали сдаваться в плен целыми ротами. Некоторые роты головных полков дошли до артиллерийских батарей и захватили 12 орудий. Все это свидетельствовало об

удавшемся тактическом прорыве. По русским данным, трофеями стали 21 офицер, 1056 нижних чинов и 2 пулемета.

Но прорвавшиеся стрелки попали под комбинированный стрелково-артиллерийский огонь с трех сторон – из-за Стрыпы (тыловая линия обороны противника) и с флангов – с высот 382 (3–4 км) и 380 (2 км). Дальше пройти атакующие также не могли, так как наткнулись на тыловую линию обороны и т. н. «отсечные позиции» (оплетенные проволочными заграждениями) на флангах.

Около 10-ти часов, сосредоточив на господствующих высотах резервы, австрийцы после мощной артиллерийской подготовки перешли в контратаку. В то же время части 43-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса (три полка), предназначенные для развития успеха туркестанцев, не смогли преодолеть заградительного огня противника – австрийская артиллерия огнем отрезала прорвавшихся от резервов. Вспомогательная атака частей 26-й и 43-й пехотных дивизий, наткнувшись на неповрежденное проволочное заграждение, захлебнулась.

Участок атаки (около 2 км по фронту), подвергся перекрестному огню легкой и тяжелой артиллерии противника – не имея возможности продвигаться вперед, стрелки оказались в огневом мешке, простреливаемом насквозь со всех сторон артиллерией и пулеметами. Ситуация усугубилась тем, что русская артиллерия, не скорректировав огонь, накрыла своих же бойцов в захваченных австрийских траншеях.

Не успевшие под сильным огнем окопаться, расстреливаемые почти со всех направлений, контратакуемые пехотой противника, после 10 час. 30 мин. стрелки начали отступать с занятой ими высоты; потеряв до 1 тыс. человек пленными и оставив захваченные 12 орудий. Австрийцы заявили о 700 русских пленным.

Вторичная атака туркестанцев успеха не достигла – стрелки начали закрепляться среди проволочных заграждений – в непосредственном соприкосновении с

австрийцами.

Русская и германская пехота – бой в траншее. Великая война в образах и картинах. Вып. 9. – М., 1916.

Потери бригады – 52 офицера, 3642 солдата (54 % от численности соединения). Тактически неудачное наступление у Бобулинце – пример успешной ночной атаки и грамотной реализации фактора внезапности. Тщательная подготовка, использование опыта предшествующих боев дали себя знать – удалось осуществить полноценный тактический прорыв позиционного фронта противника. Причем это было сделано с минимальным расходом боеприпасов. Артиллерия, с одной стороны, смогла обеспечить наличие необходимых проходов в проволочных заграждениях противника, но с другой – фактом огня по своим частям в значительной мере способствовала свертыванию успешного наступления. То обстоятельство, что она не смогла сопровождать огнем наступающую пехоту и вести эффективную контрбатарейную борьбу, в значительной мере повлияло на конечный результат боя.

24 декабря 1916 г. в ходе Митавской операции русские войска в ходе ночной атаки захватили участок немецкой позиции, известный под названием «немецкой пулеметной горки». «Горка» была укреплена немцами очень сильно и искусно. Ее опоясывали глубокие окопы, одетые солидными бревнами, имелись многочисленные полосы проволочных заграждений, частью скрытые во рвах; мощные блиндажи могли противостоять огню тяжелой артиллерии; вдоль линии окопов шла электрическая узкоколейка. Многочисленные, отлично скрытые пулеметы и сильная артиллерия способствовали тому, что «Горка» считалась неприступной.

Но в ходе внезапной ночной атаки латышские стрелковые части прорвали фронт немецких окопов влево от «Горки» и вышли ей в тыл. По заранее выработанному и тщательно продуманному плану русская артиллерия поставила огневую завесу в тылу и на флангах пулеметной горки. Резервы немцев подойти на помощь могли — «Горка» оказалась отрезанной и попала в руки русских.

Успешно действовали русские части и целом ряде других больших и малых ночных боев.

Действия против укрепленных позиций (см. Позиционная война)

В начале войны действиям против укрепленных позиций не придавали должного значения – несмотря на опыт Русско-японской войны, продолжительный позиционный характер широкомасштабного противостояния отрицался.

Действующие на начало войны наставления, уставы и инструкции отмечали, что перед штурмом вражеских укрепленных позиций, саперами в искусственных препятствиях противника создаются проходы, достаточно широкие для действий войск.

При штурме укрепленной позиции фронтальные атаки должны сочетаться с действиями во фланг противника. Сущность позиционной войны в условиях сплошной укрепленной линии обороны противника в должной мере не понималась, о чем свидетельствует, например, утверждение о том, что «овладеть укрепленной позицией одним фронтальным ударом может удалиться только при исключительно благоприятных условиях».

Бой в населенных пунктах

Селения являются естественными опорными пунктами – с увеличением их размеров увеличивается и их тактическое значение. Но если превращать селения в главные участки боя, они быстро поглощают большие силы, часто без всякого влияния на участь боя. При наступлении главные силы рекомендовалось вести по сторонам селения, поручая захват его особым частям.

Но не всегда это бывало возможно – и тогда приходилось вести бои в населенном пункте. Пехота врвалась в селение одновременно с нескольких направлений и холодным оружием, ручными гранатами, минометами и бомбометами пробивала себе дорогу до противоположной окраины. Ввод в дело артиллерии и

минометов часто является совершенно необходимым, чтобы огнем облегчить атаку домов и дворов. Так, в Августовских лесах авангарду 20-го армейского корпуса (108-й пехотный Саратовский полк) 5 февраля 1915 г. пришлось выбивать немецкую сторожевую роту, часть которой засела в небольшом каменном доме. Два 76-мм орудия, выдвинутые на опушку поляны шагов на 200–300 от дома, несколькими выстрелами вынудили противника оставить дом и поспешно отступить.

Гарнизон селения штыками отбрасывал ворвавшегося внутрь селения противника. Если это не удалось, то переходят к упорной обороне каждого дома, каждого квартала. Именно штык становился важнейшим оружием в борьбе за селение. Так, в период Лодзинской операции германский источник так передавал степень ожесточенности влоцлавского боя: «С наступлением темноты в западных предместьях Влоцлавска шел крайне ожесточенный бой, штыки и приклады делали свое дело»^[119]. А в бою у Хелмно, когда «...правый фланг 3-го батальона, невзирая на убийственный огонь, подошел вплотную к Хелмно, достигнув окраины деревни. Ведя немногие остатки 10-й роты, первым из полка смело ворвался на улицы деревни лейтенант резерва Фромм. Под сильным градом пуль стрелки проникли в деревню. Но вот с диким криком из всех домов на храбрецов набрасываются русские»^[120].

Уже в самом начале войны происходили ожесточенные бои за населенные пункты. Так, 14 августа 1914 г., на фронте 2-й армии в Гогенштейне дело дошло до очень тяжелого боя внутри города: «Ужасный вид имел частью еще горевший город, в котором разыгрался кровавый уличный бой, Полуобгоревшие трупы массами лежали между дымящимися обломками; в одном доме сени и комната были завалены трупами, — здесь свирепствовал рукопашный бой»¹.

А вот как передавал свои впечатления о тяжелом бое 72-го пехотного Тульского полка за г. Сандомир 30–31 августа 1914 г. участник Галицийской битвы Б. М. Шапошников:

«В ночной тишине 72-й пехотный полк развернул боевой порядок для атаки; охраняемые цепью дозоров в первой линии шли два батальона полка в строю поротно в две линии, из третьего батальона по две роты направились в резервы уступом за обоими флангами первой линии; роты всех батальонов находились в двух взводных колоннах.

... В пятом часу утра тульцы близко подошли к укрепленной позиции австрийцев, не подозревавших о готовящемся ударе. Настала решительная минута, и командир полка отдал приказание двинуться на штурм. Не открывая огня, в полной тишине тульцы бросились вперед. Разбивая прикладами, малыми топорами, лопатами и расталкивая руками проволочные заграждения противника, атакующие в мгновение были в первой линии окопов, уничтожая не успевших прийти в себя австрийцев. Сметая все на своем пути, в короткий промежуток времени тульцы решительным ударом овладели двумя линиями окопов и вели бой у костела, врываясь в самый город. Порыв атаки был настолько силен, что противник почти не оказывал сопротивления, падая под штыковыми атаками штурмующих тульцев... две правофланговые роты 3-го батальона принуждены были выдвинуться в первую линию, а две резервные роты того же батальона, находившиеся за левым флангом, удлинили боевой порядок полка к северу. К 7 часам утра 31 августа у тульцев уже не было резерва, рассчитывать на какую-нибудь помощь, кроме артиллерийского огня, не приходилось. Сосед слева, части 8-й кавалерийской дивизии, вел обычную ружейную перестрелку с противником, а справа пограничники не подавались вперед. Оценивая создавшееся положение, раненый командир полка приказал закрепиться на захваченных позициях.

Ошеломленный первым ударом, противник уже начал приходить в себя. Подведя резервы, австрийцы остановили продвижение передовых частей тульцев в центр города, организуя в то же время контратаку из северо-западной части города против левого фланга полка. В восьмом часу утра в рассеивающемся тумане показались

густые цепи австрийцев, решительно наступавшие против левого фланга полка. Отбиваясь ружейным и пулеметным огнем, 72-й пехотный полк тщетно ждал поддержки огнем своей артиллерии: полевая батарея в это время лишь подходила к Лоевице, а артиллерия 8-й кавалерийской дивизии не открывала огня.... Тяжелые минуты переживали тульцы, безнаказанный огонь артиллерии противника усиливался, число убитых солдат возрастало... Ослаб порыв атаки, погасла вера в помощь других и... тульцы начали отступать. Неся громадные потери, лишившись почти всех офицеров, оставляя раненых и убитых на поле боя, остатки 72-го пехотного полка в числе лишь 600 из 2200 человек, пошедших в атаку, к 9 часам утра 31 августа отошли в исходное положение, а затем и к Лоевице»^[121].

В августе 1915 г. при обороне крепости Новогеоргиевск русские подразделения приспособили к обороне дер. Студянку. Части германского 10-го ландверного полка должны были несколько раз бросаться в штыковую атаку – и только когда обороняющиеся были охвачены с тыла, германцам удалось добиться успеха.

В ходе боев у Воли Шидловской в январе 1915 г. русским войскам также пришлось участвовать в боях за населенный пункт. Командир 6-го армейского корпуса В. И. Гурко писал: «После продолжительного артиллерийского обстрела и ценой неоднократных атак на позиции двух моих дивизий на фронте протяженностью около шести километров германцам удалось всего лишь захватить усадебный дом и винокурню, вынудив наши части отступить не далее чем на тысячу шагов, образовав в линии обороны только неглубокий уступ...мы поставили себя в крайне невыгодное положение, упорствуя при защите каменного винокуренного завода, капитальных амбаров и тому подобных строений, принадлежавших местному пану. Дело в том, что при этом наши солдаты получали многочисленные ранения не только от осколков снарядов, выпущенных из германских тяжелых орудий, но также и от многочисленных обломков камней и кирпича, вырывааемых взрывами из стен. Напротив, положение

германцев, занявших наши прежние позиции, было совершенно иным, поскольку в то время во всем моем корпусе не имелось ни единого тяжелого орудия, а легкая полевая артиллерия была слишком слаба для разрушения каменных зданий»^[122].

Комкор следующим образом отзывался о тяжести этих боев: «„германцам удалось скрытно установить на территории усадьбы большое количество новых пулеметов. Поместье, благодаря окружавшим его канавам, и без того напоминало естественный форт. Свои пулеметы они сконцентрировали в одном пункте... запас артиллерийских боеприпасов был у меня так скуден, что на позиции имело смысл выводить только малую часть прибывавшей с новыми дивизиями артиллерии <...> батареи, стрелявшие по врагу были вынуждены строжайше экономить боеприпасы»^[123].

Классикой наступательного уличного боя является бой за г. Сольдау.

В преддверии Лодзинской операции 1914 г. 1-й Туркестанский армейский корпус действовал на территории Восточной Пруссии. Русские войска начали подготовку к наступлению – части 11-й Сибирской стрелковой дивизии, входившей в состав корпуса, с 28 октября завязали бои у г. Сольдау.

В 2 км от города, за рекой, находилась большая дер. Куркау. Она была сильно укреплена противником и находилась на пути наступления сибиряков. В ночь на 29 октября 43-му Сибирскому стрелковому полку было приказано ее взять.

В 3 часа ночи 1-й батальон полка, под командованием подполковника Толвинского, выдвинулся к деревне. Роты шли до того тихо, что противник обнаружил их лишь в 250–300 шагах от своих окопов, находящихся впереди деревни. Германские полевые караулы, столкнувшись с русскими дозорами, открыли беспорядочный огонь и быстро отступили к деревне. Через несколько минут сибирские стрелки были уже в 150 шагах от деревни: неприятель открыл по ним из окопов сильный огонь. Роты

залегли и открыли ответный беглый огонь – целясь по вспышкам немецких выстрелов. Через 5 минут прозвучала громкая команда батальонного командира «вперед», раздались свистки ротных командиров, прекращавших стрельбу, и вся масса стрелков, воодушевленная их примером, ринулась в атаку с громовым криком «ура». Психологический эффект от этой ночной атаки был настолько значителен, что немцы, занимавшие сильную, заблаговременно укрепленную позицию, состоявшую из нескольких линий окопов, не продержались и четверти часа. Выбитые дружным штыковым ударом, они бежали – частично через мост к городу, но в основном в деревню, где и засели в домах и сараях.

На плечах противника роты стрелков ворвались в деревню – на улицах и в домах завязался упорный бой. Германская пехота оказывала упорное сопротивление: почти из каждого дома был открыт убийственный, хотя и беспорядочный, огонь, при приближении русских солдат к домам немцы забрасывали их ручными гранатами. Но сибиряков это остановить не могло – при несмолкаемом «ура», при помощи штыков и ручных гранат они дружно выбивали засевшего в деревне противника. Каждая хата, каждый двор и сарай скрывали по 2–3, а иногда и несколько десятков человек. Большим преимуществом русских стрелков в этом бою было то обстоятельство, что группы германцев действовали разрозненно, без общего руководства, и не могли оказать организованного сопротивления. Они храбро, но изолированно, защищались, и одна за другой гибли под натиском русских бойцов, направляемых опытной рукой. Русские стрелки действовали организованно, в составе рот и полурот, во главе с офицерами.

В ночном хаосе, среди стрельбы и грохота рвущихся гранат, в схватках у отдельных домов и сараев, на всем пространстве громадной, в 50 с лишним дворов, деревни, русским частям было очень легко разбрестись и перемешаться. В данной ситуации сказалась прекрасная боевая подготовка 43-го полка, отличная внутренняя дисциплина части и влияние хладнокровной личности

доблестного полкового командира полковника А. А. Березина, лично руководившего боем (менее чем через месяц полковник погибнет смертью храбрых все под тем же г. Сольдау и посмертно будет награжден мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени). Каждая русская рота знала свою задачу и свое место в маневре полка.

2-я рота, наступавшая на левом фланге, должна была занять южную часть деревни. В начавшейся штыковой схватке эта рота, несмотря на темноту и сопротивление противника, быстро выполнила боевую задачу: одна ее полурота под командованием подпоручика Никольского энергично выбивала и уничтожала немцев в домах и сараях южной части деревни, а вторая преследовала немцев, отступавших из окопов к западу от деревни – к реке.

3-я рота под командованием капитана Савицкого преследовала противника вдоль Куркау, очищая среднюю часть деревни, а 1-я рота во главе с капитаном Вознесенским, действовала в северной окраине деревни, где неприятель оказывал наиболее сильное сопротивление. Постепенно оборона немцев ослабевала, все большее их количество сдавалось в плен. Так, в северной части деревни в одном из домов сдались сразу 2 офицера, растерянные, выпустившие из рук нити управления подчиненными.

Дер. Куркау была взята. Остатки германской части бежали настолько быстро, что не успели разрушить мост через реку – он пригодился для дальнейшего наступления.

В то время как резервная рота собирала пленных и трофеи, главные силы батальона были уже впереди. Они готовились к новой, более трудной и серьезной задаче: за рекой и болотами виднелся г. Сольдау, занятый крупными силами противника.

Авангардный бой за дер. Куркау имел важное тактическое значение. Быстрым и решительным ударом сибирским стрелкам удалось выбить из укрепленного населенного пункта значительно превосходящего в силах противника, причем с большими для него потерями.

Германцы потеряли до 200 человек пленными и значительно большее количество людей убитыми и ранеными. Русские потери – 1 офицер ранен, 8 стрелков убито и 18 ранено.

Этот бой – яркий пример того эффекта, которого может достигнуть отличная часть во главе с опытным командиром. Причем в тактически одном из наиболее сложных видов боя – ночном уличном бою.

Лесной бой

Лесной бой представляет особую тревогу для наступающего – достаточно представить всю трудность наступления через лес. Обороняющийся может упорно держаться против превосходящих сил противника, артиллерия которого будет стеснена условиями местности. Необходимо тесное взаимодействие наступающих стрелков с пулеметами, минометами, и артиллерией сопровождения.

При обороне леса решающее влияние оказывает использование пулеметов и удачное применение ручных гранат. Как и бои в населенных пунктах, лесной бой особенно требует наличия самостоятельных инициативных действий младших командиров и отдельных бойцов, а численное превосходство имеет второстепенное значение по сравнению с храбростью бойца в ближнем бою.

Сама местность Русского фронта способствовала наличию большого количества лесных боев, в которых русская армия чувствовала себя очень уверенно.

Так, в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. 16-го августа ландверная дивизия Гольца вела бой в лесу Кеммерей, причем самому фон дер Гольцу пришлось в нем участвовать – его штаб был рассеян натиском русской пехоты, опрокинувшей его части.

Первая Августовская операция 1914 г. была выиграна прежде всего за счет умения русских войск действовать в лесу. Очевидец отмечал: «Одиннадцать часов в этот день здесь шел лесной бой на дистанции от двадцати до ста шагов. Подвигались медленно среди стволов деревьев, старых огромных сосен в два обхвата, перебегая через полянки, изрытые окопами, и выбивая немцев штыками. В лесу было тяжело тем, что утрачиваешь связь с соседними частями... Но стрелкам нравилось в лесу... Нравилось потому, что в лесу было «свободнее» от артиллерии.

Только дороги осыпались непрерывным градом шрапнелей и гранат, а под деревьями было легко»^[124].

Русский военный корреспондент свидетельствовал: «.... Окопы там, это – сплошная ткань, вышитая засеками. Ее бы следовало оставить такой, как она есть, вечным памятником русских солдат и их доблестных офицеров. Ворвись сюда кто-либо другой, – он бы попятился перед неодолимой позицией. Наши, усеивая все наши рвы и окопы своими трупами, брали штыками позицию за позицией. Немцы били их из глубоких провалов, поражали сверху, с деревьев, перебегая... из траншеи в траншею, продвинувшись вперед поражали в спины из хорошо замаскированных блиндажей, но не могли остановить дивные, воскрешавшие свою историческую славу полки... Рассказывают, что в августовских дебрях находили много тел, точно обнявшихся перед смертью. Умирили, схватившись. Даже смерть не разжимала рук. Сейчас еще лежат массы павших... лишь отойдешь в сторону от дороги, – из рва или перепутавшейся поросли на тебя смотрят широко открытые остановившиеся глаза... Германская армия будет помнить Августовские леса»^[125].

Русские части умело маневрировали в лесу. Так, 19 сентября 1914 г. в ходе Первой Августовской операции 3-я Финляндская стрелковая бригада повернула на помощь

4-й бригаде с целью ударить германцам в тыл. Противник оставил д. Гаврихруду и занял полотно железной дороги. После тщательной разведки, 3-я и 4-я бригады атаковали германцев, быстро проскочив через просеку. В течение ночи противник очистил лес, и 3-я бригада после тщательной разведки, связавшись с артиллерией и добившись поддержки своих гаубиц, вышла на опушку леса, опрокинула врага, захватив 3 орудия, и закрепила лес за собой.

Карпатская битва, бои под Красноставом 1915 г. и др. схватки в местности, усложненной наличием лесных массивов – яркий пример тактического мастерства солдат и офицеров русской армии.

Бой в горах

Война в горах характеризуется: трудной проходимостью дорог и троп, требующих затраты больших усилий и обладающих слабой пропускной способностью, труднодоступным рельефом местности, отсутствием достаточных по размерам и конфигурации участков для развертывания войсковых масс. Обилие мертвых пространств и скрытых подступов в горной войне сокращают потери и повышают боевую упругость малых частей, давая последним большую, чем на равнинах, самостоятельность.

Так, в 1916 г. 19-й Кубанский пластунский батальон с дивизионом горной артиллерии успешно оборонял против превосходящих сил турок скалистый хребет Шайтан – Дат на 10-верстном (!) фронте.

При боевых действиях в горной местности особое значение имели тактические обходы и охваты. Особенно сильное впечатление производит неожиданное появление даже мелких войсковых частей на труднодоступных высотах и направлениях, которые считались противником неприступными.

Так, в августе 1916 г. турецкая 4-я пехотная дивизия вытеснила из района Равендуз отряд генерала Рыбальченко. Для выручки отряда был двинут небольшой сводный отряд из 500 казаков с 2 конно-торными орудиями со стороны г. Урмии. Этот отряд совершенно неожиданно для себя вышел на коммуникации 4-й турецкой дивизии в Равендуз – т. е. в тыл. Командир отряда спешил казаков, развернул свой отряд и сразу же открыл артиллерийский огонь по тылам турецкой дивизии. Одним из первых выстрелов был убит начальник дивизии. У турок от неожиданного появления противника с тыла началась паника. Казаки смело и решительно повели наступление, охватывая турок с флангов. Перешел в атаку и отряд Рыбальченко, в результате чего в плен попал не окруженный турками отряд, а турецкая дивизия.

Учитывая характер местности, для войск, оперирующих в горных условиях, требуется осуществлять тщательную разведку, наблюдение, заниматься обеспечением флангов. Так как управление и связь затруднены, такие качества командного состава как инициативность и упорство – имеют в горах повышенную ценность. Оптическая сигнализация – наиболее распространенное средство связи.

Способ действий разведки в горах – скрытное наблюдение за противником, используя высоты, дающие наилучший обзор, с последующим отходом по мере продвижения противника, но без потери наблюдения за ним.

Уставы и наставления подчеркивали значение командующих высот (кто ими владеет, тот выигрывает бой в горах) и наблюдательных пунктов. Резервы рекомендовалось иметь вблизи от боевой линии. Для того чтобы взять противника в огневой мешок, было необходимо: а) захватить ближайший выгодный рубеж, лежащий поперек пути движения противника и командующий над впереди лежащим участком дороги; б) одновременно занять высоты по обеим сторонам пути, выдвинутые в сторону противника, и в) своим огнем остановить противника на наиболее узком и ниже лежащем участке дороги, чтобы он не мог развернуть своих передовых частей, а наши части имели наилучшие обзор и обстрел.

Успех атаки горной позиции, прежде всего, зависел от ее тщательной рекогносцировки.

Части Кавказской армии после тщательной рекогносцировки обходного пути, оставляли на фронте небольшую часть сил, главная же масса войск направлялась в обход – причем снималась с позиции ночью и ночью же совершала обходное движение.

При атаке высот и опорных пунктов «надо обращать главное внимание на охват их и парализование (так в источнике. – А. О.) огня с соседних опорных пунктов противника... Фланговый огонь даже незначительного

числа стрелков может принести большую пользу. Захваченные высоты немедленно должны быть закреплены за собою пулеметами и артиллерией»^[126]. Наступательный бой может разыграться в обстановке, когда: а) противник остановился или обороняется на подошве хребта, прикрывая дороги и тропы, ведущие на перевалы; б) противник занял и удерживает перевалы через хребет.

В первом случае задача наступающего – нанести главный удар по ключевым пунктам, сбить противника с занимаемого рубежа и, преследуя, на его плечах ворваться на перевалы.

Техника горной атаки – накапливание на стрелковых позициях, находящихся на различном удалении от позиции противника и в большинстве случаев не параллельных ей. Преимущество же горной атаки – возможность стрельбы артиллерии поверх своих войск на самые близкие дистанции – до 30-ти шагов. Винтовочным и пулеметным огнем также можно поддерживать атаку со своей стрелковой позиции до самого последнего момента – ведь атакующий лезет снизу вверх.

После того как противник отброшен с позиции, его преследование не обещает большого успеха – он всегда найдет удобные позиции для арьергарда. Гораздо важнее параллельное преследование: оно обещает больший успех и может поставить в критическое положение весь отряд противника. Параллельное преследование разбитого неприятеля может лишить его возможности цепляться за местность, одновременно стремясь к окружению отступающего – чем меньше бойцов противника выйдет на вершину хребта, тем легче борьба на самых перевалах.

Во втором случае необходимо использовать для подхода к противнику все дороги, тропы и пространства между ними. Выход одной из колонн на вершину хребта облегчает продвижение другим.

В то же время абсолютно недоступных мест в горах нет, надо только уметь по ним пройти. Обстановка складывается в горах таким образом, что ударная группа

по своему составу является не сильнейшей, а слабейшей, т. к. она направляется на слабо или совсем не занятый пункт позиции противника, а такой пункт определяется недоступностью местности и в то же время является его «слабым местом». Соответственно, ударной группой в боевом порядке наступающей части являются те ее подразделения, которые по наиболее пересеченной местности двигаются к наименее доступному пункту позиции противника, с потерей которого дальнейшее его сопротивление на данном рубеже невозможно.

Особенно важна огневая поддержка, тех частей, которые идут по наименее пересеченной местности.

Важное значение в горной войне имели ночные атаки — они готовились русским командованием очень тщательно и давали положительные результаты.

Обороняться в горах легче, чем наступать. В условиях горного театра военных действий относительно слабые силы, ведущие оборону, могут продолжительное время оказывать сопротивление значительным силам противника. Так, в Сарыкамышской операции небольшой Ольгинский отряд русских войск в составе восьми батальонов с успехом оборонялся против всего турецкого 10-го армейского корпуса на высотах, прикрытых с флангов ущельями. А ничтожный по составу отряд в составе батальона 5-го Кавказского пограничного полка (в ротах по 60–70 штыков, 4 станковых пулемета), полусотни казаков (40 сабель) и 2 горных орудий держался на рубеже Мосульской дороги с весны до глубокой осени 1916 г.

Но «При обороне, ввиду обширных мертвых пространств, подступы на всем фронте должны быть под фланговым или косым огнем пулеметов и артиллерии, которую для этого часто придется располагать небольшими частями»^[127].

Локализовать прорыв в горах труднее: резерву приходится атаковать снизу вверх. Причем атаку в горах нельзя встречать контратакой — чтобы не потерять преимущества своей позиции.

Оборона в горной войне может быть как позиционной, так и активной.

При позиционной обороне запираются перевалы, ущелья и выходы из гор в долины. В ходе активной обороны осуществляется отход перекатами, что дает возможность все время держать противника под огневым воздействием. Примером действий подобного рода могут служить действия небольшого турецкого отряда в составе 2 рот пехоты, действовавшего в южном Курдистане летом 1917 г. Роты обеспечивали Руанский перевал на большой Мосульской дороге и вели наблюдение за русским отрядом, выдвинутым по Мосульской дороге из района г. Урмии в район г. Нери. Турки эшелонировали свой отряд в глубину на 17 км и расположили его следующим образом. Ближайший к русским позициям гребень с перевалом был занят сторожевым охранением, в составе полуроты на фронте до 4 км. За спиной сторожевого охранения в 12 км на втором гребне расположилась поддержка сторожевого охранения силой в полуроту, а сам Руанский перевал обороняла одна рота. Фланги турецких позиций были обеспечены отрядами курдов.

Турецкий отряд был атакован русским отрядом в составе 3 рот пехоты, 4 станковых пулеметов, 2 горных орудий и полусотни казаков.

В первый день наступления на рассвете было сбито сторожевое охранение турок, которое отошло на промежуточную позицию.

Около полудня русский отряд окончательно закрепился на первом гребне и лишь к вечеру вновь вошел в соприкосновение с турками, окопавшимися на промежуточном гребне. Наступление на этот гребень было начато на рассвете следующего дня, причем турки оказали упорное сопротивление. Пришлось ввести в дело артиллерию, и только к вечеру удалось утвердиться на высотах промежуточного хребта, а весь турецкий отряд сосредоточился на Руанском перевале. Дальнейшее наступление на Руанский перевал было отложено.

Таким образом турецкое командование получило выигрыш времени: пространство в 16 км русский отряд проходит в течение 2 суток, и атака основного Руанского перевала задержала бы его еще на 1 сутки, в то время как без боев при непрерывном отходе противника он преодолел бы это расстояние за один дневной переход.

Особое внимание в горной войне предписывалось уделять маскировке, организации фальшивых окопов на высотах и скатах, на прочное занятие высот и обеспечение флангов. Наконец, именно в горной войне гранаты признавались одним из самых эффективных боевых средств.

Русские войска, действовавшие на Кавказском фронте и в Карпатах, получили большой опыт ведения боя в горах. Русское командование заблаговременно изучило кавказско-турецкий театр военных действий и, учитывая боевой опыт Русско-японской войны, произвело специальную подготовку войск Кавказской армии к боевым действиям в горных условиях.

В условиях горной войны на Кавказском фронте большое значение приобрел обходный маневр. К осуществлению его стремились как русское, так и турецкое командование. Например, во время Сарыкамышской операции в декабре 1914 – январе 1915 гг., командование противника предприняло обходный маневр силами 2-х армейских корпусов (9-го через сел. Бардус и 10-го через мест. Ольты), чтобы окружить главные силы Кавказской армии.

Русское командование предприняло контрманевр. Воспользовавшись тем, что турецкие 9-й и 10-й армейские корпуса наступали разрозненно и медленно, а действовавший с фронта 11-й армейский корпус не проявлял особой активности, русское командование умело организовало перегруппировку своих войск и выделило силы для того, чтобы нанести контрудар турецким корпусам, совершавшим обходный маневр. Это был новый метод борьбы с окружением в условиях горного театра военных действий.

Во главе русских отрядов, совершавших обходный маневр, были поставлены смелые и инициативные командиры, хорошо знающие особенности горного боя. Так, одна из рот 154-го пехотного Дербентского полка, прорвавшись в глубину турецкой обороны, захватила в плен (причем на командных пунктах) командира 9-го армейского корпуса и всех трех командиров дивизий (17-й, 28-й и 29-й пехотных) с их штабами. Успешно был завершён и обходный маневр 18-го Туркестанского стрелкового полка – для удара с тыла по турецкому 11-му армейскому корпусу. Выступив из района западнее Яйла – Бардус, полк совершил 15-км марш в горах. Прокладывая в снегу траншеи глубиной более 1,5 м, переноса на руках разобранные горные орудия и боеприпасы, двигался вперед незаметно для противника. И – вышел из ущелья в тыл турецкому корпусу, который отступил, бросив занимаемые им сильные горные позиции. Обходный маневр полка, продолжавшийся пять суток в условиях бездорожья и сильных морозов, привел к крупному тактическому успеху.

Главная тяжесть боя в горах ложится на пехоту.

Для успешных действий в горных условиях она должна иметь соответствующее снаряжение. Так, перед Эрзерумской операцией 1916 г. каждый русский боец получил короткий полушубок, не стеснявший движений, стеганные на вате шаровары, теплые портянки, валенки, папаху с отворачивающимся назатыльником и теплые варежки. Были заготовлены белые коленкоровые маскировочные халаты и чехлы на шапки; для предохранения глаз бойцы 1-го Кавказского армейского корпуса получили защитные очки-консервы; пехотинцы и кавалеристы (так как район операции был безлесным) несли по два полена дров для обогрева на ночлегах. Для строительства переправ через ручьи наступавшие роты должны были иметь при себе жерди или толстые доски – чтобы люди не мочили себе ног и не отмораживали их. Пехотинцы ударных частей снабжались ручными гранатами.

Кавалерия в горах использовалась редко, и в небольших количествах. Коннице часто приходится действовать в спешенном состоянии.

Саперы в горах еще более необходимы, чем на равнине.

Значительное преимущество горных позиций над равнинными – невозможность газовой атаки. Но, с другой стороны, газами можно пользоваться как искусственным препятствием, пуская его вниз – навстречу атакующему противнику.

Из артиллерийских средств наиболее эффективными были горные и гаубичные орудия. Работа артиллерии в горах усложнялась наличием большого количества мертвых пространств, ограниченного количества огневых позиций; ненадежностью проволоочной связи, а также трудностью определения направления главного удара противника из-за большого количества подступов и соответствующего распределения огня артиллерии и пулеметов. Эффективным являлось выдвижение отдельных орудий для кинжального обстрела прямой наводкой противника, скопившегося в мертвых пространствах. Зачастую приходилось готовить несколько позиций для отдельных орудий – в непосредственной близости 30–50 м от основной. Причем простое перекатывание орудий на них часто позволяло резко увеличить сектор обстрела и сократить наименьший прицел. Принцип массирования артсредств здесь не применим – зато нужно, чтобы каждая ложина обстреливалась. При расположении каждого орудия артиллеристам приходится решать задачи определения крутизны траектории, скрытности расположения орудия и т. д.

Важнейшим фактором побед Кавказской армии стало включение в состав ударных отрядов полевых гаубиц – нового могучего фактора в горной войне. Во встречных августовских боях Огнотской операции 1916 г., несмотря на более чем тройное превосходство в силах противника в пехоте, русские удержались до подхода подкреплений исключительно благодаря гаубицам, которых при дивизии

4 полкового состава было 12 единиц. Причем Огнотский отряд преодолел большие трудности при перетаскивании своих гаубиц через Кесаларскую высоту – но моральный эффект появления столь могучего орудия в горной стране, до этого вообще не выдавшей пушек, был очень большой.

Особое значение имело такое необходимое надежное и необходимое в горной войне средство связи как радиотелеграф – иные средства связи были малонадежны.

Линии проволочной связи длиной 2–3 км, зачастую проложенные через глубокие ущелья, устанавливаются долго и работают ненадежно, а восстановление их требует много времени. Поэтому основными средствами связи были радиосвязь и оптическая связь, а проволока, соответственно, была только дублирующим средством связи.

Флажки при пользовании биноклем позволяют в горах принимать команды на расстоянии 800—1000 м.

Соответственно ключевое значение имела радиосвязь. Перед Эрзерумской операцией служба радиосвязи была структурирована в виде отдельной радиогруппы, подчиненной штабу фронта. Действия русских войск как в горах Кавказа, так и на Карпатах показали, что в горных условиях особое внимание следует уделять связи вдоль фронта между отдельно действующими частями.

Победы русских войск в Кепри-Кейском сражении и при штурме Эрзерума были одержаны прежде всего благодаря искусному применению фактора тактической внезапности.

Так, русское командование для нанесения главного удара выбрало те участки фронта, которые немцы (инструктора в турецкой армии) и турки считали самыми труднодоступными. Организуя операцию, русское командование тщательно подготовило войска к наступлению как в тактическом, так и в материально-техническом отношении.

14-й, 15-й и 16-й Кавказские стрелковые полки, скрытно сосредоточившись в районе сел. Сонамер и Геряк и произведя быстрый маневр по труднодоступной горной

местности, неожиданно для турецкого командования вышли во фланг и тыл турецким войскам, действовавшим в Пассииской долине и южнее, и этим обеспечили успех русских войск в Кепри-Кейском сражении.

Эрзерумский укрепленный район состоял из 11-ти долговременных фортов, размещенных в 2 линии на высотах хребта Девебойну (высота 2,2–2,4 тыс. м, длина 16 км). Хребет отделял Пассинскую долину от Эрзерумской, подступы к крепости с севера через проход Гурджибогаз были обеспечены фортами Кара-Гюбек и Тафта. Подходы к турецким позициям на хребте Девебойну по дорогам, идущим южнее, также были прикрыты двумя фортами. Общая длина этой горной оборонительной линии по фронту составляла 40 км. Неукрепленным остался лишь хребет Карга-базар, господствующий над местностью (турецкое командование считало его труднодоступным). Хребет имел важное тактическое значение – он позволял выйти в промежуток между фортами Тафта и Чобандеде непосредственно в Эрзерумскую долину, в тыл Гурджибогазского прохода и на сообщения турок.

По этому хребту русское командование и осуществило обходной маневр – Донская пешая бригада (4 батальона при двух орудиях) и 4-я Кавказская стрелковая дивизия (при 36-ти орудиях) неожиданно для турецкого командования вышли в Эрзерумскую долину и нанесли удар по флангу турецких войск.

Прорыв русских войск в Эрзерумскую долину имел решающее значение в борьбе за крепость.

В горной войне более чем в равнине, от войск и их командиров требуется сметливость, смелость, энергия. Школа горной войны – лучшая военная школа.

Снабжение войск в горах сопряжено со значительными трудностями.

На это накладывает отпечаток ряд обстоятельств.

Главное – это бездорожье. Сеть железных дорог в горах – достаточно редкая. При продвижении вглубь Турции

русские войска отошли от своей конечной железнодорожной станции Сарыкамыш более чем на 150 верст. Молоканские четверочные фургоны, грузоподъемностью до 100 пудов, не справлялись. Верблюжие и другие вьючные транспорты не обладали достаточной грузоподъемностью. Пришлось приостановить наступление до окончания постройки узкоколейной железной дороги. Такая узкоколейка и была построена – сначала до Эрзерума, а потом до Эрзинджана. Конечно, она далеко не удовлетворяла потребности армии, хотя и позволяла возобновить наступление. Подвижной состав и звенья рельс были доставлены через всю Россию – от крайней северной станции Архангельск до крайней южной – Сарыкамыш. Практика показала, что армия в горах не может отойти от железной дороги далее 5-ти переходов (пример Эрзерума – исключение). К тому же железные дороги в горах, имея массу искусственных сооружений, крайне хрупки.

Шоссейная сеть в горах также была недостаточно развита – и неизбежным было формирование вьючных транспортов. Но верблюд задыхается на высоких перевалах, лошадь слишком нежна, а осел слаб. Наиболее полезное животное в этом отношении – мул. Наиболее важный груз – предметы артиллерийского снабжения. Интендантский (вещевой) груз также значителен – в горах иногда и летом приходится одеваться тепло: средняя температура зависит не от широты местности, а от ее высоты над уровнем моря. Суточная амплитуда температуры горной местности крайне велика. Летом 1916 г. температура в Эрзерумской равнине днем-ночью колебалась в пределах 40 градусов. Обувь в горах изнашивается значительно быстрее, чем на равнине. Скалистая почва требует подбойки подошвы железными шипами.

Снабжение продовольствием в горах также сложнее, чем на равнине. Во-первых, местных средств там меньше и использовать их труднее; во-вторых, организм человека и животных требует в горах большего потребления питательных веществ. Специалисты утверждают, что

человеческий организм в горах требует на 40 % большего количества калорий.

Отсюда вытекает необходимость потребления большего количества жиров и сахара. Правда, в горах всегда найдется жирная баранина, но использовать ее нужно грамотно. Так, Эриванский отряд, перевалив в конце октября 1914 г. пограничный Агрыдагский хребет, спустился в богатейшую Евфратскую долину. Русским частям достались огромные стада баранов. Но что же сделало интендантство? Ничего. Войска сами распоряжались добычей – в результате на каждого бойца досталось сразу по 2–3 барана. Солдаты буквально обжирались. На биваках наблюдались такие картины: солдат варит себе огромный кусок баранины, суп уже почти готов, но жадное око увидало у соседа лучший кусок, и котелок опрокидывается, чтобы сварить кусок пожирнее. А через два дня у всех поголовно началась рвота при воспалении желудочно-кишечного тракта – именно от непомерного потребления жиров. Полк движется, а на штыках у каждого бойца наколоты огромные куски баранины. Или, например, Ахульгинскому полку досталось огромное стадо крупного рогатого скота. Фуража не было, соль была в излишке. Полк заколол все стадо, сложил в подвал и засолил, а на другой день выступил в поход и больше не видал своего погреба. Через два месяца наступил голод, полк поколол лошадей и питался черепахами.

Рыбы в горных реках Армении было огромное количество, т. к. Коран запрещал ее истреблять. Но интендантство опять-таки не сумело организовать рыболовство, и солдаты занимались им кустарным способом – стреляя в воду и глуша рыбу. Особенно отличились саперы и артиллеристы, имевшие пироксилин. А вскоре обнаружился недостаток патронов и был отдан приказ в вечерних донесениях сообщать количество израсходованных за день снарядов.

Охрана походного движения в горах очень трудна, т. к. трудно найти параллельные дороги и еще труднее установить между ними связь. Высылая наблюдающие

части на командующие высоты, не всегда удается достигнуть цели, особенно в лесистых горах. Единственный способ охранения – хорошая разведка.

Отдых и его охранение в горах также организовать сложнее, чем на равнине. Нечего и думать о соблюдении уставных форм бивачного расположения: для сколько-нибудь значительного отряда вряд ли найдется подходящая горизонтальная площадка – приходится располагаться на косогоре или дробить отряд на части. Селения в горах редки и малы. Вблизи противника, как показал опыт мировой войны, следует избегать отдыха в селении, или даже близ него: в населенном пункте всегда найдется враждебный или продажный элемент, могущий сообщить противнику сведения об отряде. Кроме того, селения располагаются внизу, у воды, их окружают высоты – горе тому, кто соблазнится остановиться на ночлег, окруженный опасными высотами: он легко может попасть в западню. В горах нет боя в селении – бои ведутся лишь на окружающих селение высотах и тот, кто ранее займет командующую высоту, тот и победит.

Так, 1 февраля 1916 г. при взятии Эрзерума, 18-й Туркестанский стрелковый полк, овладев сел. Тафта, не соблазнился отдыхом в этом селении, несмотря на то, что более месяца не имел крыши над головой, а сразу же занял командующую высоту. В результате этого, без всяких потерь, ему целиком достался 54-й турецкий пехотный полк (во главе с командиром полка, тремя батальонными командирами, 50-ю офицерами, свыше 1,5 тыс. аскеров и с полным вооружением), расположившийся на отдыху подошвы данной высоты.

Разведка в горах также требует большего опыта и смекалки, чем на равнине.

Воздушная разведка сложнее – т. к. летчику-наблюдателю труднее усмотреть противника в горах, особенно если они покрыты лесом, а самолету легче заблудиться, т. к. мало ориентиров. Т. к. над горами встречается много воздушных ям, то, чтобы быть на безопасной высоте, аэроплану нужно набрать большую

высоту. На Кавказе и в Турции горы высотой в 4 тыс. м – не редкость. Безопасная высота, предохраняющая аэроплан от винтовочно-пулеметного огня – 3 тыс. м: таким образом, аэроплану нужно подняться на высоту 7 тыс. м. Но не каждый самолет для этого пригоден и не всякий летчик это выдержит. Остальная разведка в горах должна быть основана, главным образом, на лазутчиках, т. к. конница стеснена местностью, а пехота далеко не видит.

Важное значение для горной войны имеет умение применяться местности. В этом отношении горные жители большие мастера: у них великолепно развит глазомер. Турки так маскировали свои окопы на складках горной местности, что даже в бинокль на близком расстоянии их трудно было различить. Они придерживались системы индивидуальных окопов – и совершенно правильно, т. к. рыть в скале лишние кубометры нецелесообразно.

Русские войска выиграли Карпатскую стратегическую операцию, также осуществлявшуюся в горных условиях. Германский источник следующим образом передавал специфику карпатских боев: «Станковые пулеметы поставили на маленькие ручные санки, но эта мера себя не оправдала. В глубоком снегу санки часто проваливались или перевертывались, а пулеметы превращались в ледяные комки. Перевозке на вьючных животных надо всегда отдавать предпочтение. Для обоза использовались местные повозки; вместо кухонь взяли кухонные вьюки (ящики). Русские... обладали хорошо устроенными позициями. Землянки предоставляли по крайней мере укрытие от холода. Имелись толстые шинели и валенки; к тому же русские более выносливы к холоду, чем немцы. Русская армия сумела использовать богатый опыт зимних походов на Балканах в 1878 г., и в Маньчжурии в 1904–1905 гг.»^[128].

Генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал: «эти бои, чрезвычайно тяжелые и ожесточенные, которые притом нужно было вести с наивозможно меньшей тратой снарядов и патронов, выбивая шаг за шагом противника с одной вершины на другую, дорого стоили нашим

войскам... Каждая вершина на этих позициях была заранее сильнейшим образом укреплена при трех- и четырехъярусной обороне, и мадьяры (в особенности) со страшным упорством отчаянно защищали доступ к Венгерской равнине»^[129].

Генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов свидетельствовал: «Наши войска дрались с необыкновенным мужеством, на близких расстояниях, нередко переходя в рукопашную. Бои в районах Смольника, Лупкова, Козювки и других пунктов отмечены высокими подвигами наших частей. Но наши противники не только оборонялись. Не жалея людей, ежедневно теряя их тысячами, они, по пояс в снегу, стремительно рвали наш фронт... были обнаружены и германские части... последние вкрапливались повсюду в австрийский фронт для придания ему устойчивости»^[130].

К концу марта 1915 г. Южная германская армия и Бескидский корпус в результате действий русских 8-й армии и левой группы 3-й армии потерпели поражение. О поражении австрийцев и германцев свидетельствуют и слова австрийского генерала К. Новака: «карпатские проходы – Ужокский перевал, Дукла – оказались в русских руках»^[131].

Карпаты были форсированы.

Тактика родов войск

Пехота

Устав полевой службы охарактеризовал роль пехоты в бою таким образом: «Главная роль в бою принадлежит пехоте; прочие роды войск должны всеми мерами содействовать ей в достижении боевых целей и самоотверженно выручать ее в трудную минуту. Взаимно и пехота должна жертвовать собою для выручки других, особенно артиллерии»^[132].

В Наставлении для действий пехоты в бою нашла отражение тактика пехоты русской армии к началу Первой мировой войны. В этом документе верно решен вопрос о взаимодействии огня, маневра и удара данного рода войск: «Сила пехоты в бою заключается в ружейном и пулеметном огне с решительным движением вперед и в штыковом ударе»^[133].

Говоря о тактике боя пехоты, уставы и наставления отмечали, что: «Наилучшее поражение неприятеля достигается сочетанием фронтального огня по каждой обстреливаемой цели с фланговым или, по крайней мере, с косым огнем, чтобы взять цель под перекрестный огонь»^[134].

Расстреляв противника с ближайших дистанций винтовочным и пулеметным огнем, пехота бросается в штыки и (или) бросает ручные гранаты.

Огневой удар артиллерии – важное подспорье в действиях пехоты.

Если противника не удалось сбить первым ударом, считалось необходимым возобновлять атаки до тех пор, пока не будет достигнут успех. После неудачной атаки пехота должна закрепиться возможно ближе к противнику, в то время как артиллерия обстреливает атакованного и сдерживает противника в случае перехода его в

наступление, а кавалерия также препятствует неприятелю развить преследование.

Наставление для действий пехоты имело специальный раздел «Маневрирование пехоты в бою», который начинался с определения целей маневра. В нем говорилось, что «задача всякого маневрирования – поставить пехотную часть в наивыгоднейшее положение для достижения указанной цели»^[135]. Эта задача достигалась соответственным направлением движения, его быстротой и скрытностью, применением строя в зависимости от огня противника и местности, умелым использованием времени суток и погоды.

Вопросы маневрирования пехоты в бою Наставление разрешало более правильно, чем уставы иностранных армий. В нем не было чрезмерного увлечения лишь фланговыми формами маневра (как в германской армии), а требовалось разумное сочетание фронтального движения с охватами флангов противника. Охват выгоден тем, что способствует косвенному, а иногда даже продольному обстрелу неприятеля; кроме того, охватившая противника часть может атаковать его в штыки в наиболее опасном для него направлении.

Атака должна начинаться тогда, когда исходя из цели действий, обстановки или достигнутых результатов настала минута броситься для удара в штыки или когда заметно поколеблены нравственные силы атакуемой стороны. Но «Бросаться в атаку следует не только на ослабленного противника, но и на противника, готового к отпору, если этого требует достижение цели боя и выручка своих»^[136].

Наставление требует, чтобы атака была «быстра, решительна, стихийна как ураган». Надо стремиться сочетать лобовую атаку с ударом во фланг и даже в тыл противника.

Еще раз подчеркнем, что русская тактическая мысль шла впереди зарубежной. В частности, только в русской армии предусматривалось использование станковых пулеметов для поддержки атаки.

Наставление требует не вытеснять, а уничтожать противника: «Атаку необходимо заканчивать энергичным преследованием и закреплением за собою того, что отнято. Цель преследования – добить неприятеля, не давая ему устроиться для нового отпора»^[137].

Пехоте в бою предписывалось применять боевые построения и способы передвижения применительно к местности, на которой приходится действовать, а также сообразуясь с огнем противника. Боевые построения должны удовлетворять многим условиям, вытекающим из боевых требований. К числу наиболее важных из них Наставление относит: 1) наименьшую уязвимость от огня противника; 2) удобство для действий оружием; 3) удобство управления; 4) удобство применения к местности и 5) подвижность и поворотливость. Этим требованиям в сфере ружейного огня противника удовлетворял рассыпной строй (стрелковая цепь).

В стрелковой цепи пехотинцы располагались в одну линию на расстоянии от 2-х до 10-ти шагов в зависимости от боевой обстановки. Такой строй позволял хорошо применяться к местности, был удобен для ведения огня. Подвижность цепи была велика, и почти равна подвижности отдельного бойца. При продвижении стрелковая цепь вела огневой бой. Поддержки, применяясь к местности, следовали за цепью и, вливаясь в нее перед атакой, усиливали ее ударную силу.

Отрицательной стороной этого боевого строя являлась затруднительность управления людьми. Это требовало особой квалификации офицерского и унтер-офицерского составов. Так, взвод, рассыпанный в цепь, занимал по фронту от 10-ти и более шагов. Облегчить командиру управление таким строем могло развитие у каждого бойца инициативности и сознательности в бою. Удобная для ведения огня, стрелковая цепь была малоприспособлена для действий холодным оружием – ведь штыковой удар тем сильнее, чем сплоченнее войсковая масса. Кроме того, при движении люди сбивались в группы, разрывая цепь и образуя большие интервалы. Следовавшие за цепью поддержки зачастую сметались артиллерийским огнем

противника или вследствие огневого воздействия не могли двинуться. В итоге, стрелковые цепи, дойдя до противника, были настолько обессилены понесенными потерями, что теряли силу удара. Батальонные и полковые резервы расходовались в ходе наступления лишь для пополнения убыли в наступающей цепи, а не для наращивания силы удара.

Тем не менее, стрелковая цепь явилась наилучшей формой боевого строя пехоты в условиях Первой мировой войны. Особенно очевидно положительные свойства этого строя проявились именно в действиях русской пехоты – значительные (в несколько шагов) интервалы между бойцами делали ее наименее уязвимой от огня противника. Хотя и в иностранных армиях под воздействием опыта Русско-японской войны также предписывалось наличие стрелковых цепей в сфере действия ружейно-пулеметного огня противника, но интервалы между людьми допускались незначительные (не более одного шага) – а это не соответствовало новым условиям боя.

Фронтовик так описал картину атаки русской гвардейской пехоты в 1914 г.: «Внезапно раздавшийся крик подъесаула Мишарева: «господа, на поляну выходят цепи», заставил нас мгновенно собраться у трубы... Еще ранее привлекавшая к себе наше внимание своей ярко-зеленой окраской поляна, на наших глазах стала покрываться длинными, густыми цепями. Цепи быстро продвигались по поляне к занятому противником лесу. За первыми появлялись все новые и новые цепи, под лучами солнца резко выделявшиеся на яркой зелени поляны. Двигаясь перекатами, они как морские волны, все ближе и ближе подкатывались к неприятельскому лесу. Эта картина была так красива и нас так захватила, что мы буквально забыли о всем остальном и, не отрываясь от биноклей, следили за цепями, вскоре покрывшими всю поляну. Я был преисполнен невероятным чувством гордости и счастья, когда полковник Рыльский веселым, громким голосом доложил генералу Безобразову и

стоявшему около него начальнику дивизии: «Этот егеря»^[138].

Устав полевой службы предписывал, что стрелковые цепи должны продвигаться от одной стрелковой позиции к другой, в то время как резервы двигаются от одного убежища («закрытия») к другому. Указывалось, что под действительным огнем неприятеля следует применять накопление на новых стрелковых позициях и убежищах.

Для пехоты, находящейся под действительным огнем противника, русский устав допускал перебежки (до 100 шагов по открытой местности). Развернутый строй и другие строи (повзводный, разомкнутый, одношереножный) практиковались для резервов.

Уставы отмечали, что пехота, в радиусе примерно до полперехода от своих передовых частей, осуществляет разведку самостоятельно. При удалении пехотной разведки более чем на 4–5 км от своих частей в сторону противника, предписывалось выдвигать небольшие пехотные части (взводы, полуроты, роты), которым желательно придавать самокатчиков или по несколько всадников. В Наставлении для действий пехоты не регламентировался статус полковой команды разведчиков, но в каждом полку имелись на этот счет свои инструкции.

Вместе с тем довоенные уставы и наставления содержали и ошибочные положения. Так, они говорят о том, что пехота своими огневыми средствами (т. е. без участия артиллерии) может подготовить атаку. В этом проявилась недооценка значения артиллерии и переоценка самостоятельности пехоты. Но данные недочеты были свойственны почти всем без исключения армиям в 1914 г.

Недостатками русских предвоенных уставов и наставлений помимо отсутствия артиллерийской подготовки перед атакой противника, занявшего полевую оборону, являлась недооценка роли самоокапывания в наступательном бою. Но даже в этом вопросе русская тактическая мысль превосходила европейскую. Так, отмечалось, что «лопата при наступлении отнюдь не должна сдерживать порыва вперед» и «Как только явится

возможность двинуться дальше, окопы **должны немедленно покидаться**, так как их назначение – дать отдых наступающим частям». Но в то же время устанавливалось, что боевой опыт показал, что при быстром безостановочном движении в сфере действительного огня противника, большие потери могут подорвать нравственную энергию бойцов, и атака «захлебнется». В этих случаях, лопата в умелых руках и должна прийти на помощь. Соответственно, самоокапывание признавалось важным средством снизить потери в наступательном бою, а значит – должно способствовать эффективности атаки.

Кроме того, резервы и поддержки занимают окопы, оставленные ушедшими вперед войсками, и постепенно совершенствуют их для подходящих сзади частей.

Недочеты довоенных тактических положений пришлось корректировать в ходе войны.

Построение боевого порядка наступающей пехоты в 1914–1915 гг. в один боевой эшелон в виде одной цепи, в которую рассыпались передовые роты, в силу указанных выше причин требовалось реорганизовать. Возросла мощь обороны противника, а неглубокий боевой порядок атакующего не обладал нужной ударной силой и зачастую не мог преодолеть даже поспешно организованную оборону. Это вызвало необходимость в 1916 г. строить более глубокий боевой порядок – в несколько эшелонов. Так, вместо отдельных цепей возник боевой порядок, состоящий из ряда наступающих друг за другом цепей (волн цепей), число которых в полку обычно доходило до четырех, а в некоторых случаях и больше. Волны цепей находились на расстоянии 30–40 м друг от друга.

В оборонительном бою русской пехоты предусматривалось сооружение окопов и полевых укреплений.

Различались окопы для стрельбы лежа, для стрельбы стоя и для стрельбы с колена. Предусматривались окопы одиночные и сплошные, присутствовала детальная регламентация устройства окопов, их маскировки и пр. По

общему правилу окоп должен быть глубок, с крутыми отлогостями (если грунт держит – вертикальными) и доведен до профиля стрельбы стоя на дне рва – только тогда получится полное укрытие от шрапнели полевой пушки.

Уже первые бои показали искусство русской пехоты в деле сооружения полевых укреплений. Так, в бою под Гумбинненом 7 августа 1914 г. пехотинцы двух русских дивизий настолько быстро и грамотно соорудили стрелковые окопы, что две германские пехотные дивизии, наступая густыми цепями, попали под массированный огонь оборонявшихся русских пехотинцев, которые в большинстве случаев оставались невидимы. Причем германская пехота залегла, но не окопалась – и вновь понесла жестокие потери от огня своевременно окопавшихся русских бойцов.

Для боя пехотные части разворачивались в боевой порядок. Боевой порядок пехоты в начале войны состоял из двух частей: для огневого боя и для удара холодным оружием. Часть боевого порядка, предназначенная для огневой подготовки боя и доведения его до рукопашной схватки, называлась боевой частью. Другая часть, маневрировавшая и вступавшая в бой с целью нанесения штыкового удара, называлась резервом.

Соответственно, боевой порядок пехоты состоял из боевой части и резерва.

Устав полевой службы устанавливал, что боевой порядок должен был включать в свой состав: боевые участки, общий резерв (резерв старшего начальника для содействия войскам, наносящим главный удар неприятелю) и частные резервы (служат для усиления частей своих боевых участков и для противодействия охвату и прорыву). В свою очередь, каждый боевой участок состоял из более мелких боевых участков.

Боевой порядок роты состоял из взводных участков стрелковой цепи и ротного резерва. Боевой порядок батальона – из ротных боевых участков и батальонного резерва. Боевой порядок полка – из батальонных боевых

участков и полкового резерва. Боевой порядок бригады состоял из боевых участков и бригадного резерва (причем в боевые участки могли быть назначены как полки, так и батальоны). Боевой порядок дивизии состоял из боевых участков бригад, полков, а иногда даже батальонов, и дивизионного резерва. Резервам придавалось особое значение.

Наставление для действия пехоты в бою требовало, чтобы каждый боевой участок, решая свою боевую задачу, действовал так, чтобы облегчалось достижение общей цели боя части или соединения.

В соответствии с предвоенными тактическими взглядами ширина боевых участков составляла: батальона 0,5, полка 1, бригады 2, дивизии 3, корпуса 5–6 км.

За 1914–1917 гг. параметры боевых порядков пехотных частей и соединений возросли (усредненно): для корпуса – с 15 до 25 (ширина участка) и с 5 до 10 (глубина участка); для дивизии – с 6 до 10 (ширина) и с 3 до 8 (глубина); для полка – с 2 до 4 (ширина) и с 1 до 3 (глубина) км.

Это улучшало защищенность войск и огневых средств и повышало эффективность их применения.

Т. н. четверочная система организации русской пехоты (дивизия – четыре полка, полк – четыре батальона, батальон – четыре роты, рота – четыре взвода, взвод – четыре отделения) – устарела. При выделении резерва, составляющего одну треть всех сил, приходилось нарушать организационную целостность частей, так как последние легко можно было разделить на два или четыре подразделения, но не на три. Боевая практика выдвинула необходимость перейти к троечной системе организации войсковой единицы в пехоте (дивизия – три полка, полк – три батальона, батальон – три роты, рота – три взвода, взвод – три отделения). При данной структуре пехоты можно было достичь большей гибкости на поле боя. Такая структурная единица могла быстрее приспособиться к различным тактическим требованиям, более эффективно расчленяться для решения боевых задач на более мелкие, самостоятельные подразделения без нарушения общей

организации части или соединения. Дивизии и полки численно сокращались на одну треть и становились более маневренными и легче управляемыми. Но это пришло позже.

В начале войны значение новой боевой техники (станковых пулеметов, ручных гранат, минометов, легкой и тяжелой скорострельной артиллерии, полевых легких и тяжелых гаубиц) недооценивалось, и сила армии виделась прежде всего в пехоте. Но в ходе войны большое значение для развития тактики имело усовершенствование технических средств ведения боя. Так, применение пехоты к местности и короткие перебежки солдат в наступлении от укрытия к укрытию сделали пехоту менее уязвимой от винтовочного огня и вызвали стремление разработать более совершенную, самозаряжающуюся, автоматическую винтовку. Автоматическая винтовка Федорова по своим тактико-техническим данным оказалась лучшей из всех систем самозаряжающихся винтовок. Значительно был усовершенствован и станковый пулемет.

Основой боевой деятельности русской пехоты служили наступательные действия, важную роль играли самостоятельность и инициативность солдата в бою. Прогрессивными являлись структура боевого порядка, взаимодействие родов войск, вопросы маневрирования. Рассыпной строй в форме стрелковой цепи в зависимости от обстановки мог трансформироваться в более плотную формацию. Применялись охват вражеского боевого порядка, фланговые удары. Пехота, в зависимости от обстановки, ведет штыковой бой, ружейный и пулеметный огонь, использует ручные гранаты.

Другая тактика потребовалась русской пехоте в период позиционной войны – с конца 1915 г. Инструкция войскам Юго-Западного фронта перед наступлением 1916 г. требовала, чтобы пехотная атака была непрерывной и безостановочной, а командиры всех уровней проявляли инициативу для достижения этой задачи, смело продвигаясь со своими частями и подразделениями вперед, не оглядываясь на отстающих соседей.

Атаковать требовалось последовательными волнами цепей, имевшими интервалы от 2 до 5 шагов между бойцами и дистанции 150–200 шагов одна от другой. На направлении главного удара таких волн предписывалось формировать не менее 3–4, имея за ними резервы – для развития успеха или повторения атаки в случае неудачи последней.

Каждая из цепей получала конкретную задачу. Первая цепь, овладев вражеской траншеей, должна была максимально продвинуться вперед.

Вторая волна восполняла потери первой, третья была поддержкой первых двух, а четвертая являлась резервом командиров передовых полков. Дальнейшее развитие успеха возлагалось на дивизионные и корпусные резервы. Эти резервы продвигаются за передними четырьмя волнами, готовые продолжить атаку, поддержать передовые части, закрепить захваченные позиции либо противодействовать фланговым атакам противника.

Солдаты первых двух волн снабжались гранатами и приспособлениями для разрушения проволочных заграждений. Во второй и третьей волнах бойцы тащили пулеметы. Многие из штурмовой тактики пехоты было заложено именно в этих указаниях. Атака пехоты должна была следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой. Ворвавшись в передовую линию противника, первая пехотная волна не останавливается, а спешит захватить вторую линию вражеских окопов и закрепиться в ней. Учитывая, что противник главную силу своей обороны основывал на второй линии окопов, длительная задержка на первой линии подвергала войска его сосредоточенному огню.

Для надежного укрытия сосредоточенных для прорыва войск от артиллерийского огня противника и максимального приближения своих укреплений к австрийским окопам в каждом пехотном полку был создан исходный плацдарм для атаки.

Особенностью наступления на различных участках прорыва позиций противника, противостоящего Юго-

Западному фронту, явилось то, что русская пехота, как правило, не задерживалась в первой линии неприятельских окопов, а смело двигалась вперед, возложив задачу зачистки окопов от противника на специальные группы т. и. «чистильщиков окопов», имевшихся в каждом батальоне. Это давало возможность глубоко и быстро вклиниваться в систему обороны противника и заставлять его сворачивать оборону и там, где его пехота еще удерживала свои позиции.

Русская пехота научилась преодолевать позиционную оборону противника. Так, в декабре 1916 г. в ходе Митавской операции 1-я и 2-я латышские стрелковые бригады, а также 56-й и 57-й Сибирские стрелковые полки, действуя в тактически тяжелых условиях, прорвали фронт германцев. Действия Бауского полка 2-й Латышской бригады характеризовались следующим образом: «Подход полка к проволоке по заранее изученному подступу был обнаружен немцами, открывшими... огонь. Резчики проволоки во время движения сбились все к правому флангу. Момент был критический и... Хлынувшая масса людей топорами и ножницами прорвала проволоку и одним махом перескочила через бывший здесь забор-бруствер, захватив два пулемета в гнездах...»^[139].

Реалии позиционной войны выявили необходимость формирования особых штурмовых частей, специально предназначенных для прорыва эшелонированной обороны противника.

Приказ командующего 5-й армией генерала от кавалерии П. А. Плеве № 231 от 4 октября 1915 г. предписывал сформировать в ротах команды бомбометателей, вооружив каждого их бойца 10-ю гранатами, топором, лопатой и ручными ножницами для резки проволоки. В конце года штурмовые взводы («взводы гренадер») появились во всех пехотных и гренадерских полках. Штурмовики имели на вооружении карабины, револьверы (командный состав), кинжалы – бебуты, по 7–8 гранат, и ножницы для резки проволоки (имевшиеся у каждого бойца, в отличие от пехоты). Штурмовики имели стальные шлемы (у каждого

гренадера), стальные щиты (не менее одного на двух гренадер) и по 2 бомбомета на взвод.

Впоследствии были созданы отдельные батальоны. Толчком послужила Митавская наступательная операция русской армии 23–29 декабря 1916 г., по итогам которой было признано целесообразным формировать особые части прорыва, незаменимые при прорыве укрепленных участков фронта. Согласно Наставлению для ударных частей, при каждой пехотной дивизии должен быть сформирован ударный батальон в составе 3-х стрелковых рот и технической команды, состоящей из 5 отделений: пулеметного (4 пулеметных взвода и 2 ручных пулемета), минометного, бомбометного, подрывного (подрывной и ракетный взводы) и телефонного (6 телефонных и 4 подслушивающих станций).

Учтя опыт неудачных наступлений периода позиционной войны, Наставление провозглашало, что: «Образование отдельных ударных частей имеет целью прежде всего обеспечить нам успех в тех боевых действиях, которые основываются на особенностях позиционной войны.... Ударные части предназначаются только для активных действий...»^[140].

Главная форма боя – это бой ручными гранатами, а основная задача – ведение траншейного боя.

На штурмовые части возлагались следующие важнейшие задачи: 1. При прорыве укрепленных позиций противника – штурм особо важных и сильно укрепленных участков, поддержка атаки пехотой переднего края противника и ликвидация задерживающего продвижение пехоты врага; 2. В обороне: бой с целью улучшения своего положения, поиски для захвата пленных и разрушения оборонительных сооружений, контратаки. Ударные части предписывалось размещать в тылу и выдвигать на позиции лишь для выполнения боевых задач – занимать ими участки оборонительных позиций запрещалось. Бой должен был вестись исключительно в траншеях – т. н. открытый бой на поверхности земли рассматривался как исключение.

Атака осуществляется либо после артиллерийской подготовки, либо после взрыва горна (мощное средство минной войны) либо осуществляется внезапная атака (ей предшествует бесшумное уничтожение искусственных препятствий противника).

Применялся групповой боевой порядок либо боевой порядок в форме волн – таким образом русская пехота в тактическом плане не отставала от противника: у немцев в 1917–1918 гг. и в атаке, и в обороне также формируется групповая тактика.

Артиллерия огнем готовила атаку, вела заградительный огонь атакованного участка противника. Траншейная артиллерия участвовала в артподготовке и выполняла задачу непосредственного сопровождения пехоты.

В наступлении в первой линии шли бойцы, проделывающие проходы в проволочных заграждениях противника, за ними двигались чистильщики окопов, потом специалисты (сигнальщики, телефонисты, артиллерийские наблюдатели), далее – пулеметчики и grenадеры особого назначения и резерва. Если подразделения grenадер действовали в составе пехотной части, то grenадеры и разведчики двигались впереди стрелковых волн. Форма боевого порядка для траншейного боя – змейка.

Резчики проделывали проходы в проволоке, и в момент занятия пехотой рубежа для атаки штурмовики выдвигались вперед, ползли на дистанцию броска гранаты и бросали их в окопы и оборонительные препятствия противника. Если применение гранат было успешным, grenадеры врываются в окопы противника и, распространялись по окопу влево и вправо, выбивая гранатами неприятельских солдат, засевших в изломах окопов, ходах сообщения или за траверсами. Е[улеметчики, бомбометчики, траншейная артиллерия закрепляли успех и содействовали дальнейшему продвижению либо прикрывали отход.

«Звездным часом» штурмовых взводов стал Брусиловский прорыв 1916 г. Успех в этих боях пришел во

многим благодаря образцовому поведению подразделений гренадер, двигавшихся в составе наступающих пехотных волн. А. А. Брусилов писал о захвате передовых позиций противника: «многие убежища разрушены не были, но сидевшие там части гарнизона должны были класть оружие и сдаваться в плен, потому что стоило хоть одному гренадеру с бомбой в руках стать у выхода, как спасения уже не было, ибо в случае отказа от сдачи внутрь убежища металась граната, и спрятавшиеся неизбежно погибали без пользы для дела; своевременно же вылезть из убежищ чрезвычайно трудно и угадать время невозможно. Таким образом, вполне понятно то количество пленных, которое неизменно попадало к нам в руки»^[141].

Если к концу войны на Французском фронте в германской, французской и английской армиях пехота утратила способность к маневру, и продвигалась равномерно по всему фронту с равнением на отстающие части по схеме «артиллерия разрушает, а пехота занимает», то русская пехота, наоборот, маневрировала на поле боя. Она не задерживалась перед участками обороны, продолжавшими сопротивление, а смело устремлялась вперед, обходила эти участки с флангов и глубоким вторжением в оборону противника облегчала задачу овладения и теми участками, которые продолжали сопротивляться. Вплоть до момента революционного развала фронта русская пехота не утратила способности атаковать укрепленные позиции – причем даже при условии, что система огневой обороны противника не подавлена (а иногда и не ослаблена в должной мере). Пехота союзников России атаковать разучилась и была способна лишь занимать разрушенные артиллерией позиции противника.

Именно на Русском фронте, в отличие от Французского, противники вплоть до конца войны сохранили способность атаковать, несмотря на значительно возросшее могущество огня неприятеля. Яркой иллюстрацией является атака 16-го Сибирского стрелкового полка на Кальнцемский мост 25 декабря 1916 г. Очевидец свидетельствует: «...шагах в 500 от меня

строятся... войска... причем пехота строилась рота за ротой, шеренга за шеренгой на дистанции в 500 шагов, разомкнутыми рядами... строится 16-й сибирский стрелковый полк для атаки Кальнцемского моста. От места построения полка до указанного моста было более 1000 шагов, причем местность была совершенно ровная, покрытая ослепительно белым снегом и лишь приблизительно на середине поля виднелись волнистые бугры, занятые германской цепью...

Мне было известно, что Кальнцемский мост занят германцами и достаточно сильно укреплен, и что восточнее моста на опушке леса имеются германские окопы... я послал своего офицера предупредить командира 16-го сибирского стрелкового полка, что ему необходимо отложить атаку, так как он попадет под удары германцев с востока. Но не успел посланный мною офицер доехать, как командир взмахнул в воздухе саблей и подал команду: «Вперед, в атаку...», указав на Кальнцемский мост; эту команду повторили все начальники.

Солдаты, как на параде, беря ногу по впереди идущему командиру и равняясь в струнку, красиво и стройно двигались к предмету атаки по ровному полю, игравшему мириадами блесков ослепительно белого снега. Но не успели батальоны отойти и 200 шагов, как были замечены германцами, которые немедленно открыли по ним ружейный огонь. Однако сибиряки продолжали твердо двигаться вперед, не меняя строй и не сбиваясь с ноги. Первоначально огонь германцев, открытый ими из-за упомянутых выше бугров, наносил сравнительно мало потерь в рядах наступающего... однако, белоснежное поле уже стало покрываться телами убитых и раненых. Сибиряки продолжали наступать без выстрела. Немецкая цепь оставила бугры и отбежала в сторону. Большая часть полка уже миновала бугры... И в эту минуту произошло нечто ужасное: одновременно с трех сторон германцы взяли сибиряков под огонь из пулеметов и противотанковых орудий. Люди, как подкошенные, падали, устилая ровными рядами ослепительно белое

поле... В течение 5–6 минут стройные ряды полка смешались в бесформенную массу и от красивого боевого построения не осталось и следа.....только несколькими сотням людей

удалось найти убежище в ближайшем лесу, а остальные остались на поле убитыми или ранеными и замерзшими. Ночной мрак покрыл это потрясающее зрелище... Описанный эпизод представляет собой трудно достижимый образец штыковой атаки и дает разительно полное понятие о том огромном еще обаянии штыка в русской армии, на котором зиждилось «безумство храбрых»...»^[142].

Бездарная с тактической точки зрения атака демонстрирует, тем не менее, что вплоть до революции русская пехота не научилась атаковать самостоятельно – причем без поддержки артиллерии. Через несколько дней на том же участке фронта аналогично и с таким же «успехом» атаковала и германская пехота.

Нет лучшего признания, чем признание противника, в частности, отмечавшего, что «Во всех боях русская пехота обнаружила завидную ловкость в преодолении сложной местности, которая нами большей частью считалась непроходимой».

Сила пехоты – в ногах. Русская армия имела уставной шаг 120 шагов в минуту, но этот темп применялся только при церемониальном марше или при занятиях строевой подготовкой. Но стрелковые части русской армии в мирное время тренировались на гораздо более быстрых темпах шага (до 124–128 и даже 132 шагов в минуту).

Когда же пехота взвалила на себя «полную выкладку», скорость уменьшилась – и пехота проходила 4 версты в час.

На выносливости русской пехоты был построен расчет командования при проведении многих боевых операций. Так, в ходе Виленской операции 1915 г. командующий Западным фронтом в сжатые сроки осуществил перегруппировку вначале 4-х, а затем еще 6-ти армейских

корпусов и 5-ти кавалерийских дивизий, снятых с фронта и выдвинутых преимущественно походным порядком на сотни километров вдоль фронта в сторону прорыва противника. Сам старый солдат, А. Е. Эверт при реализации своего маневра «опирался» на солдатские ноги. В условиях ненадежной (и слабой) инфраструктуры он правильно рассчитал параметры марш-маневра с учетом специфики местности и развития оперативной ситуации – и намного опередил немцев. Русская пехота покрывала 30 км в сутки (в то время как вышедшая на оперативный простор германская пехота давала темпы 15 км в сутки), т. е. русские двигались в 2 раза быстрее немцев, развивающих прорыв. Марши русских войск были проведены четко, без отставших, было организовано усиленное питание людей и лошадей. Некоторые русские корпуса прошли по 200 км.

Удельный вес русской пехоты в составе вооруженных сил за время войны снизился с 75 до 60 %, и все же она сохранила за собой до конца войны роль главного рода войск, являясь подлинной «царицей полей».

Вооружение пехоты стало более разнообразным. Пехотинец получил ручную и винтовочную гранаты. Пехота имела свою артиллерию в виде 310-ти траншейных орудий (минометы, бомбометы и малокалиберные пушки). Оснащенность пулеметами увеличилась вдвое (с 2-х до 4-х на батальон). Русская пехота получила средства противохимической защиты – противогазы.

В то же время пехота перестала быть однородной. Только две трети личного состава пехотных дивизий и полков были стрелками – т. е. в бою действовали винтовкой со штыком. На треть пехотные части и соединения состояли из специалистов – пулеметчиков, гранатометчиков, связистов и пр.

В результате значительного увеличения огневой мощи пехоты (в 2–2,5 раза) ее боевые возможности к концу войны значительно повысились.

Кавалерия

Важнейшей функцией кавалерии в условиях современной войны являлась разведывательная. Для проведения разведки от кавалерийских частей высылались конные разъезды и отряды. Разъезд вел разведывательную деятельность на определенном направлении или в определенном пункте, в то время как часть (отряд) – действовал в соответствующем районе или полосе разведки.

Отличная завеса и хорошая разведка были организованы русской конницей на левом берегу Вислы в Варшавско-Ивангородской операции в сентябре 1914 г., в то время как конная разведка не выяснила сосредоточения немцев в конце октября 1914 г. на линии Торн-Калиш – и это закончилось прорывом фронта 2-й армии и тяжелыми боями под Лодзью. Необходимо отметить действия русской конницы на левом берегу р. Вислы в сражении у Люблина и Львова в 1914 г., хорошо ориентировавшие русское командование, задержавшие движение обходящих войск противника и, в последний период Галицийской битвы, очистившие весь левый берег Вислы и содействовавшие поражению левого фланга 1-й австрийской армии.

Кавалерия выполняла тактически важные боевые задачи: «Конница содействует наступлению и обороне энергичными действиями на фланги и в тыл противника, особенно, когда пехота ведет решительную атаку, действуя в конном и пешем строе. Если неприятель опрокинут, конница неотступно преследует. При неудаче конница действует решительно, с целью остановить или хотя бы задержать неприятеля, чтобы дать время своей пехоте устроиться»^[143].

Уставные требования предписывали русской кавалерии при любой возможности развивать достигнутый другими родами войск успех.

Кавалерия подразделялась на войсковую (приданную штабам армий или действующую в составе армейских корпусов) и объединяемую в самостоятельные кавалерийские соединения – конные бригады, дивизии и корпуса.

Войсковая конница осуществляла разведку, прикрывала фланги общевойсковых соединений, обеспечивала коммуникации и функционирование штабов и служб, поддерживала связь. Части войсковой конницы распределяются по боевым участкам и в общий резерв (прежде всего для решения задач связи и прикрытия). Особо важное значение имели защита флангов и стыков частей и соединений. Осуществляла она и преследование противника – преследование разбитой австрийской пехоты Текинским конным полком и даже номерами конногорного дивизиона в операции 9-й армии в ходе Наступления Юго-Западного фронта 1916 г. является классическим образцом использования корпусной конницы.

Кавалерийские соединения должны были решать задачи т. и. «стратегической конницы» – осуществлять броски, прорывы и обходы, преследование противника, заниматься стратегической разведкой, обеспечивать прикрытие определенных оперативных направлений. Например, 14-я кавалерийская дивизия, действуя на фланге 4-й армии в ходе Галицийской битвы, на 5 дней сковала оперативный маневр 1-й австрийской армии и позволила подтянуть резерв – 18-й армейский корпус. В Томашевском сражении 1914 г. кавалерия 5-й армии в наиболее тяжелые периоды боев быстро сосредотачивалась командованием на флангах армии либо ее корпусов, что обеспечило стыки и фланги общевойсковых соединений. В этом сражении был образован Сводный конный корпус (один из первых в русской армии в Первую мировую войну), а действия 5-й Донской казачьей дивизии и 2-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии не допустили полного окружения правого фланга 19-го армейского корпуса и обеспечили выход центральной группировки 5-й армии из тяжелого боя.

Успешно осуществлялись кавалерийские рейды. Важное значение для исхода Лодзинского сражения 1914 г. имела переброска 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А. В. Новикова с левого фланга 5-й армии (из района Ласка) на правый фланг 2-й армии (в район Бендкова).

Кавалерия – универсальный род войск. Наставления и уставы отмечали: «Конница действует в конном и пешем строю». Кавалерийские части и соединения обладали всеми необходимыми средствами для решения широкого спектра боевых задач – саперными, пулеметными подразделениями и пр. Но, действуя в пешем строю, конница значительно уступала в численности сопоставимым с ней в структурном плане пехотным частям и соединениям. Так, численность кавалерийской дивизии примерно соответствовала численности пехотного полка. Меньшим было и количество орудий и пулеметов.

Главное преимущество кавалерии – в мобильности. В период мировой войны это чуть ли не единственный род войск, обладающий высокой оперативной подвижностью. Именно поэтому конница – важное средство оперативного маневра. Устав отмечал: «Коннице труднее двигаться укрыто от противника, чем пехоте, но и она, передвигаясь от одного удобного для себя закрытия к другому, может быстротою движения в значительной степени ослабить невыгоды прохождения открытых мест»^[144]. Командир 3-го Конного корпуса генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер, выдающийся практик и теоретик русской конницы, совершенно справедливо отмечал: «место для конницы на полях сражения не только всегда найдется, но ее место именно там и даже в возможной близости к передовым частям пехоты»^[145].

Именно русская конница осуществила ряд блестящих атак в конном строю, решив участь многих боев и сражений – оказав влияние на оперативную и стратегическую обстановку (в Заднестровском, Третьем Праснышском сражении и др.). Число конных атак, по

сравнению с атаками конницы противника, огромно (лишь австрийская конница практиковала, и то лишь в начале войны, конные атаки). Так, в бою под Олеювом 7 августа 1914 г. части 10-й кавалерийской дивизии нанесли поражение 4-й кавалерийской дивизии австрийцев. Русские кавалеристы потеряли убитыми одного офицера и 7 солдат и несколько человек ранеными, а австрийцы – 44 офицера и 786 солдат (из них более половины пленными). В этом бою, несмотря на то, что австрийская конница маневрировала блестяще, но вследствие применения слишком компактных боевых построений и плохой разведки, она испытала неприятные сюрпризы (внезапный обстрел русской артиллерии и неожиданная фланговая атака русских гусар). В рукопашном бою, атакуя с большим мужеством в сомкнутом строю, она оказалась слабо обученной действиям холодным оружием – особенно пиками.

Русская конница применила в этом бою классический кавалерийский маневр: фронтальная атака сочеталась с охватом фланга противника.

Б. М. Шапошников писал: «Лишь на фланге и в тылу противника, развив широкую оперативную деятельность, конница окажет неоценимую услугу пехоте и артиллерии, довершив их геройские усилия в фронтальном бою и обеспечив надлежащее использование успеха с решительной целью»^[146]. Смелы и энергичны были действия русской конницы собранной на правом фланге 2-й армии в сражении под Варшавой в октябре 1914 г. Контратака противника 5-го октября на Сохачев и угроза отрезать переброшенные на левый берег р. Бзуры 4 кавалерийских дивизии заставили их отойти на север. Но присутствие конной массы на фланге армии противника было одной из причин, заставивших его начать отступление.

Характерно, что русская конница атаковала чаще пехоту и артиллерию противника, чем конницу (атаки на конницу составляют 25 % от всех конных атак). В большинстве случаев кавалерия противника от боя уклонялась. Русская конница атаковала не только пехоту противника,

находящуюся в движении (на походе, отступающую или наступающую), но и в окопах и даже за колючей проволокой. Так, 29 сентября 1915 г. на фронте 11-го армейского корпуса 12-я кавалерийская дивизия атаковала в конном строю австрийцев, прошла три линии окопавшихся цепей пехоты противника, который после короткого беспорядочного боя обратился в бегство, а на фронте 33-го армейского корпуса 4 эскадрона Бугского уланского полка и 1 эскадрон Казанского драгунского полка также атаковали пехоту противника, опрокинули ее и взяли 40 пленных.

Яркой иллюстрацией является и бой у Баламутовки – Ржавенцев 1915 г. 1-я и 3-я сотни 13-го Донского казачьего полка в конном строю атаковали четыре эскадрона венгерских гусар, опрокинули их и преследовали за д. Онут. 5-я сотня, действуя в конном строю, атаковала роту австрийской пехоты в долине ручья Бялый. 27 апреля полком было взято пленных: 8 офицеров, 1 врач и 137 нижних чинов.

15-й Донской казачий полк овладел дер. Ржавенцы. В пешем строю вместе с другими полками дивизии, уничтожив проволочные заграждения, он взял штурмом сильно укрепленную позицию противника (защищенную 6-ю рядами проволочных заграждений), причем понеся незначительные потери. В этом бою полк, имея в своем составе всего 320 казаков, взял в плен 6 офицеров, 621 нижних чина, 3 пулемета, 2 орудия, большое количество патронов оружия и снаряжения, один прожектор, до 40 лошадей и несколько повозок с продовольствием. Русские кавалеристы атаковали сильно укрепленную позицию, защищенную несколькими рядами проволочных заграждений, с множеством блиндажей и ходов сообщения. Причем атака осуществлялась и в конном строю, казаки, драгуны и гусары шашками рубили проволочные заграждения. В ходе боя опрокинуты и обращены в бегство отборные пехотные части противника.

Была разгромлена и конница врага. Два венгерских гусарских полка были смяты казаками, и частью изрублены, частью взяты в плен.

В зимних праснышских боях 1915 г. 15-й гусарский Украинский Е. И. В. Великой княгини Ксении Александровны полк (15-я кавалерийская дивизия 1 – го конного корпуса) 12 февраля провел одну из самых блестящих конных атак за всю войну. Участник боев писал об обстановке к моменту атаки: «От д. Воля Вержбовска (примыкая правым флангом к дивизии «Верниц»), у дд. Гоздзе, Баранце, Пенчки Козловы и Шлясы, оборонялись части 70-й резервной бригады. Далее, у дд. Леще, Збики, Козине, Венжево, Красне, – 69-я резервная бригада (обе бригады входили в состав 36-й резервной дивизии 1-го резервного корпуса. – Л.О.), 2-й резервный егерский батальон, 1-й резервный уланский и 1-й резервный гусарский полки.... До нас дошли слухи, что сибирские стрелки сильно нажимают на противника, который с трудом держится, а кое-где уже и отходит.... Около 10 часов утра командующий полком полковник Жуковский получил через временно командующего 2-й бригадой... приказание начальника дивизии: «Украинскому гусарскому полку выбить противника из дд. Збики Бельки – Збики Гавронки. По занятии их выслать разведку в направлении г. Прасныша...»^[147].

Под артиллерийским огнем немцев спешенные эскадроны полка готовились к атаке: «Впереди ружейная и пулеметная стрельба все усиливалась. Со спокойными, уверенными лицами шли вперед легендарные сибирские стрелки <...>. Ружейная и пулеметная стрельба не прекращалась ни на минуту, по всему фронту шел гул артиллерийской канонады. Томительное ожидание в резерве сменилось нервным оживлением, гусары подтягивали подпруги, осматривали седловку, все инстинктивно чего-то ожидали. Внезапно, около пяти часов стрельба несколько затихла, издали слышались крики «ура». Командующий полком подал команду: «Садись!». Прошло несколько минут... Со стороны стрелков слышались выкрики: «Кавалерия!», «Кавалерию вперед!» Полк рысью двинулся на д. Козино... все поняли, что наступает момент атаки...

Спереди несло «ура» сибирских стрелков и беспорядочная стрельба немцев»^[148].

Стремительной конной атакой гусары добивали и преследовали отступающих немцев, полностью выполнив свою боевую задачу: «Появление устремившихся в атаку гусар вызвало новое громкое «ура» уже достаточно утомленных наступлением по мокрому грунту и понесших потери сибирских стрелков. Когда гусары поравнялись с их цепями, некоторые сибиряки, ухватившись за стремяна, бежали рядом, некоторые же взобрались даже на крупы лошадей. Противник при виде несущейся в атаку кавалерии, начал спасаться стремительным отходом»^[149].

Эскадроны полка прошли дд. Збики Бельке и Збики Гавронки, фольварк Августово, дд. Гостково и Лисогуру. Были добиты отступавшие германские части, разгромлена двигавшаяся в походном порядке колонна германской пехоты, захвачена артиллерийская батарея (3 орудия и 26 артиллеристов). В этом знаменательном бою гусарский полк потерял 27 человек убитыми (в т. ч. 1 офицера) и 22 ранеными. Трофеями стали 3 легких и 1 тяжелое орудия, 6 зарядных ящиков и 256 пленных при 4-х офицерах.

Успешно действовали и уральские казаки. 2-й Уральский казачий полк пленил до 700 человек (причем пленные были пяти разных батальонов), и около 1 тыс. привел 3-й Уральский казачий полк.

В общей сложности в конных атаках под Праснышем участвовали 23 эскадрона и сотни русской конницы.

Русские кавалеристы успешно противостояли и «двухколесному» противнику – германским и австрийским самокатным частям.

Так, 2 августа 1914 г. состоялся бой частей 14-го драгунского Малороссийского полка русской 14-й кавалерийской дивизии и самокатной роты австрийского 24-го егерского батальона, приданного 7-й кавалерийской дивизии противника. Австрийские кавалеристы и самокатчики двигались от Кракова к Кельцам, в то время

как русские драгуны также вели разведывательные действия у Кельце – Шидловец.

Около 12-ти часов к лесу подошла значительная группа австрийской конницы – она была накрыта огнем русских орудий и отошла в лес.

Через 20 минут 3 австрийских батареи открыли огонь по русским позициям, а около 16-ти часов в атаку двинулись самокатчики противника.

Командир австрийской самокатной роты, захватив мест. Загороды, выдвинул самокатный взвод при поддержке пулеметного взвода для атаки русских позиций у леса. 2 остальных самокатных взвода были развернуты для охватывающего маневра – они должны были атаковать справа. В бою принял участие и один австрийский эскадрон, действующий на левом фланге самокатчиков.

Подпустив австрийцев на 100 метров к своей позиции, 2 орудия и 4 пулемета русских кавалеристов открыли огонь. Австрийцы, оставляя убитых и раненых, бросая велосипеды, бежали в Кельцы.

Когда к июню 1915 года германцы продвинулись в Курляндии, захватив г. Либаву, на крайнем правом фланге прибалтийского фронта действовали русские 4-я отдельная кавалерийская бригада и две ополченских дружины, прикрывая путь на Виндаву, Туккум и Ригу. Для боевой разведки начальником этого отряда периодически высылались как небольшие конные отряды (до 2-х эскадронов со взводом артиллерии), так и офицерские разъезды.

Однажды дозорные одного из таких разъездов (командир – поручик 20-го Финляндского драгунского полка Минаков), действовавшего в направлении Курш-Кениг – мыза Ванеген – мыза Канданген – мыза Бонен, обнаружили группу германских самокатчиков (около 30-ти человек), двигавшуюся по газенпотской дороге. Начальник разъезда, оценив тактическую обстановку (разъезд не был обнаружен противником, местность пересеченная, самокатное подразделение имело охранение

лишь в голове колонны – притом на небольшом расстоянии от главных сил), решил атаковать противника. Бросившись через восточный выход мызы, совершенно неожиданно для противника, драгуны атаковали отряд самокатчиков в тот момент, когда он втягивался во двор имения.

Застигнутые врасплох, самокатчики не имели возможности соскочить с велосипедов и взяться за винтовки – и они быстро сдались, потеряв несколько человек убитыми и ранеными и все велосипеды. 20 человек было захвачено в плен. У русских драгун потерь не было.

Но в тот момент, когда начальник разъезда собирался отправить в тыл пленных и велосипеды, дозорные ему донесли, что к имению быстро приближается еще одна колонна самокатчиков – численностью до 100 человек. Поручик Минаков, окрыленный успехом, решил атаковать и эту колонну. Выждав, когда самокатчики втянулись в аллею, ведущую к имению, он во главе своих драгун бросился в атаку. 20–30 самокатчиков, двигавшихся в авангарде, успели соскочить с велосипедов и, укрывшись за деревьями и в придорожных рвах, открыли огонь по атакующим кавалеристам. Одним из первых выстрелов – пулей в грудь навылет – был тяжело ранен поручик Минаков, скакавший впереди разъезда. Не управляемая раненым всадником лошадь была остановлена германцами, и поручик был взят в плен. Разъезд, потеряв несколько человек ранеными, а также всех захваченных в плен германцев и трофейные велосипеды, был вынужден отойти.

Конные атаки русской кавалерии имели место не только в маневренный, но и в позиционный период войны – когда конница других армий в массе своей уже сидела в окопах. Например, 27 мая 1916 г. у с. Зубжец 9-я кавалерийская дивизия прорвала три линии австрийских окопов, захватила артиллерию противника и до 1,6 тыс. пленных; 23 июля 1916 г. в атаке уд. д. Костюхновка-Волчецк 16-й кавалерийской дивизией было захвачено 14 орудий противника и т. д.

Война показала, что никакой огонь артиллерии, пулеметов и винтовок, действия аэропланов и броневинов не в состоянии остановить кавалерийской атаки русской конницы.

Например, в бою 7 августа 1916 г. у дер. Рудка-Червиги сотни 27-го и 28-го Донских казачьих полков преодолели заградительный огонь двух тяжелых и одной легкой батарей германцев. А 6 августа 1916 г. сотни 16-го и 17-го Донских казачьих полков на том же участке, развернувшись под огнем бомб и пулеметов трех германских аэропланов, преодолели мосты и гати (причем в колонне по 1, 2 и 3 человека), прорвались сквозь проволочное заграждение противника, перескочив линию окопов, захватили пленных и пулемет.

Но в условиях огневого боя возможности конницы все же были снижены. Кавалерийским частям рекомендовалось обстреливаемые пространства преодолевать быстрыми аллюрами в разомкнутых строях, а в обычной обстановке передвигаться во взводных колоннах.

В наступлении общевойсковых соединений кавалерия должна атаковать, прежде всего, резервы противника и развивать достигнутый пехотой успех, а в обороне вести разведку на флангах и в тылу неприятеля.

В условиях преобладания позиционных форм ведения боя кавалерийская тактика не получила сколько-нибудь значительного развития, несмотря на то что кавалерия являлась единственным в русской армии подвижным родом войск, который можно было использовать для преобразования тактического успеха в оперативный. Как правило, применение конницы для развития успеха в этот период (за некоторыми исключениями) было неудачным. Это объяснялось тем, что кавалерия была слабо оснащена пулеметами и артиллерией и полностью не могла преодолеть возросшего огневого сопротивления пехоты.

В позиционной войне кавалерия часто выполняла функции пехоты. Занимая участки оборонительных позиций, труднодоступные для атаки противника (все-таки

ее огневая мощь была несопоставима с пехотной), протяжением на дивизию от нескольких верст до нескольких десятков верст (30 верст – 2-я Туркестанская казачья дивизия на р. Шаре и Огинском канале в начале 1917 г.), конница с успехом выполняла и оборонительные задачи. Но сильная боевым духом русская конница не ограничивалась обороной позиций, но в пешем строю атаковала укрепленные позиции противника. Например, в бою под Баламутовкой в 1915 г. лихие донцы 1-й Донской казачьей дивизии покрыли себя славой, прорвав пехотную позицию австрийцев. Атакуя в пешем строю, шашками разрубая проволоочные заграждения, с пиками в руках вместо штыков, донцы решимостью атаки внесли ужас в ряды численно сильнейшей австрийской пехоты и захватили большое число пленных.

Одной из важнейших тенденций применения кавалерии в годы Первой мировой войны на Русском фронте стало стремление к концентрации конных масс в крупные соединения, состоящие из нескольких кавалерийских дивизий. Так возникли конные корпуса – парадоксально, но к этому привела возрастающая мощь огнестрельного оружия.

Так, русская армия выступила на войну в 1914 г., имея в качестве высшего кавалерийского соединения кавалерийскую (казачью) дивизию. Но уже к осени этого года стало очевидно, что в условиях современной войны, вследствие интенсивного развития огнестрельного оружия, сила отдельной кавалерийской дивизии уже совершенно недостаточна для решения стоявших перед ней боевых задач. Началось формирование импровизированных «сводных конных корпусов» из двух дивизий, но жизнь показала, что и такой корпус имеет недостаточно сил и средств. В 1915 г. такие корпуса усиливаются придачей им третьих и четвертых конных дивизий. Так появились постоянные конные корпуса, одним из них и был 3-й Конный корпус (его состав в течение войны колебался от 2-х до 8-ми дивизий – в последнем случае он фактически являлся конной армией).

Второй тенденцией стал, ощутимый уже весной 1915 г., недостаток конского состава как в русской (в меньшей степени), так и в европейских (в большей степени) армиях. Именно это обстоятельство во многом заставляло австро-германцев беречь свою конницу – уклоняться от конных атак, сажать кавалерийские части в окопы и пр.

Третья тенденция – это то, что позиционный характер мировой войны максимально сузил рамки применения конных масс по их прямому назначению – на поле боя. Ситуация усугублялась неумением со стороны командования противников эффективно использовать бывшую в их распоряжении конницу.

Уже после первых боевых столкновений обнаружилось превосходство русской конницы над кавалерией противника как в качестве личного состава, так и в боевой подготовке. Не удивительно, что австрийцы (в меньшей степени) и германцы (в большей степени), как правило, не осмеливались вступать в кавалерийские сражения, уклонялись от массовых конных схваток и в большинстве случаев предпочитали огневой и пеший бой. Австро-германская кавалерия практиковала конные атаки, но не в таких масштабах как русская.

В то же время история Первой мировой войны на Русском фронте изобилует массовыми конными атаками русской кавалерии, причем не только на конницу, но и на пехоту, пулеметы, артиллерию и даже на укрепленные позиции противника. Многие из таких атак имели тактическое и оперативное, а некоторые – и стратегическое значение.

Самокатные части

Самокатные (велосипедные) части – мобильные подразделения, тактически гораздо менее стесненные условиями местности (имея в виду наличие фуража), нежели кавалерия. Основное их тактическое свойство – подвижность, а основное боевое качество – стойкость. Работа во взаимодействии с конницей – основное значение. Они предназначены решать разведывательные задачи, действовать в авангарде, участвовать в ночных атаках. Самокатные части решали следующие тактические задачи: 1) обход или охват фланга противника с целью окружения и уничтожения отдельных его частей и подразделений; 2) развитие прорыва и преследования с выходом на пути отхода противника; 3) захват и удержание отдельных пунктов, высот, переправ, узлов, дорог впереди своей пехоты; 4) уничтожение в тылу противника линий связи, штабов, мелких войсковых групп, мостов, складов, аэродромов; 5) разведка впереди и на флангах пехоты; 6) прикрытие сосредоточения и развертывания своей пехоты; 7) активная оборона с маневром по фронту и в глубину; 8) охранение на походе; 9) прикрытие флангов, стыков и тыла; 10) прикрытие промежутков между соседними частями; 11) прикрытие отхода своих войск; 12) противодействие обходу и охвату флангов и быстрая ликвидация прорывов и обходов флангов; 13) поддержание связи; 14) выигрыш времени маневром по фронту и в глубину; 15) прикрытие обозов; 16) использование самокатных частей в виде мобильного резерва; 17) оборона важных преград (берега рек, озер, гати, мосты и т. д.).

Скорость движения самокатных частей достигала 12–15 км в час (на грязных дорогах, в песках, при крутых подъемах, при наличии снежного покрова более 10 см толщиной движение самокатчиков затрудняется, а иногда совершенно исключено). На сухих, но плохих дорогах самокатчики могли двигаться со скоростью 8 км в час. Дозоры и отдельные самокатчики на коротких дистанциях

были в состоянии развивать скорость до 20 км в час. За 4 часа движения самокатчиков можно перебросить на расстояние 50–60 км, а в сутки при нормальном движении они могли пройти до 80 км, а при форсированном движении – до 120 км.

Самокатные части вели бой как обычная пехота, с той разницей, что ударная группа или резерв могли действовать, используя свою подвижность. Основная особенность действия самокатных частей – стремление сковать противника минимумом сил и маневрировать основными силами и средствами с целью нанести противнику как можно больше потерь. Слабое место самокатных частей – необходимость оставления велосипедов перед боем на дороге и необходимость быстрой их подачи бойцам, когда этого требует обстановка.

Дистанции между взводами – 50—100 м, между ротами – от 300 до 500 м, а длина колонны батальона в строю «по одному» с дистанциями между взводами и ротами – от 3 до 3,5–4 км. Развертывание такой колонны в сторону движения на скорости в 12 км в час занимало 15–20 минут, а в сторону фланга – несколько минут. При движении «по два» длина колонны уменьшалась до 2,25—2,5 км и развертывание ускорялось на 5–6 минут. Марши самокатчиков осложнялись невозможностью при движении без дорог иметь подвижное боковое охранение (только параллельные пути, возможность движения по целине и высылка вперед на боковые дороги неподвижного охранения обеспечивали фланги).

В вопросе формирования самокатных частей русская армия во время мировой войны догнала своих противников. Формирование намеченных сорока самокатных рот приостановилось в марте 1917 г. на 32-й роте. Роты 33–36 после расформирования были обращены на пополнение действующих рот. Позже, летом 1917 г., роты были сведены в батальоны.

Боевое применение сформированные части нашли в виде отдельных рот и батальонов. Самокатные части

доказали свою жизненность и возможность применения в различных условиях и обстановке.

На вооружение русских самокатных частей вначале был принят велосипед системы «Жерара» – складной французский велосипед образца девяностых годов, популярный в свое время. Он оказался совершенно устаревшим и был заменен русским складным велосипедом образца 1916 г. заводов Дунга и Лейтнера – одним из лучших в своем классе.

В августе 1915 г. 3-я самокатная рота прикрывала отходящие из Вильно в Молодечно и далее в Минск пехотные части. Отступающие проходили в среднем до 40 верст в сутки – и то с большим трудом, вследствие плохого состояния дорог и дождливой погоды. Расстояние в 175 верст от Вильно до Минска было преодолено в 4 дня. Влияние погоды и состояние дорог серьезно сказались на скорости движения, составившей 5–8 верст в час. Попав в районе ст. Листопады в непролазную грязь, самокатчики решили взять велосипеды за плечо и двигаться по-пехотному, но от этого после 2-часовой пробы пришлось отказаться, т. к. этот способ замедлил скорость движения до 5-ти верст (а при следовании по плохой дороге пешком и ведя самокат рукой – до 3-х верст).

В течение 3 месяцев рота на участке Минск – Заскевичи выполняла функции летучей почты и была отмечена штабом армии в приказе. Посты самокатчиков были расставлены на 10–12 верст один от другого, средняя скорость достигала 12–16 верст в час.

Весной 1916 г. рота была придана 3-й кавалерийской дивизии. Дивизия действовала в районе Пинска, где было мало хороших дорог, а имеющиеся были болотисты или покрыты сыпучим песком, что не позволяло быстро передвигаться. Самокатчики использовались для связи, охраны штаба дивизии и как дивизионный резерв.

После вступления в войну Румынии 3-я самокатная рота была переброшена на Румынский фронт, где участвовала в ряде арьергардных боев 3-й кавалерийской дивизии 47-го армейского корпуса. В бою у м. Тараверды (северо-

западнее г. Меджидие), где рота, заняв ряд высот и долину, единственный путь для отхода кавдивизии, которая была обойдена болгарами, задержала последних и прикрыла отход конницы, чем спасла левый фланг 47-го корпуса от окружения. На Румынском фронте самокатные части могли быть использованы по прямому назначению благодаря наличию неплохих дорог – скорость движения достигала 10–17 верст в час. Рота была использована в боях в Буковине, где, выдвигаясь вперед, она захватывала рубежи и, пользуясь своей стойкостью в огневом отношении (в составе роты 252 стрелка, 4 пулемета на мотоциклах и 120 патронов на стрелка), удерживала их до подхода пехоты.

В Луцкой операции 1916 г. отличилась 20-я самокатная рота, действовавшая в составе 12-й кавалерийской дивизии. Она провела ряд боев, в одном из которых, в ходе контратаки потеряла половину своего состава. Действия роты были отмечены особым приказом по дивизии.

Операции 3-го и 5-го кавалерийских корпусов в 1916 г. в Буковине, Румынии, Галиции и на границах Венгрии успешно сопровождалась действиями 9-й, 20-й, 21-й и 27-й самокатных рот, длительный период являвшихся неотъемлемой частью этих соединений. Имелись самокатные части также в 1-м (1-я и 2-я самокатные роты) и 2-м (8-я самокатная рота) кавалерийских корпусах и некоторых кавалерийских дивизиях, но, к сожалению, не везде они применялись по прямому назначению.

Яркой иллюстрацией лучших боевых качеств русских самокатных частей являются бои 3-го и 5-го самокатных батальонов с превосходящими силами германской пехоты 9 июля 1917 г. в районе дер. Маловоды и на переправах.

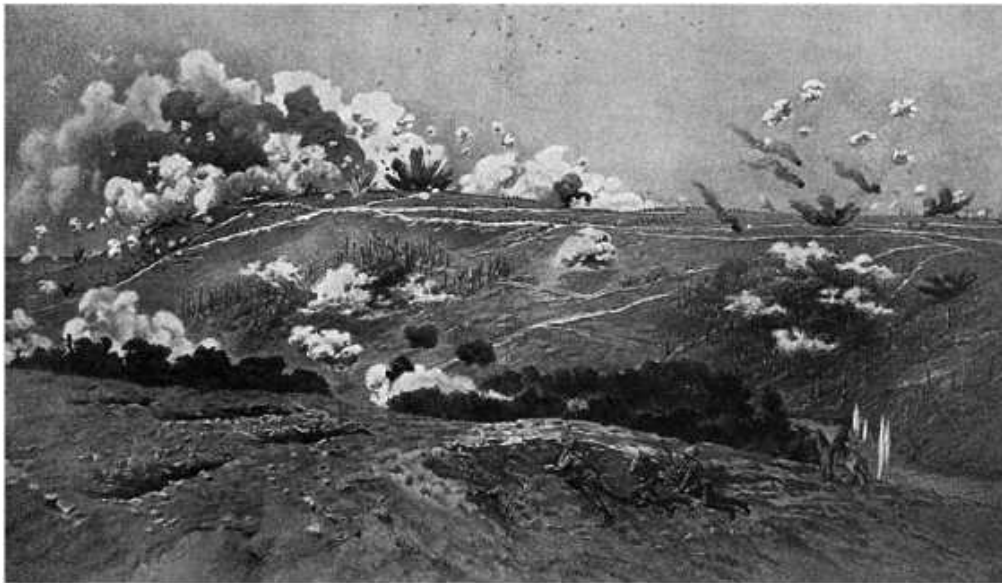
Эти бои велись батальонами на различных направлениях, на наиболее угрожаемых участках, без поддержки артиллерии и при отсутствии соседей справа и слева, а также под угрозой обходов и выхода противника в тыл. Тем не менее, действия самокатчиков дали ощутимые результаты.

В этот период, время разложения русской армии, пехотные части отступали, почти не оказывая сопротивления и оголяя фронт. В непосредственном распоряжении начальника 11-й кавалерийской дивизии 9 июля сосредоточиваются 3-й и 5-й самокатные батальоны, 20-я и 27-я самокатные роты и 11-й конно-артиллерийский дивизион.

Брошенный правее дер. Маловоды на угрожаемый участок, 3-й самокатный батальон отбрасывает наступающий германский 114-й пехотный полк, занимает переправы и ведет бой до темноты.

Брошенный на другой угрожаемый участок, 5-й самокатный батальон 3-х ротного, крайне неполного состава, на окраине дер. Маловоды сталкивается с наступающим 143-м германским пехотным полком. Без выстрела, стремительной штыковой атакой батальон опрокидывает передовые цепи противника, а остальных гонит на протяжении 3-х верст и заканчивает уничтожение крупной боевой единицы врага до подхода германских резервов. Успеху начала атаки способствовала внезапность появления стремительно атакующего неустоленного русского батальона. Самокатчики успевают настигнуть большинство бегущих германцев, вернуться к своим велосипедам и также быстро отойти. Применяв тактические свойства как скрытность и внезапность, а также физические данные самокатчиков, способных пробежать значительное расстояние, работая штыком, батальон опрокинул полк противника.

Не меньшим упорством отличались бои 20-й и 27-й самокатных рот 6 июля под дер. Потоки и 8 июля на участке Щетов – Выбудув.

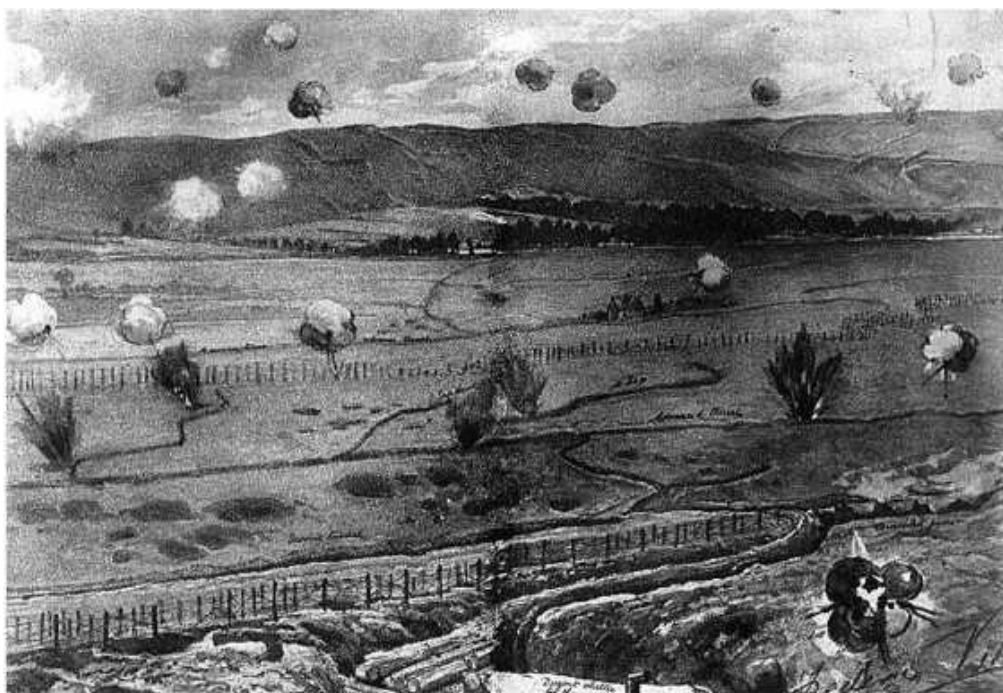
Артиллерийская подготовка. Илл. из: Великая война в образах и картинах. Вып. 13. Изд. Маковского Д. Я. – М., 1917.

6 июля роты вели крайне упорный бой под дер. Потоки. Отбив атаки австрийцев, переносом огня 7-ми пулеметов самокатчики содействовали контратаке стрелкового полка 11-й кавалерийской дивизии на занятый противником участок. Причем самокатные отделения и взводы действовали без связи, имея разрушенные окопы, местами сровненные с землей.

8 июля самокатные роты отбили атаку 88-го австрийского полка, взяв пленных. Роты действовали на фланге и в подчинении 7-го Финляндского стрелкового полка. Окопавшись, они вели бой до получения приказа об отходе. Получив приказ и не имея пути отхода, 27-я рота прорывает цепи обошедшего ее фланг германского полка, достигает своих велосипедов, потеряв половину личного состава и пулеметы. 20-я понесла меньшие потери, отходя в другом направлении. Роты полностью выполняют задачу и 9-го числа участвуют в операции под дер. Маловоды.

В ноябре 1916 г. эти роты в составе 11-й кавалерийской дивизии вели упорные бои на румыно-венгерской границе против баварской пехоты и самокатных частей противника. Самокатчики обеих сторон достигают

области выючных троп.

Ураганный огонь артиллерии. Илл. из: Великая борьба народов. Вып. 6. М., 1917.

Преимущества самокатных частей перед пехотой и даже конницей в условиях, благоприятных для самокатчиков, были огромны. Самокатные части подвижны, гибки, могут выиграть время и пространство, задержать противника или неожиданно его атаковать. Но действия самокатчиков могут быть внезапными при наличии хороших дорог в сухое время года. Ночью они двигаются достаточно быстро и главное бесшумно. Самокатные части всегда готовы к движению, и могут очень близко подойти к противнику. Самокатные части могут быть использованы в бою целиком — т. к. велосипеды можно оставить под охраной 1–2 человек, тогда как конница, если дерется в пешем строю, должна оставлять большое количество коноводов. Быстрая боевая готовность, немедленный переход в боевой порядок и простота ремонта велосипедов делают самокатные части очень гибкими. Самокатные части в сухую погоду могут двигаться даже по тропинкам,

межам, бороздам, а при твердом и ровном грунте (в степях) – даже по целине.

Маневренная война – выезд батареи на позицию и открытие огня. Илл.: Великая война в образах и картинах. Вып. 1. – М., 1914.

Действия самокатных рот в составе 3-го и 5-го кавалерийских корпусов на границах Венгрии доказали, что самокатчики свободно достигали районов вьючных троп, переходя через горные ручьи со сложенными самокатами.

Но основное преимущество самокатчиков – скорость движения и маневренность. И они наиболее четко реализуют принцип тактической внезапности. Они имеют возможность неожиданно появляться с разных направлений, при наличии хороших дорог в тылу своих войск самокатные части можно быстро перебрасывать с одного боевого участка на другой, от центра к флангу, с одного фланга на другой. Особенно ценны самокатчики при преследовании, при подвижной обороне, маневрировании войск, нанесении внезапных ударов.

Помимо чисто технических свойств, присущих самокатным частям, на качество отдельных частей в

большой степени влияла подготовка их личного состава в спортивном отношении. Спортивное начало в самокатных частях имело исключительное значение не только в физическом, но также и в психическом отношении, – влияя на значительное улучшение и чисто технических качеств самокатных частей.

Главные недостатки – отсутствие тяжелого вооружения и зависимость от хороших дорог. Недостатками также являлись: 1) большая зависимость от погодных условий; 2) необходимость преодолевать крутые подъемы пешком, ведя с собой велосипед; 3) необходимость вовремя подать самокаты бойцам, ушедшим вперед, ведя бой в пешем строю; 4) зависимость от ряда случайностей – например, когда направленная по проселочным дорогам в сухую погоду часть застигнута сильным дождем.

Артиллерия

В годы Первой мировой войны артиллерия становится «богом войны».

Артиллерия в огневом отношении сильнее пехоты, но менее устойчива в сражении, а фланги – ее слабое место.

Устав полевой службы так определял важнейшие задачи, стоявшие перед этим родом войск в бою: «...в начале столкновения с неприятелем [артиллерии] придется поддержать развертывание пехоты в боевой порядок...При наступлении артиллерия своим огнем должна прокладывать дорогу пехоте и для этого поражает те цели, которые препятствуют в достижении поставленных пехоте боевых задач. При этом артиллерия занимает позиции, с которых она могла бы обстреливать указанные цели действительным огнем»^[150].

Когда пехота атакует, артиллерия сосредотачивает огонь на атакуемых целях или на резервах. Показательно, что еще до войны в России появились уставные нормы, посвященные артиллерии непосредственной поддержки пехоты: «Батареи, особо назначенные, должны выдвинуться к атакующим войскам на ближайшие к противнику дистанции, чтобы поддержать атаку пехоты, помочь ей утвердиться на занятом участке расположения противника и содействовать в преследовании опрокинутого неприятеля. Если после атаки пехоте пришлось бы отойти, артиллерия должна прикрыть своим огнем отступление пехоты и тем дать ей возможность устроиться, чтобы вновь перейти в наступление»^[151].

Характеризуя задачи артиллерии в бою, уставные нормы отмечали: «главное содействие артиллерии выражается: в противодействии приближению неприятеля; в обстреливании укрытых участков и мертвых пространств; при переходе своей пехоты в наступление в поддержании ее решительными действиями; при вынужденном отходе пехоты с занимаемой ею позиции,

артиллерия должна остановить развитие успеха противника, чтобы дать возможность своей пехоте устроиться для возобновления боя... Артиллерия, расстрелявшая свои снаряды, не должна покидать позиции»¹.

Предписывалось поддерживать самую тесную связь между пехотой и артиллерией. Легкая полевая артиллерия включается в боевые участки (предпочтительно – дивизионами) пехоты, т. к.: артиллерия может решительно воздействовать на исход сражения, если она с самого начала будет массированно введена в бой – чтобы достигнуть огневого перевеса над противником. Часть орудий остается в общем резерве. В некоторых случаях допускалось не распределять орудия по боевым участкам, а сосредотачивать на отдельных позициях – на т. и. артиллерийских участках.

Конная артиллерия должна занимать позиции преимущественно вне фланга атакующей конницы и возможно дальше впереди такого фланга. Если ушедшая вперед кавалерия закроет цель, конная артиллерия должна переключиться на резервы противника либо, сменив позицию, продолжить огонь по боевым порядкам противника, а в случае неудачи – прикрыть отступление своей конницы.

Мортирные дивизионы и тяжелая полевая артиллерия, входящие в состав армейского корпуса, также могли вводиться в состав боевых участков частей и соединений либо оставались в распоряжении корпусного командования. Главное требование при применении тяжелой артиллерии – массирование ее огня.

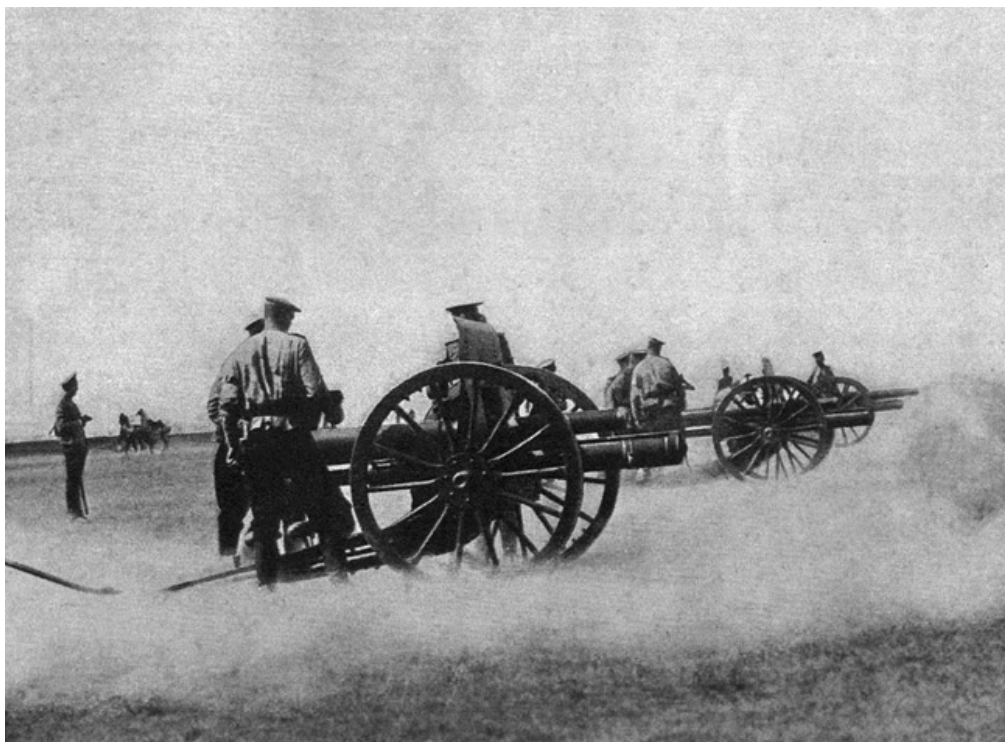
Уже в довоенных наставлениях указывалось, что в зависимости от обстановки, управление огнем всей артиллерии или артиллерии нескольких боевых участков может быть сосредоточено в руках «старшего артиллерийского начальника». Речь шла о введении института инспектора артиллерии, сосредотачивающего в своих руках руководство всеми артиллерийскими частями

на соответствующей позиции. К осмыслению данной ситуации союзники и противники России пришли позже.

Для лучшего поражения целей артиллерийскую группировку рекомендовалось размещать таким образом, чтобы иметь возможность обстреливать противника фланговым огнем.

Русская артиллерия, в отличие от ее противников, могла вести огонь с любых позиций – открытых, полужакрытых и закрытых. Уже первые бои в Галиции и Восточной Пруссии в 1914 г. продемонстрировали умение русских артиллеристов действовать с закрытых позиций. Артиллерийские дуэли батарей, открывавших огонь с открытых позиций, также выигрывались преимущественно русскими артиллеристами.

Так, очевидец писал: «видно было наступление частей 42-й дивизии и разрывы снарядов, как наших, так и неприятельских.... Очень скоро наши батареи сосредоточенным огнем заставили часть неприятельских батарей замолчать. Впоследствии, пленные австрийские офицеры рассказывали, что они были поражены точностью стрельбы русской батареи по их укрываемым батареям»^[152]. И такими характеристиками превосходства русских артиллеристов полны воспоминания не только русских, но и германских и австрийских фронтовиков.

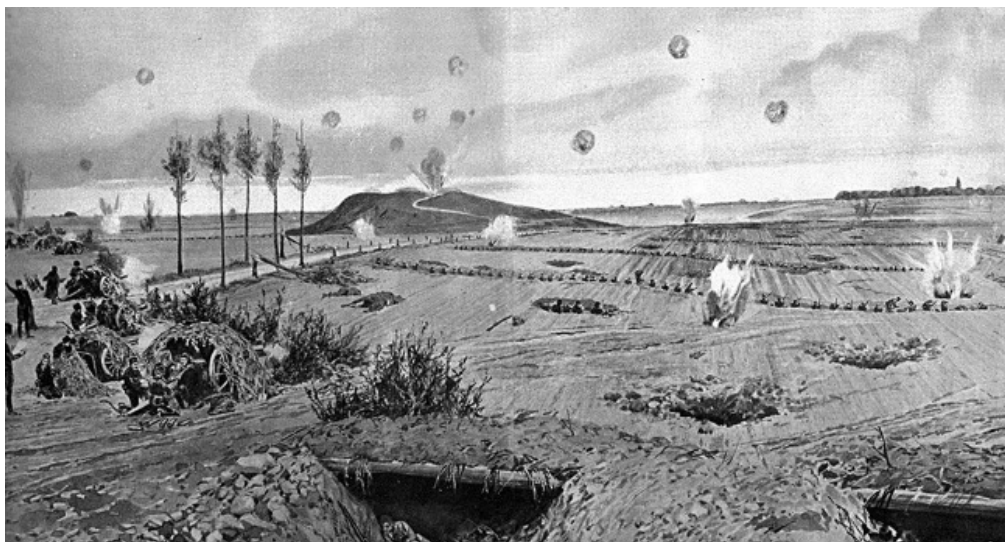
Маневренная война – полевая батарея в бою. Илл.: Великая война в образах и картинах. Вып. 1. – М., 1914.

Но основной целью артиллеристов в 1914 г. была пехота. Очевидец так описывал картину боя: «Всюду на

поле видна была работа нашей артиллерии....все видимые раны у австрийцев были исключительно от артиллерийского огня. Вот, по шоссе, ведущему на Перемышляны стоит ряд зарядных ящиков с убитыми запряжками. Против нашей 2-й батареи, шагах в 200, лежит целая цепь убитых, и многие принимали ее за живую»^[153].

В ходе Галицийской битвы русская артиллерия, в отличие от австрийской, деятельно помогала своей пехоте и часто являлась главнейшим фактором победы. Так, когда в полосе 47-й пехотной дивизии «с двух часов дня 13 августа начался ряд сильных неприятельских атак, направленных главным образом вдоль восточного левого участка позиции, занятого 185-м пехотным Карским полком... Наши... батареи «наносили австрийцам существенный ущерб, наваливая убитых и раненых и значительно замедляя наступление... наша пехота, поддержанная превосходной артиллерией, целые стога австрийцев наваливала»^[154].

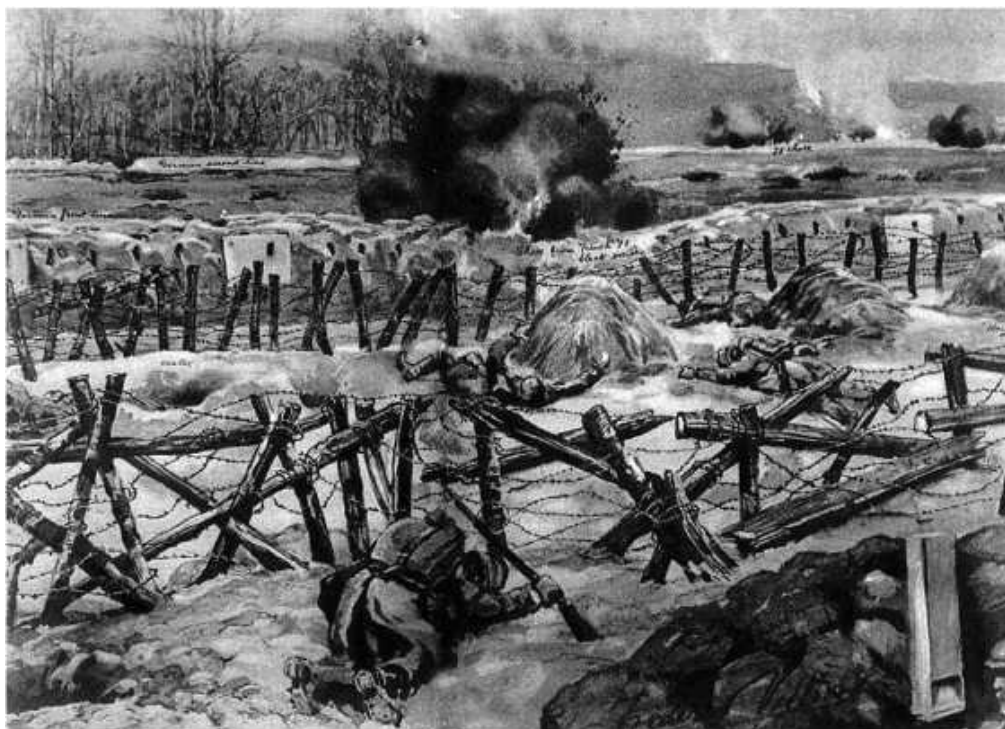
Участник боев в Восточной Пруссии вспоминал: «Батареи открыли огонь. Немецкая пехота все продвигалась к нам. То там, то здесь, между облачками разрывов шрапнели можно было видеть группы стрелков поднимающихся с земли и быстро бегущих вперед... немцы отбиты... Медленно тают еще клубы дыма от разрывов, постепенно очищая просветы между кустами. А там лежат тела убитых и копошатся, как черви, раненые. Сколько можно рассмотреть между кустами их много... Вся опушка леса завалена ранеными немцами, так на глаз их кажется человек 300–400. На самом шоссе собрана группа пленных; подсчитываю... – выходит от 600 до 700 человек...»^[155].

Картина современного боя. Илл. из: Великая война в образах и картинах. Вып. 3. Изд. Маковского Д. Я. – М., 1915.

Даже при сравнительно небольшом количестве артиллерии, которым располагала русская армия в 1914 г., ее мощи было достаточно для достижения победы. Так, количество огневых средств, которым русские располагали в сражении на Гнилой Липе в Галиции, не превышало 10–15 орудий, 12–16 пулеметов и 2000 винтовок на километр фронта. Но оно оказывалось достаточным для достижения огневого превосходства. Ведь один разрыв 3-дюймового снаряда накрывал по фронту площадь в 15 метров – регулярно выпуская 2 выстрела в минуту, полевая пушка была способна уничтожить все живое на поверхности земли на этом участке в ходе всего боя. Учитывая, что орудие давало 6 выстрелов в минуту, было очевидно что 18 орудий пехотной дивизии истребят все на площади до 1 километра. В сфере досягаемости полевых орудий все, что не скрывалось под землю или за складками местности, уничтожалось – даже окопавшиеся пулеметы приводились к молчанию. Достаточно вспомнить уничтожение германской 35-й пехотной дивизии огнем 27-й артиллерийской бригады под Гумбиненном, 87-й бригады 17-го армейского корпуса артиллерией 25-й пехотной дивизии у Соденена и т. и. Русская армия почувствовала, в свою очередь, на себе всю силу огня тяжелой артиллерии

немцев — можно вспомнить например, судьбу русской 24-й пехотной дивизии, расстрелянной артиллерией (30 орудий на километр фронта) германского 1-го армейского корпуса у Сольдау.

Реалии позиционной войны. Великая борьба народов. Вып. 6. — М., 1917.

Действие русской 3-дюймовой шрапнели по открыто расположенным или открыто двигающимся целям было ужасающим, не поддающимся описанию. Одна 8-орудийная легкая батарея могла в несколько минут буквально уничтожить целый батальон пехоты или полк кавалерии. Офицер-артиллерист передавал свои впечатления от увиденного им в мае 1915 г.: «Соединенные австро-германские силы ведут отчаянные атаки по всему фронту, особенно напирая на наши позиции у селения Радымно. Их пехота ложится рядами, как под острием косы, от огня нашей, сосредоточенной у Радымно артиллерии, она сплошным слоем стали покрывает все видимое пространство, срывая окопы, вмиг

изменяя, до неузнаваемости, всю находящуюся под огнем местность.

Столбы черного дыма все вырастают в количестве и, наконец, слившись, заволакивают совершенно видимый мир.

Словно черное покрывало накинута на наши позиции, в котором, яркими вспышками, как бы перекаются огни разрывов. Воздух дрожит от массы всевозможных звуков, слившихся в один непрерывный гул...»^[156].

Но полевая пушка была слаба при поражения закрытых целей. Полевая 76-мм пушка имела на вооружении, кроме шрапнели, и фугасную гранату. Люди, случайно попавшие в район действия гранаты, превращались буквально в решето, большинство жилых построек, не исключая каменные, пробивались 3-дюймовой гранатой, но она оказалась весьма слабой для разрушения земляных укрытий.

Причем и тяжелая 42-линейная (107-мм) пушка, значительно превосходя германские и австрийские аналоги по своей меткости, настильности траектории, дальноточности (10 верст шрапнелью и 12 верст гранатой) и поражаемой площади (на средних дистанциях в 4–5 верст – около версты в глубину) также была слаба в действиях против укрытий.

Здесь требовалась гаубичная артиллерия. Гаубица как раз и была предназначена для разрушения земляных и иных укрытий за счет сильного фугасного действия снаряда (бомбы). Гаубичная шрапнель применялась для поражения закрытых целей, занимающих более или менее широкий район. По дальности стрельбы (более 7 верст) бомбой или шрапнелью русская 48-линейная (122-мм) гаубица была наиболее дальноточной в своем классе, а по скорострельности уступала только французской.

Мортирные (гаубичные) батареи предписывалось применять по закрытым целям, по пехоте и артиллерии в окопах; по пехоте, занимающей населенные пункты и укрывшейся в лесу, по опорным пунктам.

Тяжелая полевая артиллерия применялась для разрушения прочных и особо прочных целей (укреплений, казематов и пр.), для поражения с дальнего расстояния войск, сосредоточенных на небольшом пространстве, а также войсковых колонн.

Представлялось целесообразным комбинированное применение легкой и тяжелой артиллерии.

В наступлении артиллерия сосредотачивает огонь как можно большего числа орудий по войскам и опорным пунктам противника на атакуемом участке, по резервам, ведет контрбатарейную борьбу.

В обороне артиллерия, действуя преимущественно с закрытых позиций, сосредотачивает огонь по важнейшим подступам к линии обороны своих войск, особое внимание уделяя укрытиям и мертвому пространству перед оборонительными рубежами.

В начале войны пехотные полки своей артиллерии не имели. На пехотную же дивизию приходилось 48 легких 76-мм скорострельных пушек и – ни одной гаубицы. Легкие полевые гаубицы имелись (в ограниченном количестве – 12 122-мм орудий) только в армейском корпусе. Тяжелой артиллерии к началу войны в русских дивизиях и корпусах не было совсем, а зенитные 76-мм орудия, смонтированные на автомобилях, исчислялись единицами.

Тем не менее, русские артиллеристы действовали эффективно, в т. ч. ведя контрбатарейную борьбу с превосходящим противником и прикрывая свою пехоту. Офицер-артиллерист так передавал свои впечатления от дуэли с германской батареей в ходе Варшавско-Ивангородской операции 1914 г.: «Тяжелая пушечная 4-орудийная батарея стояла на ровном месте, прикрываясь лишь редкими кустами и вела огонь по нашим пехотным окопам. Что это: наивность, полное непонимание основных начал артиллерийской тактики и боя или халатность?.. Минута затишья и германская батарея потонула в огне и дыме урагана рвущихся на ней снарядов. Внезапность огня... сделала свое дело:

германская тяжелая батарея перестала существовать... Когда, через несколько дней наша пехота перешла через

Вислу, то местные жители рассказывали, что германская батарея погибла целиком. Избитые осколками и прямыми попаданиями снарядов пушки германцы сначала бросили в небольшую, протекающую здесь, речку, но затем вытянули их оттуда и, погрузив на повозки, куда-то увезли. Мне же на память, была привезена, снятая с могилы, офицерская каска, скальп, содранный осколком снаряда с головы германского артиллериста и несколько открыток и писем, подобранных на бывшей позиции германской батареи»^[157].

А в бою у Баламутовки – Ржавенцев 1915 г. 6 и 7-я Донские казачьи батареи 26 апреля вступили в состязание с четырьмя австрийскими батареями (в том числе тяжелой) и заставили их замолчать. Артиллерия противника выдала свое расположение ясно обозначавшимися столбами пыли между д. д. Баламутовка и Дезус-Снуч. Причем на тяжелой батарее противника наблюдалось огромное облако пыли и дыма – был взорван зарядный ящик и испорчен прожектор, и батарея во время боя больше не стреляла.

Пока артиллерия противника могла организовывать огневую завесу впереди обороны своей пехоты, атаки русской пехоты были малоуспешны. Соответственно, перед русской артиллерией встала задача не только уничтожать пулеметы противника, но и подавлять огонь вражеских батарей. Так, на заключительном этапе Галицийской битвы находившийся в авангарде русский 27-й пехотный Витебский полк 7-й пехотной дивизии атаковал австрийцев, хорошо укрепившихся за ночь на позициях, прикрывавших подступы к Томашову. Австрийцы за центром своей оборонительной позиции расположили артиллерийскую батарею, которая своим огнем препятствовала продвижению русской пехоты. Тогда командир русского пехотного полка приказал поддерживающей его мортирной батарее подавить австрийскую артиллерию, что с успехом было выполнено. После этого 27-й пехотный полк выбил австрийцев с

занимаемой ими позиции и, неотступно преследуя их, первым ворвался в Томашов, куда вскоре вошли 28-й и 25-й пехотные полки 7-й пехотной дивизии.

Артиллеристы оказывали влияние и на исход целых боевых операций. Так, работа 2-го Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона в бою 27 августа 1914 г., когда наступавшая немецкая дивизия с более сильной артиллерией не только была остановлена метким огнем 3-х русских батарей (2 полевых и одна горная), но и заставила противника поверить в присутствие против крупных русских сил. Немецкая полевая артиллерия даже не могла открыть огонь в течение целого дня – настолько блестяще тактически и технически действовали батареи дивизиона. Результатом этого были незначительные потери русских стрелков, отход немецкой дивизии от г. Лыка и возможность быстрого отрыва от противника нашей стрелковой бригады и следующих сзади нее остальных частей 22-го армейского корпуса. Этот бой ослабил давление немцев на левый фланг 1-й армии и дал возможность частям 22-го корпуса сосредоточиться для выполнения дальнейших боевых задач.

Отлично действовали русские артиллеристы и в тактически тяжелых условиях. Так, способность даже тяжелой полевой артиллерии к быстрым передвижениям в условиях горной местности была проверена в феврале и марте 1915 г. в Карпатах (Вышков перевал, Волосяны, Лихоборы), когда в долину р. Свики, перевалив по шоссе ночью через Вышков перевал, прошла по ужаснейшим горным дорогам, лишь местами наспех подправленным деревянным настилом, тяжелая батарея 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

Недостаток в количестве стволов русские артиллеристы старались возмещать качеством и внедрением тактически прогрессивных методов использования орудий и скорострельностью. Так, батарея капитана Соколова из состава 1-й тяжелой (!) артиллерийской бригады в боях под Ангербургом давала – пушка до 9 выстрелов, а гаубица – до 4 выстрелов в минуту.

В русской армии ранее, чем в какой-либо другой армии-участнице Первой мировой дивизионную артиллерию (по

1— 2 батареи) стали подчинять пехотным полкам, что позволило поддерживать наступление каждого батальона огнем

2— 4-х 76-мм пушек. Улучшилось взаимодействие пехоты с артиллерией. На поле боя артиллерия стала проводником своей пехоты. Артиллерийская подготовка атаки стала проводиться систематически – без нее теперь не могла быть успешно проведена ни одна пехотная атака.

Русские артиллеристы внесли много нового в вопрос методологии использования артиллерии. Были разработаны различные схемы артиллерийского огня (огневой налет, огневая завеса, огневой прорыв), виды артиллерийской подготовки и формы огневого сопровождения пехоты (огневого вала). Для огневого вала артиллерия должна создать линию огня, перемещающуюся перед пехотой короткими скачками, применяясь к скорости ее движения. Пехота должна прижиматься к огневому валу как можно ближе – чтобы неприятельские пулеметы, ускользнувшие от огня артиллерии или уцелевшие в своих убежищах, не могли использовать промежутка между огневым валом и пехотой для возобновления своего огня. Но в условиях малого количества стволов и ограниченного объема боеприпасов следовало использовать имеющиеся средства как можно экономнее. Русская артиллерия распределялась по группам, каждая из которых решала свои задачи. Большое значение имела централизация артиллерии – формирование огневого кулака.

Так, в период артиллерийской подготовки в ходе наступления 1916 г. артиллерия использовалась централизованно в трех группах: 1) группа по пробитию проходов в проволочных заграждениях, 2) группа по разрушению укреплений и подавлению огневой системы обороны и 3) группа по борьбе с артиллерией противника. Артиллерийская атака делилась на 2 этапа. На первом из них задачей артиллерии было уничтожение проволочных

заграждений противника. Затем артиллерия, в том числе тяжелая, должна разрушить неприятельские укрепления первой и второй линий; главное внимание обращалось на уничтожение пулеметных гнезд. При этом вместо практиковавшегося ранее ураганного огня тяжелой артиллерии на протяжении 1–2 часов при побатарейной пристрелке предписывалось вести 15—20-минутный частый огонь из всех имевшихся орудий по данным пристрелки, произведенной отдельно для каждого ствола. Такой огонь давал гораздо лучшие результаты, чем при ураганном огне. Наконец, после того как пехота двинулась на штурм, тяжелая и мортирная артиллерия должны перенести огонь на места скопления резервов противника, на его укрепления, примыкающие с флангов к атакуемому участку, на третью линию обороны противника. Пушки, преимущественно 107-мм калибра, должны были начать контрбатарейную борьбу в случае недостижимости неприятельских орудий для легкой артиллерии. Тяжелую артиллерию размещали не далее 3–4 верст от передовых позиций врага.

Легкая артиллерия должна была вести огонь по атакуемым позициям врага до предельной дистанции. Когда атакующая пехота ворвется на вражескую позицию, то часть легкой артиллерии создаст для нее с фронта и флангов огневую завесу — в предвидении контратаки противника, и обеспечивает возможность закрепиться на захваченном участке, другая же часть легкой артиллерии действует против артиллерии противника. Если пехоте удастся овладеть первой и второй линиями неприятельских позиций, часть тяжелой и гаубичной артиллерии следовало как можно быстрее выдвигать вперед — чтобы начать подготовку к овладению более глубокими неприятельскими линиями обороны.

Фактически впервые в истории артиллерии был разработан метод прикрытия атакующей пехоты подвижным артиллерийским огнем валом.

Более того, после окончания артиллерийской подготовки часть легких батарей переподчинялась командирам пехотных полков и следовала за пехотой,

чтобы поддержать ее в глубине обороны противника. Это было новое слово в использовании артиллерии при прорыве позиционной обороны противника и обеспечило русской пехоте более высокие темпы наступления, чем в иностранных армиях. Располагать эти батареи следовало как можно ближе к противнику – не далее 2-х верст от его позиций. Причем наблюдатели от таких батарей должны были находиться при командирах передовых батальонов – чтобы обеспечить своевременную помощь артиллерии. Речь шла о поддержке артиллерией своей пехоты при ведении боя в глубине тактической обороны противника. На Французском фронте этот вопрос не был разрешен и привел к порочному методу «методического прогрызания» небольших по глубине участков обороны противника.

Наиболее трудным вопросом при организации прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. явилось массирование артиллерии на участках прорыва вследствие количественного недостатка артиллерии. Хотя русскому командованию удалось создать на участках прорыва полуторное превосходство в артиллерии над противником, все же плотность артиллерийского насыщения была исключительно низкой и в среднем не превышала 20–23 орудий на 1 км фронта (из них 6 орудий – тяжелых). В то же время на Французском фронте, где артиллерия перед наступлением должна была полностью разрушить все оборонительные сооружения противника, на узкий участок фронта стягивалось огромное количество артиллерии (до 100 орудий на 1 км фронта). Эта артиллерия в течение многих дней вела артиллерийскую подготовку по намеченному участку прорыва – и таким образом раскрывала его противнику. При подготовке же прорыва на Юго-Западном фронте русские артиллеристы разработали свой, более эффективный и экономный метод. Они отказались от сплошного уничтожения оборонительных сооружений противника, что вызывало огромный расход снарядов и требовало длительного времени. Вместо этого точечно поражались объекты, от которых зависела устойчивость обороны противника: огневые точки, наблюдательные пункты, артиллерия и искусственные препятствия. С этой целью и создавались

специальные артиллерийские группы, в каждой из которых между батареями распределялись цели.

Новые методы в использовании артиллерии для подготовки прорыва позволили резко сократить длительность артиллерийской подготовки с нескольких дней до нескольких часов.

Для организации прорыва глубокой и прочной обороны врага в период позиционной войны потребовались новые технические средства борьбы и новые организационные формы их применения. Вооружение русской артиллерии на дивизионном и корпусном уровне (легкие полевые 76-мм скорострельные пушки, легкие полевые 122-мм гаубицы и 107-мм тяжелые пушки) в этот период уже было недостаточным для подавления огневого сопротивления возросшей по мощности обороны противника. Возникла потребность в резком увеличении количества гаубичной и тяжелой артиллерии и в создании более легких артиллерийских средств борьбы, способных быстро маневрировать на поле боя вместе с боевыми порядками наступающей пехоты.

Именно в этот период траншейная артиллерия получила дальнейшее развитие. Она состояла из минометов, бомбометов и орудий «сопровождения» и ближайшей поддержки пехоты в бою (37-мм, 47-мм и 55-мм пушки). Орудия «сопровождения» отличались сравнительно небольшим весом, и поэтому могли продвигаться с пехотой и поддерживать ее на всех этапах боя. Минометы и бомбометы обладали большой огневой мощностью, навесной траекторией и способностью разрушать укрепления противника. Пехотным батальонам начали придавать команды из шести минометов или бомбометов.

Усиленный рост гаубичной артиллерии с навесной траекторией стрельбы был вызван главным образом тем, что в обороне стали применять все более и более прочные сооружения с крепким верхним дерево-земляным или бетонным перекрытием, против которого огонь пушечной артиллерии с настильной траекторией был малоэффективен. Не менее важное значение имело

увеличение количества и дальнбойности тяжелой артиллерии. Первой на путь организационного оформления артиллерии прорыва встала именно русская армия, приступив к формированию тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН). В 1916 г. был создан корпус ТАОН в составе шести артиллерийских бригад, отряда аэростатов и других технических и тыловых подразделений. К весне 1917 г. корпус ТАОН насчитывал 338 орудий разных систем, калибров и назначения – от 120-мм пушек до 305-мм гаубиц. Корпус блестяще себя зарекомендовал в ходе летнего наступления 1917 г.

Таким образом, в вопросе создания артиллерии прорыва, как и по ряду других важнейших вопросов использования артиллерии, Россия занимала ведущее место среди других участников войны. Русская артиллерия первая освоила метод стрельбы по исчисленным данным и уже 16 декабря 1916 г. блестяще применила его на практике – на одном из участков Северного фронта в районе Двинска. Группа тяжелых батарей 19-го армейского корпуса скрытно выдвинулась на огневые позиции к переднему краю русской обороны и внезапно, без предварительной пристрелки, наблюдения и корректирования, произвела успешный огневой налет по 7–8 объектам в районе станции Еловка. Объекты, разбросанные по фронту и в глубину на удалении 11–13 км от передовых русских позиций, были полностью разгромлены: были уничтожены или сильно повреждены: склад боеприпасов у мызы Лассен, аэродром, железнодорожная станция, электростанция, мост и железнодорожные пути, убиты и ранены 40 германских военнослужащих. Противник был вынужден снять и отправить в тыл аэродром, склады и др. объекты, что тактически ухудшило положение германских войск в данном районе.

Освоение нового метода стрельбы имело большое практическое значение. Стрельба по исчисленным данным обеспечивала внезапность действий артиллерии и сберегала ее от огня противника. Этот метод артиллеристы других стран начали осваивать только с конца 1917 г.

Русская артиллерия развилась как в качественном, так и в количественном отношении. Появились зенитные орудия, траншейная артиллерия, возросло количество гаубиц и тяжелой артиллерии, дальнобойность основных видов орудий повысилась в среднем на 15–30 %. К концу войны для прорыва сильно укрепленных позиций противника был создан корпус ТАОН – мощное огневое средство в руках главного командования. Была усовершенствована тактика всех видов артиллерийских средств.

Роль артиллерии в наступательном и оборонительном бою значительно возросла, и это вызвало повышение удельного веса артиллерии в составе вооруженных сил более чем в 1,5 раза.

Авиация

В начале войны боевые возможности авиации были существенно ограничены техническими возможностями самолетов и авиационного вооружения. В начале войны на Русском фронте авиация применялась преимущественно для разведки и корректировки артиллерийского огня.

Но уже Наставление 1916 г. выделяло следующие функции авиации: 1) воздушная разведка, наблюдение и фотографирование; 2) содействие артиллерии; 3) борьба с воздушным флотом противника; 4) боевые действия против наземных целей; 4) служба связи; 5) выполнение специальных поручений^[158].

Особенно большое влияние на исход наземных операций воздушная разведка оказала при подготовке к наступлению Юго-Западного фронта 1916 г.

Разведывательная авиация была в ходе него использована централизованно – это позволило впервые в истории авиации произвести аэрофотосъемку укрепленных позиций противника на протяжении нескольких сотен километров (причем на значительную глубину) и обеспечить войска фотопланами в масштабе 250 саженей в одном дюйме. Аэрофотоснимками позиций австро-германских войск был обеспечен офицерский состав наступающих частей и соединений – до командиров рот включительно.

В процессе наступления воздушная разведка обеспечивала наблюдение за полем боя, за маневрированием врага, а армейские авиационные отряды наблюдали за оперативным тылом противника. В частности, именно авиаразведка сообщила о готовящемся контрударе германских войск во фланг 8-й армии Юго-Западного фронта.

19 и 20 июля 1915 г. 31-м корпусным авиационным отрядом, нанесяшим первый штурмовой удар в истории русской авиации, было выпущено 3 тыс. патронов и

сброшено до 250-ти пудов бомб. Отряд решил задачи оперативной и стратегической и важности.

Во-первых, командование фронта, вовремя предупрежденное воздушной разведкой (причем результаты разведки были подтверждены фотоснимками) о движении ударной группы противника на фронте 3-й армии, имело возможность своевременно подтянуть армейские и фронтовые резервы. Во-вторых, 19–20 июля отряд содействовал войскам 3-й армии при нанесении контрудара по противнику, наступавшему у Влодавы. Атаковав с бреющего полета на переправах через р. Западный Буг германские войска, русские летчики нанесли им значительный материальный и моральный урон. Противник был вынужден прекратить форсирование реки и перейти к обороне.

Авиация поддерживала наступающие войска и в ходе наступления 1916 г., нанося бомбовые удары по огневым позициям артиллерии и резервам. Авиагруппы до 20-ти самолетов бомбили аэродромы противника на Луцком направлении.

В кампании 1916 г. для обеспечения господства в воздухе на важнейших боевых участках истребительные авиационные отряды, приданные армиям Юго-Западного фронта, были объединены и использовались массированно.

Армейские истребительные отряды обеспечивали деятельность разведчиков и корректировщиков и успешно боролись с германскими истребителями, которые, пользуясь своим превосходством в скорости, обычно спасались бегством от атак русских самолетов. Борьба за господство в воздухе на русско-германском фронте развернулась в полную силу весной 1916 г., но особенно обострилась летом.

Успешное наступление Юго-западного фронта заставило германское командование срочно перебросить на Русский фронт значительные авиационные силы. Германцы стремились захватить господство в воздухе – в частности, из-под Вердена в район Ковеля были

переброшены отборные истребительные подразделения, оснащенные новейшими быстроходными истребителями – и обстановка для русской авиации значительно усложнилась. Подавляющее численное превосходство авиации противника на этом операционном направлении позволило ему обеспечить действия своей корректировочной и разведывательной авиации, в то же время почти полностью парализовав действия русской авиации.

В июле – августе 1916 г. начали боевую работу 12 русских истребительных авиационных отрядов. Кроме того, русское командование образовало специальную истребительную авиационную группу фронта – 1-ю боевую истребительную авиагруппу (БАГ) в составе 2-го, 4-го и 19-го корпусных авиаотрядов. Были привлечены летчики, имевшие опыт борьбы с авиацией противника. Группе была поставлена боевая задача – завоевать господство в воздухе у Луцка. До середины августа ее пилоты провели 14 воздушных боев, в ходе которых (без потерь со своей стороны) сбили один и повредили несколько самолётов противника. 13 сентября 1916 г. 16 австрийских бипланов пытались прорваться к Луцку, но были встречены летчиками 1-й БАГ в составе восьми экипажей. После ожесточенного боя австрийцы, несмотря на двойное численное превосходство, были рассеяны и улетели за линию фронта.

Группа успешно справилась со своей задачей.

Инспектор авиации Юго-Западного фронта писал: «Лихие действия славной авиагруппы заставили противника забыть Луцк»^[159].

За сентябрь 1916 г. пилоты 1-й БАГ совершили 88 боевых вылетов общей продолжительностью более 150 часов, провели более сорока воздушных боев, в ходе которых сбили три и серьезно повредили еще несколько самолетов противника. Собственные потери составили один самолет.

Впервые было завоевано господство в воздухе путем массированного применения истребительной авиации на

важнейших участках фронта.

В ходе Моонзундской операции 1917 г. германская авиационная группировка (102 самолета) противостояла 36-ти русским самолетам. Действуя в тяжелой тактической, организационной и морально-психологической обстановке, русские летчики достойно противостояли сильнейшему врагу. В ходе этой операции русские войска потеряли 10 самолетов, а германские – 5. Но в то время как почти все русские самолеты попали в руки десанта противника или были уничтожены на земле, все германские машины были сбиты в воздушных боях.

Из средства разведки, которым авиация являлась в начале войны, она превратилась в самостоятельный род войск. Оснащение самолетов фотоаппаратами, пулеметами и приспособлениями для бомбометания вызвало появление различных видов авиации (разведывательной, истребительной и бомбардировочной). Хотя специального типа самолета-штурмовика в ходе войны в русской армии и не было создано, для штурмовых действий использовались уже существующие типы военных самолетов. Авиация сыграла большую роль в подготовке прорыва позиционной обороны противника, в корректировании стрельбы дальнобойной артиллерии и непосредственно в бою, сбрасывая бомбы на войска противника, его штабы и базы снабжения.

Развитие авиации повлекло за собой появление средств борьбы с ней (зенитная артиллерия), разработку методов стрельбы по летящим самолетам – из пулеметов и винтовок, создание службы ПВО.

Бронечастии

Из бронесредств в русской армии с успехом применялись бронеавтомобили (броневики). Уже к началу войны, учитывая большую скорость движения автомашины, была выдвинута идея использования ее в военном деле – для разведки, связи и внезапных нападений на тыловые части противника. Вооружение бронеавтомобиля пулеметом или небольшой пушкой сделало его новым боевым средством, отличающимся быстротой передвижения, эффективным пулеметным и артиллерийским огнем по открытым целям и повышенной боеготовностью.

Тактические свойства бронеавтомобиля, особенно значимые в период маневренной войны на широком фронте, определили его роль как вспомогательного средства, предназначенного наносить противнику неожиданные сильные удары. Слабыми сторонами бронеавтомобиля являлись зависимость от хороших грунтовых дорог и ограниченность радиуса действий.

Каждый бронеавтомобиль с приданными ему легковым автомобилем, грузовиком и мотоциклом составляли броневое отделение. Три боевых броневых отделения и одно запасное (как правило) объединялись в броневые (автопу-леметные) взвода. Последние придавались армейским корпусам. Броневые взвода могли объединяться в дивизионы или роты.

Для боевого использования броневой взвод выделял: 1) боевую часть, в которую входили только броневики и мотоциклы для разведки и связи; 2) резерв – легковые автомобили с запасом личного состава и боевых средств и 3) парк (грузовики).

Тактически бронеавтомобили считалось целесообразным применять в основном на дорогах и небольшими группами, т. к. их главное «преимущество – скорость хода».

Бронеавтомобили осуществляли разведку, действовали совместно с конницей, поддерживали огнем пехоту, совершали рейды и защищали фланги частей и соединений, применялись для захвата рубежей, удара во фланг и тыл, преследования противника. Бронечасть – это эффективный бронированный мобильный резерв в руках общевойскового командира.

Так, в ходе Лодзинской битвы активное участие в операциях Ловичского отряда приняли 8 бронеавтомобилей 1-й автопулеметной роты. 9 и 10 ноября 1914 г. 6 пулеметных броневики прорвались через г. Стрыков, занятый германскими войсками, в то время как 2 пушечных бронеавтомобилей артиллерийским огнем и маневром поддерживали наступление 9-го и 12-го Туркестанских стрелковых полков 3-й Туркестанской стрелковой бригады. Германцы, оказавшись в тисках двух бронегрупп, не только были выбиты из города, но и понесли очень тяжелые потери.

А 20 ноября 1-я автопулеметная рота встала в засаду вдоль дорог на Пабьяниц. И на рассвете 21 ноября пятью русскими бронеавтомобилями были уничтожены 2 полка германской пехоты, пытавшиеся начать окружение левого фланга 19-го армейского корпуса. В этом бою пушечный броневики роты уничтожил германскую батарею, выдвигавшуюся на позицию.

В Томашевской операции 1915 г. отличился 14-й автопулеметный взвод – одно из самых доблестных броневых подразделений русской армии. Ведя арьергардный бой, взвод действовал самостоятельно и инициативно, применив все необходимые тактические приемы – в частности, использовал отлично себя зарекомендовавшую тактику действий из засад.

В начале июля 1915 г. пушечное отделение 14-го автопулеметного взвода (броневики Гарфорд) находилось в районе г. Красностав.

Броневики были включены в состав Гвардейского корпуса 3-й армии Юго-Западного фронта, и был придан лейб-гвардии Измайловскому Его Величества полку 1-й

гвардейской пехотной дивизии. Когда к утру 5 июля немцы захватили Красностав, и в час дня, двигаясь из дер. Гуры, начали наступление, значительно превосходящими силами атакуя 3-й батальон Измайловского полка, броневик немедленно пошел в атаку.

Дойдя до передовых окопов измайловцев, он остановился и открыл огонь по цепям наступающей германской пехоты. И вражеская пехота подалась назад, в то время гвардейцы перешли в контратаку и отбросили противника в дер. Гуры. Несмотря на то, что бой продолжался лишь 15–20 минут, единственный бронеавтомобиль русского Гвардейского корпуса сыграл важную тактическую роль – он не только нейтрализовал атаку пехоты противника, но и отвлек на себя огонь германской артиллерии, ожидавшей появления и других русских бронированных машин.

После отхода русских войск на позиции к югу от посада Савин (шоссе Холм – Влодава) этот бронеавтомобиль вновь отличился в бою – у Лысой Горы. Он получил задачу продвинуться к деревне и обстрелять кавалерию противника. К 1 часу 23 июля броневик выдвинулся по шоссе и, заняв позицию напротив деревни, с дистанции 400–500 м открыл огонь. Расстреляв боекомплект, он спокойно ушел к своим.

Впоследствии разведкой было установлено, что под воздействием огня русского броневика неприятельская кавалерия кинулась из деревни назад – и наткнулась на свою пехоту. Германская пехота, приняв свою кавалерию за казаков, встретила ее огнем и загнала в болото.

В 1916 г. русские броневики в условиях позиционного фронта использовались для получения разведывательных данных об обороне противника. Так, на Юго-Западном фронте 9 января броневик подъехал к проволочным заграждениям противника в районе г. Бучач и, открыв огонь по вражеской заставе, обратил ее в бегство, а затем произвел разведку оборонительной позиции австрийцев. Броневики использовались и во время летнего наступления русских войск на Юго-Западном фронте,

содействуя пехоте в уничтожении отступавшего противника. Под Луцком на направлении главного удара действовало 3 автопулеметных взвода. В июле 1916 г. один из русских броневиков, настигнув бежавший германский батальон, почти полностью уничтожил его огнем из своих пулеметов.

Применялись русской армией и бронепоезда – прежде всего на галицийском фронте.

В конце 1915 г. на Русском фронте действовало 15 бронепоездов – 8 на Юго-Западном, 4 на Кавказском, по 1 на Северном и Западном фронтах и 1 в Финляндии (использовался для береговой обороны побережья).

Главное в тактике бронепоездов – активность действий как в обороне (усиливая боевые порядки войск), так и в наступлении (совершая рейды вглубь обороны противника). Например, бронепоезд 2-го Сибирского железнодорожного батальона № 3 в начале июня 1915 г. совершил дерзкий набег на позиции австрийцев под г. Красный, прорвав оборону противника и нанеся артиллерийский удар по их тылам.

Необходимо отметить, что русская тактическая мысль до войны совершенно правильно определила характер предстоящих боевых действий. Большое внимание обращалось на воспитание в войсках активности действий и на развитие у командиров отделений, взводов, рот и батальонов тактической инициативы. Командиры, в большинстве своем участники Русско-японской войны, получив на учениях возможность действовать по собственному усмотрению, руководствовались не только требованиями уставов, но и своим собственным боевым опытом. Устанавливалось непосредственное взаимодействие между пехотой и артиллерией путем совместных действий пехотных батальонов с артиллерийскими батареями. В итоге, русские войска отлично действовали в маневренной войне.

Но позиционные формы борьбы рассматривались лишь как результат специфических местных условий театра военных действий в Маньчжурии. В итоге, первоначально

русская армия действовала в период позиционной войны недостаточно эффективно. Иллюстрацией являются бои у Нарочи и Стрыпы. Но уже летняя кампания 1916 г. проиллюстрировала тактическое мастерство русских войск в позиционной войне.

Перед Первой мировой войной в русской армии много внимания было уделено улучшению обучения рот, батальонов и полков – по своим боевым качествам они оказались значительно сильнее подразделений союзников и противника. Несмотря на показную сторону ежегодных маневров, в войсках имелось стремление максимально приблизить их к условиям боевой обстановки. Это выгодно отличало маневры русской армии от маневров иностранных армий. Например, до войны одиночных перебежек, которые практиковались в русской армии под сильным огнем противника на открытой местности, французская пехота не применяла. Наступление французская пехота вела шаблонно, не меняя способа продвижения войск в зависимости от свойств местности и силы огня противника. В атаку французы шли сомкнутым строем пехоты с развернутым знаменем, под звуки шагающего вместе с атакующей пехотой оркестра. Германская пехота под «огнем» противника наступала в рост, без применения к местности, сомкнутыми шеренгами, без всяких интервалов между бойцами, выдерживая равнение по фронту.

Первая мировая война продемонстрировала невиданное развитие боевой техники. Огневая мощь пехоты выросла в 2,5–3 раза, число пулеметов в русской армии увеличилось в 2 раза, количество орудий легкой артиллерии – более чем в 2, тяжелой – более чем в 6 раз. Были созданы такие рода войск и средства борьбы, как авиация, бронесилы и военная химия.

В ходе войны произошли большие изменения в личном составе русской армии. Наиболее подготовленные кадры мирного времени вышли из строя еще в первый год войны. На смену им пришли пожилые люди и молодежь досрочных призывов, более слабые в физическом отношении и не имеющие боевого опыта.

Все это также оказало влияние на тактику русской армии в годы Первой мировой войны.

Большое развитие в ходе войны получили инженерные войска. Боевая практика вызвала к жизни новые виды инженерного обеспечения (инженерные плацдармы для наступающей пехоты, прочные убежища от артиллерийского огня в обороне, мощные искусственные препятствия, маскировка позиций и пр.).

В ходе войны с применением больших масс войск, оснащенных разнообразной боевой техникой, усложнилась организация боя и управление им. В начале войны подлинными организаторами боя были командиры полков, которые ставили задачи пехоте и артиллерии и организовывали между ними взаимодействие. Роль командиров дивизий ограничивалась постановкой задач командирам полков с предоставлением последним полной инициативы в организации и управлении боем. С переходом же к позиционным формам ведения боевых действий, с ростом глубины боевых порядков и развитием технических средств борьбы управление ими в бою уже вышло за рамки деятельности командиров полков, и боевая практика вызвала необходимость более жесткой централизации управления боем со стороны вышестоящего командования. К концу участия России в Первой мировой войне проблема прорыва позиционной обороны противника в русской армии были разрешены успешнее, чем в армиях противников и союзников.

Много нового в тактику русской армии внесли выдающиеся представители русского фронтового генералитета – П. А. Плеве, В. И. Ромейко-Гурко, Н. Н. Юденич, В. Е. Флуг, П. С. Балувев, Р. Д. Радко-Дмитриев, Ф. А. Келлер и др. Например, новаторство генерала от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко в сфере тактики проявилось в том, что он эффективно применял ложный артиллерийский огонь (сочетая перерывы и усиление интенсивности, такой огонь вводил противника в заблуждение относительно начала пехотной атаки, и держал его в постоянном напряжении), демонстративный артиллерийский огонь (указывал противнику ложное

направление пехотной атаки), метод сближения с противником крупными скачками, авиационную корректировку артиллерийского огня. Командующий 12-й армией Северного фронта генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев применил новый способ преодоления позиционного фронта противника. Он заключался во внезапной («без выстрела») атаке заранее разведанной неприятельской позиции. Этому содействовало сковывание неприятеля на других (пассивных) участках армии.

В целом, общая тактика русской армии и тактика ее родов войск находились на высоте предъявляемых боевыми условиями требований, по многим параметрам превосходя тактику армий союзников и противника. Это позволило русской армии успешно противостоять совокупной боевой мощи держав германского блока.

IV. Маневренные боевые действия на Русском фронте Первой мировой войны

Маневренные боевые действия – форма осуществления боевых действий, в основе которой лежит маневр любого уровня – тактический, оперативный либо стратегический. Специфику маневренной войне в большей степени придавал тактический маневр войсковых частей и соединений на поле боя.

Маневр – это организованное командованием передвижение войск для решения соответствующей боевой задачи. Цель маневра – поставить свои войска в наиболее благоприятное положение для уничтожения врага огнем и холодным оружием, а войска противника – в самое неблагоприятное для них положение. Большое значение имеют и передвижения, которые предотвращают тактически опасные действия противника. Внутренняя сила маневра скрывается в возможности истощить противника его собственными движениями без ущерба для своих сил, заставить его выявить слабые места (на которые можно оказать воздействие без чрезмерного напряжения своих ресурсов), использовать инерцию его ошибочных действий и движений.

Так, довоенные уставные требования русской армии указывали, что «Цель всякого маневрирования – поставить войска в наивыгоднейшее положение для действий против неприятеля, не обнаруживая по возможности своих передвижений и не подвергая войска напрасным потерям. Цель эта достигается соответственным направлением передвигаемых войск, быстротою и скрытностью передвижений, а также употреблением строя в зависимости от огня и от местности»^[160].

Маневр мог нацелить войска для фронтальной атаки, для удара во фланг и тыл противника. Главное условие успеха маневра виделось в точном соблюдении заданного

направления движения и грамотном изменении направления такого движения. Для этого предписывалось каждому боевому участку указывать точные ориентиры на местности, а само перемещение или изменение передвижения осуществлять последовательно, под прикрытием других частей, не ослабляя огневого воздействия по противнику.

Русские уставы предусматривали и механизм для предотвращения успешного маневрирования со стороны противника. Так, указывалось, что движения флангом к неприятелю необходимо всячески избегать, заменяя такие движения т. и. облическими – т. е. направленными из глубины боевого порядка. Также предписывалось при необходимости удлинять боевой порядок в сторону фланга, образовав новый боевой участок за счет общего или частного резерва. Продвижение боевого порядка в сторону фланга путем его удлинения необходимо сочетать с пропорциональным укорачиванием противоположного фланга. Если в боевом порядке произойдет разрыв, предписывалось сразу же его заполнить за счет ближайшего резерва.

Маневрирование войск происходит как во время боя, так и вне поля сражения, и дает успех лишь в том случае, если оно: 1) внезапно; 2) выводит сосредоточенные и превосходящие силы своих войск в наиболее слабое место противника или к важнейшему операционному пункту; 3) приводит войска к бою в полном боевом порядке.

Еще Наполеон Бонапарт отмечал, что самый эффективный маневр максимально прост в исполнении. Помимо простоты маневра, его эффективность зависит от скрытности, быстроты передвижений, хорошего применения к местности и выбора оптимальной формы боевого построения войск.

Сражение складывается из совокупности боев и маневров. По своей тактической сущности все маневры, применяемые в бою, предназначены для действий на фронт, фланги или тыл противника.

Во время Первой мировой войны существовали следующие виды боевого маневра: 1) наступление; 2) оборонительный маневр; 3) обходы и охваты; 4) борьба с обходами и охватами; 5) отход.

Наступление осуществляется на противника, находящегося перед собой. Достоинства этого маневра его в том, что: 1) это наиболее простой вид маневра, не требующий сложных передвижений; 2) наступление позволяет максимально быстро ввести в бой все имеющиеся силы; 3) позволяет легче организовать связь и взаимодействие войск.

Для успеха фронтального удара необходимо добиться огневого и (или) количественного превосходства над противником, а также наличие крупных сил для того, чтобы первый успех преобразовать в окончательную победу. Нормативы предусматривали, что следует так осуществить маневр, чтобы на направлении главного удара присутствовало тройное превосходство своих сил над противником. Вместе с тем успех может достигаться не только числом, но и качеством войск, их снаряжением, а также за счет квалификации командного состава, взаимодействия сил и средств, быстроты и настойчивости в бою. Существуют различные схемы наступательного боя. Например, 25-й армейский корпус в бою под Опатовом в мае 1915 г. атаковал противника одним флангом, придерживая его другим.

Без огневой подготовки возможны внезапные и ночные атаки. Темнота лишает противника возможности применить все свои ресурсы и технические средства ведения боя. В сочетании с внезапностью такой маневр приводит к необходимому тактическому результату. Особенно эффективны ночные бои на своей территории. Так, в августе 1915 г. у с. с. Пиотроково, Вышки (у г. Вельска) русские войска, ведя арьергардный бой, атаковали части германского 125-го пехотного полка. Германский фронтовик вспоминал: «...можно было различить в темноте, выше линии горизонта, широкую черную массу, которая бесшумно приближалась. Это был русский батальон, который, как и весь полк, получил

приказ задержать нас, чтобы таким образом обеспечить погрузку частей в близлежащем Вельске. Несмотря на сильный огонь, противник, без выстрела и без звука двигавшийся вперед сомкнутой массой с ружьями на руку, шел вперед до тех пор, пока не врезался в наши ряды... С жутким спокойствием мощно наступали атакующие, – и выполнили свою задачу, хотя и понеся тяжелые потери»^[161].

Главным условием успешного наступления является соблюдение принципа сосредоточения главных сил на решающих направлениях. Главным достоинством наступления является возможность диктовать противнику параметры операции – обороняющийся не знает, когда и в каком месте фронта его атакуют. Он должен быть готов везде встретить врага, и потому вынужден разбросать свои силы по всему фронту. Наступающий может атаковать любой пункт обороны противника и неожиданно для него сосредоточить превосходящие силы. А т. к. обороняющийся противник в маневренной войне занимает наскоро сооруженные окопы (без убежищ и проволочных заграждений), то он находится в очень неблагоприятном положении.

Наступление является эффективным маневром даже при сравнительно слабой подготовке поля боя.

Главным в наступлении является грамотное объединение управления огнем и движения вперед. Соответственно, основная задача заключается в том, чтобы достигнуть правильного сочетания огневой и ударной тактики. Важное значение имеет также правильный выбор пункта атаки – если до мировой войны таковым признавался боевой участок, имеющий для противника наибольшее значение (т. е. там, где он сильнее), то опыт войны показал, что врага надо бить там, где он слабее. Изменились и формы наступательного боя.

Характерным примером наступления русской армии в маневренный период войны является Галицийская битва, которая развернулась на фронте в 400 км и длилась 33 дня. В ходе этой битвы русские войска разгромили четыре

австро-венгерские армии, продвинулись вперед на 200 км и заняли Галицию. Австро-венгерские войска отступили за р. р. Сан и Дунаец к Кракову и в течение длительного времени не могли вести активных действий. Фронтальное наступление войск Юго-Западного фронта сочеталось с одновременными охватами и обходами флангов частей и подразделений противника. Когда наступление русской пехоты задерживалось пулеметным огнем австрийцев, на помощь приходила артиллерия. Выдвигаясь на открытые позиции, прямой наводкой она уничтожала огневые точки противника. Так, во время наступления севернее г. Томашова на 2-м этапе Галицийской битвы, южнее Тарнаватки упорно оборонялся австрийский батальон. У высоты 325,8 противник удачно расположил группу пулеметов, простреливавших продольным огнем все подступы к позиции – ее атака двумя русскими батальонами с ходу успеха не принесла. Две 76-мм пушки были выдвинуты на открытые позиции, и в несколько минут все австрийские пулеметы были уничтожены огнем прямой наводкой. После этого один русский батальон атаковал австрийцев с фронта, а другой, обойдя правый фланг расположения противника и выйдя в тыл, отрезал им путь отступления. В результате умелого сочетания наступления с фронта и обходного маневра батальон противника был разгромлен.

Зачастую оба противника идут навстречу друг другу – возникает т. и. встречное наступление. С точки зрения формы маневра – это разновидность наступательных действий. Встречное наступление включает в себя встречное движение (обеспечивает наиболее выгодное исходное положение) и встречный удар на избранном направлении.

Встречный бой может возникнуть и в процессе развития наступления при встрече с подходящими резервами противника, а также в ходе преследования, когда противник, пытаясь организованно отвести свои войска на новый оборонительный рубеж, из глубины обороны резервами наносит по преследующим его войскам контрудар.

Встречное сражение – одна из наиболее показательных форм маневренной войны. В ходе него между боевыми порядками войск возникают промежутки, способствующие применению маневра, – в т. ч. проникновению в них, выходу на фланги и тылы противника. Все эти условия, характерные для встречной операции, в значительной степени благоприятствуют действиям на неприятельских сообщениях.

Цель фронтального наступления во встречной операции – сковать противника по всему фронту, лишив его свободы маневрирования оперативными резервами. Особое значение имеют качественная разведка и действия подвижных сил и средств.

Первая мировая война началась встречным столкновением больших масс войск – ни в одной из войн прошлого не было такого количества встречных боев. Условия возникновения встречных боев были разнообразны, но характерной чертой большинства из них являлось то, что они представляли столкновение противников на марше в результате взаимного сближения. Стремление действовать только наступательно привело к тому, что войска сторон, направленные командованием навстречу друг другу, неизбежно вступали в многочисленные встречные бои, когда приходилось осуществлять атаку противника с хода – там, где произойдет встреча.

Эталоном встречного боя является Гумбинненское сражение 7 августа 1914 г. В ходе него особенно пострадали германские 1-й и 17-й армейские корпуса, потерявшие до 30 % своего боевого состава. В этом бою германцы имели некоторое преимущество в пехоте (1,3:1), полуторное превосходство по пулеметам и еще большее в артиллерии (1,7: 1). Поражение 17-му армейскому корпусу нанес русский 3-й армейский корпус. Чтобы упредить противника и захватить оптимальный рубеж для боя, командир 3-го армейского корпуса около 3-х часов 7 августа приказал начальнику 27-й пехотной дивизии выдвинуться вперед на 5 км. Цель марша – упредить

противника в захвате и удержании авангардом рубежа для развертывания.

Благодаря разведке уже в 5 часов 30 минут начальник русской 27-й пехотной дивизии имел первые сведения о начавшемся наступлении германской 36-й пехотной дивизии. Он решил, упредив противника в развертывании, сначала занять оборону и своими огневыми средствами нанести максимальные потери германской пехоте, а затем перейти в наступление и разгромить врага. Начальник германской 36-й пехотной дивизии не получил необходимых разведывательных сведений о русской 27-й пехотной дивизии, а отход русских рот он принял за отступление. Продвижение германцев осуществлялось в расчете на отсутствие серьезного сопротивления. Видя беспечность германского командования в организации наступления, командир русского 108-го пехотного полка, наблюдавший за движением противника, решил, подпустив германские части, подвергнуть их внезапному огневому поражению. Подпустив противника на 1,5 тыс. шагов, он в 7 часов приказал трем батареям, поддерживавшим полк, открыть огонь. В итоге германская пехота была вынуждена разворачиваться в боевой порядок под губительным огнем русской артиллерии. Германская артиллерия вела огонь по площадям и наносила меньший урон русским войскам, чем русская артиллерия германским. Германская пехота наступала густыми цепями, почти в сомкнутом шереножном строю, быстрым шагом, с соблюдением равнения по фронту, без применения к местности и без самоокапывания. Меткий огонь русских батарей заставил наступавших остановиться и залечь. Германцы попытались продвинуться вперед перебежками повзводно, но когда они приблизились к русским частям на расстояние 1 тыс. шагов, открыли огонь русские пулеметы и стрелки. Германские пехотинцы залегли в 700–800 шагах от передовых русских цепей и дальше продвинуться не смогли. Понеся большие потери, пехота противника бросилась назад.

Противник решил нанести удар севернее – силами полков 35-й пехотной дивизии. Атакуя аналогичным образом, германская пехота вновь была отброшена, понеся большие потери. Несмотря на то, что наличие хороших подступов к русской позиции (овраг) помогло противнику накопить пехоту для атаки, она была отбита русским 105-м пехотным полком, который, подпустив германцев к своим окопам, ударил в штыки. Германская пехота не выдержала русской контратаки и обратилась в бегство.

В 14 часов 50 минут начальник 36-й пехотной дивизии в третий и последний раз попытался сбить русских с занимаемой ими позиции, атаковав 108-й пехотный полк. Атака германцев была поддержана дивизионом артиллерии, который занял открытую позицию в 1,2 тыс. шагах от цепей 108-го пехотного полка. Но германский дивизион успел произвести только один пристрелочный выстрел – метким огнем русских батарей он был полностью уничтожен. Это настолько удручающе подействовало на пехоту противника, что она под губительным огнем русской артиллерии и пехоты бросилась назад, стремясь как можно скорее выйти из-под обстрела русских войск.

Успешно отразив три германские атаки и нанеся противнику крупные потери, 27-я пехотная дивизия перешла в наступление.

В результате этого встречного боя было убито до 2 тыс. германцев и взято в плен около 1 тыс. человек. 27-я пехотная дивизия захватила 12 орудий, 25 зарядных ящиков, 3 исправных и 10 разбитых пулеметов, около 20 повозок, свыше 2 тыс. винтовок. Русская пехотная дивизия, не имевшая тяжелой артиллерии, уступавшая в численном отношении германской пехотной дивизии, разбила ее во встречном бою. В тот же день также во встречных боях потерпели поражение и остальные дивизии корпусов германской 8-й армии.

Много разнообразных по форме и содержанию встречных боев произошло в маневренный период боевых действий и на русском Юго-Западном фронте. Часть из

них была проиграна вследствие неудачной организации марша, неумелого использования артиллерии, плохой организации разведки, охранения, связи и других причин. Так, в Красникском сражении в августе 1914 г. – встречной операции австрийской 1-й и русской 4-й армий – австрийцы, установив с помощью воздушной разведки уязвимость открытого правого фланга русских, направили на него свой главный УДар.

Для нанесения главного удара противник сосредоточил на 30 км фронте 5,5 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии (1-й и части 5-го армейских корпусов). Им противостояли 2,5 пехотных дивизии русского 14-го армейского корпуса. На остальном (40 км) фронте австрийской 1-й армии были сосредоточены остальные 4,5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии – они должны были сковать главные силы русской 4-й армии. В итоге, в 3-дневном бою под Красником (10–12 августа) три русских корпуса, вследствие отсутствия взаимодействия между ними, были последовательно разбиты австрийцами.

Группировка сил русской 5-й армии (действовавшей южнее), с которой она вступила во встречную Томашевскую операцию, характеризовалась растянутым 100-км фронтом пяти ее корпусов. Это равномерное и, соответственно, слабое распределение сил, а также двойственность задачи армии (одновременно помогать обоим соседям) быстро привели к кризису на обоих ее флангах. Отсутствие взаимодействия между соседними корпусами в начале сражения привели к тому, что русский 25-й армейский корпус, несмотря на то что 14 августа его 70-я пехотная дивизия разгромила австрийскую 45-ю пехотную дивизию, не смог развить успех из-за начавшегося отхода находящегося севернее Гренадерского корпуса. Это обнажило правый фланг 25-го корпуса и также повлекло за собой его отход. В свою очередь, отход 25-го корпуса увеличивал разрыв с его южным соседом – 19-м армейским корпусом – до 25 км. В итоге к вечеру второго дня операции корпуса 5-й армии были скованы боями в трех отдельных группах, изолированных друг от друга значительными свободными промежутками – на

переход и более. И лишь стойкость центрального (19-го армейского) корпуса и перегруппировка войск 5-й армии позволили постепенно стабилизировать ситуацию.

Обстоятельства, сложившиеся во встречном бою, могут вынудить временно перейти к обороне. Оборона с последующим переходом в наступление может принести победу. Ход Городокского сражения 1914 г. полностью подтвердил эту истину.

Боевая практика также подтвердила, что условия возникновения встречного боя могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, 24 октября 1914 г. на Северо-Западном фронте, вследствие неожиданно предпринятой противником контратаки, произошел встречный бой между наступающими русскими частями и отходящими германскими. А 10 ноября 1914 г., во время проведения Лодзинской операции, разгорелся встречный бой между 6-й Сибирской стрелковой дивизией, имевшей задачу завершить окружение германской группы генерала пехоты Р Шеффер-Бояделя в районе Брезины, и пехотой этой группы, пытавшейся прорваться из окружения.

В результате поражения противника в наступательном или встречном бою необходимо его преследование. Для окончательного разгрома неприятеля своевременный переход к преследованию и умелое его осуществление имеют очень большое значение. Еще А. В. Суворов говорил, что бегущего неприятеля уничтожает одно преследование.

В условиях маневренной войны, когда на главных боевых участках развиваются наступательные и встречные бои, на вспомогательном направлении нужно лишь временно удержать врага. С целью выиграть время и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление переходят к **обороне**.

Оборонительный маневр труден тем, что инициатива действий принадлежит противнику – он атакует там, где пожелает, имея возможность сосредоточить сильную группировку и более или менее внезапно нанести удар требуемой силы. Маневру наступающего обороняющийся

может противопоставить тщательно продуманную систему обороны – организация должна восполнить недостаток силы. Оборона дает возможность слабому усилиться за счет выгодных условий местности и заранее организованной системы огня. Но вместе с тем оборона, даже активная, слишком привязана к условиям местности, оборонительный маневр в значительной мере связан с определенной системой огня, а ограниченная подвижность обороняющегося обрекает его выдерживать подавляющий огонь наступающего.

На маневр – внезапное сосредоточение сил врага для атаки – оборона должна ответить также маневром – сосредоточением сил к точке удара.

Соответственно, при обороне в маневренной войне необходимо добиваться: 1) чтобы возможно меньшее количество войск и средств было прикреплено к соответствующей местности; 2) чтобы была возможна быстрая перегруппировка их к месту удара.

Сила обороны заключается не только в мощи огня, но и в эффективности контратак. Контрудар часто приносит победу. Наступающий противник несет более высокие потери, у него нарушаются связь с артиллерией и управление. В этой ситуации резервы обороняющегося, сосредоточенные в нужном пункте, могут решить участь сражения. В ситуации, когда оборона в маневренной войне носит очаговый характер – именно эффективность контрудара компенсировала отсутствие сплошной линии обороны.

В ноябре 1914 г. части русской 70-й пехотной дивизии занимали оборонительную позицию по р. Шреняве. В предыдущих боях дивизия понесла тяжелые потери (боевой состав рот уменьшился до 40 человек). Позиция была случайной и состояла из окопов в рост без каких-либо искусственных препятствий. Она пролегла по кряжу высот и находилась в сфере огня дальнобойных орудий фортов крепости Краков. Но на наиболее вероятных пунктах атаки противника, на обратных склонах высот, ночью было построено 3 кольцевых окопа (каждый на 30–

40 человек с 2-мя пулеметами). В маневренной войне и не требовалось наличие сплошной линии обороны – ее вполне компенсировала огневая связь между опорными пунктами и огневыми точками.

Русский фронтовик так вспоминал о развернувшемся бое: противник открыл «ружейный и пулеметный огонь, а на вершинах высот вскоре стали разрываться 10-дюймовые снаряды. На едва выпавшем за ночь снеге вскоре обозначились серо-синие волны атакующих тирольцев. Им быстро удалось прорвать наш фронт, но кольцевые окопы, на обратных скатах, откуда они были во фланг встречены огнем пулеметов, были для них полной неожиданностью. Тирольцы не отхлынули, но они начали прятаться в складках местности, их движение вперед задержалось и дало возможность нашей артиллерии взять их под обстрел, а нашим резервам начать контратаку. Отдельные смельчаки доходили до батарей (возле одной из батарей было около 70 трупов), но атака их захлебнулась. Более 3 тыс. телячьих ранцев, которые носили тирольцы, было подобрано на позиции; это превышало боевой состав нашей дивизии»^[162].

Различают следующие виды обороны в маневренной войне – временную оборону в преддверии применения другого маневра и продолжительную оборону, а также активную и пассивную оборону. Так, во время боев у Орехова в июле 1915 г. части 42-й пехотной дивизии отбили три упорных атаки австрийцев, резервы противника были израсходованы – но перейти в наступление для окончательного разгрома врага русские войска не сумели. Войска 25-го армейского корпуса в боях 1915 г. продемонстрировали образец маневра в условиях активной обороны. В мае под Опатовом ими был нанесен контрудар во фланг и тыл австрийского 10-го армейского корпуса. Трофеями боя стали 99 офицеров и 2853 солдата и 6 пулеметов противника. Русские части потеряли 20 офицеров и 977 солдат. В июне, когда части австрийского 10-го армейского прорвали фронт русского 15-го армейского корпуса у Красника и двинулись на Люблин, командир 25-го корпуса, дал австрийцам втянуться в

лесные дефиле, скрытно сосредоточив резервы в лесах Лоппеника и Лещины и, когда противник главными силами прошел на Вильколаз, нанес ему сильный фланговый контрудар. В результате удалось разгромить корпус противника, взять несколько тысяч пленных и богатые трофеи.

Для обороны в условиях маневренных боевых действий, когда нет сплошной оборонительной линии, важное значение имеет борьба на передовых позициях.

Особое значение имеет насыщение боевых порядков огневыми средствами и эшелонирование артиллерии в глубину. Германская оборонительная тактика даже ввела понятие «передовое поле». Для того, чтобы распылить усилия неприятельской артиллерии на большое пространство, частям, занимавшим передовое поле, было разрешено уклоняться от решительного боя. Но это принесло и значительный вред – войска постепенно приучались не выдерживать боевое напряжение, уклоняясь от боев даже тогда, когда это не диктовалось необходимостью.

Оборонительный маневр требует отличного тактического руководства со стороны командования и высоких боевых качеств войск. Так, уже на закате маневренной войны на Русском фронте, 166-й пехотный полк 42-й пехотной дивизии в октябре 1915 г. участвовал в контрударе дивизии. Полку, понесшему значительные потери и имевшему всего 7 пулеметов, было приказано занять высоты у с. Дарев и удерживать их до особого приказа. Оборонительная позиция представляла собой участок захваченной австрийской позиции, сильно изрытой окопами и наскоро приведенной в порядок. Местность, представлявшая собой несколько плоских высот, была крайне неудобна в случае вынужденного отхода – в тылу находилась мелкая, но болотистая р. Шара с совершенно открытой долиной. Учитывая общую обстановку, командир полка оттянул по одной роте с двумя пулеметами каждая на высоты южнее Шары. Эти пулеметы, игравшие роль второй линии обороны, сдерживали австро-германскую пехоту, которая, пользуясь

старыми окопами, врывалась на позиции полка. Полк удержался до темноты, когда получил приказ об отходе.

Охватом называется маневр, который выводит войска на фланг противника. Охватывающие войска должны сохранять огневую связь со своими частями, осуществляющими фронтальное наступление.

Обходом является маневр, выводящий войска на фланг или даже в тыл противника. Огневая связь со своими фронтально наступающими войсками утрачивается, но маневренная связь с ними сохраняется.

Уже довоенные уставные требования рекомендовали совмещать фронтальную атаку с охватом противника, «причем охватывающим частям выгодно предварительно выдвинуться уступом вперед, а затем переменить фронт в нужном направлении для обстрела и атаки неприятеля во фланг»^[163].

Обход противника должен осуществляться при достаточных для этого силах и (или) при благоприятной оперативно-тактической обстановке. При значительном превосходстве в силах считалось возможным обойти противника с обоих флангов – при удаче это могло привести к окружению неприятеля. Успех обхода обуславливается соблюдением следующих важных правил: надлежащим выбором направления движения, тщательным расчетом времени, быстротой и скрытностью передвижений, правильным ориентированием и поддержанием прочной связи между всеми войсками – участниками маневра.

Охват и обход имеют одну цель – атаковать противника на том фланге, где он наиболее слаб. Но охват производится меньшими по размеру войсковыми частями, которые сохраняют локтевую связь с войсками, действующими с фронта, в то время как в обход направляют более крупные группы войск, которые в большей степени могут не опасаться локального поражения, дальше отрываться от основной массы войск и глубже заходить в тыл врага.

Фланговый маневр дает следующие преимущества.

1) Наличие более предпочтительного боевого построения у своих войск, в то время как противник на охватываемом фронте сможет развернуть меньшие силы в менее благоприятной для себя обстановке.

2) На флангах легче достичь внезапности. Если фланговая атака неожиданна для противника, то его действия будут носить хаотичный характер, в боевых линиях неприятеля начинается тревога, опасение «что отрежут» – соответственно, сила сопротивления бойцов часто падает. Для достижения внезапности необходимо осуществлять маневр быстро и скрытно, применяя маскировку, ночные движения, создавая завесу от разведки неприятеля.

3) Выше скорость маневра.

4) Обход и охват могут привести к самому крупному успеху – окружению и полному уничтожению врага. Выдающийся полководец маршал Советского Союза И. С. Конев отмечал, что именно окружение есть «высшая форма оперативного искусства, его венец».

Недостатками фланговых маневров являются: большее время, необходимое для выполнения и большая сложность и риск при выполнении.

Преимущества, даваемые фланговым маневром, значительно превышают его недостатки.

Охват противника достигается как маневром частей, действующих в боевой линии, так и войск, выдвигающихся из резерва. Для качественного обходного маневра необходимо согласовать действия обходящих войск с действиями войск на фронте. Если противник связан боем на фронте, то он не может снять с него войска для того, чтобы остановить фланговый обход.

Рассчитать время наступления обходящих частей и согласовать его с фронтальным наступлением при условии тщательного учета сил и средств противника (в т. ч.

резервов) крайне важно – в этом ярко проявляется оперативно-тактическое искусство военачальника.

Успешность оперативного охвата зависит от многих условий, среди которых следует выделить два основных:

- 1) необходимая энергия фронтального наступления и
- 2) правильный состав (по количеству и качеству) охватывающей группы.

Так, обходной маневр 5-й армии, на 2-м этапе Галицийской битвы содействовавший операциям 4-й и 3-й армий, привел к тому, что австро-венгерское командование приняло решение о прекращении боев и об отходе за р. Сан. Обходной маневр командования русской 10-й армии силами двух корпусов позволил выиграть Первую Августовскую операцию 1914 г. В Лодзинской операции действие Ловичского отряда на фланг группировки противника сыграло важную роль в срыве германского охватывающего маневра.

Русская армия добилась окружения крупной группировки противника в оперативном масштабе – в ходе Лодзинской операции 1914 г. Группа армий П. А. Плеве (5-я и 2-я армии Северо-Западного фронта) совместно с Ловичским отрядом 1-й армии 9 ноября осуществила окружение ударной группы германской 9-й армии Р. фон Шеффер-Бояделя (1-й конный и 25-й резервный корпуса, 3-я гвардейская дивизия). Но Р. фон Шеффер-Боядель в ночном бою 11 ноября прорвал позиции 6-й Сибирской стрелковой дивизии и вышел к главным силам 9-й армии. И хотя при прорыве возникали тяжелые моменты (у Колюшек германцы внезапно были атакованы конницей, захватившей батарею, начальник дивизии был убит, его начальник штаба тяжело ранен, авангард разгромлен – сибиряки захватили около 500 пленных и 4 батареи) противнику удалось вырваться из окружения. Уничтожать крупные окруженные группировки противника русские войска еще не умели.

Несмотря на прорыв, операция по окружению группировки Р. фон Шеффер-Бояделя имела большое

оперативно-стратегическое значение. Вместо окружения русских войск под Лодзью германцам пришлось думать о спасении своих окруженных корпусов. Русские войска устроили «котел» для 2,5 германских корпусов (5 дивизий) и почти их уничтожили (группа потеряла 42 тыс. бойцов – в вышедших из окружения полках оставалось по 500 человек). Именно операция на окружение имела и важнейший союзнический эффект – она привела к переброске сразу 4-х германских корпусов на Русский фронт.

Окружение противника – наиболее сложный вид боя, когда войска должны вести наступление навстречу друг другу, поворачивать фронт на 45° и 90°, оставляя в тылу и на флангах заслоны, атаковать противника с тыла и во фланги, подвергаясь одновременно таким же атакам противника. Это апогей маневренной войны, требующей быстроты, решительности, инициативы, организации взаимодействия на ходу, сложного маневра, приводящего к бою с перевернутым фронтом, к «слоеному пирогу», когда впереди, сзади и на флангах могут быть как свои войска, так и войска противника.

Операция на охват и окружение – наиболее эффективная и многообещающая форма маневра. Неудивительно, что в армиях ключевых участников войны господствовали идеи охватывающего маневра и почти все операции маневренного периода войны были проникнуты идеей действий против флангов. Наступательные операции 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии в Восточной Пруссии в августе 1914 г. осуществлялись в форме охватывающего маневра. Широкий охват флангов был положен в замысел наступательных операций русской армии в Галиции. С формами охвата, обхода и концентрического наступления с целью окружения противника мы встречаемся в Лодзинской, в Сарыкамышской операциях, в операциях кампании 1915 г. До стабилизации фронта обе стороны стремились осуществить маневр охвата и окружения. Но маневр окружения не удался ни одной из них, за крайне редким исключением (поражение 2-й русской армии в августе

1914 г. и окружение 20-го корпуса в феврале 1915 г.). В некоторых случаях войска, совершавшие обход, сами попадали в тяжелое положение и терпели жестокое поражение, как это было с германской ударной группой генерала Шеффера фон Бояделя в Лодзинской операции и с турецкими войсками в Сарыкамышской операции.

Одной из ключевых причин причиной неудач операций на окружение в кампаниях 1914 и 1915 гг. было отсутствие мобильных сил, которые преодолевая сопротивление обороняющегося, позволили бы выполнить маневр окружения раньше, чем противник организует контрманевр. Единственным родом войск, обладающим оперативной подвижностью, была конница, которая не имела необходимого объема тяжелого вооружения и средств, отвечающих требованиям подобного рода маневра, была плохо подготовлена для его выполнения в широком размахе и оперативно неправильно использовалась.

Важнейшим маневром являлась ***борьба с обходами и охватами противника***. Любой военачальник обязан принимать меры к тому, чтобы обезопасить себя от охватов и обходов противника. Главными инструментами являются – особое внимание к флангам и оперирование достаточно сильными резервами. Для обнаружения обхода уставные документы русской армии предписывали тщательно наблюдать фланги. Противодействие охвату достигалось выдвижением войсковых частей из резерва, которые атакуют во фланг охватывающие части противника. Но «В крайнем случае, при отсутствии резерва, можно отозвать в уступ охватываемую часть, дабы из уступа иметь возможность взять во фланг охватывающего противника»^[164].

История мировой войны знала несколько случаев, когда противник добивался окружения русских войск в оперативном масштабе. В некоторых из них русские войска смогли противодействовать обходу и разжать кольцо окружения, в других – нет.

Образцами неудачного противодействия окружению являются.

1. «Самсоновская катастрофа». В период Восточно-Прусской операции 1914 г. в окружении оказались 2,5 корпуса – ударная группа 2-й армии Северо-Западного фронта. 2-я армия под командованием генерала от кавалерии А. В. Самсонова, слабо взаимодействуя с правофланговым соседом (1-й армией), к 10 августа полностью утратила с ним связь. Она оказалась разобщена на 3 боевые группы, растянутые на фронте до 100 км.

13 августа, воспользовавшись разрозненностью усилий русских армий и их проблемами со связью, германское командование, оставив заслон против остановившейся 1-й армии, все силы своей 8-й армии сосредоточило против русской 2-й, решив отбросить ее фланги и окружить центральные корпуса. Особое значение, как справедливо отмечалось в уставных документах, в этой ситуации приобрела борьба на флангах. 6-й армейский корпус потерпел поражение у Бишофсбурга, а 1-й армейский корпус – у г. Уздау. Контрудар последнего 14 августа против германских частей 5-й ландверной бригады и 2-й пехотной дивизии был успешен – войска противника были смяты и начали отход. Но на правом фланге 1-го армейского корпуса от имени его командира был распространен ложный приказ об отступлении.

Германцы смогли приступить к окружению центральной группировки 2-й армии в составе 13-го и 15-го армейских корпусов и 2-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса. В итоге, до 13-ти германских дивизий действовали против 5-ти русских, и, несмотря на то что центральная группа 2-й армии нанесла поражение германским 41-й пехотной дивизии и ландверной дивизии Гольца, ситуацию это изменить не могло. 16–18 августа окруженная группировка, после разрозненных попыток пробиться, погибла.

Опираясь на более подготовленную материальную базу и действуя по внутренним операционным линиям,

противник одержал успех в оперативно-тактическом масштабе.

Русское командование не смогло парировать обход противника и организовать помощь окруженной группировке. Управление войсками как в «котле», так и извне было организовано ненадлежащим образом. Фланговые корпуса 2-й армии могли прорваться к окруженной группировке, но действовали вяло. Но даже в этих условиях командир германского 1-го армейского корпуса для отражения деблокирующего удара русского 1-го армейского корпуса был вынужден ослабить кольцо окружения.

Тактика действий в окружении предусматривает либо стойкую оборону до момента подхода помощи извне или организацию прорыва. Ни то ни другое в должной мере осуществлено не было.

Но и действия противника в этой операции также зачастую были неудовлетворительны. Первый план окружения центральной группы корпусов 2-й армии провалился. Полковник Ф. Храмов утверждал, что «попытка Гинденбурга окружить русских в районе Гогенштейна потерпела крах по двум причинам. Во-первых, русские разгромили из состава группы Шольца две пехотные дивизии, чем и предотвратили намечавшееся окружение. 13-й корпус, отходя 28 августа (здесь и далее в цитате — нового стиля. — А.О.) из Алленштейна, фланговым ударом севернее Гогенштейна нанес крупное поражение дивизии Гольца. В тот же день 15-й корпус разгромил в районе Ваплица 41-ю пехотную дивизию и обратил ее в беспорядочный отход... Эта дивизия имела задачей закрыть отход русских от Гогенштейна на юг, чего она, по понятным причинам, не достигла. Во-вторых, 1-й резервный и 17-й германские корпуса не выполнили поставленных им задач на 28 августа... эти корпуса топтались на месте в районе Вартенбурга и не закрыли проходов в озерном районе на юго-восток от Гогенштейна»^[165].

Противнику пришлось трансформировать свой замысел, учитывая новые оперативные реалии, в результате чего окружение состоялось по иной схеме и в значительной мере случайно. Так, германский 17-й армейский корпус по техническим причинам не получил новой задачи (на 16 августа – развернуться против 1-й русской армии), продолжая выполнять прежнюю, в результате чего: «восполнил промах своего армейского командования. Если бы этот корпус, получив приказ, собрался восточнее Алленштейна, то окружения 13-го и 15-го корпусов, более чем вероятно, могло не быть. Поздно ночью на 29 августа (нового стиля. – А. О.) генерал Людендорф доложил главному командованию: «Сражение выиграно. Преследование завтра будет продолжаться. Окружение двух русских корпусов, вероятно, больше не удастся». Таким образом, германское командование на 29 августа, как видим, не задавалось целью окружить 13 и 15-й русские корпуса. Но отсутствие связи с 17-м армейским корпусом исправило ошибку командования армии и помогло германцам, окончательно потерявшим веру в свой замысел, осуществить окружение центра 2-й армии»^[166].

Очевидно, что на этом этапе операции окружение русских войск стало «приятной неожиданностью» для германского командования.

В ходе «самсоновской катастрофы» 16–18 августа окруженная группировка 2-й армии потеряла 50 тыс. человек (в т. ч. до 7 тыс. убитыми), нанеся урон германской 8-й армии в 10 тыс. бойцов. Вырваться из окружения удалось 15 тыс. солдат и офицеров.

2. Во Второй Августовской операции (Зимней битве в Мазурии) 1915 г. германцам удалось окружить один корпус – 20-й армейский из состава 10-й армии Северо-Западного фронта. Три германских корпуса отбросили правофланговый русский 3-й армейский корпус, выйдя во фланг и в тыл 10-й армии. В данной ситуации второе «противоядие» операции противника на окружение – резерв – помог бы стабилизировать ситуацию. Но в армейском резерве был лишь один батальон!

Германским армиям ставилась задача уничтожения русской 10-й армии – «путем одновременного сильного глубокого охвата ее с обоих флангов». Приняв единственно возможное решение на вывод армии из-под удара, командование 10-й армии не смогло достаточно эффективно и быстро реализовать этот маневр. В условиях зимней лесистой местности связь между корпусами русской армии была нарушена. В этой обстановке 20-й армейский корпус приказ об отходе получил лишь 1 февраля, когда основная часть армии уже отступила. В итоге корпус был окружен втрое превосходящими силами противника. Бои в окружении продолжались в течение недели.

Попытки двух русских корпусов пробить коридор навстречу отступавшим успехом не увенчались. Последнее обстоятельство участник боев командир 108-го пехотного полка В. Е. Белолипецкий обрисовывал следующим образом: «рано утром 21 (8) февраля [командующий] приказал... частям 2-го и 15-го корпусов выбить противника из м. Сопоцкин и Липск, а 26-му корпусу одновременно наступать из-за р. Бобр с юга на м. Липск «с целью выручить своих геройски продолжающих борьбу товарищей 20-го корпуса». Крепостной артиллерии было приказано открыть огонь... по расположению противника на путях наступления 2-го и 15-го корпусов... Все предприятие, однако, свелось к наступлению трех полков 15-го корпуса в направлении шоссе на м. Липск, правда, как раз в том направлении, в котором хотел пробиться 20-й корпус... Наступление русских скоро остановилось, а когда бригада 31-й дивизии (германской. – Л.О.) перешла в наступление во фланг русским со стороны д. Голынка, они поспешно отступили.... Точно так же легко было остановлено наступление русских и на прочих участках... результат выручки был бы совершенно другой, если бы она была сделана на сутки раньше, когда в 20-м корпусе так жадно прислушивались к выстрелам со стороны крепости Гродно»^[167].

Но благодаря стойкости 20-го корпуса попытка противника взять в клещи всю 10-ю армию провалилась –

он прикрыл отход остальных соединений армии, приняв на себя всю мощь ударной группы 2-х германских армий – 8-й и 10-й.

Слабое ориентирование в обстановке, злоупотребления ночными маршами и тяжелая местность не позволили русским частям пробиться из окружения. Авангард корпуса сделал все, что мог. Но командование корпуса энергичными действиями своего авангарда не воспользовалось. Не были использованы и успешные действия боковых авангардов. Попытки прорыва 6 и 8 февраля успехом не увенчались. [\[166\]](#)

Из 14-ти полков соединения из окружения удалось выйти лишь двум. 20-й армейский корпус потерял с 31 января по 8 февраля 34 тыс. человек (60 % потерь всей армии) и 146 орудий, но нанес значительные потери и противнику в нескольких тактически удачных боях.

3. Окружение 48-й пехотной дивизии 24-го армейского корпуса в Карпатах 21–24 апреля 1915 г. После Горлицкого прорыва австро-германские войска перешли в наступление на операционном направлении Перемышль— Львов – во фланг и тыл русским корпусам, находящимся на северном склоне главного Карпатского хребта (от Дуклы до Вышкова).

На специфику отхода русских войск большое влияние оказали условия войны в горах – особое значение приобрела борьба за горные проходы. Войска германского 10-го армейского корпуса, занявшие г. Змигрод, обходили с правого фланга 49-ю пехотную дивизию 24-го армейского корпуса. Коммуникации соединения (шоссе из Дуклы в Кросно) были под огнем артиллерии противника. Командование корпуса выпустило управление из своих рук – вместо того чтобы организовать отход корпуса и следить за его выполнением, оно предоставило это начальникам дивизий. Начальники дивизий не поддерживали связи друг с другом.

Командование 48-й пехотной дивизии, неправильно организовав отход, потеряло много времени. Спецификой окружения этого соединения было то, что дивизия попала

в окружение в обстановке отхода. В реализации окружения приняли участие правофланговый корпус германской 11-й армии и левофланговый корпус австрийской 3-й армии. Вместе с тем окружение противником 48-й пехотной дивизии тактически было неполным – полное окружение сложилось вследствие горных условий местности и благодаря недочетам в управлении этим соединением.

Мер к деблокаде дивизии принято не было ни стороны командования корпуса, ни со стороны соседа – 49-й пехотной дивизии. Тактически в основе действий 48-й пехотной дивизии, имевшей приказ об отходе, мог лежать только прорыв. В должной мере он также организован не был.

В итоге, вечером 23 апреля, близ д. Тилов, австрийцы захватили в плен около 8-ми тыс. человек. От 48-й пехотной дивизии сохранились 191-й пехотный Ларго-Кагульский полк, батальон 190-го Очаковского пехотного полка, некоторые тыловые части и 5 орудий.

Заметно, что оперативно-тактические масштабы окружений русских войск постепенно снижались (2,5 корпуса, корпус, дивизия), чтобы в дальнейшем сойти на нет. Русское командование научилось бороться с окружениями как в стратегическом (успешный отход из польского выступления летом 1915 г.), так и в оперативно-тактическом масштабах – особое внимание уделяя флангам и маневрированию резервами.

Присутствует и ряд примеров удачного противодействия русских войск операциям противника на окружение.

1. В Томашовском сражении 1914.

В результате поражения 4-й армии под Красником командование Юго-Западного фронта приказало 5-й армии сделать резкий поворот на запад для оказания помощи левому флангу своего соседа – 4-й армии. 5-я армия должна была выполнять 2 задачи, заставляющие ее направить свои корпуса веером – по двум расходящимся

направлениям: на запад (для помощи 4-й армии) и на юг (для обеспечения левого фланга 3-й армии).

В результате 5-я армия подошла к полю сражения двумя группами корпусов (25-й – 19-й и 5-й – 17-й) и растянутой по фронту, попав под фланговый удар наступающей с юга австрийской 4-й армии.

После поражения фланговых корпусов 5-я армия оказалось разобщенной на боевые группы, причем изолированный 19-й армейский корпус сражался с тремя корпусами противника, наступающими на него со всех направлений. В своих воспоминаниях командующий австрийской 4-й армией М. Ауффенберг писал, что «... командующий армией уже 25 августа (нового стиля. – А. О.) после полудня принял решение на широкий развернутый двойной охват противника, который предполагался к северу от Томашова. Этот охват впоследствии был проведен и едва не привел к Каннам»^[168]. Но командование 5-й армии устранило рассредоточение своих войск – левофланговый 17-й армейский корпус был подтянут ближе к 5-му (тем самым удалось создать единую группу из трех корпусов), а правофланговый 25-й армейский корпус действовал у Замостья.

Итогом этого стали отбитые 19-м русским армейским корпусом атаки 9-го и 6-го австро-венгерских армейских корпусов. Австрийская 15-я пехотная дивизия 6-го армейского корпуса, направленная в тыл 19-му корпусу, попала под фланговый удар русской 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса (в бою у Лашова ее потери убитыми и ранеными достигали несколько тысяч человек – в т. ч. 100 офицеров, 4 тыс. солдат попало в плен).

Но на флангах 5-й армии сохранялось тяжелое положение: 25-й армейский корпус был оторван от центральной группы корпусов (его отход на Красностав дал врагу возможность обходить его с севера), а 17-й, будучи 15-го августа атакован во фланг армейской группой эрцгерцога Иосифа Фердинанда, стремительно отступал.

К вечеру 15 августа 9,5 пехотным и 3 кавалерийским дивизиям 5-й армии противостояли 12 пехотных и 3 кавалерийских дивизии противника. Вырисовывалась катастрофа центральной группы корпусов русской армии (5-го и 19-го) по образцу «самсоновской» – ее фланги оголены (фланговые 25-й и 17-й корпуса отходят, потерпев поражение). Австрийский 2-й армейский корпус наступал с целью глубокого обхода правого фланга армии, в центре против пяти русских дивизий, 19-го, 5-го и 17-го армейских корпусов сгруппировалось 7,5 пехотных дивизий австрийских 9-го, 6-го и 17-го армейских корпусов, а на левом фланге также обходной маневр осуществляли 3 дивизии армейской группы эрцгерцога Иосифа Фердинанда. Наконец, еще восточнее наступали части австрийской 2-й кавалерийской дивизии.

К вечеру 17 августа положение 5-й армии казалось безнадежным: реализовывался замысел противника по окружению центральной группы корпусов 5-й армии, охваченной полукольцом на фронте 60–65 км – для того, чтобы замкнуть кольцо окружения, австрийцам требовалось преодолеть пространство немногим более одного перехода (а это усилия 1–2 дней).

Но 17 августа командующий 5-й армией генерал от кавалерии П. А. Плеве приказал 25-му армейскому корпусу перейти в наступление и овладеть г. Замостье (и этим облегчить положение соседнего 19-го армейского корпуса) и выбить противника из Красностава, а 19-му, 5-му и 17-му армейским корпусам – «ни шагу назад». В контратаках против австрийцев приняла участие и стоявшая в резерве конница.

Войска 19-го корпуса проявили большую боевую устойчивость, сковав 2,5 австрийских корпуса, и этим стабилизировав положение как на остальном фронте армии, так на своем левом фланге.

Но тактически группировка 5-й армии оставляла желать лучшего, а ее корпуса понесли большие потери (до 50–60 % боевого состава). В этих условиях командарм принял 18 августа решение на вывод армии из-под ударов

противника для перегруппировки и дальнейшего наступления.

Был осуществлен грамотный тактический маневр отхода под прикрытием артиллерийского огня арьергарда и конницы: армейская кавалерия (1-я и 5-я Донские казачьи дивизии) во взаимодействии с 25-м армейским корпусом отбросила австрийскую группировку к Замостью, тем самым ликвидировав угрозу окружения. Дивизии 2-го армейского корпуса противника отхлынули к Замостью, потеряв 10 орудий. Обходящие левый фланг 5-й армии силы противника также были отброшены – частями Сводной и 7-й кавалерийских дивизий.

5-я армия оторвалась от противника и на 3 перехода отошла на север, осуществив новую перегруппировку и вернув себе свободу маневра. Общие потери 5-й армии в ходе Томашевского сражения составили до 30 тыс. человек (в т. ч. 10 тыс. пленными), австрийские же войска потеряли 40 тыс. человек (в т. ч. 20 тыс. пленными).

Таким образом операция на окружение, проводившаяся австрийским командованием, превратилась в обычное оттеснение противника, причем результат не оправдывал понесенных потерь.

2. В Лодзинском сражении 1914 г. германская 9-я армия должна была нанести удар во фланг и тыл русским 2-й и 5-й армиям (в полосе между линиями железных дорог Лодзь – Лович и Торн – Лович) и добиться их окружения.

29—30 октября в ходе боя у Влоцлавска германцы отбросили части 5-го Сибирского армейского корпуса, нанеся после этого удар 20-м армейским и 25-м резервным корпусами в правый фланг русской 2-й армии – по войскам 2-го армейского корпуса. Последний после дня боев отошел на Кути о.

Прорвавшись на стыке между русскими 1-й и 2-й армиями, германцы начали окружение последней. В этой ситуации русская 5-я армия с фронта Пабиянице – Ласк левым флангом нанесла контрудар, остановив продвижение 2-х корпусов противника. Но на правом

фланге 2-й армии продолжала продвигаться ударная группа германской 9-й армии.

Тем не менее, именно действия частей 5-й армии и Ловичского отряда 1-й армии привели к тому, что противник не только не смог добиться окружения 2-й армии, к 9 ноября его ударная группа попала в окружение.

В Лодзинской операции отступление окружаемых русских войск имело бы самые неблагоприятные последствия – упорная оборона в сочетании с фланговым маневром явились действенными мерами противодействия операции на окружение со стороны противника: «5-я русская армия как железный клин врезалась между заходящими флангами немцев и не позволила им сомкнуться»^[169].

И немцы из окружающих сами оказались окруженными.

3. В Сарыкамышском сражении 9 декабря 1914 г. – 4 января 1915 г.

Войскам Кавказской армии в ходе этой операции удалось не только избежать окружения, но и разгромить турецкую 3-ю армию.

Спецификой этой операции было то, что противник пытался осуществить окружение посредством глубокого обхода лишь одного фланга Кавказской армии – на противоположном фланге полному окружению способствовали условия местности (труднодоступного горного театра военных действий). Причем Сарыкамышская операция началась в обстановке обороны русских войск и закончилась в условиях встречного сражения. Когда кольцо окружения было разжато изнутри, наиболее сильному разгрому подвергся обходящий фланг противника.

Турки потеряли до 90 тыс. человек (в т. ч. 3,5 тыс. пленными), русские потери – более 26 тыс. человек.

Ликвидация окружения и разгром окружающего в Сарыкамышской операции имели стратегические последствия. Победа привела к захвату стратегической

инициативы на Кавказском театре военных действий русской армией уже с начала 1915 г.

Лодзинское и Сарыкамышское сражения интересны тем, что в них сочетались маневр, направленный на борьбу с окружением и одновременно окружение обходящей группировки противника – достаточно редко встречающееся т. и. встречное окружение.

4. В бою под Сейнами в феврале 1915 г. 26-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса смогла предотвратить окружение, грамотно реализовав выход из боя и отход.

После оттеснения германцев от гродненской крепости 2-й армейский корпус 24 февраля 26-й пехотной дивизией занял Краснополь и Сейны, в то время как 43-я пехотная дивизия находилась южнее. Правее 26-й пехотной дивизии должен был наступать 3-й армейский корпус, но он был атакован на марше германцами и отступил к р. Неман. Разрыв между 2-м и 3-м армейскими корпусами все увеличивался.

25 февраля 2-му армейскому корпусу было приказано, вследствие отхода 3-го армейского корпуса, приостановить наступление и сосредоточиться в районе г. Сейны.

Командир корпуса приказал группе генерал-майора П. А. Тихановича (командующий 26-й пехотной дивизией; состав группы – 26-я пехотная дивизия, полк 43-й пехотной дивизии и два полка Отдельной пехотной бригады) наступать на Лоздзее.

Полки Отдельной пехотной бригады были отрезаны от 26-й пехотной дивизии. Части дивизии в условиях обхода войсками противника с севера, северо-востока, запада и северо-запада, отбивали его атаки и контратаковали. Отряд, усиливаемый частями 43-й пехотной дивизии, отходил к Сейнам. Под угрозой окружения начальник штаба 26-й пехотной дивизии, разгадав маневр противника, приказал саперной роте, скрытно выдвинувшись от Сейны на Зельва, починить разрушенные мосты, обеспечив дивизии возможность отхода. К 21 часу задача была выполнена. Штаб дивизии

составил график отхода, наметил маршруты движения и назначил ответственных лиц. 26 февраля, отбив наступление преследовавшего противника, корпус отошел к Сопочкину, готовясь со всей армией перейти в наступление.

В этой операции удалось предотвратить начавшееся окружение. Дивизия сражалась фронтом на запад, на север и на восток, но южное направление оставалось пока свободным. Когда разрушенные переправы заботами штаба дивизии были восстановлены, удалось заблаговременно организовать выход соединения из боя.

5. В бою у Хомска 22–23 августа 1915 г. 27-й пехотной дивизии 31-го армейского корпуса во время отхода от Кобина к Пинску.

На фронт обескровленных частей 27-й пехотной дивизии у Старомлыны-Хомска наступала бригада германской 1-й пехотной дивизии (1-й гренадерский и 41-й пехотный полки) с 12 тяжелыми орудиями и сильной легкой артиллерией.

С рассветом 22 августа германцы начали наступление, и к 16-ти часам два их батальона стали окапываться напротив д. Старомлыны и м. Хомск. Напротив левого фланга дивизии пехотные цепи немцев залегли в 2000–2500 шагов от русских окопов. Было очевидно, что противник решил охватить фланги 27-й дивизии.

Около 17-ти часов артиллерийский огонь противника перешел в ураганный, и германская пехота стала продвигаться вперед. Около 2-х батальонов противника переправились на северный берег р. Ясельды у д. Жабер – прикрывавшие это направление 2 русских эскадрона отошли.

Сильным огнем германской артиллерии русские окопы у д. Старомлыны и впереди Хомска были разрушены, а пехота германцев продвинулась на 600 шагов к русской позиции. Начальник правого боевого участка дивизии уже ввел в боевую линию 2 роты своего резерва – и в 20 часов,

не выдержав винтовочного и пулеметного огня русских, германцы поддались назад и начали окапываться.

С 6 часов утра 23 августа тяжелые батареи германцев стали громить правый фланг русской позиции, разрушая окопы 107-го пехотного полка, засыпая в них людей и пулеметы и зажигая окрестные деревни. Старомлыны, Хомск и Б. Заточье горели от снарядов. Роты несли большие потери. Маневрирование резервов затруднилось. Из состава одной роты 106-го пехотного полка, двинутой из участкового резерва на поддержку одной из рот 107-го полка, сразу выбыло из строя около одной трети убитыми и ранеными. В 10 часов по всему фронту 107-го полка противник перешел в наступление, направляя главный удар на д. Старомлыны и м. Хомск.

Несмотря на слабый артиллерийский огонь обороняющегося (батареи 27-й артиллерийской бригады за 2 дня боя выпустили всего по 14 снарядов на орудие), настойчивые атаки германцев к 14 часам были отбиты с громадным для них уроном – почти исключительно от винтовочного и пулеметного огня. Перед 5-й и 6-й ротами 107-го полка, занимавшими окопы впереди Хомска, германцы оставили груды трупов. На 6-ю роту они даже бросились в штыки – густой колонной. Из дивизионного резерва в распоряжение начальника правого боевого участка был передан батальон 106-го полка.

В то время как германцы старались сломить фланг дивизии, они повели решительное наступление и на стык 27-й и 75-й дивизий уд. Судки. Около 12 часов они выбили части 299-го пехотного полка из д. Салово и севернее ее, а затем охватили правофланговый батальон того же полка и заставили его отойти, д. Судки была взята германцами. Левофланговая рота, 105-го полка, занимавшая окопы севернее этой деревни, оказалась охваченной и почти окруженной – ей пришлось пробиваться с большими потерями.

Но в 17 часов части русских 298-го и 299-го пехотных полков контратакой выбили противника из д. Салово. А после артиллерийской подготовки резерв левого боевого

участка 27-й дивизии – три роты 105-го полка – вновь заняли окопы севернее д. Судки.

Вечером, после 19 часов, германцы возобновили ураганный огонь по правому флангу 27-й дивизии (д. Старомлыны), где находилась 3-я рота 107-го полка и 11-я рота 106-го полка. Огонь достиг невероятной силы – в минуту насчитывали до 30 разрывов, а 2 пулемета, бывшие при 3-й роте, были подбиты, окопы сровнены с землей, резерв подойти не мог, т. к. вся площадь засыпана снарядами.

Воспользовавшись наступившей темнотой и дождем, внезапно прекратив артогонь, германцы с 200 шагов бросились в атаку на эти две роты, в которых в общей сложности оставалось от 50 до 70 человек. Часть рот погибла в штыковой схватке, немногие бойцы успели отойти, а д. Старомлыны перешла в руки противника.

Оставшийся батальон дивизионного резерва был выдвинут на высоты между д. д. Бездеж и Заточье, уступом за угрожаемый – наружный – правый фланг, который уже был загнут фронтом на север и северо-запад. Около часу ночи на 24-е по телефону из штаба корпуса было приказано продолжать отход, начав его в 2 часа ночи.

В двухдневном бою у Хомска 27-я пехотная дивизия потеряла убитыми 102, ранеными 351, контуженными 71 и без вести пропавшими 58 – всего 582 человека. Ее частями были захвачены 1 пулемет, 1 пулеметная двуколка и 2 пленных. Германцы понесли большие потери убитыми и ранеными.

Несмотря на то, что позиция русской дивизии, принимая во внимание слабый состав ее полков, (в 105 и в 108-м полках было по 2 батальона, а в 106 и 107-м полках – по 3 потрепанных батальона), была сильно растянутой (достигала 11 верст) – противнику не удалось осуществить свой маневр.

Фланги 27-й дивизии казались охваченными, а германцы имели громадное превосходство в артиллерии и особенно в количестве снарядов – но несмотря на все

преимущества, атаки противника были отбиваемы (за исключением захвата деревень Старомлыны и Судки на флангах).

В этом бою русские практиковали различные способы противодействия охвату: во-первых – контратаки, во-вторых – загиб фланга (после захвата д. Старомлыны), в-третьих – удлинение фронта на угрожаемом (правом) фланге и в-четвертых – уступное расположение резерва. Если в этом бою наступающий проявил настойчивость, то обороняющийся продемонстрировал предельное упорство и, принимая необходимые меры на угрожаемых флангах, позиции своей не уступил, борясь с противником неравноценными боевыми средствами (артиллерия 27-й пехотной дивизии за 2 дня боя израсходовала всего 446 снарядов).

Успешно противостояли русские войска охватам и обходам и в массе эпизодов более мелкого тактического уровня.

На некоторых участках фронта бой может сложиться неудачно, либо выявится бесперспективность сражения. В этом случае командование может решить вывести войска из боя с тем, чтобы в перспективе вновь вернуть себе свободу действий. Такой выход из боя представляет собой особый маневр – ***преднамеренное отступление или отход***.

Маневренная война требует от войск умения маневрировать не только при успешном ходе операции, но и при неудачах. Маневры, которыми обычно пользовалась в подобных условиях русская армия, обычно сводились или к т. и. «латанию дыр», или к планомерному отходу. Вывести из боя можно сравнительно небольшую часть, но оторваться от противника целым фронтом – задача весьма трудная. Соответственно, применение такого маневра зависит как от величины войсковых соединений, так и от искусства командования. Но даже в преднамеренном отступлении присутствует активное начало – каждое ослабление противника, каждая его оплошность,

подставленный фланг, изолированная группировка должны использоваться для перехода в контрнаступление.

В ходе данного маневра осуществлялись: действия прикрывающих частей и марш отходящих частей. Если выбран маневр «отход перекатами», то последовательно все части на том или ином рубеже будут выполнять по очереди задачи прикрывающих частей. В ходе же маневров «ускользание» или «ускользание с перегруппировкой» организация марша отходящих частей требует не меньше внимания, чем обеспечение действий арьергардов.

Планомерный отход осуществляется поэтапно, в том числе в рамках реализации оперативно-стратегического планирования – как это, например, имело место в ходе борьбы с «Летними стратегическими Каннами» противника в 1915 г. Особое значение в данных условиях имеет маневрирование огневых средств. В ходе летней кампании 1915 г. в ситуации недостатка артиллерийских боеприпасов на пулеметные части легла основная тяжесть арьергардных боев. Русские пулеметчики искусно маневрировали, удачно выбирали огневые позиции и надолго задерживали войска противника.

Противнику не удалось выйти в тыл русским войскам и окружить их – они отошли на новые позиции, нанеся германо-австрийским армиям тяжелые потери. Германский план окружения и разгрома русских армий в 1915 г. провалился.

Разновидностью отхода являются т. и. отскоки или откаты, ставящие целью быстро оторваться от наседающего противника – для того чтобы осуществить перегруппировку либо создать устойчивую оборону на новых рубежах. Средняя глубина отскоков русской армии в годы мировой войны колебалась от 120 км (11-дневный откат 1-й армии Северо-Западного фронта из Восточной Пруссии 14–24 августа 1914 г.) до 200 км (22-дневный откат к Варшаве 14 сентября – 6 октября 1914 г.). В ходе отскоков преследующий изматывался настолько, что достичь достигнутый успех уже был не в состоянии – он

получал контрудар и вынуждался к отходу примерно на те же расстояния, которые были им выиграны.

Откат – маневр, характерный для противоборства массовых армий. Откаты являются следствием локальных поражений – эпизодов в борьбе таких армий. Но откаты, в зависимости от своих размеров, могут означать и катастрофу. По общему правилу, величина отката не зависит от степени полученного поражения. Она, как правило, не зависит и от стойкости отходящих войск – малостойкие войска оказались бы неспособными через несколько дней восстановить положение. Величина отката в большей степени зависит от выносливости преследующих частей и их маневроспособности, а также от протяжения фронта.

Отходящие части, закрепившись на новых рубежах и (или) получив свежие резервы, могут вновь перейти к активным действиям. Контрманевр в этом случае представлял собой введение в бой свежих частей на угрожаемом направлении. Контрманевром, построенным на идее быстрого создания нового фронта позади разгромленного боевого участка, возможно сократить откат до очень небольших размеров. Очень эффективным маневром является фланговый удар, наносимый в тот момент, когда преследующие части противника выдыхаются, подходя к пределу маневра преследования.

На ход маневренных боевых действий существенное влияние оказывают элементы маневра, их сочетание и особенности фронта, на котором осуществляется борьба.

Так, элементами любого маневра являются: а) маневр силами и средствами и б) маневр огнем. Первый представляет собой перемещение войсковых частей с целью создания наиболее целесообразной (применительно к сложившейся обстановке) группировки войск и занятия оптимального положения для нанесения сокрушительного удара противнику. Такой маневр осуществляется и для наращивания силы удара при наступлении или для усиления сопротивления перед наступающим противником на направлении его удара.

Маневр огнем заключался в сосредоточении (массировании) огня по важнейшим объектам или группировкам противника либо в распределении огня по нескольким целям для их последовательного или одновременного поражения. В рамках данного маневра осуществляются перемещения огневых средств на новые позиции.

Характерной чертой маневренных боевых действий, осуществляемых массовыми армиями, являются более или менее крупные разгромы больших войсковых соединений и объединений (корпусов, армий и фронтов). Несмотря на свои иногда даже катастрофические размеры, эти разгромы не влекут за собой ни решительного поражения, ни значимых побед на ТВД. Борьба после таких разгромов продолжается с тем же напряжением и упорством. Данные разгромы, как бы ни были они серьезны, являются лишь «частными эпизодами» соответствующей кампании. Достаточно вспомнить о тяжелом поражении русской 2-й армии в Восточной Пруссии в августе 1914 г., нескольких австрийских армий в Галиции в августе – сентябре 1914 г. и т. д. Эти разгромы не предопределили победы и поражения противоборствующих сторон.

Боевая действительность мировой войны продемонстрировала, что для решительной победы недостаточно на одном участке огромного фронта нанести поражение группировке противника. Разгромленный участок фронта будет восстановлен новой армией и новой материальной частью, после чего борьба начнется заново. Ход осенних операций 1914 г. в Восточной Пруссии является яркой иллюстрацией этому. Для действительного разгрома противника требуется сумма непрерывных и планомерных побед на всем фронте. Эти победы должны последовательно дополнять друг друга, иметь между собой связь во времени и, желательно, в пространстве. Только при помощи такой цепи побед можно рассчитывать сокрушить противника, не позволив ему использовать имеющиеся людские и материальные ресурсы для восстановления разгромленных боевых участков.

Восстановить же разгромленный боевой участок возможно с помощью тактики «латания дыр» – имеющий резервы достаточной силы сможет достаточно быстро нейтрализовать негативные последствия того или иного локального поражения.

Важнейшее влияние на маневрирование войск оказывает умение командования грамотно, быстро и эффективно осуществлять перегруппировки. Сосредоточение сил для нанесения удара, выбор его направления, придание этому удару наибольшей эффективности – во многом зависели от грамотной группировки войск.

Существуют 3 способа создания войсковых группировок: 1) формирование в момент осуществления операции; 2) концентрация сил путем переброски войск из тыла; 3) стихийная группировка, образующаяся вне воли командования – под давлением складывающейся обстановки.

Первый вид группировки наиболее труден – он образуется при планомерном развитии задуманной операции. Сущность такой группировки в том, что для каждого этапа операции осуществляется расчет необходимого количества сил и средств. При грамотном создании группировки такого типа реализуется принцип непрерывности операции – становится не нужна оперативная пауза для подготовки нового удара, и операция может развиваться как единый комплекс. К операциям такого типа относилась, например, Эрзерумская операция Кавказской армии.

Второй вид группировки особой сложности не представляет – но только если в наличии имеются необходимые силы и технические возможности для их переброски к необходимому времени. По такой схеме реализовывались операции русской армии в ходе осенней кампании 1914 г. – роль резервов выполнили подходившие корпуса 2-го эшелона, перебрасываемые из России.

Под стихийной группировкой понимается формирование войсковой массы под воздействием

неблагоприятного течения операции. Инициатива находится в руках противника, и формирование такой группировки зависит от находчивости и решимости командования. При группировках, складывающихся стихийно, должна присутствовать решимость видоизменять их путем вывода частей из боя с целью образования резервов. Резервы, формируемые из фронтовых и тыловых частей, могут позволить нарастить силы и осуществить перелом в ходе течения боевой операции. Иллюстрацией создания таких группировок является ряд операций кампании 1915 г.

Резкого улучшения в боевой обстановке в период маневренной войны можно достигнуть перегруппировкой сил. Это единственный эффективный маневр, к которому прибегают в неблагоприятной боевой обстановке. Характер перегруппировки и способ ее организации определяются оперативно-тактическими обстоятельствами.

Главная трудность перегруппировки заключается в сложности принятия решения, так как достаточно ясно, что при решении осуществить перегруппировку общая обстановка на фронте временно усугубится. Но без принятия такого решения дело обычно заканчивается поражением. Вывод нужной части из боя менее сложен, чем принятие соответствующего решения. Осуществляя перегруппировку и снимая войска с фронта, необходимо иметь план новой группировки и механизм ее применения.

Точно также как спянные предметы ломаются чаще всего в месте спая, так и военные структуры наиболее чувствительны к операциям на стыках. В то же время очевидно, что чем важнее операционное направление, идущее через стык, тем вероятнее на нем атака противника.

Именно поэтому особое значение в маневренной войне имеют разграничительные линии и действия на стыках частей, соединений и объединений. Участок разграничительной линии или района, где происходит взаимодействие соседних частей, получил наименование

стыка. Без разграничительных линий невозможно передать войскам идейную сторону задуманной операции, замысел, лежащий в основе маневра, а также определить районы действий войск. Этим достигается согласованность действий на всем фронте. Таким образом, разграничительные линии являются одним из главных средств боевого управления войсковыми массами. И от прочности взаимодействия войск на разграничительных линиях зависит планомерность и эффективность операций. Достаточно малейшего нарушения взаимодействия частей, чтобы возникла угроза операциям соединений вышестоящего уровня.

Это обстоятельство является для противника достаточным основанием для стремления нанести удар именно на войсковом стыке, и соответственно требует от войск, действующих вдоль разграничительной линии, чрезвычайной боевой устойчивости и тесного взаимодействия между собой. Ударом в стык противник может сорвать маневр сразу двух войсковых соединений.

Если в обороне стык характеризуется постоянством, то при наступлении он перемещается одновременно с передвижением частей. Учитывая большое значение стыка при реализации любого маневра, необходимо чтобы он был особенно крепким и малоуязвимым для противника. Слабая сторона стыка проявляется в области организации управления частями и соединениями, которые стоят на стыке. Они подчинены разным командованиям, которые связаны между собой лишь взаимодействием, а не определенной подчиненностью. Проблема может быть устранена тем, что задачу обеспечения стыка возлагают на высшую инстанцию, которая может объединить действия войск, оперирующих на стыке (прочность дивизионных стыков возложить на армию, армейских – на фронт и т. д.), либо создавая особую группу обеспечения стыка. Перенос ответственности за стык на высшую инстанцию устранил организационную неувязку.

На самом стыке должны быть приняты все необходимые меры тактического характера, гарантирующие его прочность. Наиболее значимые из них – разведка, огневое

прикрытие стыка пулеметами и артиллерией, сосредоточение в районе стыка частных резервов.

Правильное комбинирование всех указанных мер даст в результате необходимое обеспечение стыка. Примерами борьбы на стыках является ряд операций 1914–1915 гг. – Лодзинская, Таневская и др.

Маневренная война имеет свою специфику.

Она характеризуется более решительными целями проводимых операций – значительные группировки противника могут быть разгромлены и даже уничтожены. Маневры отличаются ясностью замысла: обход фланга, удар в тыл, окружение вынуждают врага зачастую без боя бросить занимаемый район и признать себя побежденным.

В то же время сплошные сомкнутые сильно эшелонированные фронты чрезвычайно затрудняют свободу маневрирования. В то время как в позиционной войне главное – проломить (прежде всего с помощью техники) фронт противника и затем ввести в прорыв резервы, то в маневренной войне – добиться победы в полевом сражении путем применения маневра того или иного вида. Но маневр в русской армии далеко не всегда воспринимался и реализовался должным образом. В то же время в германской армии потребность в повышенном маневрировании культивировалась, начиная с уровня самых мелких частей и подразделений. Во время войны они постоянно стремились к охвату флангов, при первой же возможности просачиваясь во все разрывы боевого построения противника. Эксплуатируя локальные удачи мелких подразделений, германцы начинали реализацию и более серьезных маневров. Т. н. просачивание является первичной стадией маневра, основанного исключительно на инициативе младшего командного состава. Во многом по такой схеме строились первые германские операции весной 1915 г. в Прибалтике.

Важнейшее значение для маневренной войны имеют действия родов войск, обладающих повышенной оперативной подвижностью. В период мировой войны – прежде всего кавалерии. Особое значение кавалерия имела

для обеспечения флангов ударных группировок, в обороне стыков. Находясь на фланге ударной группы, кавалерия может нанести удар по флангу или тылу противника. При растянутых фронтах, при разрыве фронта и при прорыве его противником конница – важнейший мобильный резерв. Только она может способствовать быстрой ликвидации прорыва, а также задержать противника до подхода пехоты. Так, в сентябре 1915 г. в ходе Виленской операции германцы сосредоточили ударную группировку, включавшую в свой состав значительную конную группу, в районе Вилькомира. Это привело к прорыву русского фронта между виленским и двинским операционными направлениями. Германская кавалерия заняла Молодечненский район и стала угрожать окружением ошмянской группировке русских войск. Пехотные соединения не успевали парировать этот прорыв – некоторым корпусам предстояло пройти по грунтовым дорогам 200 км в условиях осенней распутицы. Нужно было время, чтобы дать войскам сосредоточиться. Русская кавалерия позволила выиграть это время, – сосредоточившись в районе Глубокое, она, ударив по тылу (севернее оз. Нарочь) германцев, нанесла поражение их кавалерии.

В Первую мировую войну наметился переход от маневренных конных соединений к механизированным.

В условиях маневренных боевых действий пулеметы значительно повышали маневроспособность пехоты – они позволяли ей отрываться от своей артиллерии. Но это продолжалось лишь до появления сильно укрепленных позиций, эшелонированных в глубину. Последнее обстоятельство сразу потребовало от наступающего массирования артиллерии и привело к появлению артиллерии непосредственной поддержки пехоты.

Резерв – главное средство оперативного маневра. Значение резерва в маневренных боевых действиях переоценить невозможно. Наступление требует развития его резервами из глубины, в обороне резерв – важное средство парирования маневра противника.

Особое значение имеют стратегические резервы. Так, переброшенные на 2-м этапе Галицийской битвы крупные резервы, структурированные в форме 9-й армии, позволили русским войскам переломить ситуацию на северном фланге сражения. Введением в дело резерва и перегруппировками в ходе наступательного маневра любого вида командование должно поддерживать надлежащую плотность удара на решающем направлении. На этом направлении должны быть введены все силы и средства и проявлено упорство в достижении цели. Неистраченный резерв на ударном участке характеризует вялость борьбы за удержание инициативы.

Маневр завершается боем. Бой может быть маневренным, когда войска решают боевые задачи маневрируя, т. е. передвигаясь в широких районах без длительной тактической подготовки местности, или позиционным, в котором войска сражаются на местности, получившей длительную фортификационную подготовку, стесняющую свободу движения и требующую больших технических средств для ее преодоления.

Квалифицирующими признаками маневренных боевых действий являются следующие: 1) в маневренной войне присутствует стремление к обходу противника с флангов и нанесение удара в тыл – для того чтобы отсечь часть армии противника от основных сил и заставить ее сдаться; 2) удары наносятся посредством применения крупных масс подвижных войск – маневренных соединений; 3) цель маневренной войны – уничтожение вражеской армии не только в бою, но и путем ее отсечения от основных сил и от тылов; 4) стороны стремятся упредить друг друга в нанесении решающего удара.

Маневренные боевые действия на Русском фронте Первой мировой войны продолжались до осени 1915 г. Но уже зима 1914/15 гг. привела к появлению первых позиционных фронтов. В то же время элементы маневренных боевых действий присутствовали и на заключительном этапе мировой войны. Оперативно-тактическая ситуация диктовала выбор той или иной формы ведения боевых действий.

Элементы маневров, применяемых в боях мировой войны, зачастую комбинируются. Так, оба противника сталкиваются во встречном бою – но рано или поздно одна из сторон переходит к обороне: для того, чтобы остановить наступление врага, выиграть время и, перейдя в решительное наступление, добиться победы. Другой противник из встречного наступления переходит к наступательному бою. Даже в таких ярко выраженных встречных операциях, как Гумбинненская 7 августа 1914 г., в одних и тех же русских корпусах одни дивизии вели оборонительный бой, другие атаковали. Так, 28-я пехотная дивизия ведет оборонительный бой; 29-я пехотная дивизия вначале наступает, потом переходит к обороне вследствие отхода соседа; 25-я пехотная дивизия обороняется; 27-я пехотная дивизия вначале обороняется, потом переходит в наступление; 40-я пехотная дивизия наступает, обороняется и вновь наступает; 30-я пехотная дивизия наступает, а потом обороняется.

Формы оперативного маневра переплетаются, и именно от знаний и умений командного состава, от практических навыков в применении маневра зависит исход маневренных сражений. Русская армия, используя высокую тактическую подготовку мирного времени и приобретая боевой опыт, в основном успешно вела боевые действия в условиях маневренной войны.

V. Позиционные боевые действия на Русском фронте Первой мировой войны

Позиционные боевые действия – форма осуществления боевых действий, в основе которой лежит необходимость борьбы в условиях так называемого «позиционного тупика», – т. е. проведения оборонительных и наступательных мероприятий при наличии эшелонированной обороны и стабилизировавшегося фронта и противников.

Задолго до мировой войны военные теоретики говорили о «примате» (т. е. приоритете) обороны перед наступлением. Так, К. Клаузевиц писал, что оборона – более сильный вид войны, но ее цель – отрицательная, в то время как наступление – более слабый вид войны, но с положительной целью.

Уже к началу Первой мировой войны военная история знала много примеров, когда противоборствующие стороны, не решившие целей и задач вооруженного противостояния в ходе маневренных боевых действий, переходили к позиционному противостоянию. Но данная форма боевых действий рассматривалась как временная – восстановив потери в людях и боеприпасах, отдохнув, противники возвращались к полевой войне.

Соответственно, необходимость перехода к войне позиционной рассматривалась как эпизодическое явление, способствующее достижению тех или иных тактических целей. Именно таковыми являлись борьба за Плевну в 1877–1878 гг., 3-месячная позиционная война на Мукденских позициях в 1904–1905 гг., противостояние турок и болгар на Чаталдже в 1912 г.

Позиционные формы, проявившиеся в Русско-японской войне, были наиболее показательными, но до начала Первой мировой войны никто не мог даже представить,

что большая часть вооруженного противостояния на Французском фронте (ноябрь 1914—ноябрь 1918 гг.) пройдет именно в форме позиционной войны.

Видный отечественный военный теоретик А. А. Незнамов еще до войны исследовал проблематику установления сплошной линии фронта. Он отмечал, что она может быть востребована вследствие громадной численности современных армий, особенно, на германо-французской границе — высокая плотность войск потребует необходимости фронтальных действий: «первое столкновение неизбежно становится чисто фронтальным». Таким образом, он предсказал установление позиционной войны именно на Французском фронте, вследствие своей малой протяженности наиболее сильно насыщенного войсками и техникой равноценных противников.

Выдающийся теоретик и практик отечественного военного строительства М. В. Фрунзе так охарактеризовал причины возникновения в Первой мировой войне позиционных форм борьбы: «Позиционность создавалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в лице ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линий фронта»^[170].

Выравнивание тактических возможностей оборонительных и наступательных форм боя явилось важнейшей предпосылкой установления позиционного тупика. Огневые средства наступающего в сочетании с его малой оперативной подвижностью оказались не в состоянии в оптимальные сроки осуществить взлом тактической обороны обороняющегося и вывести атакующие части и соединения на оперативный простор. Все крупнейшие европейские армии желали решить судьбы войны в ходе кратковременных маневренных стратегических операций. Уже с первых же дней войны обнаружился кризис тактических приемов

наступательного боя. Особенно ярко это проявилось в германской армии. Наступающая в 1914 г. в Восточной Пруссии и Польше шеренгами или густыми цепями германская пехота, будучи не в состоянии преодолеть огонь русской пехоты и артиллерии, понесла огромные потери. Тяжелые уроки поражений под Гумбинненом, у Радома и под Варшавой заставили немцев рассредоточить боевые порядки своей наступающей пехоты. Но и последние, хотя и несли меньшие потери, своими собственными силами оказались не в состоянии подготовить атаку против окопавшейся русской пехоты. Возникла необходимость в организации артиллерийской подготовки пехотной атаки. Раньше других это поняло русское командование. Начальники дивизий стали подчинять 1–2 батареи командирам пехотных полков. Роль артиллерии возросла. Теперь артиллерия не только прикрывала развертывание полка в боевой порядок и поддерживала его во время наступления, но и готовила атаку. Атаке пехоты стала предшествовать артиллерийская подготовка.

Возникла необходимость предварительного сосредоточения артиллерии к участку атаки противника, занявшего полевою оборону. Соответственно, возросшая мощь огня наступающих вызвала увеличение глубины обороны. Для взлома более глубокой обороны наступающие начали строить более глубокий боевой порядок. Но обороняющиеся укрывались от артиллерийского огня в убежищах – и имевшейся гаубичной и тяжелой артиллерии оказалось недостаточно для подготовки пехотной атаки. Оборона стала трудно преодолимой. Позиционный фронт выглядел следующим образом: 500–800 метров «ничьей земли» и по обе стороны ее – сети проволочных заграждений, позади которых находился целый лабиринт окопов, траншей, ходов сообщений с различными подземными убежищами, блиндажами, бетонированными покрытиями.

С установлением осенью 1915 г. на Восточноевропейском ТВД сплошных фронтов обход их с флангов стал невозможен. Классическая тактика обходов и

охватов должна была уступить свое место фронтальному удару, лобовому удару по противнику. Таким образом, для наступления осталась одна возможность – прорыв позиционного фронта противника с целью завоевания свободы маневра. Но чтобы прорвать неприятельский фронт, необходимо иметь в месте прорыва решающее превосходство сил. А такого превосходства не сумела создать ни одна из воюющих сторон. И это бессилие породило устойчивость линии фронта. Имевшееся вооружение предоставляло больше преимуществ обороняющемуся, чем наступающему.

Пулеметы предоставили обороняющемуся возможность упорно сопротивляться и без помощи артиллерии. Пехота получила тяжелое оружие, в т. ч. траншейную артиллерию. Это лишало ее подвижности, но в условиях позиционной войны это было неважно. Стремление придать наступающему ударный импульс привело к концентрации артиллерийской массы – но это встречало противодействие в виде такого же массирования артиллерии обороняющимся.

Такова видимая причинно-следственная цепочка, приведшая стороны к позиционному противостоянию.

Дискуссия о причинах возникновения позиционного фронта, его сущности и способах преодоления занимает важное место в историографии Первой мировой войны.

Советский военный историк Н. Капустин видел следующие причины возникновения позиционного противостояния: «1. Миллионные армии, в частности их развертывание на театре военных действий недостаточного для них простора, что обуславливало значительную тактическую насыщенность стратегических фронтов; 2. Неправильное определение характера самой войны и, как следствие, неподготовленность тыловых возможностей к оперативным напряжениям современных массовых армий; 3. Падение наступательного импульса, потеря воли к победе у одних (верхи) – как результат не достижения поставленных целей, у других (массы, низы) – как следствие отсутствия прогрессивного содержания в

самой войне (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Болгария). Конечно, там (Англия, Франция), где правящий класс сумел сделать самые задачи войны субъективными целями армии, там можно было подвинуть массы на длительное напряжение»^[171].

Советский военный историк А. Вольпе считал, что главной причиной позиционности стало несоответствие между пространствами театров военных действий и войсковыми массами, оперирующими на этих театрах. Он писал: «В отношении позиционности и маневренности пространство и массы создают ряд обратных пропорций. Чем больше сил и меньше пространства, тем больше вероятности, что вооруженный фронт примет стабилизированный характер. И наоборот, чем больше пространства и меньше сил, тем более маневренный характер обычно принимают операции»^[172]. Именно с этим обстоятельством он связывал тот факт, что позиционный фронт на востоке возник позже, чем на западе.

Британский военный теоретик Б. Лиддел-Гарт факт установления позиционного фронта связывал с насыщением обороны пулеметами. Важное значение придавалось появлению траншей и проволочных заграждений. Но советский военный деятель и историк М. Галактионов совершенно справедливо отмечал, что осенью 1914 г., когда и произошло превращение маневренной войны в позиционную (во Франции окончательно, в России – пока еще временно), в распоряжении войск не было нужных объемов колючей проволоки, количество же пулеметов было недостаточным для перекрытия всего фронта. Тем более, что до 75 % потерь в живой силе войск было от огня артиллерии.

Русские специальные издания времен мировой войны в качестве одной из главных причин установления позиционной войны называли усиление роли артиллерии. Указывалось, что для защиты от непрерывного артиллерийского огня стороны стараются воздвигать все более и более прочные убежища, которые в итоге и

придали полевым операциям характер осадной войны. Отмечалось, что для взятия таких укреплений уже недостаточно лишь артиллерийского обстрела и пехотной атаки, а требуется применение и военно-инженерного искусства: «Чтобы отнять у противника хотя бы часть пространства, становится необходимым употребление приемов так называемой постепенной атаки крепостей. Сущность их сводится к тому, что наступающий старается приблизиться к противнику, пользуясь устраиваемыми, по мере движения вперед, искусственными прикрытиями, обеспечивающими его от напрасных потерь. Один из таких приемов – движение сапою, получившее в период позиционной войны широкое распространение, есть не что иное, как движение к противнику не по поверхности земли, а зарываясь в нее и насыпая впереди себя земляной бруствер, который и укрывает наступающего от взоров и выстрелов противника»^[173].

Связывалось установление позиционных форм борьбы и со спецификой войны нового типа: «Современная война показала, что ни одна из воюющих сторон не была в состоянии гарантировать себе полную победу ни на одном участке обширного театра военных действий. Поэтому огромное значение приобрели так называемые выжидательные бои, имеющие своей целью не разбить противника, а лишь выиграть время для подготовки в тылу новых боевых ресурсов. Но так как каждый из воюющих не был уверен в длительной пассивности своего врага и ежеминутно ждал возобновления нападений, то в своем стремлении обезопасить себя он и стал строить длинные линии окопов, прикрывающих фронт на огромном протяжении. Что же касается крайних флангов, то он старался упереть их в какой-нибудь неприступный предмет (горы, широкие реки, моря и т. п.) во избежание неприятельского обхода, и укрепить их по всем правилам военно-инженерного искусства»^[174].

Здесь необходимо отметить, что в условиях позиционной войны первостепенной задачей наступающего было развитие достигнутого прорыва обороны противника, превращение его из тактического в

оперативный. В ходе своеобразной «гонки» наступающий тянул свои резервы через горловину прорыва, вынужденно перемещаясь по перепаханной и опустошенной местности, а обороняющийся подтягивал резервы к кризисному боевому участку по нетронутым железным и шоссейным дорогам. Соответственно, силы сторон уравнивались, и наступление прекращалось.

Таким образом, главная причина позиционности лежит в недостаточной оперативной подвижности наступающих войск.

Если наступающему иногда и удавалось, сосредоточив превосходящие силы и средства, преодолеть значительную часть зоны тактической обороны противника, то преобразовать тактический успех в оперативный он уже не мог. Темпы наступления при прорыве позиционной обороны были крайне низкими. Например, наступление германской 5-й армии под Верденом началось 21 февраля 1916 г., а к 25 февраля она продвинулась лишь на 4–5 км (т. е. средний темп наступления в сутки составлял 800—1000 м). В свою очередь, низкий темп наступления позволял обороняющемуся своевременно подтянуть свои резервы, а также организовать новые линии обороны, на преодоление которых у наступающего уже не хватало сил и средств.

В 1915–1918 гг. на Французском и Русском фронтах наметились следующие пути, по которым шли противники в целях преодоления позиционного тупика:

1. Необходимость выиграть оперативное время на стадии тактического прорыва. Помимо очевидного темпового опережения противника, быстрое преодоление оборонительной полосы приводило к более щадящим разрушениям местности. По данному пути пошли германцы. Они разработали систему методов обеспечения тактической внезапности, создали систему уточненной стрельбы без предварительной пристрелки. Германцы впервые осуществили химическую атаку (главная задача, стоявшая перед новым оружием, – захват первой линии обороны противника не разрушенной), а в дальнейшем

лидировали в использовании дымовых и химических боеприпасов. Ярким воплощением этой концепции была т. и. «гутьеровская» тактика, примененная германцами под Ригой в августе – сентябре 1917 г. и во Франции в марте – июле 1918 г.

В рамках концепции борьбы за выигрыш оперативного времени необходимо назвать имя генерала от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриева. Разработанный им метод прорыва позиционного фронта заключался во внезапной атаке тщательно разведанной позиции противника при жестком учете фактора времени и расчете необходимых резервов. На пассивных участках армии или фронта внимание противника сковывалось демонстрационными действиями. Метод был блестяще применен его создателем в декабре 1916 г. в ходе Митавской операции 12-й армии Северного фронта.

2. Необходимость резко увеличить тактическую подвижность войск на участке прорыва в условиях разрушенной местности. Именно эта идея привела к созданию танка. Наиболее последовательно ее применили западные союзники России по Антанте. Впервые танки были использованы в сражении на Сомме в 1916 г. Кампании 1917–1918 гг. на Французском фронте – это торжество танка. Танк позволил эффективно прорывать тактическую оборону противника, минимизировал потери пехоты. Но ни разу танковый тактический прорыв в годы мировой войны не был преобразован в прорыв оперативный. Германцы научились бороться с танковым фактором – например, в сражении при Камбре немецкие штурмовые части эффективным контрударом не только ликвидировали последствия танковой атаки, но и добились впечатляющих тактических успехов. Русская армия, не имевшая танков, и германская, имевшая лишь 20 танков отечественного производства, применять этот метод не могли – да и условия Русского фронта несколько отличались от обстановки на Французском фронте.

3. Необходимость уничтожить резервы противника, чтобы исключить их из оперативных расчетов. Данная идея реализовывалась в следующих вариантах:

а) Концепция «размена». Она была разработана стратегами Антанты и опиралась на численное и материальное превосходство союзников перед немцами. Предполагалось ценой собственных больших потерь вызвать адекватные потери противника, более чувствительные для него вследствие большей ограниченности в ресурсах – ведь фронт развалится, когда противник исчерпает ресурсы.

Эту концепцию руководители Антанты проводили в жизнь сознательно – но они не учли того, что, во-первых, «размен» с немцами получался, как правило, далеко не в пользу союзников, и, во-вторых, что данная стратегия разрушает кадры собственных войск. К чести русского генералитета, он был принципиальным противником этой «людоедской» концепции.

б) Концепция сокрушения заключалась в том, чтобы оттянуть все резервы противника в одну точку и непрерывными ударами их обескровить – а потом прорвать фронт в другом месте. Эту идею попытался применить в апреле 1917 г. новый главком французской армии Р. Ж. Нивель. Но обескровленной оказалась французская армия. В результате «Бойни Нивеля» главком потерял свою должность, а охваченная мятежами и революционными волнениями французская армия фактически на несколько месяцев вышла из строя – 54 дивизии потеряли боеспособность, а 20 тыс. солдат дезертировали. В этом наступлении тяжело пострадали и русские Особые бригады на Французском фронте – в частности, 1-я бригада потеряла свыше 50 % личного состава.

в) Концепция истощения предполагала необходимость уничтожить резервы противника в непрерывном сражении за ключевой пункт фронта. Попытался реализовать эту концепцию начальник германского Полевого Генерального штаба генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн – организовав «насос по выкачиванию французской крови» под Верденом в 1916 г.

г) Концепция ограниченного воздействия или тактического измора предполагала необходимость истощить резервы противника серией локальных атак. Ее сформировал и последовательно применил осенью 1916. командующий русской Особой армией генерал от кавалерии В. И. Гурко. Он писал: «...изменение характера наших действий в сторону ослабления активности безусловно отзовется на напряжении боя и освободит некоторые части противника от ожидания нашей атаки... неуклонное, последовательное продвижение вперед должно постепенно истощать неприятеля, требуя от него постоянных жертв и напряжения нервов»^[175]. Метод не предполагал постоянной отправки войск «на убой» – практиковались ложные артиллерийские подготовки, демонстрационные действия, наступления с ограниченными целями. Но благодаря постоянной активности Особой армии противник был вынужден удерживать перед ней большие силы и средства (23 австро-германских дивизии на 150-км боевом участке), а русские войска успели занять позиции в Трансильвании и перекрыть неприятелю путь в Молдавию.

д) Концепция параллельных ударов предполагала необходимость иметь несколько участков прорыва, разделенных пассивными секторами, но образующих взаимосвязанную систему. Общую концепцию этой идеи впервые применил в ходе Эрзерумской операции в феврале 1916 г. Н. Н. Юденич, но в условиях позиционного фронта последовательно реализовал эту схему (причем с выдающимися оперативно-тактическими результатами) А. А. Брусилов в ходе Луцкого прорыва в мае 1916 г.

Но если атаки в рамках этой концепции ведутся недостаточно энергично и с отсутствием должной подготовки, данная схема пробуксовывает. Ярким подтверждением этому могут служить осенние операции Юго-Западного фронта в 1916 г.: 7, 8, 11-я и Особая армии в ходе боев в сентябре-октябре (внешне основанных на идее Луцкого прорыва) серьезных результатов добиться не смогли.

Важным достоинством системы параллельных ударов была возможность активно действовать при отсутствии значительного перевеса в силах над обороняющимся. Но ключевым обстоятельством явилась возможность достигнуть тактической внезапности – атакуемый во многих местах противник не мог вычислить направление главного удара. Это имело тем большее значение, что ни одна из операций русских армий в позиционный период войны не была неожиданной для австро-германского командования. Например, о наступлении 11-й армии Юго-Западного фронта в 1916 г. противостоящие ей войска Южной германской армии генерала пехоты Ф. фон Ботмера были предупреждены еще за три дня до его начала. Прекрасно был осведомлен противник и относительно удара 8-й армии. Но, учитывая тот факт, что сам наступающий не знал, на каком направлении будет достигнут успех, и обороняющийся оставался в неведении.

е) Концепция последовательных ударов позволяла дезорганизовать резервы противника, постоянно меняя активные ударные участки. Она предполагала присутствие у атакующего общего превосходства в силах и средствах, а также наличие развитой системы коммуникаций. Концепция была реализована на Французском фронте в августе – октябре 1918 г. маршалом Франции Ф. Фошем и привела к поражению германской армии.

Как в маневренной, так и в позиционной войне войска наступают либо обороняются.

Так как в позиционной войне стороны стоят друг против друга долгое время – недели и месяцы, оборонительное искусство в значительной мере трансформируется и совершенствуется.

Стандартные оборонительные позиции периода позиционной войны состояли из 2–3 укрепленных полос на расстоянии 3–4 км друг от друга – для того чтобы противник не мог обстреливать артиллерийским огнем одновременно две полосы. Каждая полоса состояла, в свою очередь, из 2–3 линий окопов (расстояние между

линиями 100–300 шагов). Каждая линия представляла сплошной ряд окопов и фланкирующих (т. е. ведущих огонь вдоль фаса укрепления во избежание мертвых пространств) друг друга опорных пунктов или узлов сопротивления, находящихся в 1–2 тыс. шагов друг от друга. Окопы прикрывались одной или несколькими полосами проволочных заграждений. Опорные пункты состояли из приспособленных к обороне деревень, кладбищ, рощ и т. п. либо из целой системы окопов. В промежутках между опорными пунктами иногда возводились (иногда непосредственно в самой линии окопов либо позади нее) сомкнутые полевые укрепления.

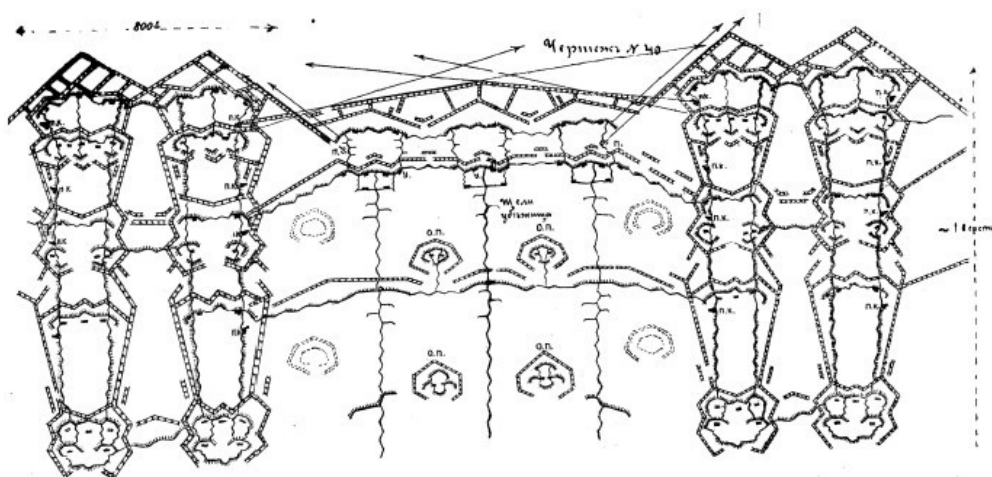

Схема устройства русских оборонительных позиций. Указания по укреплению позиций. Изд. 2. Штаб рвного главнокомандующего. Пг... Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1916.

К концу 1915 г. основные требования к обороне в условиях позиционной войны выглядели следующим образом. Сила обороны виделась: а) в хорошо организованном обстреле местности перед оборонительной позицией; б) в надежных убежищах; в) мощных заграждениях; г) в развитии оборонительной системы по фронту и в глубину; д) в создании благоприятных условий для маневра резервами. Укрепленная позиция должна была нейтрализовать важнейшее преимущество наступающего, освобождая обороняющегося от необходимости подчиняться

инициативе своего активного противника. Кроме того, свойства местности играли на оборону, а сила сопротивления значительно увеличивалась. Будучи почти совершенно скрыт от взоров противника, обороняющийся встречал врага огнем из всех видов оружия на заранее пристрелянной местности.

Если оборонительная позиция держалась долго (яркий пример – двинский фронт с осени 1915 г. по весну 1918 г.), то в деле организации огня и совершенствовании позиций обороняющийся мог добиваться выдающихся результатов – местность тщательно пристреливается пулеметным и артиллерийским огнем, каждая тактически ценная точка местности приобретает свою роль в оборонительной системе.

Наиболее важное значение придавалось высотам, господствующим над окружающей местностью, позициям, позволяющим поражать противника фланговым огнем, а также ключевым позициям, – без которых оборона становилась невозможной. Они именовались опорными пунктами. Причем различались тактические и стратегические ключи позиций. Последние находились на пути отступления или подхода резервов обороняющегося. Утрата стратегического ключа влекла изоляцию и гибель обороняющейся части или подразделения. Если тактические и стратегические ключи совмещались в одном опорном пункте – он приобретал чрезвычайное значение.

По отношению к линии фронта позиции подразделялись на промежуточные (находящиеся на оборонительной линии) и фланговые. Первые служили для обороны против прямого (фронтального) наступления противника, вторые – для противодействия обходу или охвату фланга. Опорные пункты, находящиеся впереди позиции, назывались передовыми, находящиеся внутри позиции – второлинейными (помогали обороняющемуся, отесненному с фронта, держаться на внутреннем пространстве позиции), а в тылу – соответственно тыловыми (их предназначение – дать отпор неприятелю, занявшему главные позиции и впоследствии выбить его с

них). Группа опорных пунктов, находившихся между собой в огневой связи, называлась узлом сопротивления.

Для лучшего прострела подступов к позиции местность перед окопами расчищалась на 1,5–2 км. Особое внимание придавалось нейтрализации мертвых пространств перед позициями.

Базовый элемент позиции – стрелковые окопы полного профиля. Такой окоп предназначался для стрельбы стоя, и оснащался бруствером, блиндажами («ровиками с крышей из жердей, поверх которых насыпана земля») и внутренним рвом. Обстрел из окопа (без наличия мертвых пространств) по фронту составлял не менее 200 шагов, а обзор – не менее 1 тыс. шагов.

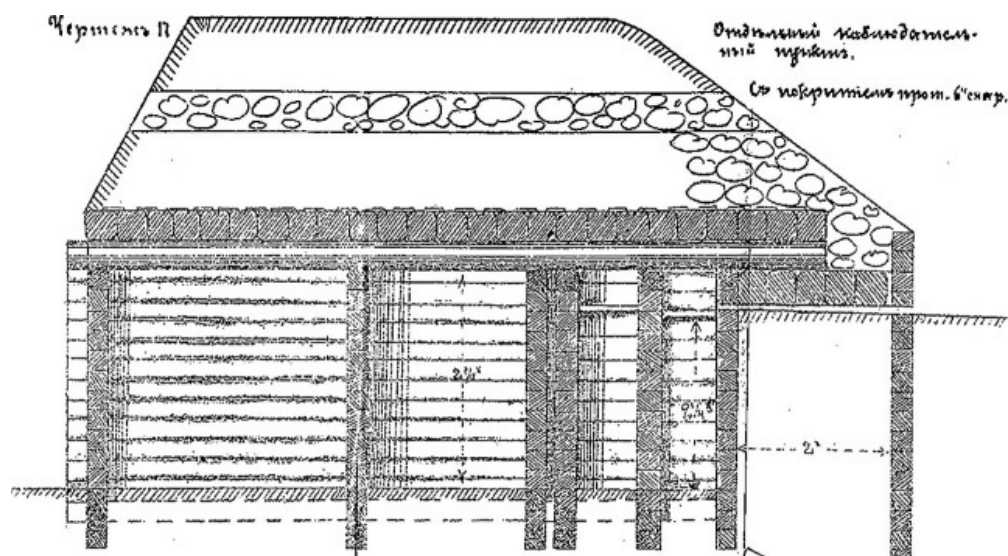
Так как передний край обороны был объектом пристального внимания со стороны огневых средств противника, на дистанции до 100–300 шагов за боевой линией сооружались специальные убежища – в них размещались бойцы, свободные от службы в передовых окопах.

Между убежищами и боевой линией, а также к окопам для резервов были проложены ходы сообщения – зигзагообразные глубокие ровики, служащие как для переброски частей и подразделений на передовую, так и для эвакуации с передовой в тыл. Обращенная к противнику сторона хода сообщения, прикрывалась насыпью.

Полноценный окоп имел бойницы или козырьки (для защиты от шрапнельных пуль) и тыльные траверсы (траверс – забор, прикрывавший стрелков от разлета осколков и от продольного огня при фронтальном обстреле, состоявший из двух рядов досок или плетней). Бойницы защищали от пулеметных и винтовочных пуль (строились из мешков с землей, бревен, дерна и т. д.; иногда бойницы заменялись стрелковыми щитами), а козырьки – от легких осколков и шрапнельных пуль (для этой цели использовались присыпанные землей 2–2,5-дюймовые доски). Козырьки позволяли защитникам окопов вести стрелковый огонь продолжительное время на

дальние дистанции – под постоянным артиллерийским огнем противника, прикрывающим наступление своей пехоты. Учитывая тот факт, что вражеская артиллерия вела косоприцельный огонь почти до полного приближения своей пехоты к русским окопам, значение козырьков трудно переоценить. Ведь при их отсутствии русская пехота могла вести огонь лишь после прекращения артиллерийского огня противника – а до этого момента бойцы были вынуждены отлеживаться на дне окопа или укрываться в убежищах.

Но козырьки и бойницы не могли защитить от прямого попадания снаряда (особенно крупного калибра), а также сильно демаскировали окопы. Наставления подчеркивали, что, в целях маскировки, до начала огневого боя их необходимо держать заткнутыми любым подручным материалом (солома, трава, земляные мешки, листья), а во время стрельбы (чтобы не просвечивали) – занавешенными сзади полотнищами палаток.

Наблюдательный пункт. Чертеж. Указания по укреплению позиций. Изд. 2. Штаб Верховного главнокомандующего. – Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1916.

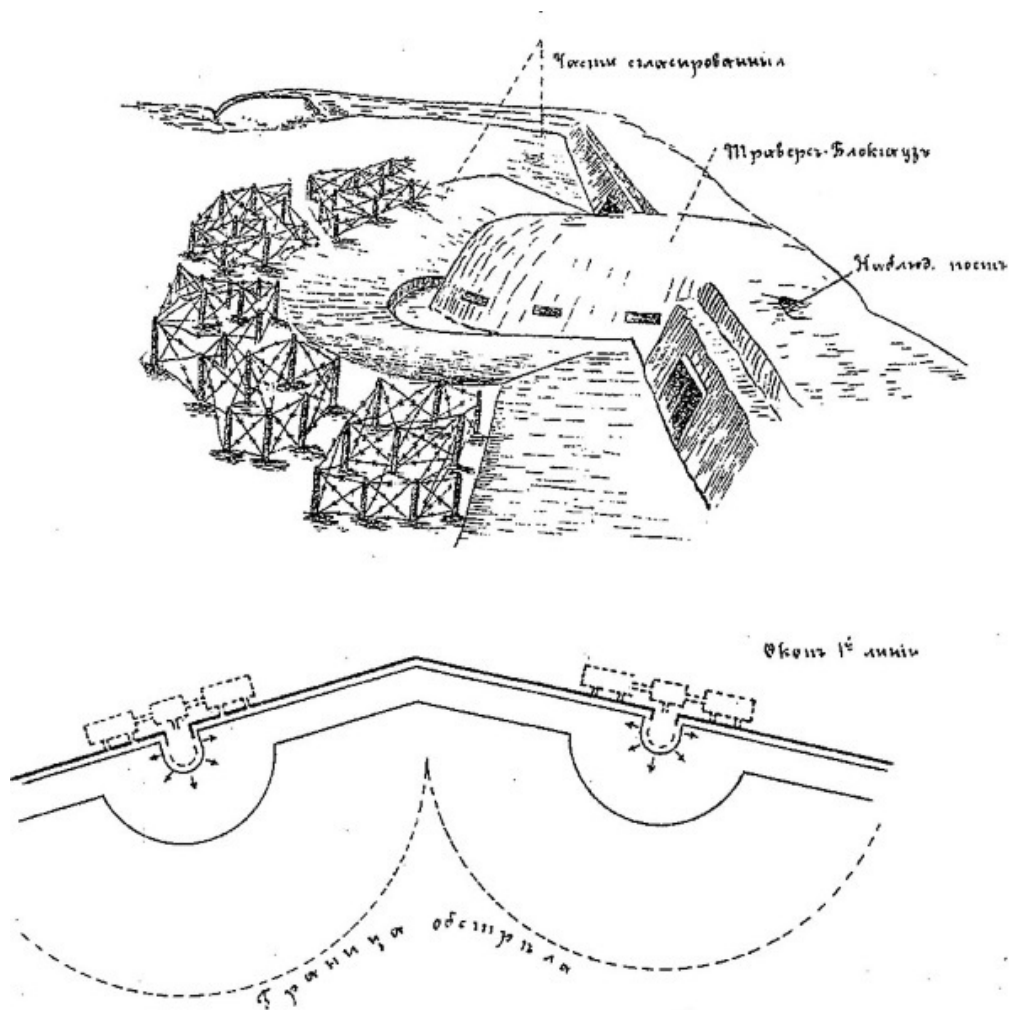
Для увеличения количества стрелков или для ведения косоприцельного огня, даже глубокий окоп, кроме

стрельбы через бойницы, приспособлялся для стрельбы поверх козырька или бруствера – для этого он снабжался ступеньками или стремянками. Кроме того, стремянки и ступени были особенно важны при проведении контратак и гранатном бое.

В случае прямого попадания снаряда, для защиты от его осколков, окоп должен был быть зигзагообразным (то есть с углами или изломами – длина излома 12–16 шагов). Изнутри долговременный окоп обшивался жердями либо плетнями.

В целях предотвращения проникновения солдат противника, ворвавшихся на позицию, по окопу, в специальных помещениях-нишах хранились деревянные переборки с колючей проволокой, земляные мешки, ежи, рогатки, рамы (против ручных гранат) с гладкой проволочной сетью и т. д.

Бруствер (насыпь спереди окопа) насыпался таким образом, чтобы бойцы, даже не целясь, а лишь положив винтовку в предусмотренное для нее место на бруствере, могли обстреливать ближайшие подступы к позиции. Учитывая особенности германских снарядов, дающих большое число осколков, русские наставления рекомендовали делать окопы уже (ширина по дну $\frac{3}{4}$ шага) и глубже. Причем углубление профиля окопа рекомендовалось осуществлять за счет уменьшения бруствера – в то же время это улучшало и маскировку.

Блокгауз и его место в системе обороны. Указания по укреплению позиций. Изд. 2. Штаб Верховного главнокомандующего. – Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1916.

Блиндаж – наиболее мощное сооружение в окопе, которое могло противостоять огню даже тяжелой артиллерии. Стандартный блиндаж был рассчитан на 15–25 человек, имел противоосколочные и противогазовые переборки, два выхода, и соединялся с окопом ходами сообщения. Насыпь над блиндажом не должна была превышать высоты насыпи бруствера окопа.

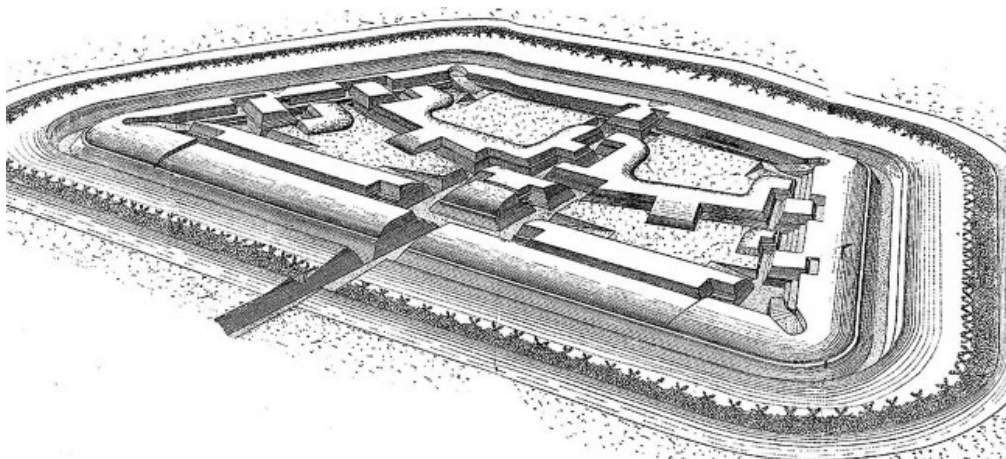
Имелись в окопах жилые помещения (землянки) и щели-убежища (т. и. «лисьи норы» – земляные пещеры, рассчитанные на 10–12 человек).

Тщательно регламентировалась организация наблюдательных пунктов различного назначения, которые должны были выдерживать попадания тяжелых снарядов и снабжались перископами для ведения наблюдения и средствами телефонной связи.

Чтобы убежище могло служить надежной защитой от огня тяжелой артиллерии, толщина его перекрытий должна составлять 3 ряда бревен (каждый ствол толщиной 18–27 см) и 2,5-метровая земляная насыпь в придачу. Для достижения еще большей прочности в верхнем земляном слое делали каменную присыпку, вызывавшую взрыв снаряда раньше, чем он проникал вглубь подушки. Чтобы придать перекрытию пружинящие свойства, поперек нижнего ряда бревен укладывали 18 – 27-см фашины.

Блокгауз представлял из себя прочный деревянный сруб, обсыпанный снаружи землей, с локтевым упором и оснащенный бойницами для стрельбы. Часто хорошо замаскированные люнеты и блокгаузы находились впереди позиции, соединяясь ходами сообщений с окопами. Хорошо замаскированные и оснащенные пулеметами, они являлись эффективными передовыми огневыми точками, защищавшими подступы к проволочным заграждениям и др. искусственным препятствиям. Но многие блокгаузы располагались и в глубине обороны, за окопами первой линии – для того чтобы их огонь был неожиданностью для прорвавшегося противника.

Создавались закрытия для резервов – специальные рвы, служащие для скрытого сосредоточения войск. Такие закрытия предписывалось строить за обратными скатами высот, оборудовать надежными ходами сообщений и по возможности делать их крытыми.

Полевое укрепление (редут). Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. – Спб.: Военная типография, 1910.

Ходы сообщений, предназначенные для накапливания войск, часто оборудовались специальным расширением и заграждениями. Ширина стандартного хода сообщения позволяла нести носилки с раненым, а устройство – позволить разместить военное имущество и предохранить от осыпания. По существовавшим нормативам 1 ход сообщения полагался на каждые 100–150 м окопов. Ходы сообщений, также как окопы, выполнялись зигзагообразными либо змейкой и, по возможности, приспособлялись к обороне.

Для удобства проведения контратак и перехода в наступление через окопы сооружались специальные переходы. А для осуществления поисков, вылазок, для целей разведки и внезапных ударов во фланг и тыл атакующим частям противника из внутренних рвов окопов и закрытий для резервов отводились лазы (крытые ходы сообщений), которые были хорошо замаскированы и выводили на нейтральную полосу, в мертвые пространства, к проволочным заграждениям. При значительном количестве таких лазов предоставлялась возможность преследовать противника накоротке, отсекал его отходящие части и подразделения, препятствовать подходу резервов.

Часто ключом позиции являлись закрытые укрепления или редуты. Редут – многоугольное сомкнутое

оборонительное сооружение, гарнизон которого не превышал, как правило, одной роты. Редуты создавались, как правило, на командующих высотах, имели собственные искусственные препятствия и преграды и находились между собой в тесной огневой связи. Такая усиленная автономная оборонительная позиция на ключевом тактическом направлении была важным препятствием к прорыву позиционной обороны.

Окопы для стрельбы стоя и ходы сообщений назывались траншеями, а окопы для стрельбы с колена или лежа – ложементами.

Особое внимание обороняющегося обращалось на маскировку укреплений – ведь при демаскировке позиций их ждал град ручных гранат, бомб и мин бомбометов и минометов, и, конечно, артиллерийских снарядов противника.

В позиционной войне нормативная плотность стрелковой обороны – до 3 шагов на одного бойца. Такому разреженному строю способствовали общая сила укреплений, долговременность пребывания бойцов на позиции и эффективность огня вследствие наличия его продуманной системы.

Пулеметы, имевшие по сравнению с винтовками такие значимые для позиционной обороны свойства как кучность и меткость огня, устанавливались на наиболее тактически опасных позициях (на «путях вероятного наступления противника» и на обратных скатах высот) и на флангах (это позволяло концентрировать перекрестный пулеметный огонь). Признавалось желательным добиться огневого охвата наступающего противника.

Пулеметы либо вкрапляли в стрелковые позиции, либо устанавливали отдельно – «самостоятельно» (как правило, повзводно). В последнем случае строили особые пулеметные окопы.

Пулеметы рекомендовалось ставить в блиндированные убежища, а непосредственно находящиеся на линии огня –

тщательно маскировать, соединяя с тыловыми позициями ходом сообщения.

Существовало 2 вида пулеметных гнезд.

1) Для постоянно действующих пулеметов, которые должны были не только отражать атаки противника, но и стрелять на дальние дистанции по появляющимся отдельным группам неприятельских солдат и офицеров, разведчикам и т. и. Деятельность таких пулеметов должна была обеспечиваться наличием железобетонных блиндажей с амбразурами, позволявшими вести огонь с большими секторами обстрела.

2) Для пулеметов ближнего боя, предназначенных исключительно для отражения атак противника, фланкирования подступов к позиции и т. и. Гнездо для такого пулемета должно было состоять из прочного стула, допускающего стрельбу поверх бруствера в разных направлениях. Рядом находилось убежище («лисья нора»), в котором мог укрыться от тяжелых снарядов расчет вместе с пулеметом, а также хранились боеприпасы.

Бомбометы и минометы предписывалось размещать за обратными скатами высот и складками местности, желательно в стороне от окопов, и как можно чаще менять для них позиции. Бомбометы и минометы находились в специальных окопах, в 50 шагах и более за стрелковой позицией (для того, чтобы не навлекать на нее ответного огня противника за свои действия). Такие окопы снабжались ходами сообщения со стрелковыми окопами и собственными убежищами.

Ручные гранаты применялись при осуществлении вылазок, для отражения разведчиков противника, противодействия разрушению проволочных заграждений и т. д.

С началом химической войны русское командование начало организовывать тщательное наблюдение за поведением противника с целью заблаговременно обнаружить подготовку им химической атаки. В случае если удавалось обнаружить установку газовых баллонов,

по ним открывался артиллерийский огонь. Для своевременного предупреждения о начале газовой атаки перед позициями выдвигались особые наблюдательные посты – они условными сигналами оповещали о появлении газового облака. По сигналу химической тревоги бойцы надевали противогазы, разводили костры и готовились к отражению атаки противника.

Ключевое место отводилось артиллерии.

Часть имевшейся артиллерии находилась в боевой линии, в то время как другая – в общем резерве. Орудия на позициях размещались в специальных окопах, преимущественно находясь на закрытых позициях. Легкие батареи располагались на дистанции не далее 2 км, а тяжелые – 3–5 км от передовой. Батареи обеспечивались также и запасными позициями.

К огневым позициям тяжелой артиллерии иногда подводились рельсы, по которым перемещались вагонетки с боеприпасами.

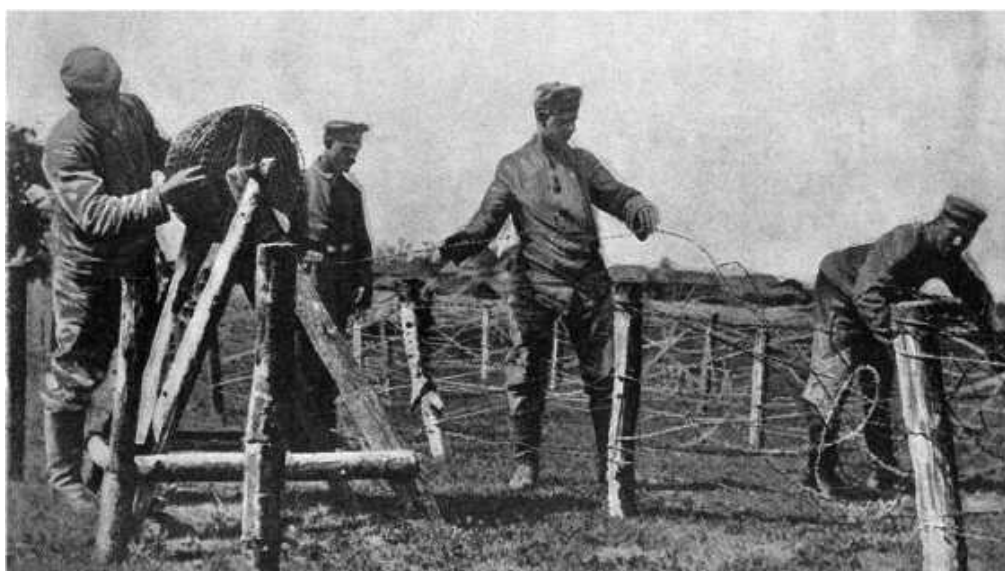
Повышенное внимание уделялось массированию артиллерийского огня и возможности его концентрации в любой точке простреливаемой местности – прежде всего важнейших подступов к обороняемой позиции. Артиллерию старались, по возможности, рассредоточить – руководствуясь принципом: «стоять врознь, а стрелять вместе».

Для наблюдения за результатами огня сооружались артиллерийские наблюдательные пункты. Ими могли служить и высокие здания, деревья, возвышенности.

К артиллерии в обязательном порядке назначалось пехотное прикрытие – оно защищало орудия и помогало артиллеристам при осуществлении тяжелых работ.

Заградительный огонь артиллерии и пулеметов был ключевым фактором при отражении натиска наступающего противника. Совершенствование организации такого огня позволяло сократить число огневых единиц в боевой части и нарастить резервы. Практика исходила из того, что с момента вызова огня и

до открытия заградительной артиллерийской стрельбы должно проходить не более двух минут. Оптимальным считались артиллерийские плотности при фронтальном обстреле – не более 100 м на батарею, т. е. около 15 метров (ширина одного разрыва) на орудие. План заградительного огня, предусматривая сочетание действий артиллерийских и пулеметных средств, должен был предусмотреть продвижение такого огня внутри оборонительной полосы на тот случай, если противник в нее ворвется. В обязательном порядке пристреливались и окопы, где перед атакой скапливалась пехота противника.

Германцы натягивают колючую проволоку. Великая война в образах и картинах. Вып. 11. – М., 1916.

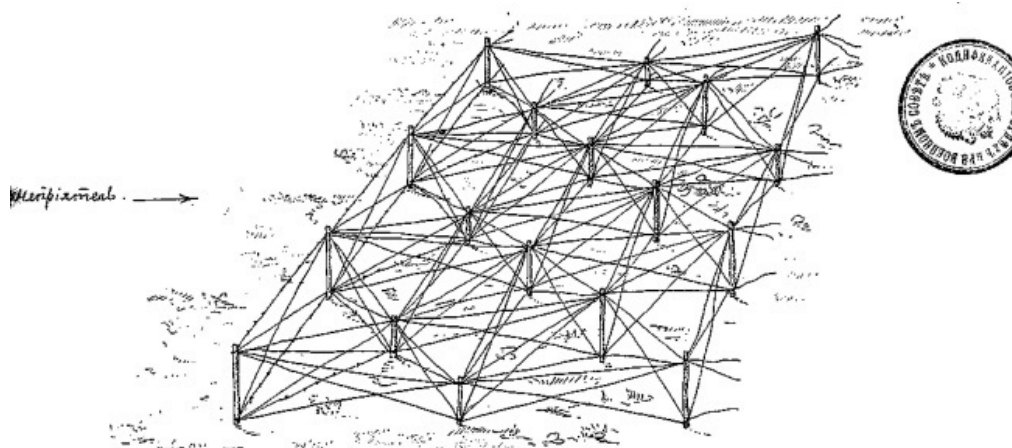
Внешним, квалифицирующим признаком позиционности боевых действий, являлось наличие в боевой линии и впереди укреплений так называемых искусственных препятствий. Такие препятствия затрудняли продвижение пехоты противника, расчленяли ее боевой порядок, причем (что немаловажно) – под мощным огнем обороняющегося. Ведь даже незначительная задержка наступающей пехоты под огнем противника приводила к большим потерям.

Главные требования, которые предъявлялись к искусственным препятствиям – максимальные трудноразрушимость, «невидимость» для артиллерийских наблюдателей врага, а также возможность прикрытия их эффективным огнем.

Боевой опыт продемонстрировал, что преодолеть препятствия сразу по всему фронту – невозможно. Хорошо, если их удавалось прорвать в нескольких пунктах. И именно к этим проходам были направлены основные усилия наступающего. Соответственно, важнейшей задачей обороняющегося было сохранение искусственных препятствий – посредством специально продуманной системы мер.

Наиболее сильными искусственными препятствиями считались наполненные водой рвы, имевшие ширину не менее 4,2 м и глубину 2 м. Эффект наращивался при усилении рвов подводными проволочными заграждениями.

Но наибольшее применение в полевой войне получили стандартные проволочные заграждения шириной до 4,5 м. Они были самой сильной и наиболее удачной искусственной преградой, которую смог создать обороняющийся. Это и неудивительно: проволочные заграждения препятствовали движению главной мощи армий-участниц Первой мировой – живой силы. Вместе с тем, вследствие наличия деревянных кольев (расстояние между ними – 3 шага), такие заграждения были прекрасно различимы издали – и, соответственно, демаскировали как правило находившиеся сразу за ними стрелковые окопы.

Проволочное заграждение. Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. – Спб.: Военная типография, 1910.

Проволочные заграждения стремились устанавливать на необходимом расстоянии от окопов (превышающем длину броска гранаты – 60–80 шагов) и, желательно, в несколько рядов (что затрудняло разрушение заграждения артиллерией, ведь каждый ряд требовал отдельной пристрелки). Расстояние между рядами должно было не позволять противнику свободно маневрировать (стандартное расстояние между рядами – 1,5 шага). Поэтому считалось, что предпочтительнее иметь большее количество узких полос, чем меньшее – широких полос проволочных заграждений.

Колючая проволока туго не натягивалась, обматываясь вокруг кольев, вбитых по углам равносторонних треугольников. Каждый кол соединялся проволокой с 6 ближайшими кольями – причем старались придать проволочной сети как можно большую неправильность. Для этой цели высоту кольев делали неодинаковой.

Стандартная полоса проволочного заграждения состояла из 3–6 рядов кольев и имела ширину от 4,2 до 8,5 м.

К 1917 г. появились также проволочные заграждения на рядах рогаток, густо оплетенных проволокой в виде «ножных петель», ножные петли, а также проволочные силки.

По проволоке иногда пускали электрический ток, придававший заграждению еще большую силу. Особенно большими любителями таких заграждений являлись австрийцы. По приказу австрийского командования с конца 1915 г. электрические заграждения высокого напряжения были организованы на всем фронте от Прута до Днестра, а местами и на других участках русско-австрийского фронта.

Электрические проволочные сети обязательно включали в себя 3 полосы – причем одна из них находилась под током высокого напряжения.

Для питания электрических заграждений австрийцы пользовались городскими или заводскими электростанциями, оснащенными соответствующими трансформаторами и преобразователями постоянного тока в переменный. Ток высокого напряжения (до 20 тыс. вольт) по подземным кабелям передавался на несколько километров – так что такие станции находились вне сферы действия огня русской артиллерии. Применялась и воздушная проводка – на столбах со специальными высоковольтными изоляторами.

Одна из таких станций, мощностью в 1000 киловатт, была расположена в г. Черновицы, и служила как для городских нужд, так и для питания проволочных заграждений. Причем для последней цели расходовалось $\frac{2}{3}$ энергии станции. Другая станция, мощностью в 1500 киловатт, была обнаружена на сахарном заводе в Крещатике, вблизи г. Залещики. Каждая станция питала ряд трансформаторных подстанций, расположенных или в отдельных зданиях, или в специальных бетонных убежищах, на некотором расстоянии за линией окопов. От подстанций шел ток уже более низкого напряжения – от 1500 до 5000 вольт. На некоторых участках ток через распределительные пункты направлялся непосредственно к проволочным заграждениям, а на других поступал в особый распределительный кабель, проложенный по дну окопа – от него шла разводка к проволочным заграждениям. Электрические заграждения могли

помещаться изолированно или среди обычных проволочных заграждений – впереди или даже позади их.

В тех случаях, когда электрические проволочные заграждения устраивались вблизи русских окопов, колья заменялись рогатками.

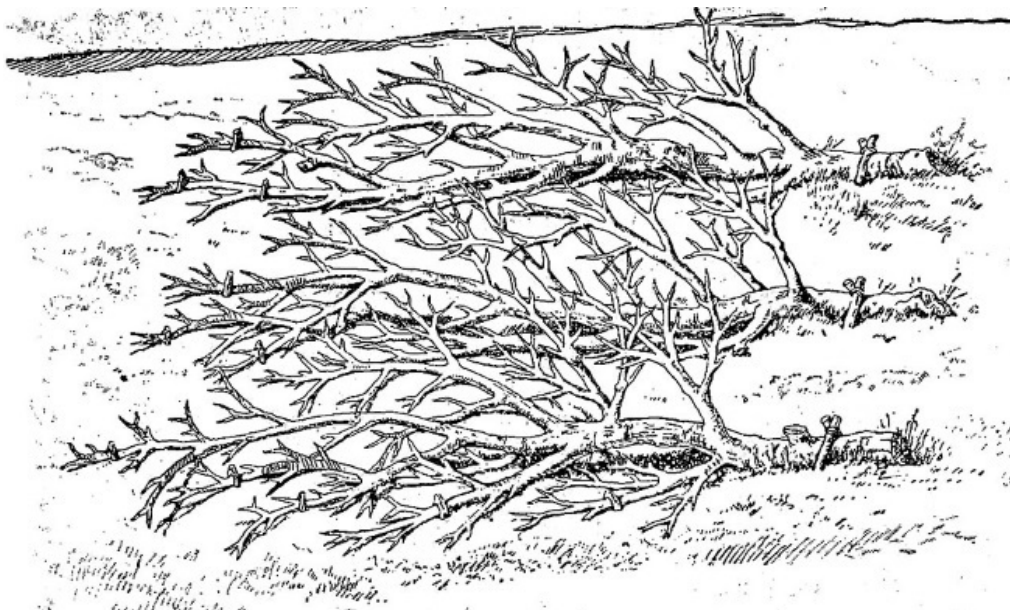
Показательно, что отдельные снаряды, даже крупных калибров, не делают электрических заграждений безопасными. Образуя воронки, они зачастую не разрывали питательного кабеля, даже находящегося в самой воронке. Попадая в заграждение, снаряды разрывали и путали проволоку, но контакты между ее частями сохранялись. Кроме того, часть оборванных проволок заземлялась и электризовала землю. В такой ситуации электрические заграждения продолжали представлять для жизни большую опасность. Более того, чтобы в связи с разрывом провода не лишить проволочные сети электризации, обычно делали несколько питающих ветвей, а сеть делилась на соответствующие участки. И только там, где заграждения на протяжении нескольких метров совершенно сносились артиллерией – электризация опасности уже не представляла.

Русская армия также применяла такие заграждения, хотя и в меньшем масштабе. Первый опыт создания электрических проволочных заграждений был осуществлен на Юго-Западном фронте подвижной автомобильной электростанцией, которая была установлена на 2-тонном грузовике и приспособлена для выработки тока напряжением в 230 вольт. Установленный на грузовике трансформатор позволял повышать напряжение до 2400 вольт. На фронте станция была поставлена в дер. Глубочек-Бельки и электризовала проволочные заграждения, построенные около с. Куровце.

В 12-й армии Северного фронта на Рижском боевом участке 4 автомобильных электростанции высокого напряжения питали сеть длиной более 12 километров (а считая с кабелем – свыше 50 километров). Электрические заграждения были установлены на первой линии второго рубежа Рижских позиций, на участке от Сухой Двины до

Заринского узла включительно. Заграждения проверялись ежедневно и содержались в постоянной боевой готовности к применению по требованию начальников боевых участков. Установлены они были на одном или двух рядах кольев, в зависимости от местной специфики и характера обычных проволочных сетей. Питающие сеть кабели прокладывались частью на столбах, но, в основном (для защиты от разрывов) под землей. Распределители помещались в блиндажах. Между распределителями, электрическими станциями и войсковыми частями на позициях было установлено телефонное сообщение. Для ремонта машин, приборов, для хранения запасного имущества, в Риге были созданы мастерская, гараж для автомобилей и склад предметов оборудования электрических автомобильных станций и электрических проволочных заграждений. Обслуживали такие сети специальные электротехнические команды.

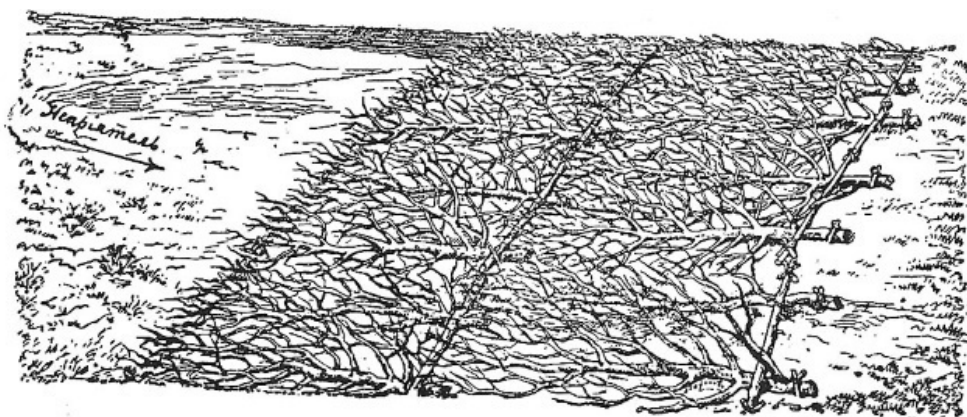
Кроме того, по решению начальника штаба 12-й армии, были произведены работы по созданию электрических защитных препятствий на ближайших подступах к Риге – в районе ближайших к городу позиций. В первую очередь были установлены электрические заставы у дорог, ведущих в Ригу – на Митавском шоссе, Длинной дороге, Баусском шоссе, Калнецемском шоссе, Шлокском шоссе (в местах, которые трудно было обойти). Одновременно ставились электризованные препятствия у мостов через р. Двину в Риге. По окончании этих работ перешли к соединению отдельных электризованных участков в единую систему электрических заграждений. Питаться электрическим током эти заграждения предполагалось от городской центральной электростанции через 4 трансформаторные подстанции.

Засеки из длинных деревьев. Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. – Спб.: Военная типография, 1910.

Проволочные сети зачастую соединялись с волчьими ямами. Данное искусственное препятствие глубиной более

2 м, имело на дне заостренный кол, вбитый в землю. Ямы располагались в несколько рядов в шахматном порядке, причем в промежутках между ними также вбивались колья, на которые натягивались проволочные сети.

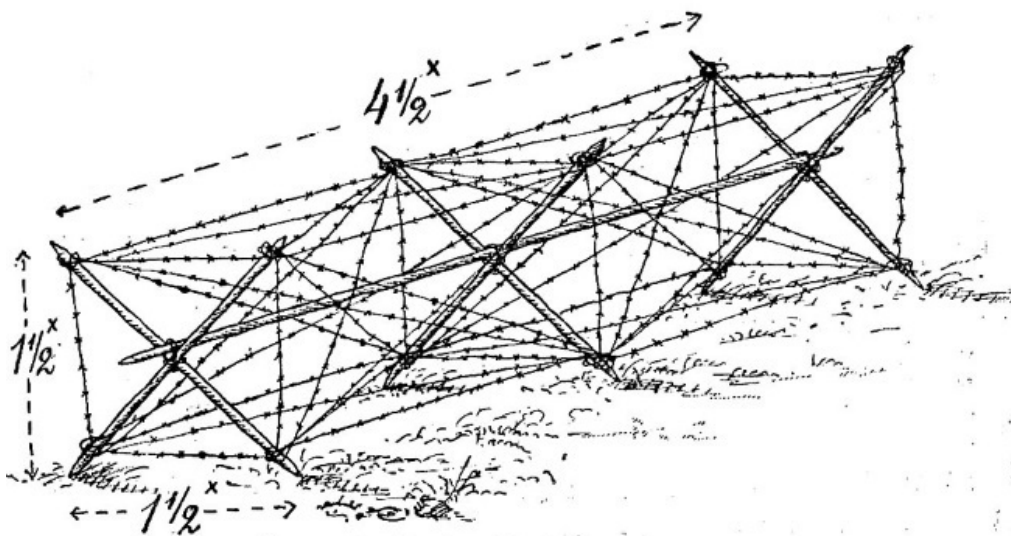
Засеки из коротких деревьев. Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. – Спб.: Военная типография, 1910.

Большими ценителями волчьих ям были австрийцы. Но, в отличие от засек и проволочных заграждений, нейтрализовать волчьи ямы наступающему было проще всего – от огня тяжелой артиллерии ямы и воронки смешивались в общую земляную массу.

Эффективными искусственными препятствиями были засеки. Они формировались из 3 рядов деревьев – причем таким образом, чтобы верхушки задних покрывали стволы передних (при необходимости еще и усиленных жердями). К земле засеки прикреплялись рогульками.

Такое препятствие серьезно затрудняло движение наступающего – тем более что оно было трудноуничтожимо даже огнем тяжелой артиллерии. Подобные засеки создавали германцы на рижском, двинском и митавском фронтах.

Палисад строился из заостренных бревен, которые одно близ другого закапывались в землю и между собой связывались горизонтальными досками, прибитыми со стороны обороняющегося. Такое препятствие имело вид забора и находилось, как правило, во рву перед позициями.

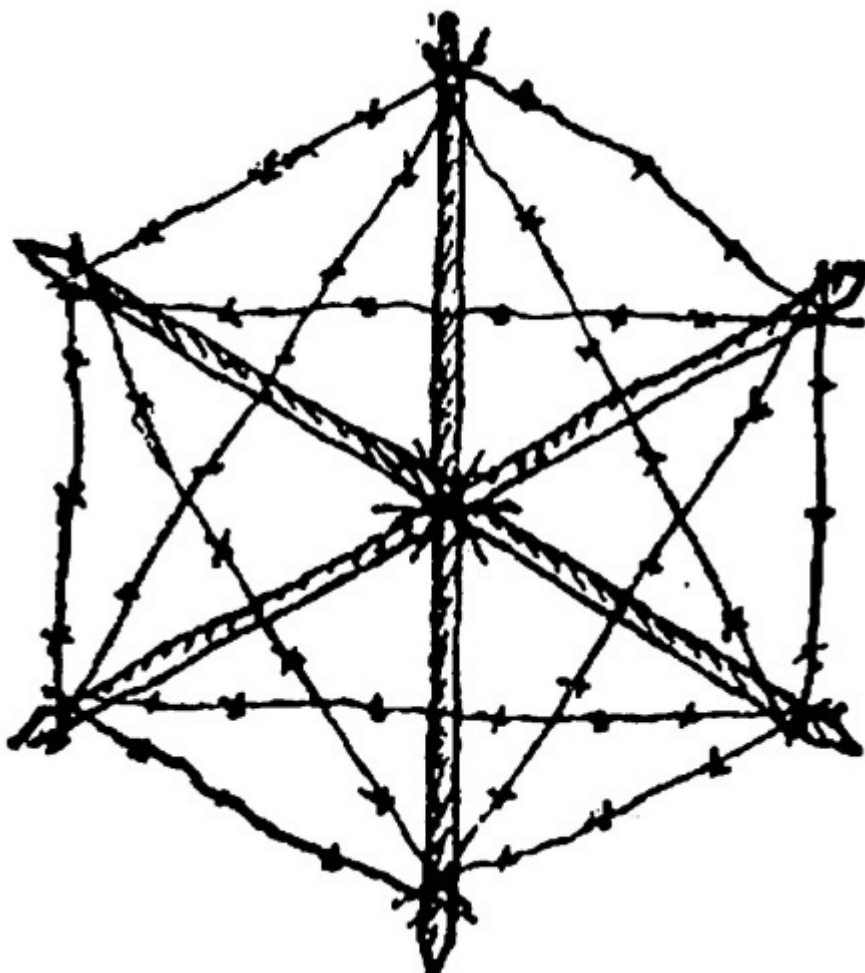

Рогатки. Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. — Спб.: Военная типография, 1910.

Рогатки состояли из 2–3 жердевых крестовин (высота около 107 см) и связывающей их поперечины (длиной 1–1,5 м). По ребрам и диагоналям рогатки оплетались колючей проволокой, а чтобы затруднить растаскивание, между собой также скреплялись колючей проволокой. Рогатка была мобильным заграждением, служила для починки стационарных проволочных заграждений, блокировала проходы через проволочные заграждения.

Иногда создавались сухие рвы, усиленные горизонтальной проволочной сетью. Сеть находилась на такой высоте от дна рва, чтобы ее нельзя было достать надеваемыми на винтовку ножницами для резки проволоки.

Позиционная война вернула к жизни и еще один пережиток средневековья – камнеметы. Они представляли собой ящики с зарядом, прикрытые толстым деревянным щитом. На щит наваливались камни, а потом все засыпалось землей. Для воспламенения заряд был связан с позицией запальным шнуром или проволокой. Камнеметы создавались на расстоянии 150–200 шагов от собственных позиций. Как только противник подходил к замаскированным камнеметам, следовал взрыв.

Проволочный еж. Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. – Спб.: Военная типография, 1910.

Закладывались и фугасы. Их отличие от камнемета заключалось в том, что если у камнемета ящик с порохом закладывался камнями, то у фугаса – засыпался землей.

Достаточно часто между проволочными заграждениями и засеками разбрасывались ежи. Ежи делались из 3-х кольев (длиной 107 см каждый) и связывались между собой проволокой так, что торчали по трем перпендикулярным направлениям.

Для того чтобы затруднить противнику борьбу с искусственными препятствиями, их старались максимально приспособить к местности, расставляя волнообразно или в шахматном порядке. Оптимальными

позициями для их размещения считались низины, обратные скаты высот, складки местности. У проволочных заграждений обороняющийся размещал специальные команды и наблюдательные посты, оснащенные минометами, бомбометами и пулеметами.

Сооружались искусственные препятствия и перед тыловыми оборонительными рубежами.

Совершенно очевидно, что атака (штурм) позиционной обороны была очень трудным делом, имея шансы на успех лишь при условии, что более-менее серьезно разрушены искусственные препятствия.

Препятствия постепенно обессиливали наступающего – и его наступление выдыхалось. Как отмечал Н. Капустин: «Наступательная сила каждой пехотной части... ограничена. Нельзя рассчитывать, что ежели один полк разбился о встреченные препятствия, то два или три полка добьются желательного успеха... Значительность понесенных потерь как в рядовых бойцах, так и в командном составе, перемешивание боевых единиц, постепенно увеличивают дезорганизацию части, уменьшают ее порыв к наступлению; наконец, часть доходит до преграды, преодолеть, которую у нее не хватит сил, она выдохлась и не в состоянии продолжать наступление»^[176].

Но все искусственные препятствия были серьезной преградой, если находились под прикрытием действительного огня обороняющегося, тщательно наблюдались и были хорошо замаскированы. Именно поэтому рекомендовалось создавать наиболее сильные искусственные препятствия на уязвимых и пассивных боевых участках, а перед активными боевыми участками оставлять проходы, заграждаемые разборными препятствиями (рогатки, ежи). Но активные участки должны находиться под особенно сильным огнем обороняющегося.

Узлы сопротивления прикрывались препятствиями с фронта и с флангов, а редуты – со всех сторон.

Разрушение препятствий издали – дело артиллерии (хотя часть этой работы брали на себя резчики проволоки, саперы, колья могли срезаться пулеметным огнем и пр.). Трудно приходилось наступающему, который располагал слабой артиллерией либо испытывал трудности с боеприпасами. Существовавший норматив предусматривал, что 1 легкое орудие пробивает метровый проход в проволочном заграждении. Но проволочные сети зачастую плохо поддавались воздействию снарядов даже самого крупного калибра. Поэтому, до атаки, наступающему приходилось высылать вперед особые команды для прокладки (или допрокладки) проходов в проволочных заграждениях. Но действия таких групп были возможны лишь после уничтожения пулеметов обороняющегося.

Отталкиваясь от количества пробитых в заграждениях проходов, формировались и штурмовые колонны атакующего.

Сила обороны в позиционных боевых действиях заключалась в развитии взаимосвязанной оборонительной системы на широкой площади – по фронту и в глубину. В этой связи первостепенное значение имели разведка свойств местности и грамотная организация взаимодействия между всеми элементами оборонительной позиции (в т. ч. со 2-й и 3-й линиями обороны). Каждый узел сопротивления, будучи эшелонирован в глубину, должен был позволить вести упорную оборону при условии полного окружения – огневая связь элементов обороны позволяла держаться максимально долго. Именно поэтому огневые точки и убежища старались размещать в шахматном порядке. Но, развивая укрепленные позиции в глубину, необходимо предоставить войскам возможно большее удобство для маневрирования.

В то же время сила обороны виделась и в наличии необходимого количества мощных убежищ, в которых рассредоточенные части и подразделения обороняющегося переживали артиллерийскую подготовку противника, избегая серьезных потерь. При сооружении таких убежищ приоритет отдавался железобетонным конструкциям, но

для создания закрытий использовались и рельсы, балки, рифленое железо и т. п. Главное преимущество железобетонной конструкции (помимо прочности) – в наличии комбинированной системы защиты. Так, если наступающий переходил к активным действиям в первые дни после заливки убежищ бетоном, то еще не просохший бетон не мог служить надежным закрытием – но защитой являлись железные части конструкции. К концу первого месяца после заливки бетон становился надежной защитой. Помимо убежищ особую мощь обороне придавали железобетонные пулеметные точки (колпаки), наблюдательные пункты, фланкирующие постройки. Совокупность таких убежищ, вкрапленных в систему обороны, зачастую являлась непреодолимым препятствием для атакующего. Только сосредоточенный огонь артиллерией крупных калибров по заранее выявленным целям мог нейтрализовать такие объекты.

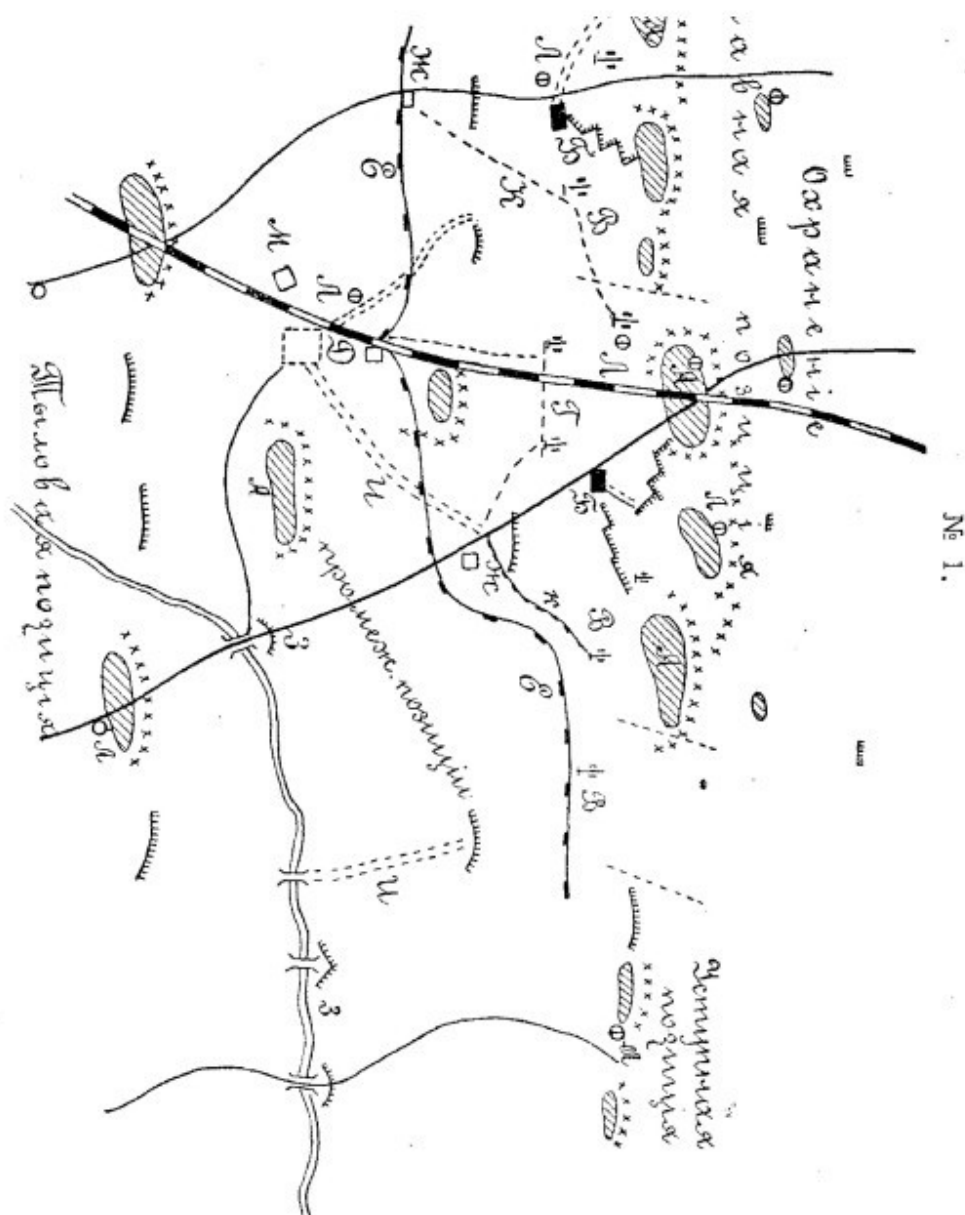
Чем дальше находился обороняющийся на соответствующей позиции – тем мощнее становилась совершенствуемая им оборона – опорные пункты превращались в группы таких пунктов, огневые точки бетонировались и блиндировались, в промежутках между ними размещались дополнительные пулеметы, разворачивались подземные линии связи, наращивались искусственные препятствия.

Главное правило, применявшееся обороняющимся, заключалось в том, что работы по усовершенствованию оборонительной позиции прекращаться не должны – ведь нет пределов совершенству.

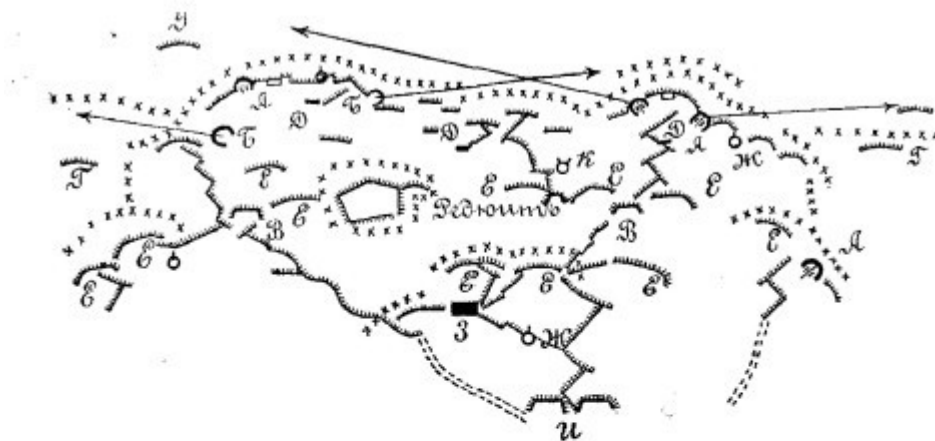
Ждать атаки, постоянно находясь на позиции – немыслимо. Именно поэтому в позиционной войне особенное значение имело охранение. Оно избавляло главные силы занимающих оборону войск от постоянного напряжения, а в случае атаки вовремя поднимало тревогу. Особое внимание уделялось ночному времени – охранение пользовалось такими средствами, как осветительные ракеты, прожектора и т. д. Прожектора (диаметр зеркала 45–90 см) были наиболее эффективным осветительным средством, освещаая местность на 5–7 км.

Как в пехоте, так и в артиллерии предусматривались дежурные части, готовые по первому сигналу открыть заградительный огонь, который остановит атакующего и даст время остальным частям занять боевые позиции.

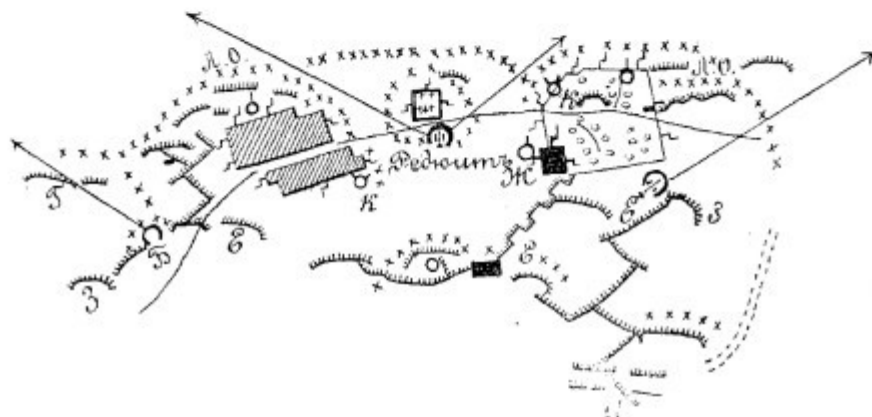
Для наблюдения за противником использовались привязные аэростаты – фактически наблюдательные вышки. Они поднимались на высоту 200—1000 м и позволяли видеть с помощью бинокля в ясную погоду на расстояние 10–12 км. Передвижение войск противника распознавалось на дальности до 8 км, укрепления и искусственные препятствия – 4–5 км, а детали инженерных сооружений – с 2–3 км. Зависящий от водорода аэростат мог вести наблюдение на протяжении 4 часов.

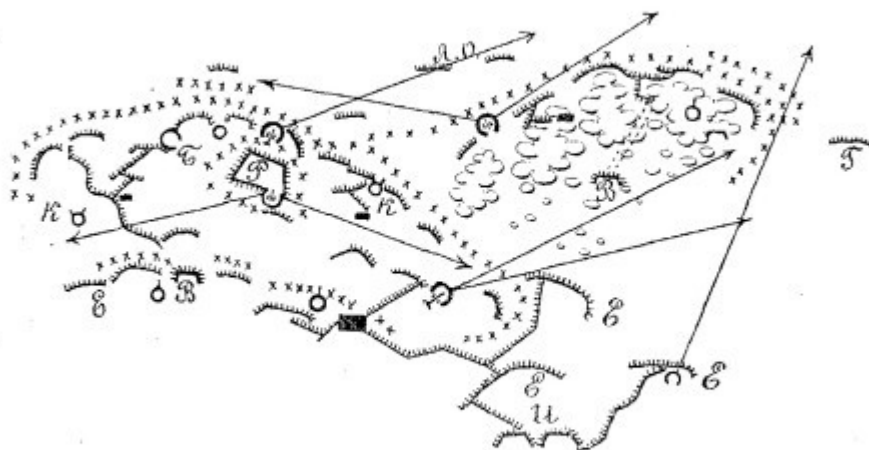
А. Узлы сопротивления.	З. Прикрытие мостовъ.
Б. Мѣста участк. резервовъ.	И. Колонные пути.
В. Батареи участковъ.	К. Пути для подвоза боевыхъ припасовъ.
Г. Батареи резерва.	Л. Наблюдательные пункты.
Д. Мѣсто общаго резерва.	М. Авангары для летател. аппаратовъ.
Е. Узко-кол. Жел. Дор.	
Ж. Склады припасовъ.	

№ 3.

№ 4.

А. Пулеметный окопъ.	Е. Запасные окопы.
Б. Запасный пул. окопъ.	Ж. Наблюдательные пункты.
В. Блиндажъ для резерва.	З. Блиндажъ Начальника.
Г. Ложные окопы.	И. Закр. для резерв. уала противн
Д. Блиндажи для офицеровъ.	К. Проектора.

*Типы укрепленных позиций. Наставление для борьбы за укрепленные полосы.
Изд. 6., Ч. 1, 1917.*

В итоге, как справедливо отмечало Указание Ставки, укрепленная полоса представляет собой труднопреодолимую силу при наличии 3 условий: величайшей бдительности, умении до последней минуты сохранить как можно больше людей способными к рукопашной схватке и при соответствии численности войск протяжению обороняемой ими позиции (при условии что на каждую пехотную дивизию приходится боевой участок от 5 до 10 верст).

Конечно, при организации обороны большое значение имели особенности занимающих оборону войск, а также фронта, на котором происходило противоборство. Так, при одинаковом подходе к организации и насыщению обороны, германская и австрийская практика существенно различались в одном. Как вспоминал участник Брусиловского прорыва комбат 409-го пехотного Новохоперского полка штабс-капитан (будущий маршал Советского Союза) А. М. Василевский: «...австрийские укрепления отличались от немецких той особенностью, что немцы вторую и третью линии обороны делали едва ли не сильнее первой, австрийцы сосредоточивали главные усилия именно на первой. Прорвешь ее – и покатился фронт вперед!»^[177].

В русской армии в деле организации обороны большое значение имела не только фронтовая специфика, особенности конкретного объединения или соединения, но и личность командира. Фронтовик вспоминал: «...в одном из корпусов, где мне пришлось служить, саперные работы вниманием начальства не пользовались и сводились не к делу, а к отдыху и офицеров и солдат. Картина резко изменилась, когда во главе корпуса встал генерал-инженер: целые полки выводились на построшку больших редутов нашего русского типа; затем артиллерия расстреливала эти редуты и их гарнизоны, изображенные мишенями. Сменивший инженера новый корпусный командир уделял меньше внимания саперным занятиям, но в одном отношении внес свежую струю: он требовал, чтобы искусственные препятствия перед укреплениями устраивались по германскому и австрийскому образцу,

причем все части по очереди практиковались в преодолении этих препятствий различными способами... наука по укреплению позиций, не дешево обошедшаяся нам, далеко не всеми начальниками... воспринята в одинаковой степени: в то время как на одном фронте, Юго-Западном, уже к середине кампании прозрели и уделяли самое серьезное внимание правильному начертанию окопной линии, быстрому возведению и постепенному усовершенствованию ее, продуманному устройству закрытий, плацдармов для перехода в наступление и т. п., на другом, Северном фронте, еще весной и даже летом 1917 года заботы о тщательном укреплении позиции не вызывали особого внимания начальствующих лиц, и явные дефекты оставались неприкосновенными. Западный фронт... занимал как бы середину между Северным и Юго-Западным»^[178].

Различными были и подходы к типологии оборонительных сооружений и даже к очередности их возведения. Так, инженерами сомкнутые оборонительные сооружения (редуты, каменные усадьбы и пр.) характеризовались положительно, в то время как бойцами такие форты именовались «братскими кладбищами» – выскочить из такой ловушки в нужный момент было практически невозможно.

Инженеры Западного фронта осенью 1915 г. наметили, а главнокомандующий фронтом утвердил следующую постепенность работ при укреплении позиций: а) возведение искусственных препятствий; б) сооружение окопов; в) расчистка местности перед огневыми позициями; г) постройка дорог и переправ. Но войска возражали против такой последовательности, справедливо считая, что первыми должны возводиться окопы – без огневой поддержки работающих противник не позволит возвести искусственные препятствия.

Стоит отметить, что в позиционной войне маневр не утрачивался – он приобретал другие формы. Для обороняющегося он состоял в переброске сил и средств к зоне прорыва, а также в осуществлении перегруппировок. Главные требования, предъявляемые к такому маневру –

скрытность и быстрота. На тактическом уровне активность оборонявшегося проявлялась в производстве разведывательных поисков, вылазок и контратак. Преследование потерпевшего поражение противника, как правило, осуществлялось огнем.

На Русском фронте укрепленные позиции сохранили свой линейный характер вплоть до конца войны. Это наблюдалось как у русских, так и у немцев с австрийцами. Глубина укрепленной полосы не превышала 1–2 км, а вместе со второй тыловой полосой вся глубина укрепленной зоны составляла 6–8 км. Такой позицией часто можно было овладеть с одного удара. В 1916 г. немцы, сбитые с рубежа р. Стырь, неизбежно должны были отскочить на р. Стоход; австрийцы, отброшенные с р. Стрыпа, должны были откатиться за р. Коропец, а потом и на Золотую Липу. Германцы прорывали русские позиции неоднократно и, как правило, с неизменным успехом.

В итоге необходимо отметить следующее.

Наступательный характер операций 1914 г. привел к широкому применению «самоокапывания»: каждый стрелок, лежа в цепи, отрывал для себя отдельную ложбинку, ячейку, которую потом постепенно совершенствует, доводя до профиля окопа для стрельбы «с колена», изредка – «стоя на дне рва». Большое распространение получает форма «ячеечного» или «гнездного» окопа. Осенние бои 1914 г., привели в тому, что с октября у русского командования происходит перелом во взглядах на дело укрепления позиций и начинается подготовка заблаговременно укрепленных позиций. Так на Юго-Западном фронте укрепляются предмостные позиции у Сандомира, Туры Кальварии, Иван-города, Ново-Александрии, Сольца, Юзефова, Аннополя; на Северо-Западном фронте возводится ряд позиций по р. Цареву: у Зегрже, Сероцка, Пултуска, Рожай, Остроленки, Новогрода, Ломжи, Визны, Тыкоцина.

Участок укрепленной позиции. Схема. Наставление для борьбы за укрепленные полосы. Изд. 6., Ч. 1, 1917

Эти позиции носят вначале исключительно линейный характер и состоят из обыкновенных стрелковых окопов, чередующихся с опорными пунктами в виде редутов окопного профиля с сильно развитыми «усами» (влияние опыта Русско-Японской войны), иногда в виде групп, состоящих из кольцевых и обыкновенных окопов, окруженных с фронта и с флангов проволочной сетью. Позиции Северо-Западного фронта, сохраняя по своей сути линейный характер, в большинстве случаев образуются из отдельных групп стрелковых окопов, расположенных с некоторыми промежутками одна от другой (иногда наблюдается расположение групп даже в 2 ряда) — такой характер имели Пултусские, Сероцкие позиции, позиция в районе Ивангорода, на линии Козеницы — Полично — Яновец.

После Лодзинской операции командованием Северо-Западного фронта для позиций на левом берегу Вислы и на правой берегу Пилицы был предписан «групповой характер» создаваемых оборонительных позиций (тип

группы – на 1 батальон из разбросанных окопов с ходами сообщений назад, убежищами, с запасной позицией в 500 шагах позади и групповым резервом в 800 шагов; общее протяжение группы – до 1 версты, расстояние между группами – 1–1,5 версты). Каждая групповая позиция окружена проволочной сетью, взятой из окопов под фланговый огонь. Таковы Варшавская, Троицкая, Радомская и Наревская предмостные позиции.

В первую половину 1915 г. на Северо-Западном фронте при создании оборонительных позиций прослеживалась склонность к сплошному линейному расположению, без резкого выделения более важных в тактическом отношении участков в узлы или группы, но в некоторых местах уже отчетливо проявляется идея эшелонирования обороны в глубину – путем создания вторых и даже третьих линий окопов, связанных с предшествующими боевыми линиями ходами сообщения.

На Юго-Западном фронте почти все позиции до середины февраля 1915 г. носили по-прежнему сплошной линейный характер. Позже стали возводить позиции смешанного характера – создавали узлы или группы с промежутками до версты, а этот промежуток заполняли несколько оттянутыми назад линиями окопов.

На Северо-Западном фронте командованию удалось все линейные войсковые позиции переделать в узловые.

В дальнейшем наряду с эшелонированными позициями возводятся и позиции прежнего «узлового» или «группового» типов. Таковы возведенные в 1915 г. позиции по р.р. Золотой Липе, Стрыпе, Збручу, притокам Буга и Днестра. С конца 1915 г. внедряется система укрепленных полос, следовавших одна за другой на определенном расстоянии и состоявших каждая из 3–4 линий окопов; впереди окопов имелось не менее 3-х полос проволочных заграждений (шириной 7—10 шагов каждая, с промежутками между полосами в 15–50 шагов). Окопы в изобилии были снабжены убежищами в виде «лисых нор» и соединялись между собою и с тылом массой ходов сообщения, большинство из которых были приспособлены

к обороне и позволяли, вместе с находящимися позади них окопами, брать атакующего в огневой мешок – это была впервые примененная т. н. «отсечная система». Кроме того, имелось большое количество фланкирующих построек, дававших возможность основывать оборону позиции на фланговом и перекрестном огне пулеметов и артиллерии.

С февраля 1916 г. позиции Юго-Западного фронта начинают приобретать указанный выше глубокоэшелонированный характер, в то время как на Западном фронте продолжали возводить позиции, по характеру подходившие скорее к групповым, а на Северном – позиции смешанного характера. С осени 1916 г. окончательно внедряется система укрепленных полос с «сильными узлами и центрами сопротивления».

Атака укрепленной позиции в условиях позиционной войны характеризовалась следующими особенностями, отличающими ее от наступления в период маневренных боевых действий.

1. Любая наступательная операция сводится к захвату не одной позиции противника, а к штурму не менее 2–3 укрепленных полос – и взятие каждой из них требует серьезной и тщательной подготовки. Таким образом, операция приобретает затяжной и сложный характер.

2. Овладение одной линией окопов противника не обеспечивает тактической победы – обороняющийся, подтянув резервы к следующей линии, может контратакой отбросить наступающего и свести все его предыдущие успехи к нулю. Необходимо овладеть всей укрепленной полосой. Соответственно, штурм каждой оборонительной полосы не может быть постепенным – иначе противник, пользуясь паузой, восстановит положение. Таким образом, это долгий (и одновременно энергичный) процесс, состоящий из взаимосвязанных и тщательно просчитанных этапов.

3. Во время штурма войска атакующего несут большие потери, его части и подразделения, находящиеся в неприятельских окопах и ходах сообщения,

перемешиваются – соответственно, порядок нарушается, а управление становится невозможным. Поэтому часть, осуществившая прорыв или остановленная вражеским сопротивлением до захвата всей укрепленной полосы, считаться боеспособной не может. Причем вливание в эту часть резервов ничего не даст – новый натиск должен быть выполнен абсолютно свежими частями. Ослабленные боем и расстроенные полки требуется не подкреплять, а сменять, выводя их в резерв (а по возможности и в более глубокий тыл – для приведения в порядок).

4. Соответственно, необходимо эшелонировать войска в глубину и иметь сильные резервы.

5. Внимание артиллерии – главного инструмента наступающего – раздваивается. При борьбе за укрепленные позиции артиллерия должна работать по двум объектам – живой силе и материальным средствам обороны.

Атака в условиях позиционной войны была очень сложным и рискованным делом, т. к.: а) сильные укрепления обороняющегося требовали систематической артиллерийской подготовки, тщательной работы артиллерии и большого числа снарядов; б) сильный и организованный огонь противника требовал тщательной инженерной подготовки атаки и создания искусственных подступов к неприятельским позициям для эффективного преодоления простреливаемого пространства; в) развитие оборонительной системы по фронту и в глубину требовало наличия продуманного плана атаки, специальной подготовки войск, снабжения пехоты сильной артиллерией сопровождения и четкой системы артиллерийской подготовки; г) особая роль отводилась воздушной разведке и корректировке огня; д) сосредоточение огромного количества снарядов, орудий, инженерного имущества и т. п. требовало должной степени развития коммуникационных путей – как для переброски резервов, так и для боепитания уже введенных в сражение сил и средств.

Причем комплекс подготовительных работ демаскирует намерения атакующего. Соответственно, важнейшей задачей являлось тщательное соблюдение тайны в деле подготовки к операции и осуществление целого комплекса маскировочных мероприятий. Ведь достаточно обороняющемуся, своевременно обнаружившему подготовку противником наступления, подтянуть достаточное количество дополнительной артиллерии, чтобы этим обречь потерявшего огневое превосходство наступающего на неудачу.

Но иногда стремление сохранить в тайне подготовительные мероприятия приводит к др. крайностям – например, командование русской 7-й армии, готовя зимнюю операцию 1915 г. на р. Стрыпе, для того чтобы сохранить тактическую внезапность, запретило осуществлять разведку позиций противника. Слишком суровое ограничение разведки, имевшее место в зимней операции 1915 г. на Стрыпе (7-я армия) и в Нарочской операции 1916 г. (2-я армия), сменялось иногда отношением совершенно противоположного порядка. Так, в период Барановичской операции (4-я армия) в мае 1916 г. в первую линию была выдвинута польская стрелковая дивизия – и в первую же ночь несколько десятков человек перебежало на сторону неприятеля, которые дали немцам ценные сведения о готовящемся русском наступлении.

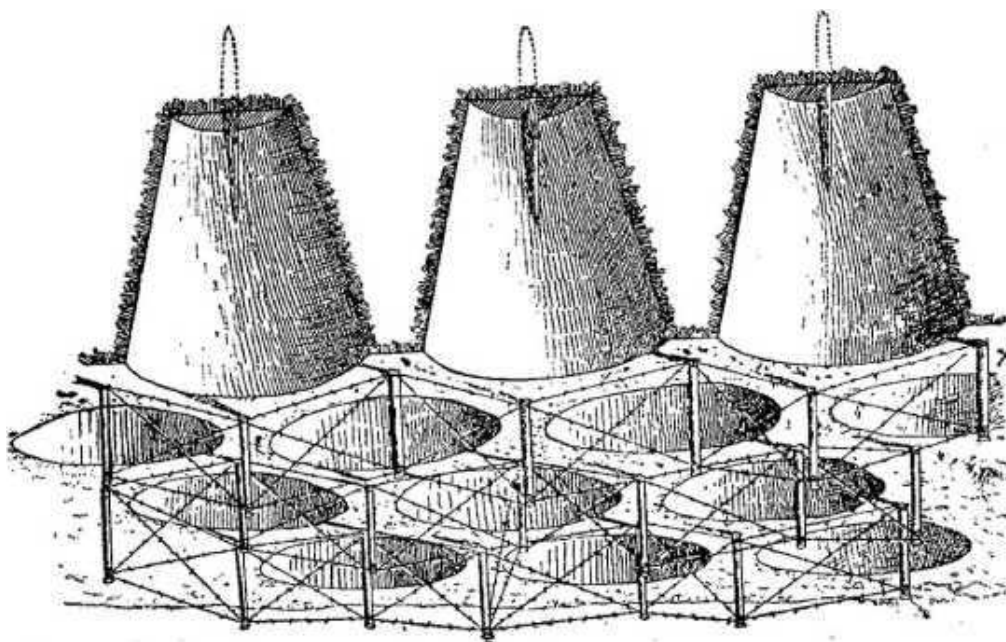
Важнейшей проблемой в условиях позиционной войны был вопрос взаимодействия пехоты с артиллерией. Боевой опыт выяснил, что никакая артиллерийская подготовка не в состоянии в должной мере проложить дорогу наступающей пехоте – тем более в условиях возросшей глубины обороны. Поэтому пехота должна была действовать максимально автономно, имея в своих боевых порядках артиллерию сопровождения и траншейные орудия, а также приспособления для разрушения искусственных препятствий. Так, для прокладки проходов в проволочных заграждениях использовались специальные ножницы, топоры, ручные гранаты и пироксилиновые патроны на специальных шестах. Существовавшие нормативы признавали желательным

иметь проходы шириной по 25–30 шагов из расчета 3–4 прохода на батальон. Волчьи ямы забрасывались сначала вязанками хвороста или соломы, а сверху – мешками с землей.

Пехота должна быть хорошо обучена борьбе с пулеметными гнездами, орудиями, узлами сопротивления, позициями на обратных скатах высот и т. п. Если приходилось преодолевать несколько линий искусственных препятствий, требовалось создавать промежуточные рубежи, соединенные с тылом ходами сообщений. Соответственно, рекомендовалось включать в состав штурмовых колонн подразделения, вооруженные ручными гранатами, лопатами, топорами, подрывными средствами. Придавались и отряды сапер. Важное значение имели команды «чистильщиков окопов» – они должны были зачистить отбитые позиции от остаточных групп бойцов противника. Эти команды вооружались ручными гранатами, револьверами, карабинами, кинжалами и пиками, а также снабжались карманными электрическими фонарями.

При штурме позиций противника признавалось необходимым: 1) добиваться перевеса в огне, 2) разрушить искусственные препятствия, 3) удачным маневром через достигнутые прорывы выйти во фланг и тыл тем участкам и боевым группам противника, которые еще держатся.

Но если препятствия не удалось нейтрализовать, наступление останавливалось, войска окапывались – к боевой линии подтягивались дополнительные пулеметы и орудия ближнего боя, начинались действия ручными и ружейными гранатами, а артиллерия возобновляла артиллерийскую подготовку. Но эффект тактической внезапности был утрачен – и начиналось «прогрызание» оборонительных позиций противника.

Волчьи ямы, усиленные проволочной сетью. Наставление по войсковому инженерному делу для всех родов войск. – Спб.: Военная типография, 1910.

Особое значение при ведении наступательного боя в позиционной войне имело бесперебойное снабжение наступающих частей боеприпасами и техническими средствами, а также умелое оперирование резервами. Важен был и грамотный расчет времени, необходимого для решения поставленных задач. Ведь наступательная операция включала в себя ряд последовательных этапов, на каждом из которых вопрос питания операции резервами и боеприпасами имел непреходящее значение.

Войска, назначенные для прорыва и обеспечивающие использование прорыва, – это ударная или прорывающая группа, а войска, вводимые в прорыв и предназначенные для развития и использования прорыва ударом на фланги и тыл противника, – маневренная группа.

Но прорыв – лишь первая (хотя и важнейшая) стадия наступательной операции в условиях позиционной войны. Не менее важное значение имели стадии развития прорыва и закрепления захваченной местности.

Наступательный бой на этапе позиционной войны требовал повышенной тактической самостоятельности от

солдат, унтер-офицеров и офицеров.

Учитывая важность фактора тактической внезапности, необходимо было минимизировать длительность артиллерийской подготовки при максимальном повышении ее эффективности. Расчет времени и наличие четкой системы при ведении артиллерийского огня являлись важным залогом успеха – сосредоточение орудий необходимых калибров, распределение целей, определение необходимого объема боеприпасов и тщательная разведка объектов имели ключевое значение. Например, важно точечное поражение оборонительных сооружений, но не менее важен и обстрел всей боевой зоны противника – неприятельские солдаты могли укрываться от обстрела в случайных окопах, воронках от снарядов и т. д.

Значимым обстоятельством для обеспечения тактической внезапности являлись ускоренная и скрытная переброска, а также качественная маскировка огневых средств. Учитывалось, что артиллерия на гужевой тяге проходит 60–70, а на механической тяге («тракторная артиллерия») – 100–200 км за ночь. Надлежащее подчинение артиллерийских средств также имело важное значение для эффективности наступательной операции – в том числе и потому, что проделанные в проволочных заграждениях проходы точно указывали противнику направление удара, и пехоте на таких участках требовалась дополнительная огневая поддержка.

Наконец, методика артиллерийской подготовки и артиллерийского сопровождения пехоты значительно влияли на результативность наступательной операции. Например, немцы формировали подвижной заградительный огонь из двух элементов – после ураганного огня тяжелой артиллерии следовал огневой вал легкой артиллерии, а за ним шла наступающая пехота. Боевой опыт показал, что при атаке укрепленной позиции скорость огневого вала не должна превышать 1–1,5 км в час,двигающаяся скачками в 150–200 м. Особое значение имел огонь химическими боеприпасами. И огромное

значение в позиционной войне имел точный расчет артиллерии.

В бою 2-го армейского корпуса у Доброноуце огневым участком была долина в 9 км по фронту и 3,5 в глубину. Требовалось учесть и батареи противника, находящиеся вправо и влево от участка прорыва на 5 км – это имело важнейшее значение в ходе борьбы за огневое превосходство. Таким образом весь фронт борьбы за огневое превосходство был не менее 19–20 км. Но мощь укреплений противника требовала наличия крупных сил артиллерии – не менее 45 орудий на 1 километр фронта атаки, в то время как 9-я армия могла выделить на этот участок всего 211 орудий. Пришлось изыскивать способ с малыми средствами сделать большое дело – решать задачу с помощью постепенного переноса огня. Нужно было вести и борьбу с артиллерией противника – на огневом участке длиной в 19 км у австрийцев было до 100 орудий, артиллерия двух дивизий. Подавить все эти орудия было невозможно. Задача была русскими артиллеристами решена следующим образом: вначале были разгромлены наблюдательные пункты противника, утратившие связь со своими батареями – поэтому батареи, стоявшие к югу от фронта атаки, в самое важное время операции бездействовали. Было учтено и то обстоятельство, что австрийские батареи, стоявшие напротив северного фланга атаки, были расположены в оврагах. Их обезвредили газами, пущенными по долине ручья, и добили химическими снарядами. Таким образом огневое превосходство было достигнуто – несмотря на артиллерийские средства, явно не отвечавшие требованиям задачи.

Тщательная организация огневой борьбы привела к тому, что атака прошла очень успешно, – и в первый же день пехота прошла на 2–3 км в глубину обороны. В дальнейшем усилия артиллерии сосредотачивались на действиях против высот, и корпус постепенно овладевал ими. Этим определился окончательный разгром австрийцев.

Совсем другое положение сложилось на фронте 7-й армии в декабре 1915 г. В борьбе 2-го армейского корпуса у Доброполе огневым участком были высоты длиной около 8 км и глубиной до 4 км, захватывающие всю долину р. Стрыпа. Организация боя здесь требовала не менее 300 орудий, а их было всего 150. Попытки атаковать укрепленную позицию противника на фронте в 2–4 км без учета его батарей на флангах участка прорыва (вследствие недостатка артиллерийских средств поддержки) неизменно пресекались фланговым огнем австрийцев.

Опыт мировой войны на Русском фронте доказал возможность, при наличии воздушных средств наблюдения, успешной борьбы с артиллерией противника в условиях позиционной войны. Этот опыт показал, какой слаженности и взаимодействия артиллерии с авиацией нужно достичь, чтобы пристрелять 2–3 цели в час (норма совместной работы артиллерии и авиации). В русской артиллерии служба артиллерийской разведки была организована в 1916 году.

Огромное значение имела местность, на которой действовали батареи. Так, в бою 24 мая 1916 г. местность со стороны противника командовала, но он занимал ее подошву – и позади его окопов местность на протяжении 2 км поднималась к высоте, подготовленной к обороне, но занятой лишь резервами. Русские позиции охватывали расположение противника дугой. На этой местности удалось выявить наблюдательные пункты противника и нахождение всех его 4 батарей, прикрывающих участок русской атаки. В результате огневое превосходство было быстро достигнуто русскими артиллеристами, батареи и пехота противника нейтрализованы и русская пехота в двухдневном бою осуществила полный прорыв фронта противника. Аналогичная ситуация была и в ходе действий 80-й пехотной дивизии в Прутской операции 1915 г.

В позиционной войне важнейшим залогом было количественное превосходство над неприятельской артиллерией. Французская норма указывала, для этого необходим огонь 12 орудий в течение 12–18 минут по

позициям выявленной батареи противника. Русские требования были скромнее – для успешной борьбы с батареей противника признавалось достаточным иметь 1,5 своей батареи, т. е. 9 орудий. В этом случае за 15–20 минут работы дивизион уничтожит 2 батареи противника.

Вследствие относительной количественной бедности русской артиллерии ей ставилась задача не уничтожить батарею противника, а нейтрализовать. А для этого было достаточно и 0,5 батареи на 1 батарею противника – 2 снаряда, падающие каждую минуту на вражеской батарее, не позволят артиллеристам подойти к орудиям.

И в то время как за 1 день атаки 1 июля 1916 г. на Сомме было выпущено 400 000 снарядов, или 8 тысяч тонн металла (или 27 поездов по 30 вагонов), русские войска в прорыве под Доброноуцем тратят 145 гаубичных и 455 легких снарядов на подготовку атаки, имея в запасе 280 гаубичных и 380 легких снарядов на орудие – всего около 75 000 снарядов.

Каждый приказ требовал бережного расхода снарядов. Так, командующий 6-й тяжелой полевой артиллерийской бригадой полковник В. Ф. Кирей пишет в приказе от 21 мая 1916 г.: «очередями стрелять запрещают», «пристреливаться и стрелять веерами запрещают», то есть каждый выстрел в цель, каждый выстрел – с корректировкой. Снаряды распределялись «по чайной ложке» на орудие, но каждый снаряд должен был произвести определенный эффект.

Не только малое количество снарядов, но и тяжелый опыт 1915 г., когда артиллерия становилась на позицию, в целях задерживания противника, всего с 15–20 снарядами на батарее – все это воспитывало личный состав русской артиллерии в духе строгой экономии снарядов. В боях на Гнилой Липе 1915 г. артиллерист 10 раз примеривал, 10 раз проверял правильность своих выкладок, прежде чем выпускал один выстрел. Артиллерист приучался выбирать цель тактически необходимую, учился распределять свои несчастные 15 снарядов, еще и оставляя из них кое-что «на всякий случай». В 1916 г., когда отмотилизованная

промышленность стала давать довольно значительное количество продукции, на фронте по-прежнему царила дисциплина артиллерийского огня и личный состав артиллерии уже имел необходимую закалку в печальном опыте 15-го года. На методическую стрельбу, на обстрел площадей со стороны немецкой артиллерии стали смотреть скептически, с сознанием собственного превосходства – как на недопустимую распущенность. Корректировалось каждое орудие, изучались пороха и марки взрывателей, применялись 1000 и 1 способ, чтобы затратить на стрельбу наименьшее число снарядов. Расход 10 снарядов на пристрелку по одной цели считался позором. Артиллерийский техник дневал и ночевал на батареях, непрерывно проверяя орудия. Снаряды чистились, сортировались, смазывались. Усиленно работали на картах, проверяли их по аэрофотоснимкам. Все это делалось с единственной целью – уменьшить расход снарядов.

Но русская артиллерия действовала превосходно и в таких условиях – при всей своей бедности она отличалась необычайной гибкостью и умением разрешать труднейшие задачи с очень малым количеством боеприпасов, с недостатком средств связи, и с отсутствием централизованного тактического руководства.

Зачастую ситуация складывалась таким образом, что сила систематического огня противника требовала применить дополнительные средства инженерной подготовки атаки. Одним из таких средств были инженерные плацдармы, позволявшие скрытно сосредоточить войска перед непосредственным броском в атаку.

Другим являлась минная война – методическое разрушение позиций противника средневековыми методами. Для закладки мин предварительно рыли глубокий колодец, со дна которого в направлении к окопам противника вели минную галерею, во избежание осыпания земли обложенную изнутри деревянными рамами. В месте, намеченном для взрыва мины, отрывалось особое углубление, куда помещался заряд,

называемый горном. Заряд закрывался землей и спустя некоторое время взрывался под ключевым пунктом позиции противника. Но и противник не сидел сложа руки – он также вел подземные галереи, прослушивал стук работы чужих минеров. Если ему удавалось под них подкопаться, он закладывал свой горн и взрывал неприятеля вместе с результатом его работы.

Именно поэтому минная война была трудна и рискованна. Противодействие неприятеля нервировало минеров и являлось причиной важных ошибок. Зачастую горн взрывался преждевременно и разрушал свои постройки и искусственные препятствия. Минная война велась в Карпатах, под Летценом, Иллукстом и др. Довольно энергичная минная война велась весной 1915 г. на Варшавском участке во 2-й армии – была сделана попытка захватить участок у ф. Могелы на р. Равке. Фольварк удалось занять после взрыва мины. Немцы ответили – и началась минная война, которая очень нервировала войска и в конце концов принесла обеим сторонам только потери без ощутимого тактического успеха. А в марте 1915 г. в Карпатах, в боях за Цвинин жестокий бой за каждый метр пространства шел на земле и под землей – взорвав первую мину в передовых окопах германского 3-го гренадерского полка, 17 марта удалось утвердиться в подорванной части вражеского укрепления.

Учитывая тот факт, что в борьбе за укрепленные полосы на каждом рубеже, к которому войска выйдут к ночи, придется создавать оборонительные линии для борьбы с контратаками противника, наступающий должен был обеспечить своих бойцов необходимым строительным материалом, проволокой, кольями и т. д.

На Русском фронте первые позиционные формы борьбы возникли уже зимой 1914/15 гг. – особенно ярко они проявились на польском ТВД (в боях на р. Бзуре), а также в Восточной Пруссии.

Попытки сторон применять тактические приемы, выработанные во время маневренной войны, приводили к большим потерям. Так, офицер Кавказской гренадерской

дивизии поручик К. Попов вспоминал: «Бзура, маленькая речка, приток Вислы, 40 м ширины, вброд не везде проходима, и в этот период времени еще не замерзла. На ее берегах разыгрались бои, сделавшие ее название историческим... 8 декабря, влево от нас, на Бзуре шел большой бой, причем переправившийся было немецкий полк целиком был уничтожен и 500 человек было взято в плен. В ту же ночь немцы переправились через Бзуру у Брохова, и подошедшему 237-му Борисоглебскому полку приказано было выбить переправившихся немцев. Борисоглебский полк был в полном составе. К нему были приданы 3 роты гренадер... До немецких окопов было 1000–1200 шагов. Местность, по которой нам предстояло атаковать, была ровной, как стол; в двух местах перед окопами должны были находиться болота, которые нам предстояло обойти... роты должны были идти цепями по полуротно. Немцы как бы чуяли нас, и все время одиночные пули жужжали над нашими головами. Вдруг раздалась тихая, но внятная команда: «Вперед», и роты, как один, поднялись. В этот же самый момент, как бы по наущению, немцы осветили нас брошенной ракетой... Все поле мгновенно осветилось, как днем, несмотря на шедший снег и стоявший туман. Масса людей обрисовалась из тьмы и казалась какими-то привидениями. Но это был только момент. Вдруг все заговорило, все закипело, частый ружейный огонь покрылся барабанной дробью пулеметов; с противоположного берега била немецкая артиллерия шрапнелью. Невзирая ни на что, лавина людей бешено ринулась вперед. Мы буквально летели, желая как можно скорей поглотить разделяющее нас от немцев расстояние. От взвивавшихся непрерывно ракет все время поддерживалось освещение и картина боя живет во мне и до сих пор...

Идя в 9-й линии, я был заслонен от пуль непроницаемой стеной человеческих тел и около 3/4 пути мы неслись без потерь. Временами я оглядывался на бегущую за мной роту, видел ожесточенные лица, кричавшие «ура», и стальную стену штыков. Я крепко сжимал в руке «Наган», коченеющими от холода пальцами. По мере приближения

к немецким окопам, с невероятной быстротой, редела впереди несущаяся масса борисоглебцев; уже сквозь просветы их я видел пламенные языки стрелявших пулеметов и линию немецких окопов, обозначавшуюся непрерывными взблестками ружейных выстрелов. От артиллерии мы не страдали, снаряды давали перелет и на них никто не обращал внимания. Вот уже... предо мной нет никого из борисоглебцев; до окопов самые пустяки... еще момент и мы ворвемся в них. Взвившаяся ракета освещает влево от меня картину: кучка борисоглебцев, человек в 50, в нерешительности остановилась у бруствера немецкого окопа. Вдруг кто-то с криком «ура» бросился вперед. Все сделали поступательное движение и пали скошенные пулеметным огнем. Выдержка немцев была изумительна. Я оглянулся назад и к ужасу своему заметил, что со мной всего один человек... Нигде, ни вправо, ни влево, ни сзади никого не было – все лежало. Конечно, это не означало того, что все были убиты или ранены; с уверенностью могу сказать, что большинство залегло... Теперь и мне ничего не оставалось как лечь. Немцы не прекращали огня. Лежа у бруствера немецкого окопа, я испытывал ощущение как будто бы голову мою бреют тупой бритвой. Немного вправо от меня жалил своим светящимся жалом пулемет. Ракеты падали непрерывно и приходилось лежать не шевелясь, чтобы не быть приконченным.

Пролежав таким образом минут 10, показавшимися вечностью, я стал на животе отползать назад... Все поле, за 10 минут перед этим завывавшее от воинственных криков и стрельбы, – сейчас стонало. Стоны и крики надрывали душу и неслись из многих сотен уст. «Братцы, помогите», «Спасите», «Не бросайте меня» – слышалось отовсюду. Временами слышались рыдания. Снег все шел и закрывал понемногу лежащую массу людей белой пеленой, как саваном. О санитарной помощи нечего было и думать, немцы до утра поддерживали сильный огонь; все, кто мог ползти или идти, постепенно уходили. Большинство же раненых лежало всю ночь и весь день и... неделю спустя... я каждую ночь высылал людей

подбирать трупы и складывать их в вырытую позади окопов братскую могилу»^[179].

Наиболее рельефно специфика позиционной войны проявилась в январе 1915 г. в боях у Воли Шидловской. Летом 1915 г. маневренные боевые действия дополнялись эпизодами позиционной войны (например, в ходе боев у Любачева).

Осень – зима 1915 г. привела к стабилизации Русского фронта.

Данный период ознаменовался первой крупной операцией русских войск, проведенной в новых условиях и закончившейся тактической неудачей.

7-я и 9-я армии Юго-Западного фронта 14 декабря 1915 — 6 января 1916 гг. провели наступательную операцию на р. Стрыпа. Изобилующая тактическими ошибками русских войск эта операция не привела к прорыву тактической обороны противника. По итогам этой операции русское командование констатировало следующие недочеты:

1. Недостаток взаимодействия пехоты с артиллерией. В передовых наступающих частях не было артиллерийских наблюдателей, вследствие чего пехота не только не могла иметь необходимой артиллерийской поддержки при контратаках противника, но зачастую артиллерия расстреливала свою пехоту. Артиллерия, особенно тяжелая, была установлена слишком далеко, и ее стрельба не была достаточно продумана.

2. Недостатки в сфере управления. Пехота часто врвалась на позиции противника, захватывая пленных и трофеи, но во всех случаях не могла их удержать и с большими потерями отбрасывалась назад. Основная причина неустойчивости пехоты – запаздывание резервов и неумение закреплять за собой захваченные участки местности.

Генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (справа – принимает доклад) – командующий 11-й армией (с 05. 04. 1915.), командующий 7-й армией (с 19. 10. 1915.), Помощник августейшего командующего армиями Румынского фронта (11. 04. 1917.—25. 03. 1918.). Летопись войны 1914 – 15–16 гг. № 75.

Командующий 7-й армией генерал от инфантерии Д. Г.Щербачев отмечал: «1)... головным полкам была дана недостаточно определенная задача; 2)... с первыми ворвавшимися не было на месте начальствующих лиц, которые... установили бы порядок; 3) не было связи в тыл; 4) не было передовых наблюдателей артиллеристов»^[180].

Одной из основных причин тактической неудачи было то, что наступающие части 7-й и 9-й армий были вынуждены до атаки длительное время сближаться с противником – покрывая большое расстояние под его действительным огнем. Одним из начальников было отдано следующее распоряжение: «все части пехоты, назначенные для удара, должны быть укрыты в окопах в расстоянии не ближе 1000 (!) шагов (тактический нонсенс. – А. О.) от атакуемой позиции противника»^[181]. Таким образом, учитывая, что позиции противника не были в достаточной мере разведаны, а его огневая система не была разрушена, наступающие понесли огромные

потери раньше, чем подошли к проволоке основного укрепленного рубежа германцев, и еще большие потери, когда ворвались на позиции врага.

Командование 9-й армии отмечало:

«В большинстве случаев сравнительно легко можно будет подойти к укрепленной позиции противника на дистанцию 1–2 версты и там закрепиться, но дальнейшее сближение потребует много усилий, времени (в зависимости от обстановки, несколько дней, а иногда даже недель) и содействия главным образом тяжелой артиллерии. Сближение должно идти непрерывно на широком фронте и продолжаться до тех пор, пока части не приблизятся к окопам противника настолько (примерно 40–50 шагов), чтобы при атаке они могли без остановки достигнуть этих укреплений. Во время сближения при каждой новой остановке части должны основательно закрепляться.

Генерал от артиллерии И. И. Иванов —19. 07. 1914. —17. 03. 1916. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Фото из: Великая борьба народов. Т. 2. М., 1915.

Дойдя таким образом почти вплотную к противнику и заняв исходное для атаки положение, надо немедленно приступить к оборудованию его в фортификационном отношении с целью устроить плацдарм, который допустил бы расположение как боевой части, так и резервов возможно ближе к противнику»^[182].

Наконец, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. И. Иванов 8 февраля

1916 г. писал: «При настоящих условиях ведения операций едва ли можно будет часто рассчитывать на элемент внезапности атаки. Поэтому в целях необходимого сближения с противником и облегчения производства штурма необходимо практиковать на всем фронте постепенное продвижение вперед небольшими частями, прибегая к ночным выдвижениям, сапам и даже минной войне с непременным, постоянным, основательным укреплением за собой пройденного пространства. Постепенное развитие окопов выдвигающимися вперед небольшими частями и установление связи их с основными линиями будут создавать новые приближенные к противнику позиции, дадут возможность с меньшими потерями добраться до его проволочных заграждений и приступить к порче их, уничтожению и проделыванию проходов»^[183].

По результатам операции были сделаны серьезные тактические выводы. Разрабатывались собственные тактические рекомендации, перенимался опыт ведения позиционной войны на Французском фронте.

Среди важнейших выводов, касающихся действий войск при прорыве эшелонированной обороны противника были следующие:

1) Участок прорыва должен быть достаточно широким – 20–30 верст (чтобы исключить возможность для артиллерии противника простреливать его с флангов – нейтрализовать огневые клещи врага);

2) Артиллерийское маневрирование – знаковый элемент успеха. Артиллерия должна иметь возможность сопровождать наступление пехоты, наращивать силу ударов и проводить повторные огневые налеты;

3) Переброске снарядов и др. материально-технических объектов к участку прорыва должно быть уделено самое пристальное внимание;

4) Качественная инженерная и воздушная разведка – это ключ к грамотной подготовке эффективной наступательной операции;

5) Артиллерию следует массировать, сводя в особые группы под руководством ответственного начальника;

6) Особое внимание уделить точному расчету необходимого количества привлекаемых к прорыву артиллерийских стволов, силы огня и количества боеприпасов.

Рекомендации для наступающих войск отмечали, что исходные позиции для атаки пехоты должны находиться на расстоянии 200–250 м от окопов противника – иначе долго придется бежать под огнем, а артиллерия с больших дистанций не сможет эффективно поддержать наступление. Такая позиция должна обеспечить пехотинцу (при условии разрушения искусственных заграждений) возможность за один бросок достичь неприятельских траншей. Сближение нужно осуществлять заранее, как инженерными способами (впервые речь шла о создании штурмовых плацдармов), так и путем захвата тактически важных участков местности.

Инженерному оборудованию местности придавалось особое значение. Для придания удару наступающей пехоты необходимой силы следует грамотно определять величину боевых участков (не делать их слишком широкими) и иметь сильные резервы. Формировать для наступления сводные корпуса, а также иметь в ударной армии более пяти корпусов не рекомендовалось. Наконец, необходимо тщательное техническое обеспечение наступающей пехоты – средствами связи, ручными гранатами, ножницами для резки колючей проволоки, пироксилиновыми шашками, брезентовыми матами для преодоления искусственных препятствий.

Артиллерия первостепенное внимание должна уделить разрушению искусственных препятствий, пулеметных блокгаузов и гнезд. План артиллерийской атаки должен был предусмотреть решение следующих задач: а) на каком протяжении и каким образом будут в проволочных заграждениях сделаны проходы; б) на каком протяжении будут скрыты окопы противника; в) какие укрепленные пункты должны быть уничтожены. Артиллерийская

разведка, грамотный выбор позиций, четкая постановка посильных боевых задач, снабжение боеприпасами, взаимодействие с пехотой и маневрирование – важнейшие вопросы, на которые должен был обратить особое внимание артиллерийский начальник. Действия артиллерии в позиционном бою должны отличать тщательный и методичный характер.

Особое значение придавалось артиллерии сопровождения пехоты, ведь «Вследствие крайней зависимости пехоты от артиллерийского огня и оборудования местности... против обороняемых огнем и защищенных искусственными препятствиями сооружений пехота, сама по себе, не имеет никакой наступательной силы»^[184].

Действительно, как показал опыт первых операций в условиях позиционной войны, даже наличие сильных резервов не даст успеха – если нет проходов в заграждениях и не подавлена система огня противника, то ввести их в бой невозможно. Прорвавшиеся же части без артиллерийской поддержки, забрасываемые ручными гранатами противника и контратакуемые его резервами, будут или уничтожены, или отброшены в исходное положение.

И тут особую роль играет артиллерия сопровождения пехоты. Так, 14-й и 15-й Сибирские стрелковые полки (2-й Сибирский армейский корпус) имели на вооружении в качестве полковых 37-мм пушки, приспособленные к передвижению (вернее, перекатке на руках) по узким пехотным окопам и к действию в наступательном бою в передовых стрелковых цепях – наравне с пулеметами. Эта маленькие пушки в ходе боев под Праснышем привели сибиряков к блестящим действиям, покрывшим славой 14-й, 15-й и 16-й Сибирские стрелковые полки. Аналогичным образом в тех же боях Второй Праснышской операции блестяще действовал 3-й горно-артиллерийский дивизион 4-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, приданный побатарейно пехотным полкам в качестве артиллерии сопровождения пехоты.

Благодаря своей легкости, 37-мм орудия в бою не выходили из цепей пехоты, что во многом и дало русскому наступлению успех, выразившийся в тяжелом поражении немцев и их отходе к своей границе. Стрелки верили в эти орудия больше, чем в остальную артиллерию своих дивизий – таким образом эти орудия придали сибирским полкам не только тактическую устойчивость, но и стали знаковым фактором моральной поддержки.

Тактические рекомендации применительно к обороне в условиях позиционной войны также содержали новеллы. В частности, предписывалось первую линию обороны занимать сравнительно слабыми силами (для того чтобы минимизировать потери в людях и огневых средствах), особое внимание уделив укреплению 2-й линии окопов (она же – исходная позиция для контратак). Располагать позиции указывалось таким образом, чтобы в руках противника не осталось пунктов, откуда его артиллерийские наблюдатели смогут увидеть русские позиции – ведь практика показала, что все видимое глазом артиллерийского наблюдателя почти наверняка будет уничтожено. Например, главнокомандующий армиями Западного фронта в своих указаниях в январе 1916 г. распорядился «блиндажи против тяжелых снарядов в первой линии впредь не строить»^[185]. Отмечалось, что потеря 1-й линии – это не конец боя, а только его завязка.

Признавалось необходимым иметь не менее 3 линий обороны, каждая со своими искусственными препятствиями (не менее 5 рядов кольев в проволочных заграждениях, желательно наличие 2 таких заграждений) и опорными пунктами. Время, затраченное артиллерией противника на смену позиции для атаки следующих линий обороны, поможет обороняющемуся с помощью контратак ликвидировать прорыв. Позиции должны состоять из автономных «центров сопротивления» (соединенных между собой окопами), каждый из которых сможет долго с успехом обороняться и препятствовать расширению противником прорыва в сторону флангов. Центры сопротивления должны находиться в огневой и обычной связи друг с другом и располагаться в 1–1,5 тыс. шагах

один от другого. Укрепления должны иметь групповой характер и не быть непрерывными линиями.

В Нарочской операции 1916 г. русская ударная группировка (2-я армия Западного фронта с частью сил 5-й армии Северного фронта) включала в свой состав вместе с резервами и 14-м армейским корпусом 1-й армии 12 корпусов. Численность ударной группировки – до 460 тыс. (375 тыс. во 2-й армии, наносящей главный удар) человек. Германская 10-я армия насчитывала 175 тыс. солдат и офицеров (в сражении приняли участие и войска германских 8-й армии и армейской группы Ф. фон Шольца).

Но недоучет артиллерийского фактора при проведении наступательной операции в условиях позиционной войны самым серьезным образом отразился на результативности сражения. Исследователь деятельности русской артиллерии в операции Е. Барсуков отмечал: «На участке главного удара сосредоточились довольно внушительные силы русских, но слабо обеспеченные артиллерией. На десять армейских корпусов имелось лишь около 1 тыс. легких и 150 тяжелых (до 152-мм) орудий. Таким образом, на тысячу штыков приходилось не более 2,5 орудия. Что же касается плотности насыщения артиллерией на участке главного удара, то она была довольно высокой для русского фронта того времени: в среднем 12–18, а на некоторых отдельных участках до 35 орудий разных калибров на 1 км фронта... эта норма была ниже тех, которые к тому времени были достигнуты на англо-французском фронте: до 100 орудий на 1 км фронта»^[186].

Западный фронт, в ходе операции наносивший главный удар, атаковал тремя группами: 1) генерала от кавалерии М. М. Плешкова (1-й и 27-й армейские корпуса, 1-й Сибирский армейский корпус, 7-й кавалерийский корпус); 2) генерала от инфантерии Л.-О. О. Сирелиуса (4-й Сибирский армейский и 34-й армейский корпуса); 3) генерала от инфантерии П. С. Балужева (35-й, 5-й, 36-й армейские, 3-й Сибирский армейский корпуса, Уральская казачья дивизия).

Ограниченный тактический успех сопровождал лишь левофланговой группе (П. С. Балуева) 2-й армии. Удары Северного фронта силами 13-го, 38-го и 37-го армейских корпусов, а также 14-го армейского корпуса 1-й армии успеха не принесли.

Одной из причин неудачи было то, что «неправильная группировка артиллерии на участке 1-го Сибирского корпуса привела к тому, что для подготовки атаки на главном направлении было использовано меньше половины всей тяжелой артиллерии группы Плешкова. 76-мм пушки не могли восполнить отсутствие тяжелой артиллерии в силу слабой эффективности их огня при стрельбе по окопам, в особенности при не успевшем еще оттаять грунте. Кроме того, утром 18 (здесь и далее – нового стиля. – *А.О.*) марта образовался густой туман, затруднивший наблюдение» [\[187\]](#).

Это привело к сохранению проволочных заграждений немцев и, соответственно, – к высоким потерям русской пехоты.

Вместе с тем «к концу операции проволочные заграждения противника были в ряде мест разрушены... разбиты козырьки, блиндажи целы, траверсы разбиты, проволочные заграждения достаточно разбиты, допускают прохождение пехоты без расчистки... Козырьки разбиты, окопы и ходы сообщения завалены трупами, блиндажи пострадали мало, вследствие нахождения в лесу и прочности сооружения. Сплошных проходов в проволочных заграждениях не образовалось, но пехота справилась с проволокой легко... Но артиллерии группы М. М. Плешкова не удалось уничтожить пулеметные точки, расположенные в лесном массиве, не подавила она и огня германской артиллерии, так как в течение всей операции последняя не была обнаружена из-за отсутствия хороших наблюдательных пунктов и воздушной разведки. В результате атакующая русская пехота не могла удержаться в захватываемых ею окопах, попадая под фланговый огонь пулеметов и сосредоточенный огонь германской артиллерии, расположенной вокруг атакуемого участка. Русская артиллерия благодаря умелому

расположению на закрытых позициях не была обнаружена германскими батареями и не понесла значительных потерь. Потери же русской пехоты были огромны»^[188].

Пехота действовала в трудных тактических условиях. Так, адъютант М. М. Плешкова полковник Гриппенберг отмечал: «По телеграфу передается войскам категорический приказ: «окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало». А войска стоят по колено в воде и, чтобы передохнуть немного, складывают немецкие трупы и на них садятся, так как окоп полон воды... А к вечеру они начинают промерзать и вдобавок к ним заползают раненые, изуродованные, не перевязанные, страдающие, стонущие... Чьи нервы могут выдержать? Это можно один день, два, но это повторялось в течение десяти дней. И тем не менее, они безропотно шли вперед. Что можно большего желать... войска заслуживают глубокого уважения»^[189].

Исследователь Нарочской операции Н. Е. Подорожный отмечал применительно к атаке 22-й пехотной дивизии: «В 12 час. 35 мин. вся дивизия перешла в стремительное и безостановочное наступление и под убийственным перекрестным огнем артиллерии и пулеметов противника мужественно докатилась до немецких проволочных заграждений, преодолеть которые не имела сил. Резка проволоки шла медленно, так как ружейным и пулеметным огнем врага выводились из строя целые сотни людей. Во время этой атаки особо рельефно выяснилось выдающееся значение фланкирующих участков и особенно лесного клина, наносившего своим огнем наибольшие потери»^[190].

Аналогичной была ситуация и на боевых участках соединений Северного фронта. Командующий 5-й армией В. И. Гурко писал: «...эти бои с ясностью продемонстрировали тот факт, что наступление, предпринятое в условиях траншейной войны в периоды морозов или зимней оттепели, в нашем климате ставит атакующие войска в крайне невыгодное, сравнительно с обороняющимся противником, положение... из личных

наблюдений за действиями войск и их начальников я сделал вывод, что подготовка наших частей и штабов совершенно недостаточна для ведения наступательных действий в условиях позиционной войны»^[19].

Генерал зафиксировал негативные обстоятельства, сказавшиеся на результативности операции – слабость артиллерии (особенно тяжелой), отсутствие внезапности и пагубная для пехотной атаки местность: «...постепенно прибывала тяжелая артиллерия числом, увы, не более ста стволов. К тому же это были по большей части крепостные орудия калибром не свыше 6 дюймов (т. е. 152 мм. – *А. О.*), взятые в Ковно и Гродно и приспособленные для условий полевой войны. Подготовительные работы можно было закончить не ранее конца марта. Расчет был на то, что к этому времени оттепель еще не начнется... наши приготовления не укрылись от внимания неприятеля. Противник сконцентрировал на этом участке артиллерию, по силе не уступавшую нашей, но имевшую важное преимущество – изобилие боеприпасов. Мы же в то время были вынуждены экономить каждый снаряд. Поэтому артиллерийская подготовка планировалась всего на один день с тем расчетом, чтобы еще до наступления темноты наша пехота успела начать атаку и захватить передовую линию вражеских укреплений. Наступление, поначалу успешное, вскоре ясно показало невозможность серьезного развития активных действий как по причине нехватки материальных средств, так и из-за трудностей ведения зимнего наступления в условиях позиционной войны.

Следует учитывать, что земля в этой местности промерзает... а следовательно, всякие работы по устройству траншей во время наступления и под вражеским обстрелом становятся почти невозможными. Не меньше усилий требует и переделка захваченных неприятельских укреплений для нашей обороны. К тому же погода совершенно расстроилась, и мороз сменился оттепелью с морозными ночами. Солдаты, лежа в снегу, промокали насквозь, а ночью их одежда замерзала, что

стало причиной большого количества обмороженных рук и ног»^[192].

Секретная записка по поводу осуществления операций на Стрыпе и у Нарочи также констатирует (применительно к корпусам 5-й армии): «Снаряды прибывали малыми партиями. Получалось впечатление, что их чрезмерно экономят все инстанции. Невольно экономят и сами войска – из боязни остаться совсем без снарядов, ибо нет веры в своевременную подачу их. Особенно острый недостаток ощущался в 3 дюймовых гранатах (т. е. фугасных снарядах к 76-мм полевым пушкам. – А. О.)»^[193]. Фиксировал данный документ и то что: «Одной из причин, по которым... исходное положение в мартовской операции на Северном фронте не было занято, явилась промерзнувшая... почва»^[194].

Прорвать эшелонированную оборону противника при недостаточной огневой поддержке, и тем более развить тактический успех (где он был) в оперативный, русские войска не смогли: «прорвавшиеся вперед части, не поддержанные своевременно, встреченные контратакою, забрасываемые ручными гранатами – в большинстве случаев отступали. Пассивное упорство войск под губительным огнем немецких пулеметов доходило до того, что в одном полку 60-й пехотной дивизии (28-го армейского корпуса 5-й армии. – А. О.) из боя вышло всего 700 человек. При этом закрепляться на мерзлом грунте занятых участков было крайне тяжело, делали окопы из снега и ночью с тыла подносили заполненные песком мешки»^[195]. Ситуация усугублялась недостатком технических средств и средств связи.

Следует отметить, что успехи на участке групп М. М. Плешкова (прорваны позиции германского 21-го армейского корпуса) и П. С. Балугева (прорыв и захват мест. Поставы) не были развиты в силу неудовлетворительного маневрирования резервами, что частично объясняется наступившей распутицей.

Вместе с тем германское командование, отмечая большое упорство русских в бою, говорит о критическом

положении немцев в нарочских боях.

Э. фон Людендорф писал, что «с 18 по 31 марта (здесь и далее в цитате – нового стиля. – *А. О.*) положение 10-й армии было критическим... 21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным, западнее Постав их атака была лишь с трудом отражена... Положение армейской группы Шольца и 8-й армии было не менее тяжелым»^[196].

Э. фон Фалькенгайн отмечал: «Для усиления атакованного фронта понадобилась... одна... дивизия из общего резерва, которая была подвезена из Барановичей...»^[197].

Если бы русская армия могла сосредоточить у оз. Нарочь такие же технические средства, какие имели французы в Шампани, и осуществить ими одновременный удар, то она могла бы обеспечить себе серьезный успех.

Ставка установила следующие основные причины неуспеха Нарочской операции:

1. Отсутствие тщательной, широко и всесторонне обдуманной подготовки операции. Войска не получали конкретных указаний о задачах и способах действительной, полевой, а не кабинетной подготовки. Войска не были знакомы с районом действий, так как прибывали туда часто перед самым началом операции. Армейское командование часто отказывалось взять на себя непосредственное руководство прорывом и передавало управление наспех импровизированным штабам групп, среди которых некоторые даже не произвели тактической оценки местности и личного ознакомления с ней.

2. Несогласованность действий артиллерии с пехотой. Пехота часто захватывала отдельные участки неприятельских позиций, но, оказываясь в дальнейшем без артиллерийской поддержки, отбрасывалась с большими потерями назад. Не поспевали и пехотные поддержки, которые вынуждались двигаться по открытым местам под убийственным артиллерийским огнем

неприятеля из-за отсутствия заранее оборудованных инженерных плацдармов.

3. Артиллерия получала невыполнимые задачи, но «старшие артиллерийские начальники не имели мужества заявить о «несоответственности условий»». Задачи артиллерии ставились неграмотно.

4. Ненадлежащим был выбор участков атаки. Основной недочет в данной области Ставка усматривала в том, что «без особой подготовки» пытались прорывать укрепления противника – причем методами полевого боя, без необходимого сближения с укрепленной линией противника. В результате, наступающие цепи пехоты в большинстве случаев расстреливались задолго до подхода к неприятельской «проволоке».

Был недооценен фактор заградительного артиллерийского огня – а ведь именно он мог прикрыть прорвавшуюся русскую пехоту и сократить ее потери. О том, какое значение мог иметь этот огонь, свидетельствует тот факт, что в боях на якобштадтском фронте (фронт 5-й армии) пленный германец сообщил, что если бы русские повторили свой неудавшийся штурм, то германцы были бы бессильны оказать им огневое сопротивление – вследствие русского заградительного огня доставка патронов к их позициям была прекращена, и стрелки имели не более пяти патронов на винтовку, а пулеметы – лишь пустые ленты.

Ширина фронта прорыва оказалась совершенно недостаточной. А на узких участках успешно продвигающиеся войска оказывались под воздействием огня противника, насквозь простреливавшего участки прорыва с обоих флангов. Не имея возможности закрепиться, войска несли большие потери.

Важнейшее значение на результативность операции оказали и условия местности – местность у атакуемого участка представляла собой сплошное болото.

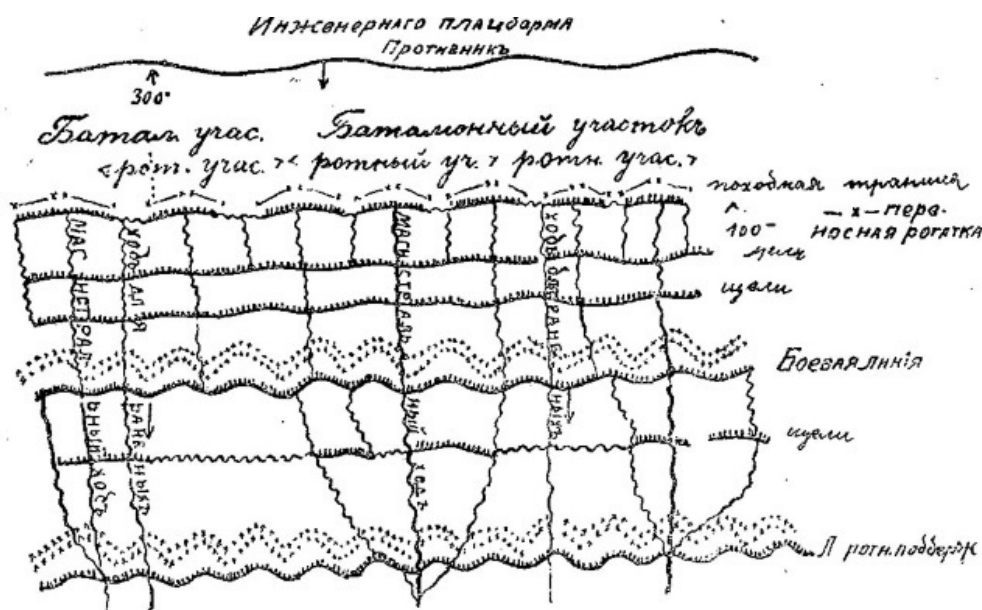
Командующий германским Восточным фронтом генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург специально

отметил тяжелые условия, в которых проводилось русское наступление: «каждый, кто был знаком с обстановкой, в которой оно осуществлялось, должен был изумляться, как можно было начинать такие действия в такое время года, когда вследствие таяния снега исполнение с каждым днем становится все труднее и труднее и когда оттепель обратила поля сражений в бездонные болота»^[198].

Русская артиллерия, не имея достаточного количества позиций, была вынуждена находиться далеко позади, а ее маневрирование (особенно тяжелой артиллерии) было значительно затруднено. Для русской армии оказался совершенно неожиданным применявшийся немцами тактический метод преднамеренного оставления наиболее опасных боевых участков – они отходили на новые позиции, оборудованные в тылу. В результате, русские войска часто не имели достаточно данных о всей укрепленной линии противника. Результатом этого «незнания» была ситуация, когда артиллерия работала не только «впустую», но и «вслепую». Получался замкнутый круг. Не получая артиллерийской поддержки, пехота двигалась в атаку в густых линейных строях и несла потери.

Ситуацию усугубляло и то обстоятельство, что местность в районе атаки не была оборудована и поддержки боевой линии открыто часами лежали под неприятельским артиллерийским обстрелом, «закоченевшие в снегу и в воде».

Выводы, извлеченные из Нарочской операции, легли в основу ряда наставлений и инструкций. Так, Наставление для борьбы за укрепленные полосы, изданное штабом 5-й армии, зафиксировало, что общая глубина 3-линейной укрепленной полосы – должна быть до версты (далее шла тыловая позиция). Первая линия является сторожевой, наиболее сильно должна укрепляться 2-я линия, а 3-я служит для концентрации и резервов и используется для восстановления положения при прорыве первых линий. Оборона должна строиться на перекрестном и фланговом огне из всех видов стрелкового оружия.

Инженерно-штурмовой плацдарм. Наставление для борьбы за укрепленные полосы. По указанию и под редакцией командующего 5-й армией генерала от кавалерии Гурко. – Изд. 4., Типо-Литография штаба Особой армии, 1916.

Предписывалось основывать оборону на совокупности опорных пунктов, расположенных в шахматном порядке и связанных между собой ходами сообщений, и иметь не менее 2–3 полос искусственных препятствий, также связанных с позициями ходами сообщений. Причем ходы сообщений также должны использоваться для организации продольного и перекрестного огня подступов к искусственным препятствиям, окопам и опорным пунктам.

Окопы рекомендовалось максимально приспособлять к местности – сооружая их, например, на обратных скатах высот. Оборона должна была строиться на немедленных и внезапных контратаках прорвавшихся частей противника, в т. ч. фланговых, с использованием всех возможных огневых средств.

Наиболее важные рекомендации касались штурма укрепленных полос противника. Подготовка к наступлению включала в себя следующие элементы: разведку, выбор участка для прорыва, расчет необходимых

сил и средств, инженерную подготовку (создание инженерно-штурмового плацдарма), перегруппировку и подготовку войск, меры по управлению, наблюдению и связи, решение вопросов снабжения, подготовка плана артиллерийской и пехотной атаки.

Разведка во всех ее видах (пехотная, артиллерийская, инженерная, газовая) собирала всю необходимую для наступления информацию – от выявления скрытых подступов к позициям противника до выяснения способов боепитания неприятельских войск.

Для прорыва выбирался участок 1,5–2 км шириной – но он обязательно должен был быть расширен в стороны флангов (на 7–8 км), чтобы обеспечить войска от сквозного флангового огня. Норматив расчета сил и средств – пехотная дивизия на 1 км фронта прорыва в первом эшелоне, не менее полка пехоты на каждый километр развития наступления в сторону флангов, 1–2 дивизии пехоты во втором эшелоне. Так, на 10–20-км участок прорыва требовалось 3–4 корпуса, объединенных армейским управлением.

Для разрушения проволочных заграждений, засек и рогаток наиболее подходящим являлся методичный сосредоточенный огонь фугасными снарядами из расчета: 1 легкая батарея огнем с расстояния 2 км обеспечивает проход в заграждениях шириной 42–43 м (при наличии точной предварительной пристрелки). Но для проделывания проходов можно применять и минометный огонь, гранаты, удлиненные пироксилиновые заряды, ножницы и топоры. Для разрушения окопов, огневых точек и убежищ необходимо применять 107 и 152-мм орудия. Артиллерия должна обеспечить огневую завесу и взаимодействовать с пехотой при наступлении последней (в т. ч. выделяя орудия непосредственного сопровождения).

Минометная подготовка дополняет артиллерийскую и ведется в промежутке между артиллерийской подготовкой и пехотной атакой.

Указания особое значение уделяли подготовке инженерно-штурмовых плацдармов – т. н. исходных траншей для атаки.

Предписывалось, что в наступление следует посылать свежую отдохнувшую и знакомую с местностью пехоту. Артиллерия делится на группы в зависимости от решаемых ею задач.

Учитывая проблемы в сфере управления и связи, решению этих вопросов указания уделяли особое внимание.

При отсутствии инженерно-штурмовых плацдармов атакующие войска сосредотачиваются для атаки: на открытой местности – под прикрытием темноты или тумана, а на закрытой местности – днем под прикрытием артиллерийской подготовки. Наступление ведется перебежками с закреплением достигнутых рубежей, стрелковые цепи находятся на расстоянии 100–150 шагов друг от друга.

Во время артиллерийской подготовки действия артиллерии должны быть направлены вначале на разрушение опорных пунктов противника, являющихся основой его обороны и затрудняющим движение пехоты – т. е. по искусственным препятствиям, пулеметам и окопам. Легкая артиллерия ведет огонь по препятствиям и войскам первой линии, тяжелая артиллерия – по пулеметам, окопам и убежищам. Специально выделенные легкие полевые пушки и 122-мм гаубицы осуществляют контрбатарейную борьбу.

После того как в проволочных заграждениях пробиты проходы, пехота (имея впереди гренадер, рабочих и саперов для расширения проходов в заграждениях) под прикрытием огневого вала движется вперед «волнами перекатов», стремясь как можно быстрее преодолеть полосу заградительного огня противника. Части прорыва закрепляют за собой позиции противника (после одного из наиболее сложных видов боя – боя на неприятельской позиции), а эшелон развития успеха развивает прорыв в глубину и в стороны флангов.

Особое внимание уделялось отражению контратак противника.

Наставление Ставки подчеркивало, что пехота обладает большой цепкостью (способностью удерживать участок местности), в то время как «окопные инструменты» позволяют ей быстро закрепиться, а мощное вооружение (винтовка и пулемет) дает ей уверенность в возможности остановить любую неприятельскую атаку – но если только она не подготовлена артиллерией. Но «пехота быстро расходуется», особенно во время позиционной войны, когда приходится преодолевать различные препятствия.

Декларировалось, что в основе наступления в позиционной войне должны лежать стремительность и ошеломляющая мощь натиска – после «подавляющей артиллерийской подготовки и немедленного, вслед за тем, короткого, но могучего пехотного скачка».

Сформулировал свои выводы применительно к действиям войск в условиях позиционной войны и начальник ударной группы 2-й армии генерал от инфантерии П. С. Балугев. Он отмечал, что война ведется при других условиях, чем «мы привыкли думать и чему нас учили. Уже с 1915 года выяснилось, что война ведется не постоянными армиями, а народными, что доминирующую роль в ней играют технические средства... Благодаря появлению в главной роли технических средств, настала для всех неожиданная позиционная война, которая потребовала новых приемов и способов ведения наступления и обороны. Между тем мы до конца войны придерживались старых способов ведения войны и, главным образом, принципов полевой войны, и, рассчитывая преимущественно на наше превосходство в живой силе, упускали из виду, что превосходства этого, без достаточного количества технических средств, еще недостаточно... в настоящую операцию живой силы было достаточно, но при отсутствии должного количества технических средств, ее хватило только на прорыв»^[199].

В составленной им Записке^[200] П. С. Балугев подробно излагал свои тактические взгляды.

Он выявил специфику нового типа боевых действий – позиционного противостояния: «...оба противника как бы сговорившись, останавливаются и закапываются в землю, и наступает второй период кампании – позиционный, где главную роль уже играет не живая сила, а технические средства борьбы. К этому роду борьбы оказалась неподготовленной ни одна из воюющих сторон. Средства этой борьбы развиваются постепенно, с течением, времени, в зависимости от тех способов обороны и атаки, которые применяет противник. Помимо живой силы громадное значение приобретает – проволока и огонь во всех видах: ружейный, пулеметный, артиллерийский, минометный, бомбометный, ручных гранат и т. и.».

Генерал выявил тактические просчеты в построении боевых порядков русских войск: «... мы растягиваем свои войска по фронту, на корпус 50 верст и почти не признаем глубокого построения, и в то же время не принимаем никаких мер к увеличению и усовершенствованию технических средств борьбы. Противник в этом случае оказался дальновиднее нас. Поняв, что вся сила борьбы заключается в технических средствах, а главное в артиллерии, преимущественно тяжелой, он, стоя перед нами и, не давая нам только возможности двигаться вперед, начинает накапливать эти средства, а попутно и вырабатывать способы применения их.... В то время как у него устанавливаются уже положительные основы обороны и наступления, мы все еще стоим на перепутье. Впрочем, не только мы, но даже и наши союзники в этом отношении отстают от него, хотя по сравнению с нами имеют преимущество в массе своей артиллерии, снарядов и других технических средств».

Он отмечал: «... мы переходили в наступление без достаточных технических средств и хотели применить приемы полевой войны: прорвать, разбить и уничтожить противника, упустив из виду, что противник теперь состоит не из одной живой силы, а еще и из земли, железа и чугуна, и конечно, потерпели неудачу... без технических средств одной живой силой нельзя отстоять никакой, как бы она не была укреплена, позиции».

П. С. Балугев не только вскрывал недочеты – он давал рекомендации: «...В основу... указаний должны лечь:

1) занятие позиций, удобных для обороны, а не случайных;

2) укрепление первой линии окопов, и устройство заграждений; 3) устройство окопов для частных резервов передовой линии; 4) устройство второй линии обороны для дивизионных резервов; 5) оборудование артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов; 6) устройство армейской позиции не ближе такого расстояния, чтобы сбитые с позиции войска могли ее занять, выйдя из под ударов противника, причем и эта позиция как и передовые должна состоять из трех указанных линий...7) Неослабное наблюдение за противником и производство разведки... разведка эта должна лечь всецело на разведывательные отделения всех штабов, которые, для этого должны иметь в своем распоряжении агентов и авиационные отряды; 8) Оборона позиции должна основываться как на живой силе, так и на артиллерийском огне, поэтому войскам должна быть придана в достаточном количестве тяжелая артиллерия; 9) Окопы позиций должны иметь линейный характер с фланкирующими частями, как самих окопов, так и подступов к ним. Никаких резко выдающихся вперед частей и участков не должно быть. Надо считаться с тем, что, нынешние войска мало обучены, мало стойки и страшно впечатлительны к обходам и охватам. Должно быть обращено самое серьезное внимание на устройство проволочного заграждения, причем оно должно делаться массивным и прочно заколачиваться в землю, а не состоять из тонких жердей, воткнутых в землю, и обязательно должно быть в несколько рядов. Окопы должны быть сделаны во весь рост человека, узкие и лучше их делать без козырьков, а с прочными бойницами... Для наблюдателей, пулеметов и бомбометов и начальствующих лиц должны быть устроены прочные блиндажи. В окопах должно быть возможно большее количество траверсов для защиты от флангового огня. От окопов к поддержкам должны быть сделаны ходы

сообщения; 10) В линии окопов для частных резервов должны быть устроены опорные пункты для обстрела как первой линии, так и подступов к ней; 11) Также должна быть устроена и следующая линия обороны... 13) Должна быть тщательно изучена местность, сделаны фотографические снимки позиции противника и на основании этого артиллерия наша должна быть расположена так, чтобы могла держать под огнем как самые позиции противника, так и подступы к нашим позициям причем в числе оборонительной артиллерии должна быть хотя часть тяжелой без которой оборона позиции немыслима; 14)... артиллерия должна быть подчинена начальнику участка, который является ответственным за оборону своего участка во всех отношениях... 15) Хотя при наших недостаточных средствах мы не можем иметь особых батарей для устройства заградительного огня, как это практикуют французы и немцы, но должны при первой возможности отделить часть батарей и для выполнения этой цели.

Должна быть тесная связь между пехотой и артиллерией, для чего в передовых окопах, кроме пехотных наблюдателей, должны быть артиллерийские наблюдатели... наступление с больших расстояний пехоты почти невозможно, а потому, атака днем возможна только накоротке. Если же приходится атаковать с больших расстояний, то сближение на короткую дистанцию должно быть сделано ночью, иначе наша пехота не подойдет даже к их проволочному заграждению... в случае прорыва первой линии немцев необходимо немедленно же развивать успех, чтобы не дать возможности их артиллерии организовать и вновь встретить войска, для чего надо иметь вблизи сильные резервы, которые можно было бы немедленно же бросить вперед как только наши передовые войска ворвутся в первую линию окопов противника».

Записка могла стать основой для немедленного реформирования форм и методов боевого использования русской армии в позиционный период войны.

Таким образом, приобретенный немалой кровью «нарочский» боевой опыт не пропал даром: «...нужен был такой удар, какой русская армия получила у озера Нарочь, чтобы стряхнуть с себя беспечность и неповоротливость в руководстве войсками и к новой Брусиловской операции прорыва под Луцком подготовиться более осмотрительно, осторожно, а главное, вдумчиво, используя опыт предыдущих наступательных операций. И результат, как мы знаем, получился совершенно иной»^[201].

Новым словом в преодолении позиционного тупика мировой войны стало Наступление Юго-Западного фронта 1916 г. В состав фронта (протяжение 450 км от Стири до Прута) входило 573 307 штыков, 60 000 сабель, 1770 легких и 168 тяжелых орудий (из них 596 полевых и 74 тяжелых – в 8-й армии на направлении главного удара).

Юго-Западный фронт, занимая 35 % общего протяжения фронта против Германии и Австро-Венгрии, в своем составе имел 27 % общего числа пехотных, 32 % кавалерийских дивизий и до 29 % общего числа орудий. Австро-венгерские войска располагали 448 тысяч штыков и 27 тысяч сабель, 1300 легкими и 545 тяжелыми артиллерийскими орудиями.

Перевес 1 к 3 в пользу атакующего, как этого требует военная теория, не соблюдался. По огневой мощи неприятель превосходил русские войска – за счет тяжелой артиллерии.

Все надежды были на тщательную подготовку операции и новую методику прорыва. Войскам Юго-Западного фронта предстояло прорвать мощные оборонительные позиции противника, состоявшие из 2–4 укрепленных полос, расположенных одна за другой на расстоянии 5 — 10 км, в 2—3 линии окопов полного профиля каждая и с многочисленными узлами сопротивления (убежища, блиндажи, лисьи норы, пулеметные гнезда, бойницы, козырьки и др.). Основу позиции составляли опорные узлы, в промежутках – сплошные траншеи, подступы к которым простреливались с флангов, на высотах располагались доты. От некоторых узлов сопротивления

вглубь шли отсечные позиции – и при прорыве атакующие попадали в «мешок».

Окопы противника были оснащены козырьками, блиндажами, убежищами, врытыми глубоко в землю, с железобетонными сводами или перекрытиями из бревен и земли толщиной до 2 м, способными выдержать даже тяжелые снаряды.

Для пулеметчиков устанавливались бетонные колпаки. Между полосами и линиями окопов создавались искусственные препятствия – волчьи ямы, рогатки, засеки. Проволочные заграждения (иногда под электрическим напряжением) в 19–21 рядов кольев прикрывались фугасами. Австрийцы были настолько уверены в неприступности своих оборонительных рубежей, что организовали в Вене выставку, макеты и снимки оборонительных сооружений позиционировались как высшие достижения фортификации, а германский кайзер, посетив боевой участок Южной германской армии, объявил, что таких позиций он не видел даже на Западе.

Русские войска тщательно подготовились к предстоящей операции. Район позиций противника был хорошо изучен войсковой, агентурной, армейской и авиационной разведкой. Командный состав был снабжен планами участков атаки. Когда в каждой армии был определен участок для удара, туда скрытно подтягивались войска, заранее во втором эшелоне натренированные в преодолении препятствий. Были созданы точные макеты позиций противника, построены учебные городки для подготовки войск. Артиллерийские офицеры с пехотными знаками различия отрабатывали взаимодействие на передовой.

Были созданы инженерно-штурмовые плацдармы – они позволили максимально близко подтянуть пехотные части к исходным рубежам (сближение на 200–300 шагов от противника – иначе пехоте пришлось бы двигаться в среднем до 1000 м по простреливаемой местности). Хорошо замаскированная артиллерия заранее пристреляла цели, отрабатывалось взаимодействие между пехотой и

артиллерией. Каждой батарее был дан точный сектор обстрела – причем стремились фланкировать атакуемые участки. Были составлены перспективные чертежи неприятельских позиций, а цели пронумерованы. Копии этих чертежей выдавались командирам батальонов и рот.

Еще до начала артиллерийской подготовки легкими батареями была осуществлена пристрелка – причем каждое орудие было пристреляно отдельно. Высчитывалось количество боеприпасов – как для разрушения проволочных заграждений, так и для организации огневого вала. Сооружались ложные батареи.

Особенно серьезное внимание было обращено на установление связи между общевойсковыми и артиллерийскими командирами. В целях сохранения тайны даже отпуска военнослужащим предоставлялись в обычном режиме. Письменных распоряжений почти не отдавалось. Производить разведку крупными группами начальствующих лиц запрещалось.

Все это принесло соответствующие результаты.

За первые три дня боев, с 22 мая 1916 г., армии Юго-Западного фронта прорвали оборону противника и продвинулись в ее глубину на 25–35 км (результат, к тому времени недостижимый для наших союзников по Антанте), захватив большое количество пленных и военного имущества. Уже к полудню 24 мая было взято в плен 900 офицеров, свыше 40 тыс. нижних чинов, захвачено 77 орудий, 134 пулемета и 49 бомбометов; к 27 мая – 1240 офицеров, свыше 71 тыс. нижних чинов и захвачено 94 орудия, 179 пулеметов, 53 бомбомета и миномета.

За 13 дней боевых действий Юго-западный фронт продвинулся: 8-я армия – на 75 км; 11-я армия – на 2–15 км; 7-я армия – на 10–15 км; 9-я армия – на 50–60 км. Это были хорошие наступательные темпы.

Свои теоретические и практические взгляды на организацию прорыва позиционного фронта противника

А. А. Брусилов старался внедрить в повседневную практику вверенных ему войск. Так, командующий Особой армией

В. И. Гурко отмечал, что на фронте его армии каждому командиру корпуса было предложено выделить небольшой участок – предпочтительно такой, на котором позиции противника находились бы от русских позиций на расстоянии не более ста шагов, и время от времени провоцировать на нем ближние бои в окопах – с применением минометов и бомбометов вместо артиллерии и ручных гранат вместо штыков. Эти участки должны были также служить дивизиям корпусов чем-то вроде полигонов для обучения рукопашному бою.

Огромная подготовительная работа всех командных инстанций Юго-Западного фронта, грамотное взаимодействие родов войск, тактическая внезапность – главные причины успешного взлома глубокоэшелонированной обороны противника.

Но в дальнейшем операция заглохла. Следующие причины повлияли на отрицательный результат операций Юго-Западного фронта после первых успехов:

1. Возросшая обороноспособность противника. Подтянутые германские резервы настолько усилили австрийский фронт, что он приобрел достаточную устойчивость.

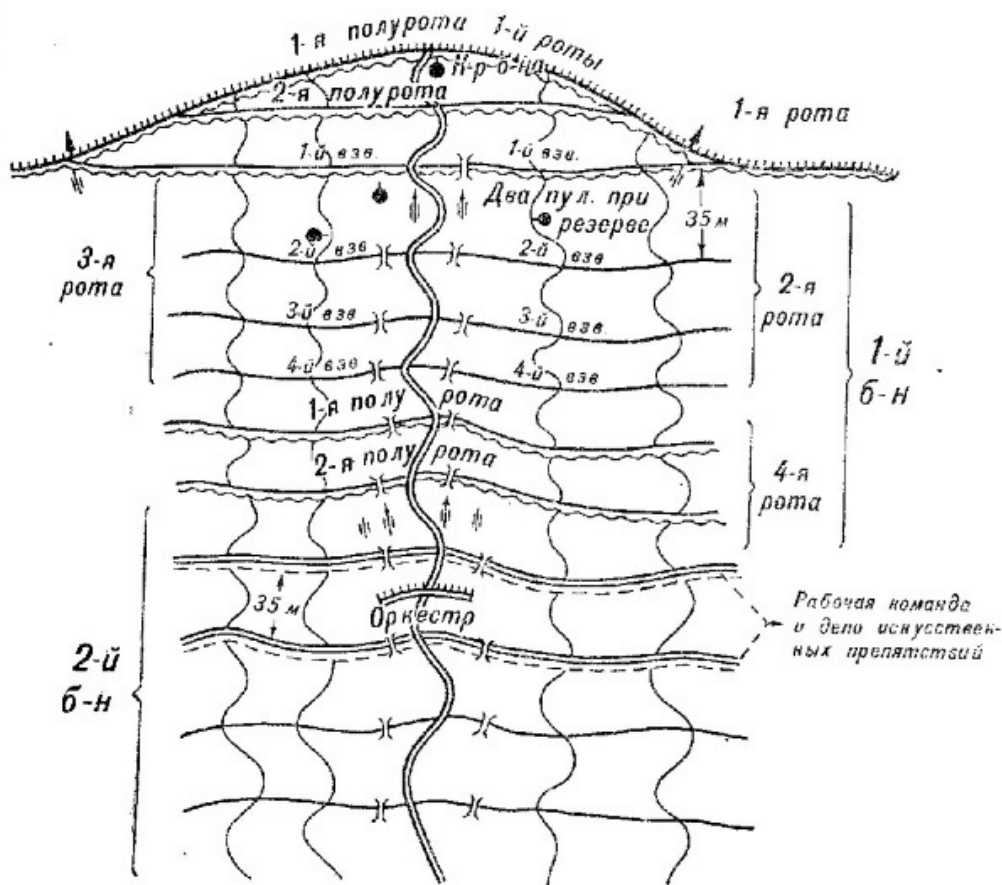
2. Большие потери Юго-Западного фронта, под влиянием которых активность его войск неуклонно понижалась.

3. Главным операционным направлением стало ковельское – войска фронта вновь столкнулись с мощной обороной противника в ситуации, когда они в значительной степени исчерпали свой наступательный потенциал.

Сыграли свою роль и тактические ошибки, допущенные командованием разного уровня. Особенно заметными они были у командования русского Западного фронта, содействовавшего наступлению соседа.

Так, во время наступательной операции у Барановичей главной причиной неудачи русских войск была недостаточная разведка дислокации германских батарей, сначала молчавших, но затем мощным огнем парализовавших русский прорыв. Русская артиллерия была бессильна предотвратить расстрел своей пехоты, ведя эффективную контрбатарейную борьбу – из-за неизвестности местонахождения батарей противника. Местность сказалась и на подготовке инженерно-штурмового плацдарма – окопы русских и немцев находились на взаимном удалении от 0,5 до 1 км, а на некоторых участках до 3 км, т. к. противников разделяла заболоченная р. Шара. Соответственно, если штурмовые плацдармы на Юго-Западном фронте располагались не далее трехсот шагов от окопов противника, то на Западном – в среднем в километре и более. Не был подготовлен участок прорыва, исходные позиции начали готовить за несколько дней до наступления (до этого подготовка к наступлению велась на Виленском направлении). Ходов сообщения создано не было – и германская артиллерия, расположенная на обратных скатах высот, расстреливала русские резервы, перемещающиеся по открытой местности. В результате артиллерия противника не только сумела воспрепятствовать подходу русских резервов, но и расстреливать раненых солдат и офицеров,двигающихся в тыл. Артиллерия русской 4-й армии ставилась наспех, почти без пристрелки. Причем часть батарей устанавливалась уже в ходе развернувшегося сражения.

Недостаточная инженерная и разведывательная подготовка операции лишила русские войска возможности достигнуть оперативного успеха – невзирая на их высочайшую доблесть и мужество.

Русский инженерно-штурмовой плацдарм в операции у Барановичей, 1916.
Князев М. С. Борьба в позиционных условиях. – М., 1939.

В успешности наступательных операций весны – лета 1916 г. огромное значение сыграло накопление собственного боевого опыта, полученного в результате операций на Стрыпе и у Нарочи, а также заимствование позитивного опыта позиционной борьбы на фронтах союзников (миссии В. Г. Яковлева, М. Н. Ермолаева).

По результатам Наступления 1916 г. русское командование аккумулировало новейший опыт борьбы в условиях позиционных боевых действий, сформулировав его в соответствующих наставлениях.

Важнейшие новеллы применительно к организации наступления, исходя из анализа наставлений Ставки и командования Особой армии, были следующими: 1) особая роль придавалась воздушной разведке и аэрофотосъемке;

2) ударные корпуса – главная движущая сила операции прорыва; 3) тщательная подготовка к операции предполагает не только разведывательные и организационно-технические мероприятия, но и подбор лиц командного состава; 4) тайна операции должна поддерживаться всеми доступными средствами, а нарушители режима секретности должны беспощадно наказываться; 5) предварительное сближение с противником осуществляется на широком фронте – чтобы не выдать направления главного удара; 6) при выборе участка прорыва приоритет отдается выпуклостям в сторону русских позиций (это позволяет фланкировать фланги боевого участка противника); 7) согласование действий всех родов войск и командований всех уровней, отработка боевых задач – залог успеха наступательной операции; 8) подчиненность артиллерии (создание артиллерийских и минометных групп, введение должности инспектора артиллерии армии и фронта) и ее качественное применение (грамотное распределение в зависимости от типов целей; большая часть тяжелой и гаубичной артиллерии со второстепенных боевых участков используется при прорыве; привлекаются бомбометы и все минометы резервных частей и т. д.); 9) необходима доскональная проработка вопросов боепитания; 10) места для пробивки проходов в искусственных препятствиях намечаются по заявкам общевойсковых начальников (на каждую роту – 2–4 прохода шириной 8,5—10,5 м каждый); 11) количество боекомплектов, расстреливаемых на единицу площади должно быть тщательно просчитано и обосновано (выкладки в зависимости от калибра орудий и типа целей в наставлениях имелись); 12) учитывая, что наиболее опасными для каждого ударного корпуса являются батареи противника, расположенные вне участка данного корпуса и обстреливающие его фланговым огнем, в каждом ударном корпусе и каждом фланговом второстепенном участке образовать по одной противобатарейной группе, особенно тесно связанной со своим или ближайшим корпусом; 13) целесообразным является грамотное сочетание всех видов артиллерийского огня

(заградительный, сопровождения, методический, ураганный, «огневые пробки» для ходов сообщения и др.).

Считалось целесообразным, что наступающая пехота должна состоять из волн цепей, приспособленных к быстрому смыканию и размыканию строя при прохождении через проходы в проволочных заграждениях. По мере расширения проходов гранадерами и предыдущими стрелковыми цепями, расстояние между волнами должно уменьшаться.

Расстояния между волнами зависят от количества, ширины, глубины и чистоты проходов. Во главе первой цепи идут подрывники, резчики проволоки и гранадеры.

Нормативы устанавливали количество гранат системы Новицкого, которые потребуются для проделывания проходов длиной и шириной 6,4 м (3 сажени) в зависимости от типа искусственного препятствия. Для проволочной сети требовалось 20–36, засеки – 4–6, шахматных кольев – 4–6, рогаток и ежей – 8–10, досок с гвоздями – 6–8 гранат.

Артиллерия за 5—10 минут до пехотной атаки доводит силу своего огня до наивысшего напряжения – чтобы заставить солдат противника покинуть окопы и спрятаться в убежищах. Тяжелые и гаубичные батареи бьют по окопам, убежищам и их ходам сообщений. Минометы расстреливают первую линию окопов.

С приближением наступающей пехоты к объекту атаки, артиллерия постепенно переносит огонь на ближайший тыл противника – формируя заградительный огонь. Но перенос огня должен быть осуществлен незаметно для противника, без перерывов и понижения интенсивности – чтобы не указать укрывающемуся в убежищах или во второй линии неприятелю на начало пехотной атаки. Особое значение придавалось контрбатарейной борьбе.

Такова была общая схема наступательной операции.

После неудачного развития перспективного прорыва 46-й пехотной дивизии 25-го армейского корпуса в операции у Барановичей русское командование стало уделять

должное внимание и мерам для развития локальных прорывов.

Начальник инженерной службы Юго-Западного фронта инженер-генерал К. И. Величко, ознакомившись с системой позиций австрийцев, захваченных во время брусилковского наступления, сформулировал следующие выводы, посвященные организации позиционной обороны:

1) При укреплении каждой из полос оборонительной позиции особое внимание необходимо уделить организации сильных узлов сопротивления и перекрестной обороне подступов к промежуткам между ними; необходимо наличие линий окопов, допускающих взаимное фланкирование частей позиции винтовочно-пулеметным огнем; искусственные препятствия должны простреливаться не только фронтальным, но и продольным огнем; необходимо наличие отсечных позиций.

2) При наличии не менее чем трех линий окопов основная тяжесть обороны лежит на второй линии, расположенной не ближе 150 шагов от первой, хорошо замаскированной, с сильными искусственными препятствиями.

3) Перед первой линией обязательно наличие сильных естественных препятствий, подступы к которым должны обстреливаться перекрестным артиллерийским огнем. Первая линия должна выдержать первый удар противника, дальнейшее развитие которого останавливает оборона второй линии. В первой линии нужно держать лишь дежурные части и возможно больше пулеметов.

4) Третья линия обороны должна состоять из совокупности групповых опорных пунктов, расположенных в 400 – 1000 шагах за второй линией.

В ходе декабрьской Митавской операции 1916 г. недостаток тяжелой артиллерии навел русское командование на мысль о возможности произвести прорыв

позиционного фронта без предварительной артиллерийской подготовки.

Ставка была сделана на внезапную массовую пехотную атаку.

Как отмечалось, организация проходов в заграждениях противника артиллерийским огнем задолго до начала штурма открывает врагу наступательные намерения и позволяет ему произвести соответствующую перегруппировку огневых средств и резервов. Таким образом, новая схема прорыва основывалась в основном на действиях пехоты и должна была способствовать достижению тактической внезапности. В качестве инструментария, способного проложить проходы в искусственных препятствиях противника, назывались: 1) удлиненные заряды; 2) брезентные или проволочные мосты и лестницы; 3) большие топоры (секиры); 4) ножницы.

Удлиненный заряд состоял из шеста с привязанными к нему динамитными шашками или зарядами тола. Для устройства саженного (т. е. 2-метрового) прохода в трехрядном проволочном заграждении необходимо около 15 толовых или пироксилиновых шашек. В конец заряда вставлялся запал из капсюля с бикфордовым шнуром и зажигательным приспособлением. Такой удлиненный заряд закладывался внутрь проволочного заграждения. Для применения удлиненных зарядов требовались обученные солдаты – подрывники.

Брезентные мосты представляли собой навернутую на шест полосу брезента или проволочной сетки, набрасываемую на заграждение. Идея брезентных мостов зародилась в русских войсках, а затем была перенята немцами, заменившими брезент проволочными сетками

Мысль осуществить такой прорыв возникла у командующего 12-й армией генерала от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриева еще в июле 1916 г. Она встретила сочувствие у главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина, который сообщал начальнику Штаба Верховного

Главногокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексееву: «...Нам нужно заменить систематическую артиллерийскую подготовку элементом внезапности... – сосредоточившись значительными силами в районе, где нас противник менее всего ожидает, атаковать стремительно без методической медлительной артиллерийской подготовки, ограничившись только ошеломляющим противника коротким ураганным огнем артиллерии»^[202].

Предпосылкой успешности таких замыслов являлась позиционная специфика Северного фронта – на нем были такие участки, которые позволяли осуществить подобную внезапную атаку. Бассейн р. Аа, лесистый и болотистый, с чрезвычайно высоким уровнем грунтовых вод, не позволял строить глубоко вкопанную в землю укрепленную полосу. Только на отдельных песчаных буграх были созданы блокгаузы. В промежутках между ними окопы складывались из бревен на поверхности земли – зарываться в землю не получалось. Проволочные заграждения были развиты недостаточно – немецкие окопы прикрывались тремя полосами проволоки в 4–6 кольев. Густой лес и кустарник давали возможность подходить незаметно к немецким позициям.

Продвигая свою идею, в одном из своих докладов Р. Д. Радко-Дмитриев писал:

«Опыт... показал, что если позиция противника расположена на местности лесистой, то все, что находится за опушкой леса, почти неуловимо и неуязвимо для артиллерии, даже при громадной затрате снарядов... Методические атаки по существу своему всегда принимали длительный характер, затягиваясь на несколько дней. Они давали возможность противнику не только правильно ориентироваться, угадать пункт нашего удара, но и собрать резервы из весьма отдаленных районов.

В результате мы были свидетелями почти постоянно повторяющегося явления, что в то время когда мы, сильно ослабленные и изнуренные и физически и главное морально атакой первой линии, кидались дальше,

неприятель нас встречал свежими силами и контратаками отбрасывал в исходное положение»^[203].

Командующий 12-й армией не отрицал пользы методичной артиллерийской подготовки, но считал, что такая подготовка возможна лишь на открытой местности, когда вся укрепленная полоса противника видна насквозь, и ее обстрел возможен без перегруппировки артиллерии. В лесном же районе, несмотря на то, что укрепленные линии противника обычно расположены близко одна от другой, их методическое разрушение артиллерией, тем более при недостатке таковой, не может дать хороших результатов.

Р. Д. Радко-Дмитриев отмечал: «Если бы атакующему удалось посредством маневра собрать скрытно на каком-нибудь одном участке численно превосходные силы, если бы удалось убедить исполнителей, что внезапность является лучшей подготовкой удара, то не сомневаюсь, что, приняв решение во что бы то ни стало довести дело до конца, мы добьемся прорыва неприятельского фронта, а раз прорыв сделан, то явятся не только уязвимые фланги, но и крайне чувствительный тыл»^[204].

Вместе с тем, генерал не отрицал необходимости артиллерийской подготовки и при внезапной атаке: «Я отнюдь не отвергаю артиллерийской подготовки, но мы должны ожидать от артиллерии не преувеличенной и непосильной... работы, а только того, что она может нам дать без ущерба для внезапности и в пределах имеющихся тяжелых снарядов. Для этого нам необходимо исподволь, незаметно для противника, собрать намеченные артиллерийские средства в районе атаки, подготовить все так, чтобы артиллерия могла в течение 3–4 часов сделать свою подготовку первой линии, а затем пустить сейчас же части в атаку, вселив во всех, от генерала до рядового, решимость и уверенность необходимости довести атаку до конца, сметая все перед собой. Я уверен, что предшествуемая мощным заградительным огнем пехота будет уничтожать все по дороге и, работая вручную, пробьет себе путь до неприятельской батареи»^[205].

Р. Д. Радко-Дмитриев жаловался на официальные наставления, которые своими указаниями, что атака может иметь успех лишь после тщательной артиллерийской подготовки и точного подсчета снарядов и других технических средств, сковывают инициативу, решимость и творческую работу начальников. Он просил главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии Н. В. Рузского освободить 12-ю армию от стеснений и оков наставлений и разрешить произвести удар методом «ускоренной атаки», как он назвал свой метод внезапной атаки после короткой артиллерийской подготовки.

Необходимо также отметить, что метод внезапной атаки подходил в основном для операций с ограниченной целью – в них можно было привлечь меньшие силы, позволявшие легче реализовать принцип тактической внезапности.

В Митавской операции были задействованы: 110-я пехотная, 3-я, 5-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии, 6-я особая, 1-я и 2-я Латышские стрелковые бригады. В ходе завязавшихся боев ряд частей не смогли прорвать фронт противника и с потерями отошли на исходные позиции. Но Латышские стрелковые бригады, а также 56-й и 57-й Сибирские стрелковые полки прорвали германскую оборону.

Действия частей 2-й Латышской стрелковой бригады при прорыве позиционной обороны противника характеризовались следующим образом: «Подход полка к проволоке по заранее изученному подступу был обнаружен немцами, открывшими... огонь. Резчики проволоки во время движения сбились... к правому флангу. Момент был критический и только благодаря находчивости полковника Гоппера (К. Я. Гоппер – командир 7-го Баусского латышского стрелкового полка, кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени) движение не остановилось... Хлынувшая масса людей топорами и ножницами прорвала проволоку и одним махом перескочила через бывший здесь забор-бруствер, захватив два пулемета в гнездах, устроенных в виде капонира для обстреливания подступов к брустверу»^[206].

В то же время 5-й Земгальский латышский стрелковый полк «выходил на неприятельский участок, который немцы, считая единственно доступным для атаки (правее и левее его болота), сосредоточили здесь превосходные силы с большим количеством пулеметов в железобетонных блокгаузах и проявляли особую бдительность. В этой атаке полк понес потери: офицеров 26 и солдат 750, и, преодолев проволочные заграждения и перескочив... бруствер, все же бруствером овладеть не мог (без артиллерийской подготовки), пока соседние 7-й и 8-й полки не совершили обходного движения»^[207].

Артиллерия не смогла разбить заграждения немцев, т. к. они состояли из поваленных цельных деревьев, опутанных проволокой. Фактически в первые дни наступления влияние русской артиллерии на этот бой сказалось, в основном, лишь в привлечении внимания противника к тем участкам, по которым велась артиллерийская подготовка. Кроме того, связь между передовыми наблюдателями и батареями постоянно прерывалась.

На взаимодействие артиллерии с пехотой отрицательно сказалось и неудовлетворительное снабжение войск сигнальными ракетами (т. к. и русской и германской артиллерии зачастую приходилось стрелять по площадям) – но если немецкая пехота ракетами ориентировала свою артиллерию о местонахождении своих частей, то русская пехота ракет не имела (имевшихся было очень мало и плохой конструкции – к ним относились с недоверием и в бою не применяли), вследствие чего были случаи стрельбы по своим.

Технические аспекты проведения операции определили и ее результат. Удалось добиться локального тактического успеха, что было обусловлено как условиями местности, так и недостаточностью выделенных для проведения операции сил и средств. Войска 6-го Сибирского, 43-го армейских корпусов и латышские бригады вели непрерывный бой в течение 6 суток, в тяжелых климатических и тактических условиях: расположение под открытым небом, маневрирование по слабо замерзшим торфяным болотам, густым болотистым зарослям,

нерегулярное снабжение пищей. Все эти моменты, несмотря на достигнутые в первые дни успехи, снижали наступательный порыв войск, чему способствовало и отсутствие зримого результата. В ходе январского контрудара 1917 г. немцы, в основном, вернули утраченные позиции.

Русскими войсками было взято в плен около 1 тыс. немцев, 33 орудия и 19 пулеметов противника. Германцы оценили свои общие потери в 3,5 тыс. человек.

Показательным примером удара во фланг соседнему с местом прорыва боевому участку противника в этой операции являлись в этой операции действия 1-й Латышской стрелковой бригады. Около 3 часов 23 декабря бригада заняла исходное положение. В шестом часу в пяти полосах германского проволочного заграждения было прорезано, а частью взорвано удлиненными зарядами два прохода, куда, по условному сигналу, бросились 1-й полк и батальон 3-го полка. 1-й полк быстро прорвал первую линию немецких окопов, захватив пленных и пулеметы, двинулся дальше. В версте за передовой линией окопов он встретил в лесу значительные части противника, которые после ожесточенного рукопашного боя были отброшены. Развивая успех в направлении Скангеля, полк захватил несколько блокгаузов, 2 тяжелые 4-орудийные батареи, пулеметы и пленных.

Батальон 3-го полка ворвался в окопы противника, захватил пулемет и также начал двигаться в сторону фланга – вправо вдоль окопов. Двумя ротами он атаковал лесничество Мангель, которое в 6 часов 30 мин. было взято – этим было достигнуто обеспечение прорыва справа.

2-й полк выдвинул к лесничеству Мангель полуроту с двумя пулеметами. Она отбила многократные фланговые контратаки немцев, в то время как полк остальными своими частями двинулся в обход соседнего участка, примыкающего к прорванному фронту с востока.

В итоге, весь обойденный участок неприятельской позиции протяжением около версты, пленные и пулеметы оказались в руках стрелков. Дальнейшее развитие прорыва стало невозможным, т. к. немцы повели энергичные контратаки с востока, отбиваемые огнем латышей.

Таким образом, русские войска научились эффективно маневрировать в тяжелых условиях позиционной войны.

Техника прорыва также все более и более упорядочивалась: «По подходе к первой полосе проволоки на нее были наложены куролитовые заряды, но они дали отказ, и пришлось проходы делать вручную ножницами, причем саперам удалось быстро прорезать наэлектризованную проволоку. Вся первая полоса была прорвана без сопротивления и резчики вместе с подошедшими головными ротами неудержимо ворвались в сделанные проходы. Преодоление второй полосы проволоки, частью пироксилиновыми зарядами, частью ножницами, пришлось делать уже под довольно сильным огнем противника... но и это было блестяще выполнено без особых потерь. Следующим препятствием оказалась засека, но и ее удалось разметать гранатами... и топорами, после чего атакующие волны добежали до стенки немецкого окопа, представлявшего из себя бревенчатый сруб выше человеческого роста. 2-й батальон... первым лихо ворвался... в немецкий окоп, причем люди подсаживали друг друга. 4-й батальон... попавши под сильный огонь и потеряв своего доблестного командира... немного задержался, но через 20 минут и он ворвался в 1-ю линию противника... Стрелки принялись за очистку линии, причем незаменимую услугу оказали гранаты... коими были взорваны все блиндажи и укрытия противника. Часть людей стала распространяться вправо и влево по окопам, а остальные неудержимо двинулись

вперед на вторую немецкую линию, которая была тоже занята одним махом»^[208].

Были отработаны технические вопросы штурма эшелонированной труднодоступной позиции противника.

В одном из исследований, посвященном итогам операции, отмечалось: «В декабрьской операции были применены внезапные ночные атаки и атаки после артиллерийской подготовки. Каждый из этих способов действий сыграл значительную роль: из 4 внезапных атак имели успех три, атаки же после артиллерийской подготовки, приковывая гарнизон атакуемых участков к месту, способствовали и использованию успеха внезапных атак».^[209]

В. И. Гурко так охарактеризовал трудности, с которыми пришлось столкнуться в период Митавской операции: «Во-первых, при рытье новых окопов или при переделке для обороны старых германских траншей промерзшая земля плохо поддавалась усилиям наших солдат. Вдобавок та же замерзшая земля затрудняла разрушение германских оборонительных сооружений. Как следствие, противник в результате успешных контратак вновь занимал хорошо укрепленные траншеи, удобные для отражения наших следующих штурмов. Другая причина трудностей, с которыми столкнулась при наступлении 12-я армия, состояла в том, что на всех европейских фронтах наблюдалось полное спокойствие. Это позволило германцам, не опасавшимся ослабления резервов других своих фронтов, перебросить под

Ригу столько подкреплений, сколько они сочли необходимым. Если бы эта операция была предпринята одновременно с наступлением на других русских фронтах и на фронтах союзников, то возникла бы значительная вероятность дальнейшего развития наших первых успехов»^[210].

Подготовка к летнему наступлению 1917 г. привела к тому, что русские войска в техническом (особенно артиллерийском) отношении оказались на высоте.

Норма расчета для этой операции применительно к Юго-Западному фронту – 1 дивизия в первой линии на 2 км фронта, 60 легких и тяжелых орудий на 1 км фронта (из них половина – легкие орудия и треть – гаубицы), 16 минометов на 1 км фронта. Траншейные орудия – 8 на дивизию.

Но боевые качества большинства русских корпусов и дивизий в условиях революционного лихолетья стремительно приближались к нулю. Руководству Юго-Западного фронта пришлось различными способами поднимать боеготовность и дееспособность войск, в частности, формировались ударные части из офицеров и лучших солдат, боевые порядки войск насыщались техникой. По сути, впервые за войну расход боеприпасов был не ограничен и на действия артиллерии ложился значительный объем выполняемых задач.

Русским войскам удалось добиться тактического прорыва.

Э. фон Людендорф отмечал: «Русское наступление в Восточной Галиции сопровождалось большим расходом боевых припасов...»^[211]. Так, на фронте содействующей наступлению Юго-Западного фронта 10-й армии Западного фронта «Производимые разрушения были весьма основательны. Сильно повреждены окопы 1 и 2-й линий; частью разрушены, частью завалены многие блиндажи и пулеметные гнезда, как за окопами, так и в узлах и позади них. Слабее было разрушение фланкирующих фасов»^[212]. Для разрушения более прочных укреплений, начальники артиллерийских групп присоединяли к работающим батареям другие, массируя иногда огонь до 4-х батарей на одном участке. Батареи, выполнившие свои задачи, получали новые. Легкая артиллерия расширяла и расчищала проделанные проходы в проволочных заграждениях.

М. Гофман писал о боях с войсками русского Западного фронта: «Нам пришлось... поволноваться, когда 21-го числа (нового стиля. – *А. О.*) сильной атакой около Крево, южнее Сморгони, русским удалось прорвать наш фронт и

оттеснить... ландверную дивизию... лишь через несколько дней могла туда подойти одна сейчас же отправленная дивизия... До того времени 10-я армия должна была сама себе помочь... Сильным артиллерийским огнем нам удалось задержать русских, проникших в наши позиции, и, в конце концов, принудить их снова отдать занятые ими окопы. Русская армия много потеряла вследствие революции в моральной стойкости, – раньше же наше положение могло бы стать тут... более тяжелым»^[213].

Так, по словам русского солдата-фронтовика, «артиллерийская подготовка к атаке была произведена блестяще. Проволочные заграждения противника были сметены, и наш полк с небольшими потерями ворвался, в первую линию полуразрушенных немецких окопов. Вторая и третья линии обороны были взяты с боем. Контратака обошлась дорого немцам. Около двухсот трупов рослых немецких юношей и молодых мужчин... лежало в разных позах, уткнувшись в землю. За третьей линией наши цепи залегли и потребовали смены, так как еще на митинге один из гвардейских делегатов заявил, что гвардия сменит нас, как только мы прорвем линии обороны германцев. Все усилия генералов толкнуть нас в дальнейшее наступление кончились ничем. 6-й Финляндский полк заявил, что условие свое выполнил и ждет гвардию для смены. Так как смена откладывалась, то солдаты и солдатская часть полкового комитета выделили делегацию в части гвардейского корпуса.

Каково же было наше озлобление и ярость, когда мы узнали, что солдаты гвардейского корпуса и не собирались наступать... так как фактически всем корпусом руководит один из большевистски настроенных дивизионных комитетов»^[214].

Летнее наступление 1917 г. показательно тщательностью его подготовки.

Подготовка к операции заключалась в осуществлении инженерной разведки, строительстве пехотных и артиллерийских позиций, корпусных и армейских артиллерийских складов, тяжелых блиндажей и

наблюдательных пунктов, устройстве грунтовых и исправлении шоссеиных дорог, постройке широко- и узкоколейных железнодорожных веток. Особое значение придавалось сооружению ложных батарей.

Особое значение имела маскировка артиллерийских позиций – она оказалась настолько удачной, что ни одна из замаскированных батарей не была обнаружена до открытия ими огня, что имело важнейшее тактическое значение. Противнику удалось обнаружить орудия лишь в день боя – по вспышкам выстрелов.

Все батареи были снабжены плетнями для укладки перед орудиями – с целью уменьшения пыли от выстрелов, особенно сильно демаскирующей артиллерию в сухое время года. Для полного уничтожения пыли (путем смачивания плетней водой) на некоторых батареях были построены колодцы. Батареи затягивались проволочными сетями с вплетением в них растительности и других подручных материалов, в зависимости от местности, а затем все окрашивалось под тон окружающей среды краской на цементном закрепителе, которую, по мере смыва дождем, возобновляли. На некоторых батареях вместо сеток применялись легкие деревянные щиты, которые посыпались тонким слоем земли и окрашивались.

Например, 4-орудийная батарея 9-го мортирного артиллерийского дивизиона была замаскирована с помощью сеток с вплетением в них живых ветвей – это маскировочное покрытие было окрашено в зеленый цвет, также как и землянки личного состава батареи и ее наблюдательный пункт. При маскировке 2-й тяжелой батареи литеры Ж всю извлеченную при производстве шанцевых работ землю окрашивали, а для уничтожения теней укладывали хворост, который также поливался раствором краски. После окончания установки батареи, в защитный цвет выкрасили два больших полотнища, из которых сделали две палатки, и установили их над орудиями.

При маскировке батарей активно использовали перекрытия из хвороста. Брустверы и хворост были

окрашены в коричневый цвет с зелеными пятнами, под цвет вспаханного поля, покрытого редкой травой. Земляные насыпи окрашивались в зеленый цвет.

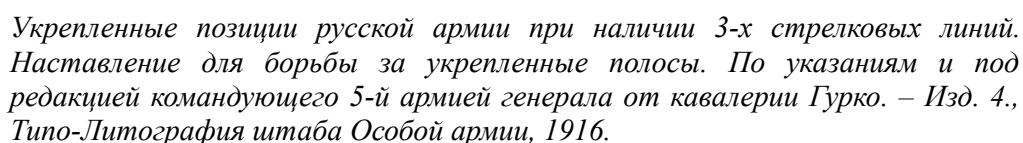
1-я отдельная тяжелая батарея литеры Ж и 2-я батарея 12-го осадного парка у дер. Тросцянца, находившиеся на меловой почве, были замаскированы белым полотном, для чего над каждым орудием был устроен каркас и натянуто полотно, а извлеченную белую землю, разбросанную небольшими участками, местами окрашивали в темно-коричневый цвет. Благодаря этому получилось впечатление вспаханного поля с белыми пятнами, которые имели сходство с крышами землянок, сооруженных весной 1917 г. в этом районе.

Маскировочные команды и саперы активно использовали любой подручный и специально заготовленный материал – маты, шпалы, щиты, сети, маски и пр. Мосты окрашивались под цвет воды, артиллерийские погреба – под цвет лугов, шпалы и рельсы – под цвет шоссе и т. д. Всего на эти работы было израсходовано до 3 тонн красок всех цветов, 1,2 т сажу, 256 кг нафтола, 672 кг мела, 288 кг извести и до 9 т цемента.

Разведывательная работа также дала большие результаты. К началу операции было пристреляно до 70 % батарей противника. Позиции вражеских батарей удалось выяснить либо посредством системы засечек звукометрическими методами или же путем наблюдения с привязных аэростатов. Была налажена качественная связь – от каждого наблюдательного пункта к батарее тянулось не менее 2–3 линий связи.

План боепитания артиллерии был составлен заблаговременно. Разумной была и методика применения артиллерии. После окончания пристрелки артиллерия каждого корпуса переходила к стрельбе на разрушение закрепленных за ними участков позиций противника и к разрушению проволочных заграждений. Кроме артиллерии работали и минометы.

Австро-германские войска локализовали русское наступление.

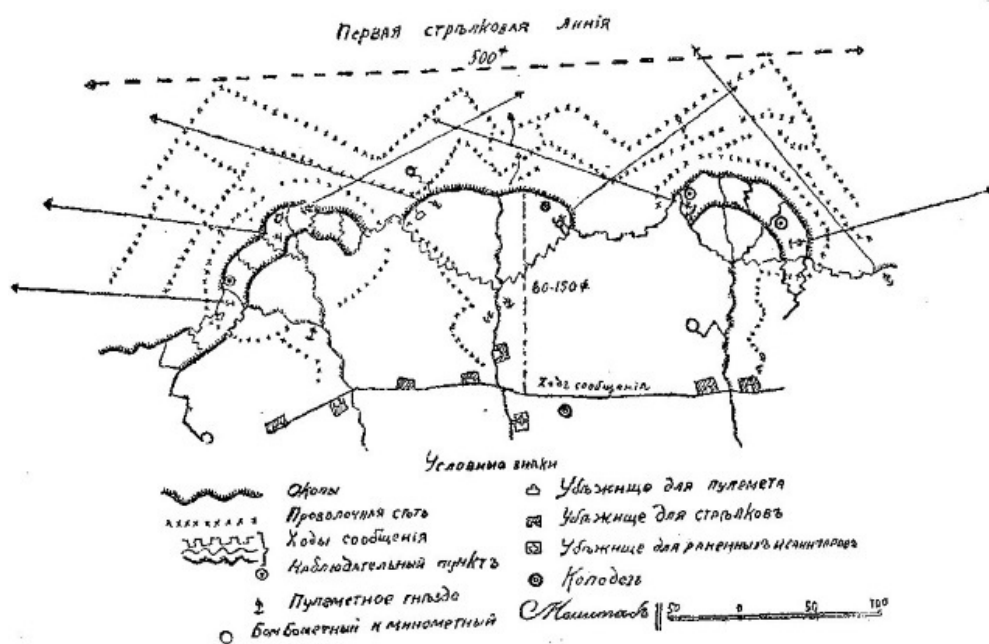

Во многом этому способствовало то, в 1917 г. они применили новый тактический прием – т. и. «контратаки

из глубины»: значительные пехотные массы наносили удар по прорвавшемуся противнику из глубины обороны (5–8 км от переднего края), действуя под защитой артиллерии второй линии. Русские войска (и так в значительной мере утратившие боеспособность в период «углубления революции»), прорвавшиеся сквозь первую линию, контратаковались раньше, чем успевали закрепиться и подтянуть свою артиллерию.

В итоге, оперативно-тактическая доктрина русской армии в период позиционной войны в 1917 г. базировалась на следующих основных элементах: укрепленная полоса состоит из ряда укрепленных стрелковых позиций, связанных между собой ходами сообщений, и артиллерийских позиций; число стрелковых позиций – не менее 3, но в зависимости от глубины обороны их может быть и больше; расстояние между 1-й и 2-й линиями обороны – примерно 300 шагов, между 2-й и 3-й – 500–1000 шагов; глубина укрепленной полосы при 3-х стрелковых линиях – до версты; кроме главной укрепленной полосы в ближайшем тылу (верстах в 6–8) находилась тыловая укрепленная полоса; стрелковые позиции представляли собой ряд опорных пунктов, расположенных в шахматном порядке, обнесенных 2–3 полосами искусственных препятствий и связанных между собой приспособленными к обороне ходами сообщений; ширина фронта прорыва зависит от поставленной цели, наличных сил и средств, свойств местности – для наибольшей силы удара сравнительно небольшой участок (длина по фронту 1,5–2 км), но расширяемый в стороны флангов как минимум на 3–4 км (лучше 7–8 км) в каждую сторону; соответственно общая ширина фронта атакуемого участка – 10–20 км; все расчеты, усилия и средства атакующего, в том числе и артиллерийская подготовка, должны быть направлены к тому, чтобы прорвать сразу всю укрепленную полосу противника – желательно одним безостановочным наступлением; для успеха прорыва на каждую версту прорываемого участка должна быть назначена дивизия пехоты, на каждую версту соседнего с прорывом участка – не менее полка пехоты и в ближайшем тылу для развития удара – 1–2 дивизии (т. е.,

для прорыва на фронте 8—10 км при ширине фронта прорыва в 2 км нужно 2—3 корпуса из 5—6 дивизий, а на фронте 15—20 км — 3—4 корпуса из 7—8 дивизий); на 1 км фронта прорыва необходимо — 40 легких и 20 тяжелых орудий, а на 1 км соседних атакованных участков — 15—20 легких орудий.

Первая стрелковая линия. Наставление для борьбы за укрепленные полосы. По указаниям и под редакцией командующего 5-й армией генерала от кавалерии Гурко. — Изд. 4., Типо-Литография штаба Особой армии, 1916.

Специфика позиционных боевых действий на Русском фронте отличалась существенными особенностями. Главные из них следующие.

1) Прорыв позиционного фронта в кратчайшие сроки преобразовывал позиционную войну в войну маневренную — причем наблюдались значительные пространственные колебания.

2) Прорыв позиционного фронта почти никогда не перерастал в сражение на истощение. Обороняющийся не успевал своевременно подтянуть (в основном из-за

слабости коммуникационных линий) достаточные силы, и ему удавалось остановиться лишь после большого отскока назад.

3) Прорыв позиционного фронта почти всегда был средством к осуществлению другого оперативного маневра (обхода, охвата) и никогда – самоцелью, как это было на Французском фронте.

4) Тактические неудачи русской армии в первых сражениях позиционного противостояния объясняются, прежде всего, наличием в ее боевых порядках недостаточного количества артиллерии. Максимальные артиллерийские плотности были достигнуты в ходе летней кампании 1917 г.

Но объемы артиллерии возрастали на главных фронтах Первой мировой войны в несоразмерных пропорциях: на Французском фронте к удару привлекались тысячи орудий, на Русском фронте – сотни.

5) Если ширина фронта прорыва на Французском фронте все время возрастала, достигнув в 1918 г. 70–80 км, то на Русском фронте ширина фронта прорыва уменьшалась. В 1915 г. она составила 35–40 км, в 1916 г. 18–20 км, в 1917 г. 10–15 км. Сокращение фронта позволяло сосредоточить более значительные силы и средства на ударном участке.

6) Система оборонительных позиций постоянно совершенствовалась, но не достигла того состояния, которое имели оборонительные позиции во Франции в 1918., до конца войны сохранив линейный характер.

7) Русские войска научились в должной степени осуществлять инженерную подготовку местности. Инженерно-штурмовой плацдарм при подготовке Луцкого прорыва 1916 г. имел 1–2 параллельные траншеи полного профиля, вынесенные вперед на 3 км от основных позиций. А при подготовке 11-м армейским корпусом наступления в 1917 г. плацдарм представлял собой несколько выдвинутых вперед линий окопов глубиной до 3 м. От противника до ближайших траншей плацдарма

оставались предусмотренные инструкциями 150–200 шагов. Характерно, что одновременно с подготовкой плацдармов производилось усиление оборонительных сооружений на тех боевых участках, на которых намечалось сковывание противника.

В целом, отмечая специфику военного искусства в позиционной войне в целом и на Русском фронте в частности, необходимо отметить, что между численностью наступающей пехоты и количеством поддерживающих ее атаку огневых средств существует определенное соотношение, при нарушении которого в меньшую сторону пехота не достигнет успеха или купит его слишком дорогой ценой. Искусство командования и заключается в определении этого соотношения. Маневр крупных огневых масс (артиллерия) подготавливал успех мелких (пехота). В процессе борьбы по овладению неприятельской позицией «маневр огня» и «маневр движения» составляли единое целое.

Тактической особенностью укрепленных полос являлась их непрерывность (отсутствие флангов) и большая глубина обороны. При обороне на широких фронтах нельзя было быть достаточно сильным на всех боевых участках – именно укрепленные полосы давали возможность выиграть достаточное оперативное время.

При наступлении укрепленные полосы позволяли обороняющемуся относительно слабыми силами прочно держать сравнительно большие участки фронта – с тем, чтобы главные силы сосредоточить на важнейших направлениях.

Прорыв укрепленной позиции требовал от войск огромного нравственного и физического напряжения. В большинстве наступательных операций (как на Французском, так и на Русском фронтах) в действиях наступающей пехоты царил хаос. Хаос приводил к колоссальным потерям в живой силе и лишал командование возможности что-либо сделать и должным образом управлять событиями.

Этот беспорядок был результатом совокупности двух причин: одна из них коренилась в неправильном представлении о характере пехотной атаки в условиях позиционной войны (командование первоначально считало пехотную атаку порывом, который следует наращивать с помощью автоматически следующих друг за другом волн цепей), а другая заключалась в природе самого бойца и была величиной морального порядка. Характеризуя последнюю причину, фронтовики отмечали, что возбужденное состояние бойцов быстро превращало их движение в настоящее «бегство на противника», сопровождаемое криком «ура», свидетельствующим скорее о потере духовного равновесия, чем о сознательной доблести. Боец бежал от препятствия к препятствию – до того момента, когда, запыхавшись, становился бессильным что-либо предпринять и терял хладнокровие.

В итоге, повинувшись лишь собственной интуиции, он ускользал от руководства своих начальников и терял способность продолжать бой. Значительность понесенных потерь и перемешивание боевых единиц постепенно увеличивали дезорганизацию части, уменьшали ее порыв. В итоге, часть достигала преграды, преодолеть которую у нее не хватало сил – ротация частей являлась единственным способом преодолеть эту ситуацию.

Принятое германским командованием в январе 1918 г. Наставление указывало, что части должны вести наступательный бой до полного истощения своих сил. Так, Э. фон Людендорф писал в своих указаниях, что атака должна быть выполнена одной и той же дивизией – непрерывным движением на глубину 8 километров и более. Причем он подчеркивал, что следует отбросить мысль о замене одной атакующей дивизии после одного дня боя – пехота, искусно руководимая, должна сохранить свою боеспособность, чтобы вести наступательный бой в продолжение многих дней и продвинуться как можно больше вперед.

Напротив, русское командование, увидев к чему приводит гибель кадров воинских частей в ходе летней кампании 1915 г., более бережно относилось к своим

войскам. Записка по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 г. и Северном и Западном в марте

1916 г. соглашалась на более медленное развитие операции – если это поможет избежать больших жертв. А Наставление для борьбы за укрепленные полосы, изданное штабом 5-й армии, указывало, что части, осуществившие прорыв, должны закрепиться на достигнутом рубеже (т. е. не продвигаясь вперед до полного истощения), предоставив возможность действовать вводимым в прорыв частям развития успеха (маневренным частям).

Русская армия в 1916 г. располагала значительно меньшими возможностями в отношении использования артиллерии и боеприпасов при прорыве позиционной обороны противника, чем английская, французская или германская армии. В условиях позиционного периода войны большинство русских корпусов занимало фронт в 20 км и более, т. е. фронт, на котором в случае начала наступательной операции должны были действовать 1–2 армии. Низкие плотности войск, также как и проблемы в сфере артиллерийского вооружения и снабжения боеприпасами, оказывали более чем существенное влияние на результативность оборонительных и наступательных операций в обстановке позиционной войны.

Поэтому в русской армии особое внимание обращалось на выбор наиболее эффективной формы прорыва. Именно русский генералитет, поставленный перед необходимостью экономить ресурсы, разработал самобытные и эффективные способы преодоления позиционного тупика (А. А. Брусилов, Р. Д. Радко-Дмитриев. Н. Н. Юденича в данном контексте не упоминаем, т. к. на Кавказском фронте единый позиционный фронт отсутствовал).

Позиционная война предъявляла совершенно особые требования к командованию. Бой в условиях позиционной войны был особенно труден для командования, прежде

всего, с точки зрения возможности осуществления непрерывного управления войсковыми массами. Направление в бой крупных единиц пехоты имело следствием перемешивание частей, потерю направления движения, т. е. ослабляло устойчивость командования, лишавшееся возможности не только управлять, но зачастую даже знать положение своих частей. Чем дальше продвигалась наступающая пехота, тем все более усложнялось управление боем. Кроме того, требовалось обеспечить ювелирное взаимодействие всех родов войск.

Согласование боевого взаимодействия пехоты, артиллерии и приданных специальных войск составляло обязанность начальника дивизии. В начале боя его непосредственное влияние на первую линию атакующей пехоты ограничивалось лишь наблюдением (сам бой вели полковые и батальонные командиры). На этом этапе начальник дивизии вмешивался в сферу деятельности подчиненных лишь тогда, когда такое вмешательство было оправдано исправлением замеченных ошибок. Если боевая линия остановилась до достижения намеченного рубежа, он обеспечивал дальнейшее продвижение, руководя действиями артиллерийских масс и вводя в дело свои резервы.

В условиях маневренной войны именно дивизия располагала всеми необходимыми средствами, достаточными для решения поставленных задач. В обстановке же позиционной войны, несмотря на средства усиления, мощности дивизии уже было недостаточно.

В условиях наступательного боя периода позиционной войны армейский корпус являлся той боевой единицей, в рамках которой объединялись все тактические средства для организации операции прорыва. Командир корпуса, помимо осуществления общего руководства, оперировал действиями своих резервов и корпусной артиллерии. Боевой мощи корпуса хватало лишь на 3–4 дня непрерывного боя в условиях позиционной войны.

Лишь армия являлась наименьшей оперативной единицей, достаточной для выполнения наступательной

операции в позиционной войне.

Таким образом, армия являлась объединением, реализующим операцию, корпус был соединением, в котором объединялись тактические средства для организации наступления, а дивизия являлась боевой единицей.

Характеризуется позиционная война и широким привлечением технических специалистов – например, при ведении химической войны. Для организации газовых атак строились специальные окопы, выносимые впереди передовой линии (между ней и искусственными препятствиями). Нормативы устанавливали расход не менее чем 150 кг отравляющего вещества на 1 гектар площади. Как правило, 1 газомет устанавливался на каждые 5—10 метров по фронту и 400–800 метров в глубину. Газометы устанавливались на уровне второй линии окопов.

Русское военное искусство в период позиционной войны постоянно совершенствовалось и в целом соответствовало уровню Французского фронта. Например, если при подготовке наступательной операции в Шампани на 32-км фронте французами было вынуто 200 тыс. куб. м. грунта, то при подготовке операции 2-го армейского корпуса русской 7-й армии в мае 1916 г. на 7-км фронте наступления было вынуто 169 700 куб. м. грунта.

Формы прорыва позиционного фронта получили наиболее яркое развитие именно на Русском фронте. Если в начале позиционной войны русское командование исходило из концепции нанесения сильного удара на одном участке фронта, то уже в марте 1916 г. в рамках одной (Нарочской) операции оно нанесло два одновременных (но разделенных пассивными участками) удара – на Северном фронте из якобштадтского района на Поневеж (5-я армия) и на Западном фронте – из района Поставы – оз. Вишневское в направлении на Вилькомир (2-я армия). Летом 1916 г. также были осуществлены 2 фронтовых операции – Западного и Юго-Западного фронтов. Причем последняя, в свою очередь, состояла из

ряда одновременных армейских ударов на широком фронте.

Роль возросшего материально-технического обеспечения русской армии в кампании 1916 г. во многом способствовала первоначальным успехам Юго-Западного фронта, и в то же время расход этих ресурсов привел к неудачам осенней кампании. А. А. Брусилов в этой связи писал, что относительная малоуспешность боевых действий армий Юго-Западного фронта в этот период, по сравнению с майским наступлением, заключается главным образом в том, что тогда были накоплены снаряды тяжелой артиллерии, и мы могли подавлять артиллерийский огонь противника, в то время как в настоящее время неприятель превосходит русские войска силой огня тяжелой артиллерии, в то время как последние испытывают недостаток снарядов для гаубичной и тяжелой артиллерии.

Начальник штаба Юго-Западного фронта также писал, что уже в июле действия на Юго-Западном фронте приняли «какой-то случайный характер»: одни части вели атаки, в то время как другие стояли; общего руководства не было; потери были довольно серьезные, снаряды расходовались в огромном количестве, а результаты были ничтожны – в т. ч. и потому, что атаки производились с нарушением основных принципов, выработанных боевым опытом.

Усиливая артиллерию прорыва батареями с пассивных боевых участков, Юго-Западному фронту удавалось доводить общее количество легких и тяжелых орудий до 45–50 на 1 км фронта главного удара (например, 11-й армейский корпус в мае 1916 г.). В некоторых случаях прорыв имел успех и при 30–40 орудиях на 1 км ударного участка – но обычно это было там, где внезапность удара или слабость неприятельской артиллерии исключали необходимость осуществления контрбатарейной борьбы (операции 2-го и 40-го армейских корпусов в мае 1916 г.). В операциях 1917 г., когда русская армия значительно усилилась в материальном отношении, удавалось иметь на 1 км фронта (без траншейной артиллерии) от 56 до 66

легких и тяжелых орудий (процент легких батарей колебался от 50 % до 70 % от этого числа).

Таким образом, опыт позиционных наступательных операций русской армии в 1916–1917 гг. позволяет выделить среднюю плотность орудий на 1 км фронта (без траншейной артиллерии) равной 50 артиллерийским стволам. Это в 2–3 раза меньше нормативов Французского фронта – но и в этой ситуации русская армия добивалась впечатляющих успехов. Она научилась воевать в позиционной войне.

Говоря об обороне в период позиционной войны, необходимо отметить, что именно в данный период зародилась концепция системы огня как одного из базовых элементов построения обороны. Система включала в себя участки сосредоточенного стрелкового и артиллерийского огня (на подступах к переднему краю, на стыках между частями, на флангах, а иногда и в глубине обороны), а также рубежи артиллерийского заградительного огня перед передним краем. Промежутки между опорными пунктами также перекрывались огнем. Важное внимание уделялось созданию «огневых мешков», расположенных в глубине обороны. Система организации огня войсками строилась в сочетании с естественными препятствиями и инженерными заграждениями. При использовании в обороне артиллерии с 1916 г. командование русской армии стало шире и активнее массировать артиллерийские мощности на важнейших направлениях. Это обстоятельство повлекло за собой централизацию управления артиллерийским огнем в масштабе войсковых соединений. Широкое применение при отражении атак противника нашел артиллерийский заградительный огонь.

Для срыва химического удара противника широко использовалась практика осуществления артиллерийской контрподготовки (т. е. «встречный артиллерийский удар»). Для усиления эффективности применения артиллерии в оборонительном бою из дивизионной и приданной артиллерии стали формировать огневые группы поддержки пехоты – по числу боевых участков.

Учитывая всю вышеуказанную специфику боевых действий на Русском фронте в период позиционной борьбы (с конца 1915 г.), можно констатировать, на нем установилась не позиционная война в западном понимании этого термина, а, скорее, наблюдалась стабилизация сплошного фронта. Борьба на Восточноевропейском ТВД в 1916–1917 гг. носила преимущественно позиционно-маневренный характер.

Заключение

Военное искусство русской армии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. развивалось в связи с общими закономерностями, присущими вооруженному противоборству эпохи.

Огромное влияние на его совершенствование оказало развитие техники и специфика театров военных действий Русского фронта.

Военное искусство русской армии в совокупности всех своих элементов не уступало, а по многим параметрам и превосходило военное искусство, как противника, так и своих союзников.

Изменения претерпели все элементы и звенья военного искусства – от оперативно-тактических взглядов командного состава до совершенствования способов боевого применения родов войск.

Опыт Первой мировой войны на Русском фронте оказал решающее влияние на характер ведения Второй мировой войны – на стратегическое и оперативно-тактическое искусство, на строительство и организацию вооруженных сил.

Красной армии в новых условиях пришлось вспоминать боевой опыт мировой войны – от организации штурмовых частей до специфики формирования позиционной обороны.

И во многом боевой опыт русской армии, доставшийся столь дорогой ценой, и воплотившийся в специфике русского военного искусства, явился важнейшей предпосылкой победного исхода Великой Отечественной войны.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

АЛЕКСЕЙ ОЛЕЙНИКОВ

Примечания

1

Михневич Н. П. Стратегия. Спб., 1911.

[Вернуться](#)

2

Елчанинов А. Г. Ведение современных войн и боя. Спб., 1909.

[Вернуться](#)

3

См. Незнамов А. А. Современная война. Спб., 1911.

[Вернуться](#)

4

Эмишен. Доктрина коалиционной войны. М.-Л., 1928. С. 10.

[Вернуться](#)

5

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 139.

[Вернуться](#)

6

Свечин А. А. «А» или «Г»? // Военное дело. – 1918. – № 25. – С. 12.

[Вернуться](#)

7

Валентинов Н. А. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. 4.1. – М., 1920. С. 13.

[Вернуться](#)

8

Таленский Н. А. Первая мировая война 1914–1918 гг. – М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1944. С. 15.

[Вернуться](#)

9

Борисов В. Стратегия обширных театров // Война и мир. – 1924. – № 16. С. И.

[Вернуться](#)

10

Меликов В. А. Стратегическое развертывание по опыту Первой империалистической войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в СССР. Т. 1. – М.: Воениздат, 1939. С. 112.

[Вернуться](#)

11

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. – Берлин: «Слово», 1924. С. 180.

[Вернуться](#)

12

Храмов Ф. А. Восточно-прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк – М.: Воениздат, 1940. С. 20.

[Вернуться](#)

13

Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 32.

[Вернуться](#)

14

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. – Париж: Изд. – е Главного правления Союза русских военных инвалидов, 1936. С. 253.

[Вернуться](#)

15

Гофман М. Война упущенных возможностей. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 55.

[Вернуться](#)

16

Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 222.

[Вернуться](#)

17

Нокс А. Второе наступление Гинденбурга в Польше // Военный зарубежник. – 1922. – № 8–9. С. 419.

[Вернуться](#)

18

Цит. по: Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914–1917. – Ереван: «Айастан», 1971. С. 148.

[Вернуться](#)

19

Фалькенгайн Э., фон. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 25.

[Вернуться](#)

20

Там же. С. 41.

[Вернуться](#)

21

Мозер О. фон. Указ. соч. С. 68.

[Вернуться](#)

22

Фалькенгайн Э. фон. Указ. соч. С. 142.

[Вернуться](#)

23

Людендорф Э. фон. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М. – Мн.: Аст-Харвест, 2005. С. 169.

[Вернуться](#)

24

Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 305.

[Вернуться](#)

25

Керсновский А. А. Мировая война. Краткий очерк. Белград, 1939. С. 6.

[Вернуться](#)

26

Корольков Г. К. Варшавско-Ивангородская операция. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 251.

[Вернуться](#)

27

См. Незнамов А. А. Современная война. Спб., 1911.

[Вернуться](#)

28

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. – М., 1936. С. 38.

[Вернуться](#)

29

Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии. – М.: Высший редакционный совет, 1923. С. 52.

[Вернуться](#)

30

Храмов Ф. А. Указ. соч. С. 20.

[Вернуться](#)

31

Hanotaux G. L'Academie Frangaise. Histoire Illustree De La Guerre De 1914. Tome sixieme. Paris, 1917. P. 182–183.

[Вернуться](#)

32

Храмов Ф. А. Указ. соч. С. 79–80.

[Вернуться](#)

33

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. М.: Воениздат, 1939. С. 23.

[Вернуться](#)

34

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. С. 77.

[Вернуться](#)

35

Храмов Ф. А. Указ. соч. С. 69.

[Вернуться](#)

36

Свечин А. А. Указ. соч.

[Вернуться](#)

37

Людендоф Э. фон. Указ. соч. С. 52.

[Вернуться](#)

38

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 23.

[Вернуться](#)

39

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. – М., 1936. С. 281.

[Вернуться](#)

40

Храмов Ф. Указ. соч. С. 48.

[Вернуться](#)

41

Евсеев Н. Указ. соч. С. 284.

[Вернуться](#)

42

Храмов Ф. Указ. соч. С. 56.

[Вернуться](#)

43

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М., 2007. С. 31.

[Вернуться](#)

44

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне... С. 245.

[Вернуться](#)

45

Корсун Н. Г. Сарыкамышская операция. – М.: Воениздат НКО СССР, 1937. С. 147.

[Вернуться](#)

46

Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25. 01.—08. 02. 1915. – С.-Франциско, б. г. С. 10.

[Вернуться](#)

47

Там же. С. 11.

[Вернуться](#)

48

Хольмсен И. А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. – Париж, 1935. С. 38.

[Вернуться](#)

49

Фалькенгейн Э. Указ. соч. С. 64.

[Вернуться](#)

50

Стратегический очерк войны. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. / Сост. А. Незнамов. – М., 1922. С. 60.

[Вернуться](#)

51

Зайончковский А. М. Мировая война. Маневренный период... С. 270.

[Вернуться](#)

52

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65.

[Вернуться](#)

53

Борисов А. Д. Карпатская операция // Военная мысль. – 1940. – № 3. С. 103.

[Вернуться](#)

54

Людендорф Э. Указ. соч. С. 145.

[Вернуться](#)

55

Там же. С. 150.

[Вернуться](#)

56

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 111.

[Вернуться](#)

57

Людендорф Э. Указ. соч. С. 166.

[Вернуться](#)

58

Там же. С. 167.

[Вернуться](#)

59

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 108.

[Вернуться](#)

60

Людендорф Э. Указ. соч. С. 224.

[Вернуться](#)

61

Гофман М. Указ. соч. С. 118.

[Вернуться](#)

62

Гофман М. Записки и дневники 1914–1918 гг. – Л.: «Красная газета», 1929. С. 214.

[Вернуться](#)

63

Редкий А. Брусиловский прорыв // Военная мысль. 1946. № 6. С. 56.

Там же.

[Вернуться](#)

64

The Great World War. The Great World War. A history / General Editor Frank A. Mumby. – London, 1918. V. 6. R 26.

[Вернуться](#)

65

Ступин В. Борьба за укрепленные позиции в условиях русского театра военных действий. Митавская операция 1916–1917 гг. // Военно-исторический сборник. Вып. 2. – М., 1919. С. 33.

[Вернуться](#)

66

Гурко В. И. Указ. соч. С. 284.

[Вернуться](#)

67

The Great World War. V 5. P. 177.

[Вернуться](#)

68

Ibid. P. 182.

[Вернуться](#)

69

Ibid. P. 186.

[Вернуться](#)

70

Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. — Спб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 22.

[Вернуться](#)

71

Там же. С. 23.

[Вернуться](#)

72

Там же. С. 13.

[Вернуться](#)

73

Там же. С. 20.

[Вернуться](#)

74

Там же. С. 32.

[Вернуться](#)

75

Там же. С. 45.

[Вернуться](#)

76

Завоевание русскими Восточной Галиции. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 47.

[Вернуться](#)

77

Попов К С. Воспоминания кавказского гренандера. – М., 2007. С. 24.

[Вернуться](#)

78

Строевой устав пулеметных команд пехоты. – Пг., 1915. С. 82.

[Вернуться](#)

79

Наставление для обучения стрельбе из пулемета. – Спб., 1912. С. 7.

[Вернуться](#)

80

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября по и. ст.). – Париж, 1940. С. 73.

[Вернуться](#)

81

Строевой устав пулеметных команд пехоты. С. 93.

[Вернуться](#)

82

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 73.

[Вернуться](#)

83

Строевой устав пулеметных команд пехоты. С. 93.

[Вернуться](#)

84

Бучинский Ю. Ф. Танненбергская катастрофа. – София, 1939.

[Вернуться](#)

85

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 72.

[Вернуться](#)

86

Моллер А. Бой 4 батальона полка под дер. Кулик // Финляндец. – 1933. – № 17. С. 8.

[Вернуться](#)

87

Там же // Финляндец. – 1932. – № 16; 1933. С. 34.

[Вернуться](#)

88

Келлерман Г. Прорыв 11-й германской армии у Горлице 2–5 мая 1915 г.// Война и революция. – 1934. – Март-апрель. С. 74.

[Вернуться](#)

89

Обучение штыковому бою. – СПб., 1916. С. 3.

[Вернуться](#)

90

Наставление для действий пехоты в бою. – СПб.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 35.

[Вернуться](#)

91

Лодзинская битва. М.: Тип. – я Т-ва И. Д. Сытина, 1915. С. 21.

[Вернуться](#)

92

Там же. С. 15–16.

[Вернуться](#)

93

Шафалович Ф. П. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. – М., 1938. С. 49.

[Вернуться](#)

94

Веверн Б. В. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Т. 2. – Париж, 1938. С. 94–95.

[Вернуться](#)

95

Инструкция для метания ручных бомб и гранат. – Пг., 1916. С. 11.

[Вернуться](#)

96

Фогель В. Барановичи. Пб., 1921 г. с. 24.

[Вернуться](#)

97

Фомин М. Батальон смерти 38-й пехотной дивизии //Военная быль. – 1996. – № 8 (137). – С. 28.

[Вернуться](#)

98

Лебелъ. Э. Ближний бой. – М. – Л., 1930. С. 30.

[Вернуться](#)

99

Там же. С. 31.

[Вернуться](#)

100

Устав полевой службы. – СПб.: Военная типография, 1912. С. 195.

[Вернуться](#)

101

Там же. С. 197.

[Вернуться](#)

102

Там же. С. 199.

[Вернуться](#)

103

Буныковский В. Из опыта текущей войны. – Пг., 1916. С. 16.

[Вернуться](#)

104

Там же. С. 17.

[Вернуться](#)

105

Устав полевой службы. С. 207.

[Вернуться](#)

106

Там же.

[Вернуться](#)

107

Белькович Л. Части VIII армейского корпуса в бою под Городком в сентябре 1914 года // Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. – М., 1920. С. 71.

[Вернуться](#)

108

Де-Лазари А. Н. Активная оборона корпуса. М.-Л., 1930. С. 11–12.

[Вернуться](#)

109

Там же. С. 12.

[Вернуться](#)

110

Генерал Кушакевич. Отход из Галиции // Вестник Волянца. – Белград. – 1932. – № 8–9. С. 28.

[Вернуться](#)

111

Летучий Я. Бой у дер. Заборце // Вестник Волянца. – Белград. – 1932. – № 8–9. С. 31–32.

[Вернуться](#)

112

Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии 1911–1920. – М., 2006. С. 208–209.

[Вернуться](#)

113

Цит. по: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. С. 15.

[Вернуться](#)

114

Андреев В. Первый русский марш – маневр в Великую войну – Гумбиннен и Марна. – Париж, 1928. С. 28.

[Вернуться](#)

115

Устав полевой службы. С. 213.

[Вернуться](#)

116

Там же.

[Вернуться](#)

117

Там же.

[Вернуться](#)

118

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Варшавско-Ивангородская операция. – М.: Воениздат, 1938. С. 207.

[Вернуться](#)

119

Вульфен К. фон. Лодзинское сражение (прорыв у Брезин). Пб.: Госиздат, 1921. С. 17.

[Вернуться](#)

120

Там же. С. 19.

Лебель. Э. Бои в особых условиях. – М., 1932. С. 24.

[Вернуться](#)

121

Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. – М.: Воениздат, 1982. С. 305–306.

[Вернуться](#)

122

Гурко В. И. Указ. соч. С. 119.

[Вернуться](#)

123

Там же. С. 120.

[Вернуться](#)

124

Бои на Немане и в Августовских лесах. – Одесса, 1914. С. 13.

[Вернуться](#)

125

Там же. С. 15–16.

[Вернуться](#)

126

Устав полевой службы. С. 218.

[Вернуться](#)

127

Там же. С. 219.

[Вернуться](#)

128

Лебель. Э. Указ. соч. С. 60.

[Вернуться](#)

129

Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М.: Воениздат, 1983. С. 113.

[Вернуться](#)

130

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. – Берлин: «Слово», 1924. С. 313.

[Вернуться](#)

131

Nowak K F. Der Weg zur Katastrophe. – Berlin, 1919. S. 76.

[Вернуться](#)

132

Устав полевой службы. С. 186.

[Вернуться](#)

133

Наставление для действий пехоты в бою. Спб., 1914. С. 5.

[Вернуться](#)

134

Там же. С. 25.

[Вернуться](#)

135

Там же. С. 22.

[Вернуться](#)

136

Там же. С. 35.

[Вернуться](#)

137

Там же. С. 37.

[Вернуться](#)

138

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г.... Дни перелома.

[Вернуться](#)

139

Ступин В. Указ. соч. С. 49.

[Вернуться](#)

140

Наставление для ударных частей. – Типо-Цинкография Штаба Особой армии, 1917. С. 3.

[Вернуться](#)

141

Брусилов А. А. Указ. соч. С. 199.

[Вернуться](#)

142

Бекман В. Немцы о русской армии. – Прага, 1939. С. 40–41.

[Вернуться](#)

143

Устав полевой службы. С. 188.

[Вернуться](#)

144

Там же. С. 194.

[Вернуться](#)

145

Келлер Ф. А. Несколько кавалерийских вопросов. Выпуск 2. – Спб., 1910. С. 4.

[Вернуться](#)

146

Шапошников Б. М. Действие кавалерии на фланге армии // Военная наука и революция. – Книга 2. 1923. – С. 119.

[Вернуться](#)

147

Левшин Б. Атака украинских гусар под г. Прасныш 12/25 февраля 1915 г. // Военная быль. – 1972. – № 116. С. 34.

[Вернуться](#)

148

Там же. С. 35.

[Вернуться](#)

149

Там же. С. 35–36.

[Вернуться](#)

150

Устав полевой службы. С. 186–187.

[Вернуться](#)

151

Там же. С. 187.

Там же. С. 187–188.

[Вернуться](#)

152

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Галицийская битва. Первый период до 1 сентября нового стиля. – Париж: «Родник», 1930. С. 313.

[Вернуться](#)

153

Там же. С. 340.

[Вернуться](#)

154

Там же. С. 238.

[Вернуться](#)

155

Желондковский В. Е. Воспоминания полковника Желондковского об участии в действиях XV корпуса во время операции армии ген. Самсонова // Военный Сборник общества ревнителей военных знаний. Белград. – 1926. – Кн. 7. С. 294.

[Вернуться](#)

156

Веверн Б. В. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Т. 2. – Париж, 1938. С. 32.

[Вернуться](#)

157

Веверн Б. В. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Т. 1. – Париж, 1938. С. 57.

[Вернуться](#)

158

Наставление по применению авиации на войне. – Киев, 1916. С. 11.

[Вернуться](#)

159

Куликов В. Начало пути. Русская истребительная авиация России в Первой мировой войне // Авиамастер. – 2002. – № 4. – С. 12.

[Вернуться](#)

160

Устав полевой службы. С. 190.

[Вернуться](#)

161

Ланц Г. Ночные атаки в маневренной войне. – М.-Л., 1927. С. 54.

[Вернуться](#)

162

Сапожников Н. Оборона в маневренной войне. – М., 1923. С. 20.

[Вернуться](#)

163

Устав полевой службы. С. 192.

[Вернуться](#)

164

Там же.

[Вернуться](#)

165

Храмов Ф. А. Указ. соч. С. 59.

[Вернуться](#)

166

Там же. С. 61.

[Вернуться](#)

167

Белолипецкий В. Е. Боевые действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год. – М., 1940. С. 83.

[Вернуться](#)

168

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса у Томашова в 1914 г. – М. – Л., 1937. С. 29.

[Вернуться](#)

169

Рыбин Д. Н. Лодзинская операция на Русском фронте мировой войны в 1914 году. – М.: Воениздат, 1938. С. 41.

[Вернуться](#)

170

Князев М. С. Борьба в позиционных условиях. – М., 1939.

[Вернуться](#)

171

Капустин Н. Оперативное искусство в позиционной войне. – М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 13–14.

[Вернуться](#)

172

Вольпе А. Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. – М., 1931. С. 23.

[Вернуться](#)

173

Позиционная война. / Великая борьба народов. Вып. 3. – М., 1915. С. 25.

[Вернуться](#)

174

Теоретические основания позиционной войны / Великая война народов. Вып. 6. – М., 1917. С. 25–26.

[Вернуться](#)

175

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / сост. А. М. Зайончковский. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 102–103.

[Вернуться](#)

176

Капустин Н. Указ. соч. С. 206–207.

[Вернуться](#)

177

Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 1. – М., 1989. С. 27.

[Вернуться](#)

178

Клембовский В. Об укрепленных позициях // Военное дело. – 1918. – № 16. С. 4.

[Вернуться](#)

179

Попов К. С. Указ. соч. С. 54–58.

[Вернуться](#)

180

Вольпе А. Указ. соч. С. 240.

[Вернуться](#)

181

Записка по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 г. и Северном и Западном в марте 1916 г. Секретно. Типография Штаба Верховного главнокомандующего, 1916. С. 20.

[Вернуться](#)

182

Вольпе А. Указ. соч. С. 240–241.

[Вернуться](#)

183

Там же. С. 241.

[Вернуться](#)

184

Записка по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 г... С. 34.

[Вернуться](#)

185

Укрепление позиций // Военно-инженерный сборник. – Книга 1. – 1918. – С. 135.

[Вернуться](#)

186

Барсуков Е. Артиллерия в обеспечении прорыва. Мартовская операция 1916 г. // Военно-исторический журнал. – 1940. —

[Вернуться](#)

187

Там же. С. 33.

[Вернуться](#)

188

Там же. С. 35.

[Вернуться](#)

189

Там же. С. 37.

[Вернуться](#)

190

Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. – М., 1938. С. 78.

[Вернуться](#)

191

Гурко В. И. Указ. соч. С. 176.

[Вернуться](#)

192

Там же. С. 174–175.

[Вернуться](#)

193

Записка по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 г... С. 14.

[Вернуться](#)

194

Там же. С. 21.

[Вернуться](#)

195

Там же. С. 35.

[Вернуться](#)

196

Людендорф Э. Указ. соч. С. 209.

[Вернуться](#)

197

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 220.

[Вернуться](#)

198

Цит. по: Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. – Париж, 1939. С. 16.

[Вернуться](#)

199

Восьмая армия в Луцком прорыве. Мировая война 1914–1918. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. – М., 1924. С. 73–74.

[Вернуться](#)

200

http://www.grwar.ru/library/Balueff-Note/BN_01.html

[Вернуться](#)

201

Подорожный Н. Е. Указ. соч. С. 167.

[Вернуться](#)

202

Вольпе А. Указ. соч. С. 321.

[Вернуться](#)

203

Там же. С. 322.

[Вернуться](#)

204

Там же.

[Вернуться](#)

205

Там же. С. 322–323.

[Вернуться](#)

206

Ступин В. Указ. соч. С. 49.

[Вернуться](#)

207

Там же. С. 19.

[Вернуться](#)

208

Разбор организации прорыва неприятельской позиции в направлении на Митаву в декабре 1916 года. Секретно. – Типография Штаба Верховного главнокомандующего, 1917. С. 29.

[Вернуться](#)

209

Ступин В. Указ. соч. С. 66.

[Вернуться](#)

210

Гурко В. И. Указ. соч. С. 284.

[Вернуться](#)

211

Людендорф Э. Указ. соч. С. 434.

[Вернуться](#)

212

Сивере А. М. Артиллерия на фронте X армии за операцию 6—10 июля 1917 г. // Артиллерийский журнал. – 1920. – № 3–4. – С. 100.

[Вернуться](#)

213

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 153.

[Вернуться](#)

214

История Гражданской войны в СССР. Т. 1 М., 1935. С. 140.

[Вернуться](#)